

Народный Университет

(Серия наукъ общественно гуманитарныхъ)

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОСТАВИЛИ

Е. Вишняковъ и В. Пичета

СЪ РИСУНОКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Книгоиздательство „ПОЛЬЗА“
В. АНТИКЪ и К°
Москва

Типо-Литографія Т-ва „Владиміръ ЧИЧЕРИНЪ“. Маринській уч., соб. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію громадная важность широкаго распространенія въ нашемъ обществѣ историческихъ знаній, пріучающихъ къ историческому мышленію и заставляющихъ пытливые умы спокойно и научно, следовательно, по вѣрному пути, подходить ко всякому общественному и политическому явлѣнію какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни разныхъ народовъ. При научности изложенія всякой отдельной исторіи, какъ бы его содержаніе ни было далеко отъ насъ по мѣсту дѣйствія и по времени, можетъ представлять интересъ и приносить указанную пользу, но знаніе родной исторіи занимаетъ въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, первое мѣсто. По особенности настоящаго момента сознательное отношеніе къ сложнымъ явленіямъ экономической, общественной и политической жизни Россіи составляетъ теперь у насъ обязанность каждого гражданина, и поэтому широкая популяризациѣ русской исторіи является одной изъ самыхъ важныхъ очередныхъ задачъ нашего народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ въ нашей популярно-научной литературѣ до сихъ порь нѣтъ подходящихъ пособій. Прямо отъ учебника, где читатель, знакомясь съ фактическимъ материаломъ, черпаетъ первоначальные элементы своихъ историческихъ знаній, онъ долженъ обращаться къ большими специальными работамъ, чтение которыхъ требуетъ уже известного навыка. Даже прекрасные „Очерки по истории русской культуры“ Милюкова и „Краткое пособіе“ проф. Ключевскаго

едва ли являются подходящими пособиями для тѣхъ, кто дѣлаетъ только второй шагъ въ своеи историческомъ образованіи—выясняетъ себѣ связь и смыслъ фактовъ, усвоенныхъ изъ учебника, и намѣчаетъ основные моменты русскаго исторического процесса.

Настоящій томъ „Народнаго Университета“, посвященный русской исторіи, представляетъ собою попытку дать подобное пособіе. Составители его были далеки отъ стремленія дать полное изложеніе фактическаго материала, особенно такъ называемой внѣшней исторіи, какъ это дѣлается въ большинствѣ учебниковъ, и своею первой задачей считали выясненіе той связи, какая существуетъ между экономическимъ строемъ Россіи въ различные періоды ея исторіи и ея соціальнымъ, политическимъ и культурнымъ бытомъ. Само собою разумѣется, что при обширности материала, представляемаго русской исторіей, изложеніе, рассчитанное на одинъ томъ, не могло быть полнымъ настолько, насколько этого требовала важность рассматриваемыхъ вопросовъ.

Очерки, помѣщенные въ первой половинѣ книги, принадлежатъ Е. И. Вишнякову; остальная часть книги (XVIII и XIX вв.) написана В. И. Пичета.

E. Вишняковъ.

B. Пичета.

Природа восточно-европейской равнины и ея влияние на историю.

Еще древние историки, начиная съ знаменитаго грека Геродота, котораго зовутъ отцомъ исторіи, считали нужнымъ начинать свой рассказ описаніемъ тѣхъ природныхъ условій, среди которыхъ жили и действовали интересовавшіе ихъ народы. Такой пріемъ, подсказанный имъ здравымъ смысломъ, имѣеть теперь полное научное оправдание: действительно, природа и люди суть самые важные факторы исторического процесса, и взаимодействіе этихъ двухъ силъ составляетъ существенную часть содержания исторіи всякаго народа, особенно въ началѣ его исторической жизни, когда природа вліяетъ на человѣка больше, чѣмъ онъ на нее. Понятно поэтому, что при общемъ обзорѣ событий русской исторіи существенно важно отмѣтить особенности природы Восточной Европы, гдѣ жили русские славяне, и указать, какое значение могли имѣть эти особенности для поселившихся здѣсь людей.

Наиболѣе замѣтно вліяютъ на человѣка слѣдующія условія: географическое положеніе страны, устройство ея поверхности, распределеніе водъ, климатъ, почва, растительный и животный міръ.

Что касается географического положенія восточно-европейской равнины, то расположенная между четырьмя морями: Чернымъ и Бѣлымъ, Балтийскимъ и Каспийскимъ, она тѣмъ не менѣе далека, вслѣдствіе своей обширности, отъ этихъ морей. Эти далекія и къ тому же мало изрѣзывавшія берега моря почти совсѣмъ не давали населенію равнины тѣхъ выгодъ, какими обладала, напримѣръ, древняя Греція, вся изрѣзанная моремъ. Жителямъ центра русской равнины трудно было вступить въ оживленныя торговые сношенія съ сосѣдними народами, трудно было пріобщиться къ сосѣднимъ культурамъ и выработать въ себѣ отважный и предпріимчивый духъ. Правда, съ береговъ Чернаго моря по Днѣпру поднималось вліяніе богатой и культурной Греціи, а въ Новгородской области, близайшей къ Балтийскому морю, чувствовалось вліяніе Западной Европы, уже успѣвшей развить въ своихъ городахъ значительную промышленность, по въ общемъ русские славяне, въ своемъ развитіи,

несомнѣнно, отставали отъ Греціи и Западной Европы, и отдаленность массы населения отъ моря является одною изъ важныхъ причинъ этого явленія. Кромѣ отдаленности морей, географическое положеніе восточно-европейской равнины представляло еще одну невыгодную сторону: на востокѣ равнины между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ открывался свободный проходъ, соединявшій въ одно цѣлое южно-русскія степи съ средно-азіатскими; и черезъ этотъ проходъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ Азія не переставала высылать на русскую землю хищныя орды кочевниковъ: въ IX и X вв. идти въ степи упорная борьба съ печенѣгами, ихъ смѣняютъ половцы, а за этими слѣдуютъ монголы. Затрачивая такъ много силъ на борьбу съ азіатскими кочевниками, населеніе долго не могло выработать у себя опредѣленного внутренняго строя.

Такимъ образомъ, и вторая особенность географического положенія восточно-европейской равнины оказывала задерживающее вліяніе па исторію русскихъ славянъ.

По устройству поверхности восточная половина Европы рѣзко отличается отъ западной: на западѣ горы часто смѣняются равнинами, а на огромномъ пространствѣ восточно-европейской равнины, занимающей около 90.000 кв. миль, горъ совсѣмъ не встрѣчается, есть только нѣсколько широкихъ холмистыхъ возвышеностей, которыя служатъ водораздѣлами между рѣками, протекающими по русской равнинѣ. Наиболѣе значительными изъ нихъ являются Сѣверные увалы, которые тянутся по сѣверу равнины отъ Валдайской возвышенности къ Уральскимъ горамъ и отдѣляютъ рѣки Бѣлаго моря отъ лѣвыхъ притоковъ Волги; затѣмъ Средне-русская возвышенность, идущая съ сѣвера къ югу до Донецкой возвышенности; но одну сторону ся находятся Западная Двина, верхняя Волга и Днѣпръ съ его лѣвыми притоками, а по другую—Ока и Донъ съ своими притоками; та возвышенность, которая идетъ по правому берегу Волги, отъ устья Оки и до поворота Волги къ Каспійскому морю, называется Приволжскою; на конецъ, отъ Карпатскихъ горъ по направлению къ ю.-в. тянется Авратынская возвышенность, отклоняющая теченіе Днѣпра къ востоку до тѣхъ поръ, пока онъ не прибѣгасть своего прежняго направленія, прорвавшись черезъ эту возвышенность въ томъ мѣстѣ, где образуются изъ-за этого Днѣпровскіе пороги. Кромѣ этихъ возвышеностей, направление которыхъ легко найти, слѣдя по картѣ за течениемъ рѣкъ, есть еще другія, расположенные на краяхъ равнины; одна изъ нихъ принадлежать къ системѣ Финляндскихъ горъ, другія—къ Уральскимъ горамъ (Общий Сыртъ). Однобразіе въ устройствѣ поверхности, отсутствіе рѣзкихъ переходовъ—вотъ отличительная особенность русской равнинѣ; на этой одибообразной равнинѣ у населенія не могло быть особенно рѣзкаго различія въ занятіяхъ, а однообразіе занятій способствовало выработкѣ одинаковыхъ

обычаевъ, нравовъ и вѣрованій; тамъ, гдѣ есть горы, можно рядомъ встрѣтить два народа съ совершенно различными культурами, и, наоборотъ, гдѣ природа не поставила рѣзкихъ препятствій, тамъ даже разноплеменное населеніе можетъ слиться въ одинъ народъ. Вполнѣ естественно, что въ концѣ концовъ вся однообразная восточно-европейская равнина и все ея населеніе должны были составить одно государство. Но такой результатъ могъ получиться только послѣ долгой и медленной работы. Такимъ образомъ, помимо другихъ причинъ, уже сама природа опредѣлила тотъ фактъ, что русская жизнь долгое время развивалась болѣе въ ширь, чѣмъ въ глубину.

Въ тѣсной связи съ устройствомъ поверхности стоятъ другая особенность русской равнинны, особенность настолько замѣтная, что па нее обратилъ вниманіе и наблюдательный Геродотъ, задолго до Р. Х. послѣтившій сѣверные берега Чернаго моря.

«Въ Скиѳии,—пишетъ онъ,—нѣть ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ; онѣ велики и многочисленны», а вѣдь онъ еще не видалъ громаднаго бассейна Волги и Оки. Действительно, рѣки русской равнинны при обильномъ питаніи атмосферными осадками, особенно зимними, полноводны, а благодаря равнинности страны ог҃рекъ текутъ медленно, послушно извиваясь при всякой неровности почвы; поэтому они образуютъ цѣлую сѣть рѣкъ съ многочисленными развѣтвленіями, которыя мѣстами такъ близко подходить другъ къ другу, что очень легко попасть изъ бассейна одной рѣки въ бассейнъ другой—въ такихъ мѣстахъ лодки перетаскивали или «волокли» по землѣ черезъ водораздѣль, или в о л о къ, отдѣляющій одну рѣку отъ другой. По этимъ рѣкамъ, представлявшимъ чрезвычайно удобные пути сообщенія, какъ кровь по тѣлу, разливалось по всей равнинѣ оживлявшее ее населеніе; по рѣкамъ осѣли славянскія племена, на рѣкахъ, обыкновенно на правомъ высокомъ и трудно доступномъ берегу, строились первые города-укрѣпленія; по рѣкамъ же направлялась славянская колонизація. Такимъ образомъ, рѣки, какъ и равнинность страны, способствовали впослѣдствіи ея политическому единству, въ началѣ же русской истории главныя рѣчныя системы опредѣлили границы важнѣйшихъ княжествъ, па которыхъ распадалась Русскага земля: въ системѣ рѣкъ Озерааго края образовалась Новгородская область, въ бассейнѣ Западной Двины лежало княжество Полоцкое, въ бассейнѣ Днѣпра—тѣ княжества, которыя во главѣ съ Киевскимъ составляли ядро древнейшей Руси и, паконецъ, въ предѣлахъ верхней Волги сложились княжества сѣверо-восточной Руси. Какъ пути сообщенія, рѣки имѣютъ важное значеніе въ торговлѣ, и въ этомъ отношеніи изъ рѣкъ русской равнинны особенно замѣтны тѣ, которая составляли путь изъ Балтийскаго моря въ Черное, «изъ варягъ въ греки»—это бассейнъ рѣкъ Волхова и отдѣлен-

ный отъ него волокомъ бассейнъ Днѣпра. Какъ разъ съ обоихъ концовъ этого пути и были сдѣланы важныя заимствованія: съ сѣвера отъ норманновъ шелъ духъ организаціи и государственного начала, а съ юга изъ Византіи засяялъ свѣтъ христіанства и образованности.

Одною изъ самыхъ могучихъ силъ природы, вліяющихъ на жизнь народа, является климатъ страны. Ясно, что при огромномъ протяженіи восточно-европейской равнины съ вѣвера на югъ (70° — 44° с. ш.) и съ запада на востокъ, климатъ ся будетъ весьма различенъ въ отдѣльныхъ ея мѣстахъ.

Всю равнину можно раздѣлить на четыре климатическихъ пояса: 1) арктический, за полярнымъ кругомъ, 2) сѣверный, холодный, 3) средний, умѣренный, и 4) южный, теплый.

Но благодаря однообразному устройству поверхности и отсутствію естественныхъ преградъ переходъ отъ одного пояса къ другому совершиается постепенно и незамѣтно. Съ запада къ востоку идетъ смягчающее вліяніе Балтійского моря, вѣрхнѣе Атлантическаго океана, а съ сѣвера на югъ дѣйствуетъ суровое вліяніе Ледовитаго океана; оба они, встрѣчаясь, ослабляютъ другъ друга и не заходить глубоко въ страну,—поэтому въ общемъ климатъ русской равнины—континентальный, съ очень жаркимъ лѣтомъ и очень холодной зимой, особенно на восточной половинѣ равнины. Дѣйствіе климата на населеніе было различно, смотря по мѣсту: благодатный климатъ юга способствовалъ здѣсь быстрому росту жизни, умѣренный климатъ центральнаго пространства требовалъ отъ человѣка постоянаго труда и воспитывалъ въ немъ энергию и выносливость, крайне суровый климатъ далекаго сѣвера подавлялъ человѣка, и этотъ край вплоть до нашего времени остается напменѣе населеннымъ.

Подобно климату, вліяла на разселеніе русскихъ славянъ и почва равнины, тоже неодинаковая въ различныхъ ея частяхъ. 1) Полоса, лежавшая за Сѣверными увалами, имѣла почву глинистую, песчаную, каменистую или болотистую, неудобную для земледѣлія; 2) отъ Сѣверныхъ уваловъ по бассейну верхней Волги и Оки, захватывая Центральное пространство, идетъ полоса суглинистая и супесчаная; здѣсь отъ земледѣльца требуется много упорного труда, но почва вознаграждается за него; 3) на югъ отъ Оки тянется полоса чернозема, дававшаго хорошія жатвы и питавшаго тучныхъ пастбища южныхъ кочевниковъ. По направлению къ юго-востоку слой чернозема становится все тоньше, и, наконецъ, показываются наружу бесплодные солончаки, на которыхъ встрѣчаются соленые озера—остатки моря, отступившаго когда-то подъ дѣйствиемъ вулканическихъ силъ къ Каспійскому водоему.

Значеніе климата и почвы особенно важно потому, что они вліяютъ на распределеніе въ странѣ растеній, а съ растительнымъ міромъ тѣсно .

связанъ и міръ животныхъ. Большую половину восточно-европейской равнины въ началѣ разселенія здѣсь славянъ покрывали дремучіе лѣса, заходившіе далеко на югъ въ теперешнюю безлѣсную полосу. Лѣсъ въ изобилии давалъ матеріалъ для построекъ, топлива и всякихъ хозяйственныхъ подѣлокъ; въ лѣсахъ же, гдѣ водилось множество дикихъ пушныхъ звѣрей, добывалась пища и матеріалъ для одежды. Эти непрѣходимые лѣса служили также убѣжищемъ отъ вѣнѣнья врага; затруднія передвиженіе, лѣса мѣшиали объединенію и способствовали обособленности отдѣльныхъ частей равнины. Не говоря уже о большой разницѣ въ хозяйственномъ строѣ, житель лѣсного пространства и по характеру своему сильно отличался отъ жителя южной половины равнины, гдѣ простирались широкія степи; открытая степь, гдѣ часто приходилось встречаться съ враждебными кочевниками и гдѣ некуда было прятаться, развивала въ чловѣкѣ отвагу и изворотливость; на широкомъ просторѣ у него воспитывалось чувство свободы и удалы,—тогда какъ у сѣверянина среди его долинъ, окруженнѣхъ дремучими лѣсами, складывался характеръ угрюмый; природа, державшая его въ постоянномъ напряженіи, сдѣлала его выносливымъ, но очень осторожнымъ и расчетливымъ, неспособнымъ па риску и удалѣ, которые такъ нравились южанину.

Указанная особенности природы восточно-европейской равнины наиболѣе замѣтно вліяли на разселеніе славянъ по равнинѣ и на ихъ хозяйственную жизнь. Видоизмѣняясь, смотря по мѣстности, сплетаясь вмѣстѣ или сталкиваясь одна съ другой, опѣ въ значительной степени обусловливали исторію славянъ, жившихъ на этой равнинѣ, и поэтому весь складъ древней русской жизни становится гораздо понятнѣе на фонѣ ея природныхъ условий.

Древнейшая исторія восточной Европы.

Кромѣ могучаго вліянія природы, на жизнь народа можетъ дѣйствовать другая великая сила—культура, выработанная тѣми людьми, наследникомъ которыхъ является эта страна. Свѣдѣній о древнейшихъ обитателяхъ Восточной Европы, о предшественникахъ восточныхъ славянъ, не много, и очень характерны тѣ причины, которыя, по мнѣнію Страбона, историка I вѣка, мѣшиали изслѣдовать страны къ сѣверу отъ Чернаго моря: по Дону,—говорилъ онъ,—мало что можно узнать выше устьевъ по причинѣ холода и бѣдности страны; туземцы, народы кочевые, могутъ сносить тамъ суровый климатъ, но иностранцы—не въ состоянии; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы и дики, не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ. И культурный римлянинъ эпохи Августа, поэтъ Овидій, сославшій па берега Чернаго моря, считаетъ эту страну красмъ міра, который покинутъ людьми и богами. Уже изъ этихъ отзывовъ ясно,

что славянамъ, пришедшымъ въ Восточную Европу, досталось небогатое наследство, и болѣе подробное разсмотрѣніе дошедшихъ до насъ сѣдѣній только подтверждаетъ такой выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, греческій историкъ Геродотъ, описавшій въ V в. до Р. Х. на основаніи личныхъ наблюдений страну, лежащую по сѣверному берегу Чернаго моря,— Скиленію, какъ отъ ее называсть,—отмѣчасть постоянную смѣну здѣсь одного народа другимъ. На смѣну киммеріямъ пришли скиѳы; часть ихъ, поселившаяся по Днѣпру, занимается земледѣліемъ, слѣдовательно, живетъ осѣдло и сдѣлала уже шагъ впередъ въ свое мѣсто культурнѣй развитія; другая часть кочуетъ съ своими стадами между Днѣпромъ и Дономъ, а еще далѣе къ востоку находятся другіе, болѣе дикие, кочевники, которые потомъ тоже двинутся на западъ и остановятъ развитіе зародившейся тамъ культуры.

Смѣна пародовъ въ южно-русскихъ степяхъ, подмѣченная Геродотомъ, повторялась не разъ и въ слѣдующемъ вѣка. Такъ, напримѣръ, въ IV в. послѣ Р. Х. здѣсь образовалось обширное царство готовъ, но не успѣло оно упрочиться, какъ съ востока появились дикия полчища гунновъ, уничтожившія могущество готовъ; гунновъ смѣнили авары, или обры, какъ называетъ ихъ языческіе. Въ VIII в., когда пало могущество аваровъ, восточные славяне попали подъ власть новыхъ кочевниковъ—хазаръ, время появленія которыхъ совпадаетъ приблизительно съ началомъ русской истории. Вполнѣ естественно поэтому, что славянскія племена, поселившись ближе къ югу, не встрѣтили здѣсь никакой опредѣленной культуры; несмотря на частую смѣну различныхъ народовъ, здѣсь господствовало мертвое

Рис. 1. Ваза изъ Чертомлыцкой могилы.

однообразіе: народы смѣнялись, но ихъ быть неизмѣнно оставался на низкой ступени развитія и именно вслѣдствіе слишкомъ частой ихъ смѣны. Замѣтывать отъ такихъ предшественниковъ славянамъ было нечего.

Сопоставляя сибирские и неполные известия о древнейших обитателях южной России с богатыми данными южных археологических раскопокъ, мы видимъ, что берега Черного моря еще съ VIII в. до Р. Х. привлекали предприимчивыхъ грековъ, которые основали здѣсь рядъ городовъ, развившихъ оживленная торговья сношения и втянувшихъ въ нихъ туземное населеніе. Главными центрами этой привлой греческой культуры были города Ольвія, Синопъ, Херсонесъ (близъ Севастополя) и особенно Пантикапей (нынѣ Керчь), сдѣлавшаяся даже центромъ особаго Боспорскаго царства. Отсюда везли хлѣбъ и рыбу, лѣсъ, мяча, кожи, шерсть и прочие сырье продукты. Еще въ V в. Аттика половину нужнаго ей хлѣба получала съ Боспора, и значительность такого вывоза заставляетъ предполагать, что подъ вліяніемъ культурныхъ греческихъ колонистовъ подчиненное имъ варварское населеніе начало уже заниматься земледѣліемъ и сдѣгалось осѣдлымъ. Въ обмѣнъ за эти товары азіатисъ доставляли сюда вино, масло и различные предметы убранства и роскоши; таѣль, паникадиль, при раскопкахъ керченскихъ могилъ найдено множество азіатскихъ вазъ VI—III в. до Р. Х.

Съ сѣвера къ этимъ центрамъ греческой культуры подходили уже упомянутые скиѳы, которые оставили въ степяхъ южной России множество кургановъ, гдѣ они хоронили своихъ покойниковъ. Раскопки этихъ кургановъ дали богатый материа́ль; особенно интересны раскопки Чертомлыцкой могилы, находящейся въ 20 верстахъ отъ города Никополя Екатеринославской губ. (вещи хранятся въ Петербургѣ въ Эрмитажѣ). Характеризуя по даннымъ этихъ раскопокъ быть скиѳовъ, мы открываемъ очевидное вліяніе грековъ; несомнѣнно, и мастерами въ большинствѣ случаевъ были греки, по рисункамъ, украшающимъ ихъ издѣлія, либо прямо относятся къ скиѳской жизни и природѣ, либо носятъ на себѣ черты скиѳского стиля. Работали, вѣроятно, и сами варвары; по крайней мѣрѣ, въ Рис. 2. Рабъ-скиѳъ съ ребенкомъ-грекомъ на рукахъ.

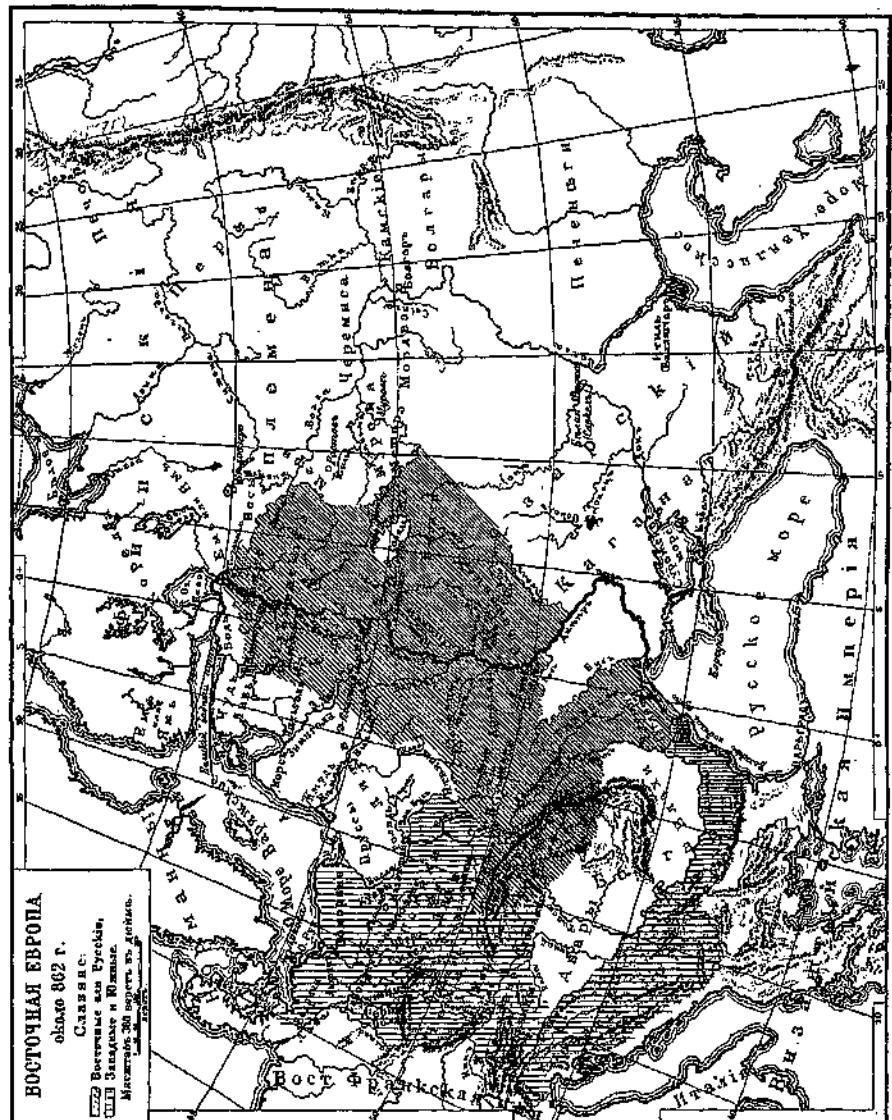
иши съ своими завоевателями, передали имъ иѣкоторыя черты своего быта. Это слипие съ иѣкультурнымъ народомъ растворило и безъ того небогатую скіескую культуру, понизило ее. Но и сарматы не удержались въ южныхъ степяхъ: ихъ смѣнили аланы, готы, а по-томъ дикие гуны, и скіеская культура тогда совсѣмъ ужъ угасла. Итакъ, слѣдовательно, въ самомъ началѣ исторической жизни восточныхъ славянъ, пока они не встрѣтились съ Византіей, норманнами и даже хазарами, трудно допустить влияніе на нихъ какого-нибудь народа съ развитою культурой: такого народа не было, и славяне собственными силами держащіеся въ этой борьбѣ народовъ, въ которой инымъ суждено было погибнуть.

Восточные славяне.

Уже въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о народахъ южной Россіи мелькаютъ названія, которые признаются иѣкоторыми за названія славянскихъ племенъ, но болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о нихъ встрѣчаются только съ конца VI в. у готскаго историка Іорданда и византійцевъ: Прокопія, Маврікія и позднѣе Константина Багрянороднаго. Важное извѣстіе о славянахъ находится и въ нашей начальной лѣтописи. Но всѣ эти извѣстія все-таки недостаточны.

Языкъ славянъ, ихъ обычай и вѣрованія, особенности ихъ физического облика—все это свидѣтельствуетъ объ ихъ принадлежности къ народамъ арійского племени. Эти народы шли въ Европу изъ Азіи; по время прихода славянъ остается неизвѣстнымъ: составитель нашей лѣтописи просто говоритъ, что славяне «по множихъ временемъ» поселились на Дунай и уже отсюда разошлись въ разныя стороны, называвшись по тѣмъ мѣстамъ, где поселились. Однакоже, изъ другихъ источниковъ ясно видно, что еще до своего появленія на Дунай славяне долго жили по склонамъ Карпатскихъ горъ и что племена, пришедшія потомъ на русскую равнину, жили тамъ цѣльнымъ союзомъ, во главѣ котораго стояли дубы. Говоря о томъ разореніи, которому въ VI вѣкѣ подвергли славянъ авары, лѣтописецъ передаетъ преданіе объ угнетеніи аварами или обрами только племени дулѣбовъ; ясно, что, какъ главное, оно покрывало своимъ именемъ всѣхъ остальныхъ восточныхъ славянъ, составлявшихъ большой военный союзъ. Съ распаденіемъ этого союза, между славянскими племенами начинается вражда, лишившая ихъ возможности прочно держаться въ Прикарпатской сторонѣ. Это обстоятельство въ связи съ ростомъ населения вызвало въ VII в. общирное переселенческое движение, которое направилось во все четьре стороны свѣта по рѣкамъ, текущимъ съ Карпатскихъ горъ. Племена, ушедшия къ западу, составили группу западныхъ славянъ

(чехи, моравы, словаки, хорутане и другія племена); тѣ, которые двинулись на съверъ, поселились по рѣкѣ Эльбѣ или Лабѣ (полабскіе славяне), а продвинувшіяся еще дальше на съверъ къ Балтійскому

морю, гдѣ нынѣшняя Пруссія, назывались поморяками; тѣ и другіе славяне потомъ слились съ немцами. Славяне, спустившіеся на югъ, образовали племена южныхъ славянъ (сербы, болгары, черногорцы, босняки и герцеговинцы). Занявшіе Вислу сдѣлались

родоначальниками поляковъ. Наконецъ, па съверо-востокъ пошли славяне восточные или русские. Они раздѣлились на нѣсколько племенъ: тѣ, которые заняли среднее течениe Днѣпра съ правой стороны, получили название полянъ; поселившіеся по южнымъ притокамъ Припяти образовали племя дрѣвлянъ; по рекѣ Березинѣ жили дрѣговичи, по Западной Двинѣ—полочане, по Окѣ и Угрѣ—вятчи, около Ильменского озера—ильменскіе или новгородскіе славяне; было еще пѣсколько племенъ, мѣсто поселенія которыхъ обозначено на прилагаемой картѣ (съверяне, радимичи, кри-вичи, тверцы, волыньяне).

Всѣ племена восточныхъ славянъ еще до своего разселенія съ Карпатъ, иссомпѣнию, жили въ родовомъ бытѣ, который наблюдался въ исторіи всѣхъ народовъ арийской расы. При родовомъ строѣ родственныя связи считались самыми важными, и люди вступали въ близкосъ и тѣспое общеніе между собою только потому, что ихъ связывало кровное родство и они имѣли общаго предка. Отдѣльные семьи поглощались родомъ, который представлялъ совокупность всѣхъ родственниковъ какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ дальнихъ, и быть можетъ бы соединять семейства. Съ вѣнчаній стороны единство рода выражалось въ томъ, что у него былъ единый представитель, глава рода, посившій название старца, владыки или князя; онъ долженъ быть следить за порядкомъ въ родѣ, быть судьей въ мирное время и воаждемъ на войнѣ. Главою рода считался старѣйший по возрасту, а когда съ размежеваниемъ родичей стало трудно опредѣлять старшинство, то на первое мѣсто стали сажать того изъ наиболѣе почтенныхъ родичей, на кого падалъ выборъ остальныхъ. Отношенія между членами рода были патріархальныя: старшему обязаны были повиноваться, но и онъ обязанъ былъ заботиться о младшихъ и поступать съ ними справедливо, какъ отецъ; частной собственности, особенно земельной, не было, и родъ сообща владѣлъ всѣмъ имуществомъ. Образуя единое цѣлое, всѣ родичи должны были крѣпко стоять друга за друга; поэтому обида или насилие, причиненное одному члену рода, считались напесенными всему роду, и каждый изъ родичей обязанъ былъ мстить за обиду враждебному роду. У нѣкоторыхъ народовъ, напр., у кавказскихъ горцевъ, сохранившихъ нѣкоторыя черты родового строя, еще и до сихъ поръ удержался этотъ обычай кровной мести. На томъ же чувствѣ единства рода держался и другой обычай—круговая порука родичей, требовавшая, чтобы за одного отвѣчали всѣ; поэтому, напр., если кто-нибудь изъ членовъ рода попадалъ въ плѣнъ, то выкупать его обязаны были всѣ. Такова чистая форма родового быта. У восточныхъ славянъ послѣ переселенія съ Карпатъ родовой строй начинаетъ, повидимому, ослабѣвать: этому должно было способствовать размежевание родичей и пхъ

разселеніе, нарушающее единство родовъ. Восточные славяне селились разбросанными дворами среди лѣсовъ и болотъ, и въ этихъ маленькихъ и далекихъ поселеніяхъ власть главы рода замѣнялась властью главы семьи, хозяина двора. Общности имущества послѣ разселенія тоже не могло быть: отдѣльная семейства, положившія много труда на приспособленіе къ промысламъ отдѣльныхъ участковъ лѣса и поля, привыкали считать ихъ своею частною собственностью. Все возраставшая трудность приспособлять производительныя силы мѣстности къ своимъ потребностямъ вместо кровавой связи между людьми выдвигаетъ другое начало—хозяйственные отношенія; отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ различныхъ родовъ выгодно было соединяться въ союзы для самозащиты и общей работы; такимъ образомъ, родъ разлагается на болѣе мелкія организаціи — задруги, въ составъ которыхъ могли входить и лица, не связанные кровнымъ родствомъ; въ задругѣ все равны на общемъ совѣтѣ, и тотъ, кому не нравился порядокъ въ пей, могъ свободно уйти. Итакъ, слѣдовательно, догосударственный быть восточныхъ славянъ въ эпоху разселенія по представляется въ опредѣленныхъ чертахъ: многія черты родового быта еще живы, но вместо кровной связи все большее значеніе получаютъ связи территоріальныя и экономическія, что свидѣтельствуетъ о разложніи родового строя. Такъ сказались на общественномъ быть славянъ новые хозяйственныя условия, въ которыхъ они попали послѣ разселенія въ Карпатъ. Эти же условия опредѣляли и частный ихъ быть.

Славяне имѣли возможность на широкой равнинѣ свободно и непосредственно пользоваться дарами природы; поэтому у нихъ преобладала промышленность добывающая, и они занимались охотою, рыболовствомъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ. При такомъ хозяйствѣ удобнѣе было жить попросторнѣе, но вмѣстѣ. Кромѣ хозяйственныхъ соображеній, на выборъ мѣста для поселенія и на устройство жилищъ вліяла еще необходимость защищаться отъ вражескихъ нашествій. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ славяне селились въ мѣстахъ, окруженныхъ болотами, или гдѣ-нибудь на высокомъ мѣстѣ, на опушкѣ лѣса, поближе къ рѣкѣ или озеру. Еще теперь во многихъ мѣстахъ можно видѣть остатки древнѣйшихъ поселеній славянъ: это такъ называемыя городища, разсыпаныя на разстояніи 3—8 verstъ другъ отъ друга и представляющія болѣшое пространство, окружное землянымъ валомъ, болѣшою частью овальной формы. Самыя жилища дѣлались изъ жердей и тонкихъ бревенъ, скрѣпленныхъ деревянными гвоздями и связанныхъ лыкомъ и хворостомъ; внутри такого жилья находился очагъ, и стопка, почему и все жилье называлось изба (истба). Тамъ, гдѣ мало было дерева или гдѣ требовалась большая защита отъ холода, дѣлались землянки: небольшой погребъ покрывался

состроенчюю крышей, на которую клади землю. Этмою въ такихъ землянкахъ было своего рода паровое отоплениe: на раскаленные камни лизли воду, и это давало такое тепло, что можно было сидѣть, снявши одежду.

Благодаря близкому общению съ природой бытоваа обстановка славянъ была крайне проста. О ней можно судить по различнымъ предметамъ, находимымъ въ многочисленныхъ курганахъ, въ которыхъ славяне хоронили своихъ покойниковъ—одни племена сожжениемъ, другія—погребенiemъ.

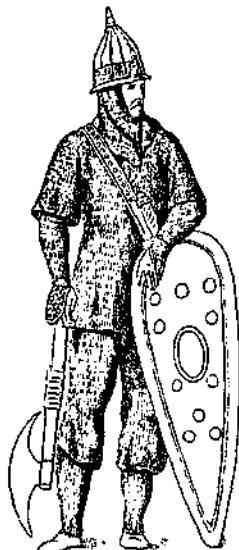

Рис. 3. Одежда воина.

Обычную одежду мужчинъ составляла льняная рубашка, заправленная за поясъ, и очень широкія шаровары; голову знатные люди брили, оставляя только длинный чубъ; бороду также брили, но некоторые, наоборотъ, отращивали ее и красили черною или желтою краской. Женщины носили много украшений: серебряные, изрѣдка золотые ожерелья, зеленые бусы, бронзовые браслеты, серьги и кольца. По мѣрѣ развитія торговыхъ сношеній съ Востокомъ и Византіей замкиточные люди дѣлаютъ себѣ одежду изъ дорогихъ тканей—паволоки и парчи; въ цѣляхъ роскоши употреблялись также меха соболи, горностасные и куницы.

Одежда воина состояла изъ шлема конической формы съ переносицей или особой жезльзной маской, закрывавшей лицо, и изъ колчуги, которая привѣшивалась къ особымъ

крючкамъ на нижней оконечности шлема и закрывала шею и туловище воина. Вооруженіе славянинъ было длиннымъ обоюдоострымъ мечомъ или кривою саблей; иногда встрѣчается жезльзный кинжалъ и еще чаще боевой топоръ; употреблялись также копья, лукъ и стрѣлы съ жезльзными наконечниками. Въ общемъ вооруженіе было плохо, и этимъ, вѣроятно, объясняется то, что славяне, какъ пишетъ одинъ грекъ, наблюдавший ихъ военную жизнь, несмотря на свою храбрость, предпочитаютъ сражаться въ узкихъ трудно проходимыхъ мѣстахъ и нападаютъ врасплохъ изъ засады, придумывая разныя хитрости и уловки, какъ при нападеніи, тамъ и при отступлениі. Они могутъ даже, сообщасть этотъ грекъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія на нихъ, прятаться въ воду и полглу оставаться тамъ, держа во рту длинные пустые тростники,—разсказать, если и не достовѣрный, то, во всякомъ случаѣ, характерный.

Что касается предметовъ домашнаго быта, то ихъ не много найдено при раскопкахъ кургановъ; очень часто попадаются глиняные сосуды

и́еско́лькихъ типовъ, рѣже костяные гребни, желѣзные замки, серпы, пожи́цы, гвозди.

Говоря о характерѣ славянъ, древніе писатели отмѣчаютъ у нихъ много положительныхъ сторонъ: храбрость, вѣрность, привязанность къ родинѣ, любовь къ свободѣ, мягкое обращеніе съ рабами, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на крайнюю жестокость во время войны, когда они все живы и грабили, а пленныхъ предавали мучительной смерти, не щадя ни женъ, ни дѣтей, ни стариковъ.

Изъ обычаевъ особенное вниманіе испо-
страдацевъ привле-
кало гостепріимство
славянъ. Всѧкій
гость у нихъ поль-
зовался почетомъ, и
чужеземецъ въ домъ
славянина всегда
могъ найти пріютъ и
защиту. «Они ра-
дудутъ къ пришель-
цамъ, — пишетъ
одинъ грекъ о славя-
нахъ, — и дружелюб-

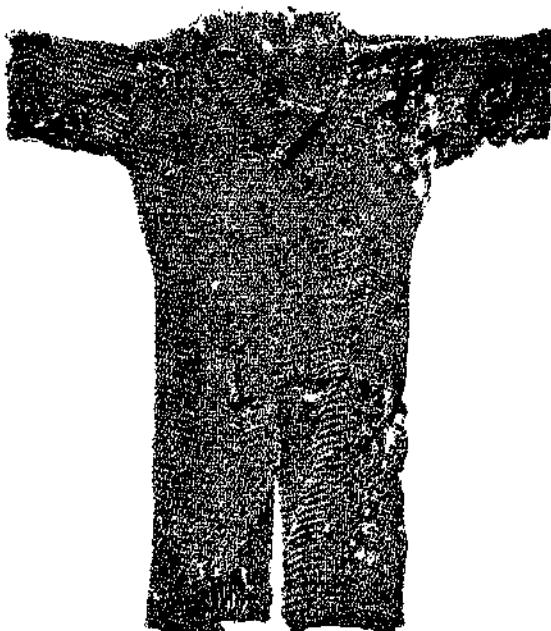

Рис. 4. Колчуга изъ могилы.

но провожаютъ ихъ изъ одного мѣста своей страны въ другое, куда
нужно иноzemцамъ. Если по небрежности хозяина приключается гостю
вредъ, сосѣди ополчаются противъ такого хозяина, считая за безчестіе
обиду иноzemца».

Многіе обычай и обряды были неодинаковы у отдѣльныхъ славян-
скихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, говоря о брачныхъ обрядахъ, началь-
ная лѣтопись дѣлить ихъ на двѣ группы: у полянъ уже были браки,
т.-е. невѣста отдавалась съ согласія родственниковъ, а у болѣсъ дикихъ
племенъ: дре́влянъ, радимичей, вятичей и сѣверягъ, жившихъ «зѣр-
скимъ образомъ» въ лѣсахъ, — бракъ состоялъ просто въ похищенніи не-
вѣсты женщикомъ по предварительному соглашенію между ними, проис-
ходившему на игрищахъ между селами, куда сходились, очевидно, члены
разныхъ родовъ. Отъ эпохи родового строя, когда похищеніе дѣвушекъ
могло вызвать вражду родовъ, сохранился обычай давать роднымъ похи-
щенной известный выкупъ или вѣло. Единобрачія по славяно-кимъ обы-

чаймъ не требовалось: многие имѣли по двѣ и по три жены, а богатые гораздо больше: позвестно, напримѣръ, что у князя Владимира до кре-щенія было иѣсколько сотъ женъ. Впрочемъ, несмотря на это, положе-ніе женщины у славянъ было лучше, чѣмъ на востокѣ или потомъ въ Московскомъ государствѣ. Женщины свободно являлись на игрища, вступали въ соглашеніе съ молодыми людьми о своемъ похищениі и послѣ замужества не стыдились показываться передъ посторонними иноземцами.

Похоронные обряды славянъ также были различны: покойника или предавали сожжению, или погребали въ землю; первая форма, впрочемъ, преобладала. По извѣстіямъ лѣтописи, обычныя похороны состояли въ томъ, что послѣ тризны мертвца клади на большой костеръ и сжигали; затѣмъ собирали кости въ небольшой сосудъ и ставили его на распутьи, на столбахъ. Если умиралъ болѣе знатный и богатый человѣкъ, то надѣя пепломъ его насыпали высокій курганъ, положивши туда все, чѣмъ поль-зовался покойникъ при жизни; зарывали даже женщины. Великолѣпное описание похоронъ знатнаго русса оставилъ арабскій писатель Ибнъ-Фадланъ.

«Я весьма желалъ,—пишетъ онъ,—присутствовать при сожжении, о которомъ много слыхать, какъ узналъ про смерть знатнаго русскаго человѣка. Руссы положили умершаго въ яму и закрыли ее крышкой,—на время десяти дней, въ теченіе которыхъ занимались кроеніемъ и шитьемъ одежды мертвцу.... Когда умираешь у руссовъ глава, то семья его говорить дѣвушкамъ и мальчикамъ: кто изъ васъ умреть съ нимъ? и кто-нибудь изъ нихъ говоритъ: я!... Поэтому, когда умеръ и вышеупомянутый человѣкъ, то сказали его дѣвушкамъ: кто умреть съ нимъ? Одна вылезла, и къ ней была приставлена стражка. Когда же наступилъ день, назначенный для сожжения, я пошелъ къ рекѣ, где стояло судно-покойнаго. Оно было вытащено на берегъ и поставлено на четыре деревянныхъ подпоры; кругомъ были поставлены деревянныя изображенія, подобно великанамъ. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно и покрыли вышитыми коврами и подушками. Послѣ того руссы пришли къ могилѣ, сняли крышку и вынули мертвца въ покрывалѣ, въ которомъ онъ умеръ. Въ могилѣ вмѣстѣ съ нимъ были рапыше положены сосуды съ медомъ, плоды и музыкальный инструментъ; все это теперь было выпуто. На умершаго надѣли шаровары, носки, сапоги, куртку, кафтанъ изъ дубаджа (ткань восточная) съ золотыми пугови-цами, на голову шапку изъ дубаджа съ соболемъ и понесли въ палату, которая находилась на суднѣ. Тамъ тѣло посадили на коверъ, подперли подушками; принесли медъ, плоды и благовошныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили передъ пимъ; принесли также собаку, разсыпали ее на двѣ части и бросили въ судно.

«Затѣмъ принесли все его оружіе и положили около умершаго. Затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онъ не вспотѣлъ,

Рис. 5. Предметы, находимые въ курганахъ.

потомъ разрубили ихъ мечами и мясо ихъ бросили въ судно; такъ же поступили съ двумя быками, пѣтухомъ и курицей. Когда настало среднее время между полуднемъ и закатомъ, дѣвушка, которая должна

была умереть, была подведена къ чему-то, сдѣланному наподобіе карниза у дверей. Она поставила ноги на руки мужчинъ, подпялась на этотъ карнизъ, сказала что-то на своеъ языкѣ и была спущена; это было продѣлало три раза. Потомъ подали ей курицу, она отрубила ей голову и бросила ее, курицу же взяли и положили въ судно. Толмачъ перевелъ мнѣ си возгласы:

«Въ первый разъ она сказала: «вотъ вижу отца моего и мать мою!» во второй разъ: «вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими!» въ третій же разъ: «вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю; а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и мальчики; они зовутъ меня, ведите меня къ нему». Когда приготовились вести ее къ судну, то дѣвушка спѣла запѣстья и подала ихъ старой женщины (которая убиваетъ ее). Затѣмъ она сняла пряжки, бывшія у нея на ногахъ. Тогда уже подняли ее на судно, но не ввели въ палатку; мужчины подали ей кружку съ медомъ; она пѣла падь пею и выпила ее. Толмачъ сказалъ мнѣ, что этимъ она прощается съ подругами. Затѣмъ дали ей другую кружку, которую она взяла и залѣла длинную пѣспю; старуха же торопила ее выпить кружку и войти въ палатку, гдѣ ея господиша. Дѣвушка была въ нерѣшимости, тогда старуха взяла ее и ввела въ палатку, гдѣ обвила ей вокругъ шеи веревку и дала двумъ мужчинамъ, чтобы тянули ее, а сама подошла къ дѣвушкѣ съ болѣшимъ ширококлювымъ кнажаломъ и воцѣла его нѣсколько разъ ей въ ребра. Мужчины въ это время стучали палками по щитамъ, должно-быть, для того, чтобы не слышно было ся криковъ. Положивъ дѣвушку около ея господина, ближайший родственникъ покойнаго взялъ кусокъ дерева, зажегъ его, пошелъ затылкомъ къ судну, держа въ одной руцѣ кусокъ дерева, и зажегъ дрова.

«Тогда уже и остальные люди подошли съ лучинами и дровами и стали зажигать костеръ съ разныхъ сторонъ. Огонь охватилъ дрова, потомъ судно, потомъ палатку съ мертвѣцомъ, дѣвушкой и со всѣмъ тамъ находящимся, и пламя разгоралось все больше и больше».

Пепель, оставшіяся отъ сожженія, на другой день собирали въ особую урну, которую ставили затѣмъ на холмъ, гдѣ черезъ годъ справлялась по покойникѣ трауна.

Другой арабскій писатель описываетъ погребеніе умершаго въ землѣ безъ сожженія. Для покойника выкапываютъ могилу въ видѣ большого дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу, какъ одежду его, такъ и золотые браслеты, которые онъ носилъ, далѣе опускаютъ туда множество сѣѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканную монету. Наконецъ, кладутъ въ могилу живою любимую жену покойнаго.

Религіозныя воззрѣнія славянъ находились въ тѣсной зависимости

оть природы: занимаясь рыболовствомъ, охотой и земледѣліемъ, они, естественно, чтили тѣ силы природы, которыхъ способствовали этимъ занятиямъ. Такъ развились поименспіе лѣсамъ, рощамъ и деревьямъ,

Рис. 6. Похороны Руссы. (Съ картины проф. Семирядского).

рѣкамъ, озерамъ и болотамъ, вѣтрамъ, дождямъ и т. д. Считалось возможнымъ жертвами и заклинаніями воздѣйствовать на эти силы природы. Такъ какъ религія славянъ была связана съ природой, то и язы-

ческіе праздники пріурочивались къ тѣмъ или инымъ персмѣнамъ въ природѣ. Въ срединѣ декабря, когда солнце начинаетъ «прибывать на лѣто», животворящая сила солнца чтилась особымъ праздникомъ, который назывался колядой. Многіе обычай и обряды этого праздника сохранились до сихъ поръ; только подъ вліяніемъ христіанства они были перенесены на послѣпраздничные дни—наши святки. Когда наступалъ конецъ зимы, то устраивался второй праздникъ — проводы зимы или Морозы, при чёмъ сожигалось соломенное чучело. Этотъ праздникъ продолжалъ жить въ сознаніи народа и послѣ принятія христіанства, по онъ отодвинулся къ недѣлѣ передъ началомъ великаго поста—теперешня масленица. Третій праздникъ—встрѣча весны, или Красная горка, подъ вліяніемъ христіанства перенеслась на дни послѣ Пасхи. Въ концѣ июня, когда дни начинали убывать, происходили празднества въ честь Купалы и Ярилы, т.-е. солнца. Забывъ значеніе этого праздника, славяне послѣ принятія христіанства продолжали справлять его въ честь Ивана Купалы. Были и другие праздники; такъ, напр., въ началѣ лѣта чествовали деревья, травы, цветы и души умершихъ, особенно утопленницъ, русалокъ. Одинъ изъ обычаевъ чествованія растительного царства, состоявшій въ томъ, что жилища украшались деревьями и цветами, и теперь еще исполняется, какъ переживаніе, въ Троицкій день.

Изъ множества сверхъестественныхъ существъ, которыми воображение славяно насыпало всю природу, наиболѣе ясно они представляли себѣ домового, лѣшаго и водяного. Домовой—сѣйдій старикъ, обросший волосами—главный хозяинъ дома, хранитель домашняго добра, добрый гений для всѣхъ живущихъ въ домѣ. Онъ заботится о томъ, что смуправится, но что ему не по сердцу, то погибнетъ; живеть онъ подъ печкой, подъ очагомъ, который составляетъ самую важную часть дома. Подъ вліяніемъ христіанства, которое грозило ополчиться противъ остатковъ язычества, сохранившееся въ народной памяти представление о домовомъ измѣнилось: изъ доброго духа онъ сталъ злымъ. У славянь же язычниковъ злыми духами считались лѣшій и водяной. Лѣшій олицетворялъ лѣсъ, столь важный въ жизни славянъ; это человѣкъ дикаго вида, ростомъ съ самое высокое дерево, а по полямъ скользящій ниже былинки; онъ старается завести путника въ непроходимыя трущобы лѣса, и, когда это ему удается, онъ такъ дико хохочеть, что всѣ цѣпляются отъ ужаса. Лѣшій находится въ дружбѣ съ другимъ злымъ духомъ—водянымъ, властелиномъ подводнаго царства и всѣхъ его братствъ.

Важная перемѣна въ хозяйственной жизни славянъ—переходъ къ земледѣлію, отразилась и на ихъ религіи. Культь рѣкъ и лѣсовъ остается, но на первое мѣсто выступаетъ поклоненіе солнцу и землѣ,

какъ важѣйшимъ силамъ при земледѣліи. Ростъ культуры сказался и въ томъ, что поклоненіе силамъ природы, или фетишизмъ, смѣнилось политеизмомъ, т.е. почитаніемъ отдѣльныхъ ли чныxъ боговъ, управляющихъ природой. Язычество смѣнилось христіанствомъ раньше, чѣмъ успѣло выработать опредѣленіе представленіе объ отношеніяхъ другъ къ другу отдѣльныхъ боговъ, поэтому въ генеалогіи славянскихъ боговъ есть извѣтотряса неясности. Повидимому, главнымъ божествомъ считалось небо, подъ именемъ Сварога; по крайней мѣрѣ, благодѣтельное солнце носить отчество Сварожича. Но, когда небо являлось грознымъ, покрытымъ темными тучами и посылающимъ молніи, то ему поклонялись подъ именемъ Перуна, наиболѣе чтимаго бога, которому ставились идолы и приносились даже человѣческія жертвы. Солнце, дарующее всему жизнь, чтилось подъ именемъ Дажь-бога или Хорса. Покровителемъ скотоводства, «скотыимъ богомъ», считался Велесь или Волость. Стрибогъ былъ богомъ вѣтра, а память о божествѣ земли осталась въ названіи Мать Земля Сырая. Но и при этихъ богахъ продолжалъ существовать старинный кульпъ предковъ, идущій отъ родового строя; каждая семья обоготворяла своего предка подъ именемъ шура или чура; указанія на этотъ кульпъ еще и теперь можно найти въ русскомъ языкѣ: сохранилось слово «пращуръ» (предокъ) и заклинаніе «чурь меня», —подразумѣвается «защити».

Храмовъ славяне не строили, а молились богамъ и приносили имъ жертвы на холмахъ или подъ развесистымъ деревомъ, гдѣ ставили для этого камень или колоду; домашнимъ богамъ —предкамъ жертвъ приносились на очагъ. Изображеній боговъ у славянъ сначала совсѣмъ не было, но позднѣе они стали ставить идоловъ Велесу и особенно Перуну. Не было также особаго класса жрецовъ; приносить жертвы могъ всякий, но обыкновенно это дѣлали старшіе; а для того, чтобы обращеніе къ богамъ было успѣшнѣе, прибѣгали къ волхвамъ или кудесникамъ, которые при помощи особыхъ заговоровъ и заклинаній умилостили боговъ и гадали о будущемъ по особымъ, только имъ известнымъ примѣтамъ.

Начало русскаго государства.

Къ концу VIII вѣка, когда славяне уже прочло осѣли на занятыхъ ими мѣстахъ, въ ихъ жизни намѣтился рядъ важныхъ перемѣнъ, связанныхъ съ измѣненіями въ хозяйственной жизни. Къ самымъ простымъ формамъ добывающей промышленности, на какія указывала населенію сама природа —къ охотѣ и пчеловодству, постепенно прибавляется болѣе трудное земледѣліе. Необходимость приспособлять добытые продукты къ удовлетворенію потребностей и самимъ приготовлять орудія

добывающей промышленности, напримѣръ, охотничьи приладлежности, оружіе, сѣти, плуги и сохи, вызвала къ существованію промышленность обрабатывающую. Поначалу добывалось и приспособлялось къ употребленію только то, что нужно было данной семье или задругѣ, при чёмъ эта небольшая мѣстная единица обходилась своими силами, была экономически независима отъ другихъ. Населеніе находилось, слѣдовательно, въ періодѣ натурального хозяйства. Но трудность самимъ удовлетворить всѣ свои потребности и постоянный излишокъ нѣкоторыхъ продуктовъ своей добывающей и обрабатывающей промышленности заставили населеніе обратиться къ обмѣну или торговлѣ, какъ внутренней, такъ и вѣтчиной. Подъ вліяніемъ торговли на торговыхъ путяхъ, какими являлись преимущественно рѣки, образовались города, т.-е. огороженные мѣста, гдѣ удобно было устраивать склады товаровъ и откуда можно было съ помощью даже небольшого отряда защищать торговую дорогу. Естественный ходъ экономического развитія велъ къ зарожденію и расширенію у славянъ торговли, а рядъ другихъ обстоятельствъ далъ этому явлѣнію могучій толчокъ.

Въ концѣ VIII вѣка между Днѣпромъ и Волгой утвердилось племя хозаръ, которые подчилили себѣ и славянъ, жившихъ по среднему теченію Днѣпра. Хозары скоро оставили кочевую жизнь и стали заниматься ремеслами и торговлей, которая давала большія выгоды, благодаря положенію Хозаріи между народами Азіи и Европы. У нихъ образовалось могучее царство, и его столица Итиль, у устья Волги, привлекала купцовъ всѣхъ національностей: сюда шли евреи, арабы, греки и славяне, каждый съ своими товарами. Славянамъ тѣмъ легче было втянуться въ эту торговлю, что, какъ поддалины хозаръ, они пользовались ихъ защитой на небезопасныхъ тогда торговыхъ путяхъ. О размѣрахъ,—а слѣдовательно, и о вліяніи,—этой торговли съ востокомъ можно судить по большому количеству арабскихъ диргемъ, серебряныхъ монетъ VIII—X вѣка, которыхъ довольно часто встречаются па всемъ пространствѣ, занятомъ тогда славянами; находили клады даже въ нѣсколько тысячу монетъ.

На востокѣ отъ славянъ, на Волгѣ, возлѣ нынѣшней Казани, былъ другой крупный рынокъ, куда тоже сходились купцы всѣхъ странъ, это Булгары—столица тюркского племени камскихъ болгаръ, народа мѣрнаго, почти уже оставившаго кочевую жизнь и занявшагося ремеслами и торговлей. Наконецъ, весь бассейнъ Днѣпра представлялъ цѣлую сеть удобныхъ путей для торговли; по притокамъ подвозились товары изъ отдаленныхъ мѣстъ, его истоки подходили къ притокамъ Ильмень-озера—къ началу дороги въ Балтійское море, а устье было недалеко отъ богатой Византіи.

Посредниками въ торговлѣ, шедшей по этому пути, были и о р-

м а н и й или в а р я г и. Такъ назывались германцы, жившіе по берегамъ Балтійского моря. Суровая природа и море воспитали въ нихъ отвагу и предпріимчивость, и удалая молодежь норманновъ цѣлыми отрядами оставляла родной край, гдѣ такъ трудна была борьба съ природой, и шла въ чужія земли искать себѣ счастья. Одни изъ нихъ долго находили ужасъ на государства Западной Европы, другіе по рекамъ пробирались на своихъ легкихъ ладьяхъ въ славянскія земли. Но здѣсь немногого могли награбить они, и вотъ самые предпріимчивые перета-

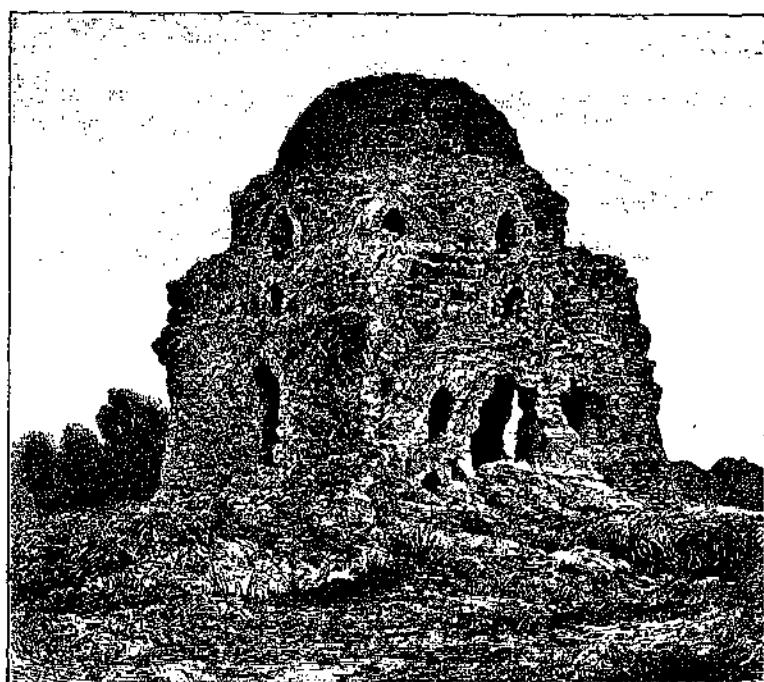

Рис. 7. Развалины Булгаръ на Волгѣ.

скиваютъ свои лодки въ бассейнъ Днѣпра и плывутъ черезъ Черное море къ Константинополю. Смотря по обстоятельствамъ, они занимаются то грабежомъ, то торговлей товарами, захваченными при проѣздѣ черезъ землю славянъ, то просто поступаютъ на службу къ византійскому императору. Между тѣмъ хазарское царство, защищавшее славянъ, почти пало подъ напоромъ печенѣговъ, и южные торговые пути стали опять опасны. Интересы варяговъ, шедшихъ торговаться въ Византію, теперь совпадаютъ съ интересами славянъ, желающихъ сбыть свои товары, и эта общность интересовъ способствуетъ сближенію обоихъ народовъ. Норманны подолгу остаются въ славянскихъ городахъ,

которые образовались по важнейшимъ торговымъ путямъ, какъ центры, куда сходились для гостибы, т.-е. промышленного обмѣна, жители окрестныхъ дворовъ. Какъ опытные воины, они охраняютъ торговые караваны въ опасныхъ мѣстахъ. Вообще они становятся необходимыми для славянской торговли; вмѣсть съ тѣмъ идеть ихъ сліяние съ славянами: они принимаютъ славянскій языкъ и обычай и остаются на постоянное жительство среди славянъ. Такъ при участіи норманновъ образуется торгововоеній классъ. У этого класса были совершенно определенные интересы, обеспеченіе которыхъ требовало особой организаціи, особаго порядка. Первые признаки такой организаціи, опять-таки при участіи норманновъ, и называются обыкновенно началомъ русского государства. Захвату власти норманнами, повидимому, способ-

Рис. 8. Норманская лодка, найденная при раскопкахъ.

ствовало то, что прежнее раздѣленіе славянъ уже ослабѣло: теперь возникаетъ города въ области, т.-е. торговый округъ, промышленнымъ и административнымъ центромъ котораго былъ укрепленный городъ. Въ тѣхъ городахъ, где норманы чувствовали силу на своей сторонѣ, они переставали быть только торговыми товарищами или наемными защитниками и, захватывая власть въ свои руки, становились конунгами или князьями захваченныхъ городовъ и примыкавшихъ къ нимъ областей. Такъ изъ городовыхъ областей, возникшихъ благодаря торговлѣ, образовались варяжскія княжества; таково было происхожденіе княжества Рюрика въ очень важномъ для торговли Новгородѣ, Синеуса—на Бѣломъ Озерѣ, Трувора—въ Изборскѣ и Аскольда—въ Кіевѣ. Если имѣть въ виду такое происхожденіе власти варяговъ, то понятѣнъ и правдоподобенъ становится извѣстный разсказъ лѣтописи о призваніи князей. Въ половинѣ IX вѣка, сообщаетъ лѣто-

тись, варяги стали брать дань съ новгородцевъ, но тѣ не стерпѣли и года черезъ два «изгнаша варяги за море и начаша сами въ себѣ вододѣти». Однако управлѣніе у новгородцевъ шло плохо: возсталъ родъ на родъ, начались усобицы и войны. Тогда они «рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы володѣль нами и судиль по праву. И идоша за море къ варягамъ, къ Руси». Очевидно, новгородцы просто послали налімать варяговъ, которые могли бы устранить безпорядокъ, разстраивавшій экономическую жизнь области. Посланые сказали варягамъ Руси: «Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣть; да поидита княжить и володѣть нами».

Варяги не совсѣмъ охотно приняли приглашеніе славянъ: «боясь звѣриаго ихъ обычая и нрава»; сдва «изъбрашеся три брата съ роды

Рис. 9. Призваніе варяговъ (левая часть рисунка) и отправленіе ихъ въ Новгородъ (правая часть рисунка).

своими, и поиша по себѣ съ собою всю русь и придоша». Это были три конунга: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. И Рюрикъ изъ осторожности помѣстимся сначала въ Ладогѣ, на самомъ краю славянской земли, и только по смерти братьевъ перѣѣхалъ въ Новгородъ.

События показали, что осторожность его была не напрасна: въ Новгородѣ противъ него составился заговоръ подъ предводительствомъ «храбраго Вадима». Рюрикъ спрятался съ восстаніемъ, и это кореннымъ образомъ измѣнило отношенія между нимъ и новгородцами: изъ наемнаго охранителя новгородской торговли и трестейского суды въ различныхъ педоразумѣніяхъ онъ становится властителемъ Новгорода и смотрѣть па него, какъ па свою военную добычу. Въ другихъ мѣстахъ варяжские князья утверждались болѣе мирно: такъ, поляне приняли въ Киевъ

Аскольда и Дира съ дружиною, въ Туровѣ и Полоцкѣ тоже появились варяжскіе князья. Особыхъ перемѣнъ при этомъ въ жизни славянъ не послѣдовало: князья строили города-укрѣпленія и защищали страну, а населеніе платило имъ дань на содержаніе дружины; въ отдаленные города князь посыпалъ своихъ намѣстниковъ, которые должны были его именемъ собирать дань и защищать жителей.

Каждый изъ варяжскихъ князей стремился захватить наиболѣе выгодную область, и особенно всѣхъ привлекалъ Кіевъ, стоявшій на южномъ концѣ великаго пути изъ варягъ въ греки и благодаря положенію дававшій возможность своему князю держать въ рукахъ всю русскую торговлю.

Князь Олегъ, владѣвшій Новгородомъ по смерти Рюрика, убилъ Аскольда и Дира и завладѣлъ Кіевомъ; вслѣдъ за кіевлянами охотно подчинились сильному князю съверяне и радимичи, прежніе данники хозарь; потомъ присоединились также древляне, дулѣбы и хорваты. Такъ изъ соединенія городовыхъ областей и прежнихъ племенныхъ дѣлений возникаетъ великое княжество Кіевскос.

Кіевская Русь.

Экономический строй.

Тѣ хозяйственныя условія, которыя сыграли такую важную роль при образованіи Русскаго государства, продолжали, конечно, дѣйствовать на его соціальный, политический и культурный строй въ теченіе всего периода, когда процвѣтало Кіевское княжество, т.-с. отъ IX до конца XII в. Впрочемъ, здѣсь не столько приходится наблюдать новыхъ явленій, сколько слѣдить за медленнымъ развитіемъ тѣхъ же хозяйственныхъ формъ, какія обозначались у восточныхъ славянъ еще до образования государства.

Разбившіяся при разселеніи семьи неорганизованнаго народа свободно передвигались по широкой равнинѣ въ поискахъ за мѣстами, где бы они могли съ большою выгодой приложить свой трудъ. Каждая семья дѣйствовала на свой рискъ, она производила только для себя; не получая ничего отъ другихъ, она была независимой экономической единицей. Это—низшая ступень экономической жизни народа—періодъ на туральна го хозяйства, когда преобладаетъ промышленность добывающей. Съ этого и начали славяне. Но уже пѣкоторое развитіе добывающей промышленности вызываетъ къ существованію и промышленность обработающую; приходится готовить, напр., оружіе, сѣти и всякий рабочій инвентарь. Даѣтъ, при богатствѣ природы добывающая промышленность даетъ излишки, который

можетъ итти на продажу, такимъ образомъ развивается торговля, внутренняя и внешняя, образуется хозяйство и въ с. Въ Киевскомъ княжествѣ IX—XII вв. были всѣ названныя формы хозяйственной жизни, но въ своеобразномъ сочетаніи: при сильно развитой внешней торговлѣ внутри страны преобладало пастуральное хозяйство.

Отрасли добывающей промышленности славянъ опредѣлялись самою природой. Первое мѣсто занимала охота. Пушные звѣри: волки, медведи, бѣлыши, лисицы, куницы, соболи, бобры и проч.—доставляли мяча; олени, туры, лоси и кабаны давали мясо и кожи. Въ лѣсахъ и на озерахъ водилось множество дичи: тетерева, куропатки, рябчики, дикие гуси и утки, на которыхъ охотились ради мяса и пуха. Въ рѣкахъ и озерахъ въ изобилии ловили рыбу. Дикия пчелы, сами разводившіяся въ дуплахъ, или бортяхъ, доставляли медъ и воскъ. Сдѣлавшись осѣдлыми, славяне стали заниматься также земледѣліемъ и скотоводствомъ. Гдѣ-нибудь среди лѣса выбирали участокъ, срубали деревья и жгли ихъ; на удобренномъ золою мѣстѣ сѣяли до тѣхъ поръ, пока получались урожаи; потомъ переходили на новый участокъ (подсѣчная система). Сѣяли рожь, пшеницу, просо, ячмень, овесъ, гречиху, ленъ, коноплю, а изъ домашнихъ животныхъ разводили коровъ, лошадей, овецъ, свиней. Всѣ перечисленные виды добывающей промышленности—охота, рыболовство, земледѣліе и скотоводство требовали наличности лѣсныхъ, полевыхъ и рѣчныхъ угодий. Когда ихъ было много, пришлое населеніе просто захватывало себѣ удобные участки и пользовалось ими, отмѣтивъ ихъ особыми знаками; тогда, по установившемуся обычанию, никто другой не занимался уже промыслами на этихъ участкахъ, пока ихъ не покидали прежніе хозяева. Итакъ, значитъ, земля, лѣсъ и всякая угодья сначала никому не принадлежали, а пользовался свободными угодьями всякий желающій. Но въ Киевской періодѣ такое свободное землепользованіе исчезаетъ, земля становится чьей-нибудь собственностью, появляется землевладѣніе и земельный капиталъ, обладатели которого выдѣляются въ особый классъ и замѣтно влияютъ на весь складъ общественной жизни.

Что касается обрабатывающей промышленности, то, при всей своей неизучительности въ Киевской періодѣ, она все-таки требовала раздѣленія труда, потому что при этомъ вещи выдѣльвались скорѣе и лучше, и благодаря этому началъ уже образовываться особый классъ жителей—ремесленники, которые специально занимались изготавленіемъ одежды, обуви, посуды, всякаго домашняго инвентаря, обработкой дерева и металла, приготовленіемъ орудій производства и т. д.

Разъ произошло раздѣленіе труда, то должна была явиться и третья форма хозяйственной жизни—торговля, обмѣнъ. Внутренняя торговля въ Киевской періодѣ была развита очень слабо: на «торжи-

щахъ» въ городахъ продавались незатѣйливые продукты своей обрабатывающей промышленности—больше все предметы домашняго обихода, ио торговля вѣшия составляетъ настолько важное и замѣтное явление всего Киевскаго періода, что его можно характеризовать какъ преимущественно торговый.

Торговля съ хозарами уже нала, потому что на мѣстѣ Хозаринъ, ослабившій подъ напоромъ новыхъ кочевниковъ и, наконецъ, разгромленной въ X вѣкѣ кievскимъ княземъ Святославомъ, появился новый дикий народъ—печенѣги, мѣнившіе сношенія съ Востокомъ. Арабы, много терпѣвшіе отъ нападеній турокъ, тоже перестали оживлять восточную торговлю. Но торговля славянъ съ Византіей позрежнему составляла жизненный первъ Киевскаго княжества. Вся дѣятельность первыхъ кievскихъ князей сводится къ собиранію товаровъ для сбыта, къ приобрѣтенію и сохраненію рынковъ и къ охранѣ торговыхъ путей, ведущихъ туда. Кіовскіе князья покорили славянскія племена и назначили дань съ нихъ, которую собирали или сами князья, или ихъ намѣстники, управлявшіе иногда съ правомъ брать дань въ свою пользу. Сборъ данн., которая давалась патурою, обыкновенно мѣхами, происходилъ двумя способами: или подвластныя племена сами привозили ее въ Кіевъ (повозъ), или самъ князь ѻхалъ къ пимъ за псею (полудье). Онь выѣзжалъ съ своею дружиной въ началѣ поября, когда уже устанавливается салный путь; всю зиму онъ проводилъ въ собираніи дани, при чемъ должень былъ довольствоваться установленнымъ количествомъ ея. Пользуясь силою, князья могли дѣлать и злоупотребленія, но это было не безопасно, какъ показалъ примѣръ князя Игоря, убитаго древлянами за то, что онъ вздумалъ собрать дань два раза. Когда князь весною вмѣстѣ съ дружиной привозилъ набранную дань въ Кіевъ, то его ждали здѣсь лодки, построенные за зиму и спущенные сюда по рѣкамъ. Дружина покупала эти лодки и грузила ихъ привезенными товарами; сюда же присоединялись лодки русскихъ купцовъ изъ разныхъ городовъ, и весь этотъ торговый караванъ шелъ по Днѣпру, направляясь въ Византію.

Первые кievские князья дѣятельно старались удерживать за собою тотъ рынокъ для сбыта, который представлялъ богатый Константинополь; этимъ и объясняются неоднократные походы кіовскихъ князей на Царьградъ. Изъ доследнихъ до насъ договоровъ съ греками, которые были заключены послѣ походовъ Олега (911 и 912 г.), Игоря (945) и Святослава, ясно видно, что именно торговые интересы служили главной пружиной вѣшией политики русскихъ князей; въ этихъ договорахъ до мелочей опредѣляется порядокъ торговыихъ сношеній Руси съ Византіей, а тотъ фактъ, что княжескіе послы, прибывши съ караваномъ, и купцы пользовались отъ греческаго правительства особымъ

почетомъ—даровою балей и даровыми кормомъ, указываетъ на то, что на эти торговые поѣздки смотрѣли не какъ на частныя предпріятія, а какъ на торговые посольства киевскаго правительства.

Подобно виѣшней политикѣ и внутренняя дѣятельность князей зависѣла отъ торговли. Княжеская дружина сопровождала княжескія, боярскія и купеческія лодки, двигавшіяся внизъ по Днѣпру; когда доходили до днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ уже начиналась опасная степь, то на оба берега высаживались вооруженные отряды, которые должны были отгонять печенѣговъ. Кроме этой временной обороны, князья заботились и о постоянной защите: уже Олегъ, овладѣвъ Киевомъ, началъ строить города; преемники его дѣлали то же самое: такъ Владимиръ послѣ приятия христіанства по притокамъ Днѣпра построилъ цѣлый рядъ городовъ и населилъ ихъ воинами людьми изъ

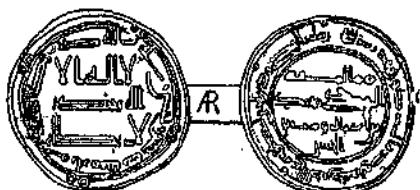

Рис. 10. Арабскій дирхемъ.

Рис. 12. Монеты Владимира Св..

разныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ. Города эти заходили далеко на окраины: на востокѣ среди финскихъ племенъ муромы, мери и веси являются города Муромъ, Ростовъ и Бѣлозерскъ, Ярославъ въ XI в. построилъ среди прибалтійской чуди Юрьевъ, а на Волгѣ Ярославль; на Зап. Бугѣ при князѣ Владимирѣ возникъ городъ Владимиръ. Такъ подъ вліяніемъ необходимости защищать торговые пути точнѣе опредѣляются предѣлы Русской земли, той обширной территории, экономическимъ и политическимъ центромъ которой служилъ Киевъ.

Какъ особенность русской виѣшней торговли, можно отмѣтить то, что она не задѣвала всей массы населенія: торговали князья своею данью и певольщиками, торговали дружила и купцы; въ этомъ слоѣ населенія появляются и собственники капитала, т.-е. накопленныхъ денегъ, пущавшихся въ оборотъ. Товары, которые шли изъ Царыграда: шелковые материи, парча, сукна, ковры, золотые и серебряные вещи, вина и

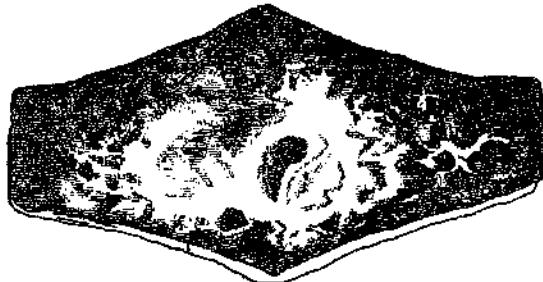

Рис. 11. Киевская гривна.

всіякіе предметы роскоши, тоже попадали только въ руки высшихъ богатыхъ классовъ населенія. Этимъ и объясняется, что при сильномъ развитіи вибѣшней торговли внутри страны попрежнему преобладало натуральное хозяйство.

Съ развитіемъ торговли въ Киевской Руси вырабатывается и система денегъ, какъ средство обмѣна. Вместо слова «деньги», которое было позднѣе заимствовано отъ татаръ, употреблялось название «куны», какъ воспоминали отъ той эпохи, когда средствомъ обмѣна были кунны шкурки. Своей монеты сначала не чеканили, а пользовались молотами греческими, арабскими и западно-европейскими; особенно въ ходу были серебряные арабскіе диргемы, которые и назывались кунами. Разрубая диргемы на части, получали мелкую монету; а для византійскаго фунта, равнаго нашимъ 72 зол., стали въ IX—X вв. чеканить свой денежный зпачь—кіевскую гривну, представлявшую серебряную толстую шестигольную пластинку; впрочемъ, въсъ гривны и цѣна ея сильно колебались.

Общественный строй.

Чисто экономическаяя условія: различіе занятій, богатство и бѣдность, а также положеніе по отношенію къ князю разбивали населеніе на несходныя общественные группы, или классы, съ особыми интересами, правами и обязанностями.

Высший классъ состоялъся изъ двухъ элементовъ: земскихъ бояръ и бояръ-дружиинниковъ. Земскіе бояре или, какъ ихъ называетъ лѣтопись, старцы градскіе еще до появленія варяговъ пользовались большімъ влияніемъ, какъ представители жившихъ вмѣстѣ родствъ. Благодаря преобладающей роли, какую они играли на вѣчѣ, они сдѣливались богатой и военной запатью. Послѣ сліянія съ варягами къ нимъ прібавился новый элементъ—княжеская дружина, князь и мурзъ, которые дѣлили съ княземъ выгоды его положенія. Набравшіе изъ разныхъ племенъ, живя военной добѣгчай, содержалась, получасмымъ отъ князя и участіемъ въ торговлѣ, они были связаны больше съ прищельцемъ-княземъ, чѣмъ съ землею; какъ ближайшіе подручники князя, они занимали высшія должности въ дворцовомъ и областномъ управлініи, составляли совѣтъ князя и даже имѣли особы, независимыя отъ князя, дружины. Отъ этихъ двухъ словъ боярства отдѣлялась третья группа высшаго класса: отроки или грядди—младшіе дружиинники, тѣлохранители князя, его дворцовые слуги, присутствовавшіе на судиѣ, иногда управлявшіе городами. Бояре и отроки не составляли строго замкнутаго класса: въ него быть открытъ доступъ чѣмъ, кто отличался на войнѣ храбростью и силой. По мѣрѣ того, какъ

богатство, заключавшееся въ селахъ и землѣ, съ уменьшениемъ вышнихъ войнъ получаетъ все большее значеніе, высший классъ старается использовать свое привилегированное положеніе для того, чтобы укрѣпить за собою землю, и въ XII вѣкѣ среди бояръ появляется много крупныхъ землевладѣльцевъ.

Слѣдующій классъ составляли свободные горожане и сельскіе жители или просто люди. Благодаря различію занятій они успѣли разбиться на группы. Въ городахъ образовалось двѣ группы: классъ купцовъ, имѣвшихъ благодаря богатству большое влияніе на рѣшенія вѣча, и низшій разрядъ городскихъ жителей—чепцы люди, которые занимались ремеслами и земледѣлемъ. Сельскіе жители или смѣды также различались по свойственному положенію: одни изъ нихъ имѣли свою землю, другіе работали на землѣ, принадлежащей князьямъ, боярамъ или церкви; они были полусвободны, такъ какъ, должая, попадали въ зависимость къ собственнику земли, становились ролями (т.-е. земледѣльческими) зажимами или наемными; они должны были работать на хозяина, а въ случаѣ уклоненія отъ уплаты долга, совсѣмъ теряли свободу. Обязанности смердовъ заключались въ томъ, что они должны были въ случаѣ опасности составлять свое войско, затѣмъ они платили дань князю и царавали содержаніе (кормы) его должностнымъ лицамъ.

Низшій классъ населенія составляли холопы, или челядь,—люди несвободные, рабы. Въ Киевской Руси рабство было распространено очень широко; главнымъ источникомъ рабства были войны, какъ вышнія, такъ и внутреннія—всѣхъ пленныхъ считали рабами; затѣмъ имущественная несостоятельность, неспособность заплатить долгъ или штрафъ, наложенный за преступление, также вела къ потерѣ личной свободы. Рабъ считался какъ бы вещью: его можно было украсть, продать или завѣщать, и убийство холопа рассматривалось не какъ уголовное преступление, а какъ имущественный ущербъ, причиненный хозяину.

Четвертую большую группу русского общества составляли чепцы и купцы, тоже разбивавшіеся на нѣсколько группъ. Первую изъ нихъ составляло духовенство, бѣлое и черное, при чёмъ отсюда выдѣлялась особенно влиятельная группа, лицъ, управлявшихъ церковью—митрополитъ, епископы и архимандриты. Благодаря обычаямъ князей и бояръ жаловать церквамъ и монастырямъ земли, духовенство становится классомъ сильнымъ и по своему экономическому положенію; у него возникаетъ особое управление, свое законодательство и особый церковный судъ. Въ сфере церковного управления, кроме духовенства, находились еще слѣдующія группы: 1) старики и больные, призываляемые церковью, 2) холопы, живущіе на церковныхъ земляхъ и 3) из-

гон, т.-е. люди, выбитые жизнью изъ своего состоянія, напримѣръ, сирота-князь, не получившій никакой волости, или неграмотный сынъ попа, не могущій поэтому наслѣдовать занятіе отца.

Всѣ названные классы вырабатывались постепеннымъ ходомъ исто-рии, при чёмъ па долю болѣе сильныхъ, въ рукахъ которыхъ было бо-гатство или военная сила, пришлось больше правъ, а слабымъ доста-лось больше обязанностей. Установившіяся общественные отношенія сначала поддерживались обычаемъ, но съ развитіемъ государства и подъ вліяніемъ христіанства, боровшихся съ нѣкоторыми языческими обычаями, начинаетъ развиваться законодательство. Важнейшимъ за-коноодательнымъ памятникомъ, въ которомъ хорошо отразился юриди-ческий и общественный строй Киевской Руси, является «Русская Правда», иногда ошибочно приписываемая князю Ярославу. Это — не официальный законодательный сводъ, а составленный въ теченіе XI—XII вв. сборникъ постановлений, взятыхъ изъ разныхъ источни-ковъ: тутъ и обычное русское право, и постановленія первыхъ князей, и ихъ судебные приговоры, и законодательные проекты духовенства. Общий духъ этого неофициального свода, служившаго руководствомъ для церковныхъ и свѣтскихъ судей, какъ и весь общественный строй, опредѣляется господствующимъ фактромъ этого періода — преоблада-ниемъ города и торговопромышленного капитала.

Политический строй.

Условія, вызвавшія образованіе Киевскаго княжества, отразились и на его политической организаціи: это государство было соединено съ отдельныхъ городовыхъ областей, въ которыхъ важную роль играло вѣче — оно перешло и въ Киевское княжество; но такъ какъ объеди-неніе было достигнуто варяжскимъ княземъ, владѣвшимъ Новгородомъ, а потомъ и Кіевомъ, то важное значеніе получаетъ также и князь. Вѣче и князь и являются носителями верховной власти въ Киевской землѣ.

Вѣче, или народное собраніе, было органомъ верховной власти народа съде до образованія государства. Жители главнаго города обла-сти собирались и дѣлали постановленія, которыя считались обязатель-ными и для всѣхъ пригородовъ. Съ появленіемъ въ городахъ варяж-скихъ князей вѣче осталось. Оно правило волостью паравнѣ съ княземъ, а иногда становилось и выше него. Въ пѣкоторыхъ случаяхъ верховная власть вѣча выражалась очень опредѣленно. Къ такимъ случаямъ надо отнести прежде всего вопросъ о призваніи и утвержденіи князя на пре-столъ и объ изгнаніи изъ города неугоднаго князя. Когда съ размеже-

ніочъ княжескаго рода порядокъ престолонаслѣдія вѣсколько спутался, то горожане по смерти князя сами выбирали себѣ другого и посыпали сказать ему: «Поиди, княже, къ памъ! Пашею князя Богъ поильт, а мы хощемъ тебя, а иного не хощемъ». Сами князья искали поддержки у вѣча, считая избраніе вѣчемъ наиболѣе авторитетнымъ. Такъ, еще по смерти Владимира Св. его сынъ Святополкъ, желая утвердиться кievскимъ княземъ, созываетъ вѣче и старается его задобрить, а другой сынъ, Ярославъ, готовясь къ борьбѣ противъ брата, ищетъ помощи у повгородскаго вѣча. Въ 1146 г. кievляне избрали Игоря Ольговича, но, такъ какъ онъ не оправдалъ ихъ надежду, то вскорѣ они послали къ его врагу Изяславу Мстиславичу просьбу: «Пойди, князь, къ памъ, хотимъ тебя, а Ольговичей не хотимъ». И Изяславъ послѣ этого занялъ кievский престолъ, а Игорь былъ изложенъ и заключенъ въ монастыры.

Съ приглашеніемъ князей вѣче заключало «рядъ», т.-е. договаривалось о размѣрѣ княжескихъ доходовъ съ города, о томъ, какъ будетъ князь судить,—самъ или черезъ тріуновъ, о томъ, чтобы управление областями поручалось людямъ справедливымъ и т. д. И если вѣче цѣловало крестъ на вѣрность князю, то, съ другой стороны, и князь цѣловалъ передъ вѣчемъ крестъ, обѣщаю соблюдать условія избранія.

Вѣче могло и изгонять князя, когда считало, что онъ неспособенъ исполнять главныя свои обязанности — быть судью и полководцемъ. Такъ, кievляне «указали путь» великому князю Изяславу, который плохо защищалъ русскую землю отъ половцевъ и не исполнилъ желанія кievлянъ — итти противъ нихъ новымъ походомъ. Противъ другого князя, Всеволода Ярославича, вспыхнуло неудовольствіе потому, что онъ не самъ отправлялъ судъ, а поручалъ его пристрастнымъ тіунамъ. Но необходимо замѣтить, что вѣче далеко не всегда вмѣшивалось въ вопросъ о томъ, кому достается престолъ. Княжеские столы распредѣлялись особымъ порядкомъ, и, пока вѣче молчало, ничего не имѣя противъ князя, которому престолъ доставался по очереди, порядокъ этотъ дѣйствовалъ безпрепятственно; но онъ нарушался, разъ населеніе заявляло протестъ. Такимъ, напримѣръ, путемъ Владимира Мономаха, избранный кievскимъ вѣчемъ, сѣлъ на великокняжеский престолъ помимо старшихъ своихъ родичей. Очевидно, что и князя своимъ поведеніемъ старались устраниТЬ возможность столкновенія съ вѣчемъ.

Верховная власть вѣча проявлялась также въ решеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ. Князь тоже имѣлъ право объявлять войну, но если вѣче ее не одобряло, то горожане не были обязаны помогать князю. Такъ было въ 1147 г., когда старший внукъ Владимира Мономаха, Изяславъ, соединился на время съ Ольговичами, давшими врагами Мономахо-

вичей, и вдумалъ итти противъ своего дяди Юрія; онъ созвалъ на вѣче кіевлянъ и просилъ помочь ему, по кіевлянне отвѣтили: «Князь, ты на насъ не гибайся: не можете поднять руку на Владимира племя. Вотъ если на Ольговичей, то съ дѣтьми пойдемъ». Такъ князю и пришло итти только съ своею дружиной и добровольцами. Когда война шла съ согласія вѣча, то и миръ заключался по требованію народа. Вѣче говорило тогда князю: «Мирися или промышляй о себѣ». А если князь хотѣлъ мириться съ врагомъ противъ воли вѣча, то ему говорили: «Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы».

Что касается законодательства, управлѣнія, налоговъ, суда и прочихъ текущихъ дѣлъ, то прямого участія вѣча въ этихъ дѣлахъ не видно, но косвенное влияніе оно оказывало и здѣсь: вся дѣятельность князя проходила на виду, подъ постояннымъ контролемъ вѣча, которое и выступало съ протестомъ въ случаѣ злоупотребленій со стороны князя или назначенныхъ имъ должностныхъ лицъ.

При всемъ своемъ значеніи, вѣче не было учрежденіемъ строго опредѣленнымъ. Оно созывалось, смотря по надобности: иногда вѣче не сходилось цѣлый годъ. Созывать вѣче могъ и князь, и всякий горожанинъ: звонили въ вѣчевой колоколь или кричали «бирючи», и падѣль явь опредѣленное мѣсто города, где было удобнѣе, обыкновенно на площадь около главнаго храма; мѣсто, впрочемъ, можно было и менѣеть. Являясь на вѣче могъ всякий взрослый горожанинъ, принадлежащий къ классу свободныхъ. Самое засѣданіе шло безпорядочно и бурно. Ни предсѣдателя, въ нашемъ смыслѣ слова, ни секретаря, который бы записывалъ пренія, не было; обыкновенно созвавшій вѣче первый ставилъ вопросъ, за нимъ говорило еще нѣсколько человѣкъ, а большинство слушало и рѣщало; при этомъ подсчета голосовъ не дѣгалось, а требовалось либо единогласное рѣшеніе, либо совершеннію очевидное большинство; практиковался подкупъ бѣдняковъ богатыми, а когда сталкивались враждебныя мнѣнія, то споръ нерѣдко превращался въ драку, и тогда, какъ передаетъ лѣтописецъ, «людіе, яко забѣснѣша, или яко звѣри дики, и рѣчи слышати не хотиху, бѣаху въ колоколы, кричаху и лаяху». Итакъ, слѣдовательно, вѣче представляло органъ народовластія, но при отсутствіи опредѣленной организаціи и системы представительства оно было только зачаточной, недоразвившейся формой народнаго правленія.

Другимъ необходимымъ представителемъ верховной власти былъ князь. При первыхъ Рюриковичахъ: Олегѣ, Игорѣ и Ольгѣ — все области, составлявшія Кіевское княжество, принадлежали кіевскому князю; сидѣніе въ другихъ городахъ посадники и князья, какъ норманнского, такъ и славянского происхожденія, платили ему дань и помогали въ походахъ. Слѣдующіе князья, Святославъ и Владимиръ,

Варяжские князья:

Рюрикъ въ Новгородѣ (862—879) Синеусъ въ Бѣлоозерѣ Труворъ въ Изборскѣ.

Киевскіе князья:

Олегъ (879—912) Игорь (912—945) жена его Ольга (945—957).

Святославъ (957—972).

Ярополкъ (972—980) Олегъ Владимиръ Св. (980—1015)

Изяславъ Святополкъ I Оканн- Ярославъ I Мудрый (1015—1019) Святославъ Тыムуръ Борисъ Глѣбъ въ Полоцкѣ ный (1015—1019) рый (1019—1054) тараканскій въ Ростовѣ въ Миуриюѣ
Владимиръ Изыславъ I Святославъ Всеволодъ I Вячеславъ Игорь въ Новгородѣ (1054—1078) въ Черниговѣ въ Переяславѣ въ Смоленскѣ Влад.-Волын.

Святополкъ II Олегъ Чернигов. Владимиръ Мономахъ (1093—1113) (1113—1125)

Всеволодъ II Мстиславъ I Ярославъ Юрій Долгорукій (1139—1146) (1125—1132) (1132—1139) (1154—1157)

Андрей Боголюбскій (1169—1174).

раздавая города своимъ сыновьямъ, начинаютъ замѣнять мѣстныхъ князей своими родичами; при этомъ сохраняется какъ единовластіе Киевскаго князя, такъ и подчиненное положеніе младшихъ. Но уже два предшествующихъ князя, правившихъ еще единовластно, — Владимиръ Св. (ум. 1015 г.) и Ярославъ М. (ум. 1054 г.), — должны были изъ-за киевскаго престола борьбу съ своими братьями. По смерти Ярослава единовластіе въ Киевскомъ княжествѣ смѣняется другимъ порядкомъ. Умирая, Ярославъ раздѣлилъ всѣ русскія области па пять частей и раздалъ ихъ пяти сыновьямъ, и чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ лучшія области достались ему. Но это не было окончательное раздѣленіе Русской земли: когда умиралъ кто-нибудь изъ старшихъ князей, или населеніе прогоняло его, то на его мѣсто стремились младшіе изъ другихъ областей. Такимъ образомъ, въ созданіи князей жила мысль, что вся Русская земля составляетъ собственность в с е г о княжескаго рода, а князья, какъ члены этого рода, лишь временно владѣютъ отдельными областями; до каждого князя можетъ дойти очередь, когда и онъ, пройдя послѣдовательно всѣ княжества, сядетъ па киевскомъ престолѣ. Ярославъ раздалъ земли своимъ сыновьямъ въ порядкѣ ихъ старшинства, слѣдовательно, эта очередь должна опредѣляться родовымъ старшинствомъ. Киевъ долженъ принадлежать старшему въ родѣ, а остальные города распредѣлялись между младшими соответственно богатству областей и старшинству князей. Такой порядокъ можно назвать очереднымъ порядкомъ владѣнія Русской землей. Но уже при сыновьяхъ Ярослава Мудраго и особенно при внукахъ его оч е р е д н о й порядокъ постоянно нарушается: князья иногда владѣютъ лучшей областью не въ очередь, не по порядку старшинства. Цѣлый рядъ условій способствуетъ нарушению очередного порядка: 1) съ ослаблениемъ родовыхъ связей выступаетъ семейное начало, требующее, чтобы отъ отца наследство переходило не къ старшему въ родѣ, а къ старшему сыну; 2) некоторые князья не хотятъ дожидаться очереди и насищественно, съ помощью войска, захватываютъ княжества, на которыхъ не имѣютъ права по очередному порядку; 3) само населеніе не остается безучастнымъ къ тому, какой будетъ у него князь, и поэтому вѣчѣ иногда приглашаетъ и утверждаетъ князя, минуя старшихъ его родичей. Такъ какъ всѣ эти условія, опредѣлявшія порядокъ княжескаго владѣнія, действовали сразу, то между князьями происходили постоянныя столкновенія, усобицы. Дѣлались попытки установить какой-нибудь однообразный порядокъ: такъ, напримѣръ, Владимиръ Мономахъ настаивалъ па соблюденіи родового старшинства, но по требованію киевскаго вѣча ему самому же пришлось нарушить этотъ порядокъ: онъ занялъ великокняжеский престолъ не въ очередь (1113 г.). Тотъ же князь еще въ 1097 г. созвалъ ссорившихся князей па съездъ въ Любечѣ, и здѣсь

было постановлено, что всякий князь будетъ владѣть удѣломъ своего отца; но и этотъ порядокъ былъ нарушенъ, едва только князья разѣхались со сѣвѣза. Благодаря такой неустойчивости и неопределенности княжескихъ отношений, политическая связь между отдельными областями ослабѣла; другіе князья не платили дани Киевскому князю, и его отношенія къ нимъ опредѣлялись исключительно требованіемъ, что великий князь для младшихъ долженъ быть «въ отца мѣсто». Единовластіе киевского князя исчезло, но единство Русской земли еще сохранилось — оно держалось какъ единствомъ княжескаго рода, такъ и сознаніемъ народа, связавшаго общей религіей, языкомъ и общими интересами.

Княжеская власть считалась необходимой въ каждой области. Князь нуженъ былъ: 1) какъ защитникъ отъ виѣнной опасности и 2) какъ устроитель внутренняго порядка. Воспая власть князя была ограничена: онъ долженъ былъ ладить съ дружиной, которая находилась у него на службѣ и, въ случаѣ недовольства, могла свободно уйти отъ него; что же касается земскаго ополченія, то оно давалось князю обыкновенно съ согласіемъ вѣча, которое вмѣшивалось также и въ вопросы обѣ объявленій войны, заключенія мира и договоровъ. Какъ предводитель, князь долженъ былъ обладать храбростью, а какъ есть внутренняго управителя, отъ него требовалась прежде всего «доброта». Онъ долженъ быть защищать слабыхъ, вдовицъ и сиротъ, не казнить смертью ни правыхъ, ни виновныхъ, при обѣздахъ княжества для суда и дани удерживать отроковъ, чтобы они не дѣлали «пакостей» жителямъ; онъ долженъ быть «правду дѣлать на семъ свѣтѣ; въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованіи стояти». Такія качества требовались отъ князя, прежде всего, потому, что ему принадлежала власть судебная; законы, регулирующіе судъ, тогда были несовершенны, и поэтому многое зависѣло отъ личности суды. Какъ руководителю внутренняго управленія, князю припадлежало право назначать посадниковъ, тѣуновъ, творившихъ судъ, мытниковъ, собиравшихъ подати, и другихъ чиповниковъ, выдавшихъ поліцію и финансовое управление.

Помимо вѣча, паблюдавшаго за дѣятельностью князя, онъ былъ стѣсненъ еще съ вѣтомъ или думой. Еще первые князья имѣли при себѣ двухъ-трехъ совѣтниковъ, очевидно, предводителей болышихъ отрядовъ, входившихъ въ дружину. Со временеми Владимира Св. кругъ совѣтниковъ расширяется: въ думу приглашаются мѣстные бояре, «старцы градскіе», посадники изъ разныхъ городовъ и даже епископы и игумены. Выборъ совѣтниковъ зависѣлъ отъ князя; число ихъ было невелико, совѣщались они съ княземъ очень часто, — вѣроятно, ежедневно, такъ что вся дѣятельность князя — законодательная, административная и судебная — проходила при участіи думы. Практическая

необходимость заставляла князя слѣдовать мнѣнію думы; иначе ему не на кого было опереться при осуществлениіи своей воли. Въ 1169 г. князь Владими́р Мстиславович, самостоятельно задумавъ походъ, известили объ этомъ бояръ, но они отвѣтили: «о себѣ, княже, замыслилъ, а не ѿдемъ съ тобою, мы того не вѣдали».

Князь, конечно, неправлялся одинъ со всѣми дѣлами управлѣнія, поэтому опять назначалъ себѣ рядъ помощниковъ. Одни изъ нихъ были специальными органами государственного управлениія, другие исполняли какія-нибудь должности при дворѣ князя и въ то же время имѣли разныя порученія по управлению княжествомъ. Изъ первыхъ самыми важными были посадникъ и тысяцкій. Посадникъ замѣнялъ собою князя и, поэтому, исполнялъ его обязанности, т.-е. вѣдалъ судь и полицію; поэтому же въ большихъ городахъ, гдѣ жилъ самъ князь, посадниковъ не было (за исключеніемъ Новгорода). Посадникъ имѣлъ военную власть, но только надъ отрядомъ, оставленнымъ княземъ, а надъ земскими ополченіемъ начальствовалъ тысацкій. Подчиненный ему военный округъ, или тысяча, дѣлился на сотни и десятки, во главѣ которыхъ стояли сотскіе и десятскіе. Затѣмъ еще были: печатники, который прикладывалъ печать князя къ его грамотамъ, и цѣлый рядъ финаансовыхъ агентовъ, собиравшихъ дань, торговыя пошлины и судебные штрафы.

Для завѣдыванія другими дѣлами служили тіуны; первоначально такъ назывались княжеские слуги, пажи изъ холоповъ: кличники, конюшіе и т. д. Тіуны, вѣдавшіе дворцовое хозяйство, благодаря близости къ князю, стали получать разныя порученія и по управлению княжествомъ; они иногда замѣняютъ князя, даже командуютъ войскомъ, по особению часто творятъ судъ вместо князя — это тіуны судные. Княжеская администрація, постоянно злоупотреблявшая своею властью, пользовалась у населенія очень нелестной репутацией и вызывала противъ себя частыя и заслуженные жалобы.

Духовная культура.

Оживленія торговыя сношеннія русскихъ славяпъ съ греками, испорѣдывавшими христіанство, болгарами-магометанами и хозарами, гдѣ встрѣчалось, какъ магометанство, такъ и іудейство, расширяли ихъ умственный кругозоръ и воспитывали въ нихъ религіозную терпимость. Вліяніе чужихъ культуръ, особенно высоко развитой культуры византійской, на религіозныхъ представлений славянъ было тѣмъ значительнѣе, что язычество, въ силу своей грубости и отсутствія опредѣленныхъ формъ, не могло оказать никакого противодѣйствія тѣмъ вѣрованіямъ,

для которыхъ раскрывались сердца людей, выработавшихъ въ себѣ болѣе высокія нравственныя и умственныя воззрѣнія. Уже въ первой половинѣ X в. среди людей, которымъ чаше приходилось соприкасаться съ культурной Византіей, т.-е. среди варяговъ-дружинниковъ и купцовъ, появляется много христіанъ, и у нихъ въ Киевѣ были свои церкви. Князья относятся съ полной терпимостью къ новой религіи: когда Игорь въ 945 г. заключалъ договоръ съ греками, то часть ого дружины присягу соблюдать договоръ приносила по христіанскому обряду. Христіанство проникло и въ княжескую семью: жена Игоря, княгиня Ольга, крестилась, вѣроятно, еще раньше своей поѣздки въ Царьградъ (957 г.). Святославъ, самъ, какъ воинъ, равнодушный къ религіи, оставался язычникомъ, но христіанъ не преслѣдовалъ.

Только Владимиръ въ началѣ своего княженія старается показать себя ревностнымъ язычникомъ: ставить новыхъ идоловъ, украшаетъ ихъ, устраиваетъ торжественные жертвоприношенія, даже человѣческія. Но эта ревность была вызвана не искренней преданностью язычеству, а политическимиображеніями: дѣло въ томъ, что Владимиръ занялъ Киевскій престолъ послѣ борьбы съ своимъ братомъ Яроноюкомъ, и въ этой борьбѣ ему помогла та часть кіевлянъ, когдая была недовольна Яроноюкомъ за его расположение къ христіанству. Упрочивъ свою власть, Владимиръ обратилъ вниманіе на возникший въ Киевѣ религіозный вопросъ. Выгоды, которыя сулило принятіе христіанства, сближившее русскихъ съ Византіей, настоящія окружающихъ лицъ, сбѣтовавшихъ князю оставить язычество, и личные взгляды Владимира, воспитанного бабкой Ольгой, когда она уже была христіанкой, привели его, наконецъ, къ решению креститься.

Извѣстный лѣтописный разсказъ объ испытаніи вѣръ и крещеніи Владимира въ Корсунѣ, завоеванной у Византіи, составился только въ XII в., и поэтому не совсѣмъ ясно передаетъ подробности этого события. Предпочтеніе, отданное Владимиромъ православію передъ западнымъ христіанствомъ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что ближайшія славянскія страны приняли незадолго до этого христіанство по восточному обряду, и это совпало съ ихъ процвѣтаніемъ; православіе проповѣдувалось на родномъ, славянскомъ языке, оно могло поэтому глубоко проникнуть въ народъ, сдѣляться религіей национальной. Выборъ вѣры подсказывался также и тѣмъ, что греческое вліяніе въ Киевѣ вообще было сильнѣе всякаго другого, и громадное большинство русскихъ христіанъ, если не всѣ, принадлежало къ греческой церкви. Около того времени, когда у Владимира созрѣло намѣреніе перемѣнить вѣру, опять началъ войну съ Византіей, такъ какъ былъ недоволенъ невыгоднымъ договоромъ, заключеннымъ съ греками еще Святославомъ. Моментъ для войны былъ выбранъ удачно: въ Византіи въ это время происходило

сильное восстание, а извѣй ее тѣснили болгары. Императору пришлось просить у русского князя мира: Владимиръ обѣщалъ послать императору вспомогательное войско, а тотъ обязывался выдать сестру свою Анну замужъ за Владимира, который хотѣлъ принять христіанство. Владимиръ выполнилъ свое обязательство, но императоръ медлилъ, и только позывъ походъ Владимира и взятие греческаго города Херсонеса (около Севастополя) заставили его выполнить условія договора. Анна приѣхала въ Херсонесъ (или Корсунь), и Владимиръ, крестившись, женился на ней. Впрочемъ, можно думать, что онъ крестился еще раньше: или въ Кieвѣ или въ Василевѣ (теперь г. Васильковъ, Kievsk. губ.); послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что городъ могъ получить свое название по христіанскому имени Владимира—Василій.

Принявъ христіанство отъ грековъ, какъ ихъ побѣдитель, Владимиръ тѣмъ самымъ сдѣлалъ невозможнымъ, чтобы религіозная зависимость русскихъ отъ грековъ превратилась въ политическую. По возвращеніи въ Kievъ князь приказалъ уничтожить идолы и пригласилъ кieвлянъ собраться на рѣчку Почайну, чтобы креститься. Лѣтопись, нагромождая событія, пріурочиваетъ крещеніе Руси къ 988 г., но несомнѣнно, что это былъ процессъ гораздо болѣе продолжительный. Язычество отступало передъ христіанствомъ не безъ борьбы: даже въ Kievѣ, гдѣ почва для принятія христіанства была уже давно и хорошо подготовлена, нашлись упорные приверженцы язычества, скрывшіеся въ лѣса и составившіе шайку, съ которой пришлоось упорно бороться.

А чѣмъ дальше на сѣверъ, куда мешше проникало культурное влияние Византіи, тѣмъ больше сопротивленія встрѣчали бояре и священники, посланные Владимиромъ проповѣдывать новую вѣру. Преданіе сохранило память о сопротивлении новгородцевъ, которые съ оружіемъ встрѣтили присланыхъ крестить ихъ Добрышю и Путяту. Но христіанство было уже и въ Новгородѣ, и съ помощью новгородцевъ-христіанъ Добрыша подавилъ восстание язычниковъ и крестилъ ихъ насилиемъ. Долго потомъ жители другихъ областей дразнили новгородцевъ, говоря: «Вась Путята крестилъ мечомъ, а Добрыя огнемъ».

Особенно долго язычество держалось въ областяхъ съ финскимъ населеніемъ — въ земляхъ Ростовской и Муромской, а у славянъ — среди радимичей и вятичей, принявшихъ крещеніе только въ XII в. Къ концу княжения Владимира на Руси было уже 9 епархій, которыхъ управлялись епископами, называемыми кieвскимъ митрополитомъ, самого же митрополита назначали константинопольской патріархъ.

По городамъ и селамъ при Владимирѣ строилось много церквей; изъ нихъ самая замѣтная — Десятинная церковь въ Kievѣ, названная такъ потому, что на ея содержаніе Владимиръ назначилъ десятую часть княжескихъ доходовъ. Въ этой церкви должна была наход-

диться кафедра митрополита, и поэтому она была построена особенно роскошно: мастера и художники были вызваны из Греции, оттуда же привезли и материал для постройки; храмъ былъ очень обширный и великолѣпно украшенъ мраморными колоннами, мозаиками и фресками.

Русская церковь считалась зависимой отъ церкви константинопольской, но эта зависимость сказывалась только въ томъ, что киевский митрополитъ былъ почти всегда изъ грековъ и ставился греческимъ патриархомъ; въ назначении епископовъ митрополитъ былъ уже свободенъ. Первые русские епископы и священники тоже были греки, но уже вскорѣ благодаря школамъ, которыхъ открылись при Владимирѣ Св., сдѣлалось возможнымъ назначать священниковъ изъ русскихъ, а возникший въ XI в. Киево-Печерскій монастырь, сдѣлавшійся центромъ благочестія и богословской учености, подготовилъ уже и русскихъ епископовъ. Впрочемъ, образованныхъ людей среди священниковъ было очень немного: во-первыхъ, грамота тогда была дѣломъ не легкимъ, а во-вторыхъ, при неопределенномъ обеспечении, состоявшемъ изъ приношений прихожанъ и платы за требы, было гораздо выгоднее сдѣлаться воиномъ, купцомъ или тѣуномъ — только не священникомъ. Какъ не высокъ былъ умственный и нравственный уровень тогдашняго благоухновенства, сельского и городского, и какъ трудно было найти подходящихъ людей, можно видѣть изъ уставовъ разныхъ митрополитовъ, разрѣшившихъ посвящать въ священники лицъ, которыхъ совершили какія-нибудь преступленія, но покаялись въ нихъ своему духовному отцу, а въ діаконы — даже тѣхъ, которыхъ виновны въ воровствѣ, но успѣли уладить дѣло безъ огласки.

Епископъ въ Киевской Руси игралъ огромную роль: помимо полной власти надъ духовенствомъ своей епархіи, онъ имѣлъ еще очень важное право церковнаго суда. Всѣ люди судились епископомъ по тѣмъ дѣламъ, напримѣръ, преступленіямъ, касавшимся религіозной и семейной жизни, а нѣкоторые люди судились у него и по всѣмъ дѣламъ, таковы были, такъ называемые, церковные люди, т.-е. духовенство, поповичи, странники, богадѣльныя люди, изгоп и т. д. Судебныя пошлины составляли главный доходъ епископа; другою доходною статьей были сборы съ священниковъ при ихъ посвященіи. Церковь имѣла еще два крупныхъ источника доходовъ: благочестивые люди жертвовали драгоценности и недвижимое имущество: земли и села, населенія челядью. Для управления епархией, для суда и завѣдыванія огромнымъ имуществомъ у епископа былъ цѣлый штатъ служащихъ, и богатый «владычный дворъ» походилъ во многомъ на дворъ княжеский. Князья съ уважениемъ относились къ высшему духовенству, которое первѣко приглашалось въ княжескую думу, где обсуждало не только церковныя, но и гражданскія дѣла.

После принятия христианства появились на Руси и монастыри; одни изъ нихъ устраивались князьями, боярами и богатыми людьми, которые на свой счетъ содержали такой монастырь, чтобы живущие тамъ монахи непрестанно и усердно молились за нихъ Богу; другіе монастыри были основаны энтузиастами съ твердой волей, которые увлеклись проповѣдью отречения отъ земного и своею жизнью, совпадающею съ ихъ идеаломъ, привлекли въ свои пещеры и скиты желавшихъ подражать имъ послѣдователей. Особенно известенъ былъ Киево-Печерскій монастырь, «три свѣтила» котораго: Антоній, Феодосій и Никонъ — имѣли огромное влияніе. Но популярность монастыря, поставленнаго, по выражению лѣтописи, «не отъ богатства, а слезами, пощениемъ, молитвою и бдѣніемъ», сдѣлали то, что и этотъ монастырь, подобно другимъ, сталъ обладателемъ большого богатства и крупнымъ земельнымъ собственникомъ. Въ качествѣ крупнаго собственника церковь приымкала по своимъ интересамъ къ князю и боярству; замѣтной политической роли она, впрочемъ, не играла.

Принятие христианства, открывшаго болѣе широкій путь культурному вліянію Византіи, дало толчокъ развитію русскаго просвѣщенія. Явилась письменность: прежнія «черты и рѣзы» были замѣнены славянской азбукой, изобрѣтеннѣй незадолго передъ этимъ Кирилломъ для обращенныхъ въ христианство болгаръ. Были привезены книги, на первыхъ порахъ необходимыя для богослуженія, появились изъ Византіи и учителя «книжнаго ученія», стали открываться школы — въ Киевѣ при Владимирѣ Св. и въ Новгородѣ при Ярославѣ М. Возникаетъ обширная литература — сначала все переводы съ греческаго, а потомъ и самостоятельная. Чтеніе книгъ считается душеполезнымъ занятіемъ, пробуждающимъ въ человѣкѣ только хорошее, и лѣтописецъ высказалъ, очевидно, общее мнѣніе о просвѣщеніи въ своей прекрасной и искренней похвалѣ книгамъ: «Велика польза бываетъ человѣку отъ ученія книжнаго: книгами наставляемы и поучаемы бываемъ на путь покаянія и мудрость находимъ и воздержаніе отъ книжныхъ словесъ; отъ — рѣкъ, напояющія всю вселенную, онъ источникъ мудрости; неисчислимая глубина книгъ; ими мы утѣшаемся въ печали; онъ памъ узда воздержанія. Велика мудрость, и если ее поищешь въ книгахъ, и прилежно, то найдешь великую пользу душѣ своей». Изъ лѣтописи же узнаемъ мы имена лѣкоторыхъ «книголюбцевъ», способствовавшихъ развитію просвѣщенія. Таковъ былъ Ярославъ Мудрый, который «книгамъ прилежа, почитая часто въ день и въ нощи; и собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на славянскій языкъ и писма, и списаша многы книги» Сыновья его, Святославъ и Всеволодъ, тоже отмѣчены въ лѣтописи, какъ покровители и представители просвѣщенія. Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ, какъ можно видѣть изъ дошедшаго до насъ его «По-

ученія дѣтіямъ», тоже былъ человѣкъ книжный. Изъ другихъ русскихъ писателей XI—XII в. наиболѣе замѣчательны: митрополитъ Илларіонъ и Кириллъ, епископъ Туровскій — ученые проповѣдники и замѣчательные стилисты; митрополитъ Климентъ Смолятичъ — «книжникъ и философъ»; кіево-печерскій монахъ Несторъ, составившій житіе преп. Феодосія, сказание о Борисѣ и Глѣбѣ и древнійшую русскую лѣтопись; кіевскій игуменъ Сильвестръ, составитель начального лѣтописного свода; затѣмъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ авторовъ, изъ которыхъ выше всѣхъ стоитъ творецъ «Слова о Полку Игоревѣ» — лучшаго по художественнымъ достоинствамъ произведения древней русской литературы.

Но сколько бы ни приводить фактovъ, доказывающихъ расцвѣтъ просвѣщенія въ Киевской Руси, все-таки надо помнить, что это были лишь свѣтлыя точки на темномъ фонѣ; громадное большинство населения, особенно въ селахъ, представляло не только необразованную, но и просто неграмотную массу. Да и большая часть тогдашнихъ ходовыхъ книгъ безсильна была разсѣять мракъ невѣдѣства, потому что преобладаніе религіозныхъ интересовъ закрывало дорогу точной свѣтской науки; поэтому тогдашнія понятія объ устройствѣ міра и о природѣ представляютъ сплошные курьзы — до знаменитыхъ четырехъ китовъ включительно.

Обычными центрами просвѣщенія были монастыри: здѣсь дѣлались переводы съ греческаго, переписывались прежнія произведенія, составлялись новыя. Среди другихъ видовъ литературы особенной любовью пользовались сочиненія историческія: разныя сказанія, сборники, лѣтописи. Лѣтопись представляетъ сводъ разнообразныхъ записей, расположенныхъ не по внутренней связи, а въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ. При этомъ черезъ весь разсказъ красною нитью проходить религіозная идея, заставляющая лѣтописца разматривать одни события, какъ милость Божію, а другія, какъ наказаніе и Божій гневъ за людскіе грѣхи. Древнійшій лѣтописный сводъ, такъ называемая «Начальная лѣтопись», не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ, и мы его знаемъ только какъ часть позднѣйшихъ сводовъ, куда онъ былъ спущенъ; изъ этихъ списковъ древнійшіе: Лаврентьевскій (1377 г.) и Ипатьевскій (конецъ XIV в.). Составителемъ «Начальной лѣтописи» былъ кіевскій игуменъ Сильвестръ, что же касается кіево-печерскаго монаха Нестора, то онъ составилъ лѣтопись событий только части XI вѣка, но и то эта часть вошла въ «Начальную лѣтопись» въ сильно дополненномъ видѣ. Лѣтопись представляетъ драгоценный источникъ для истории Киевской Руси, но пользованіе ю требуетъ большой предварительной критической работы. Мы уже видѣли, напримѣръ, съ какими дополненіями и поправками надо принимать лѣтописный разсказъ объ основаніи Русского государства и о принятіи христіанства.

Такъ же сильно было византійское вліяніе и на русское искусство, которое зародилось еще въ эпоху язычества, когда калища и «требища», где приносились жертвы, замѣняли собою храмы, а идолы представляли попытки воплотить въ материалъ идею. Христианство вытеснило эти проявленія языческаго искусства и замѣнило ихъ византійскими формами. Уже выстроенная при Владимирѣ Св. при помощи грековъ Десятиналь церковь представляла великолѣпный образецъ византійскаго стиля; при Ярославѣ М. въ Киевѣ былъ построенъ, опять-таки греками, храмъ Св. Софії, украшенный со всей роскошью и богатствомъ, и эти совершенные образцы безповоротно опредѣлили направление русского церковнаго зодчества. То же самое надо сказать и о скульптурѣ, выражавшейся въ рѣзныхъ украшенияхъ на мраморныхъ гробницахъ. Для украшения храмовъ нужна была живопись, и она перешла на Русь изъ Византіи. Далекая отъ техническаго совершенства, она изображала лица святыхъ склонными и строгими, углубленными въ созерцаніе, чуждыми мимолетныхъ житейскихъ настроений. Эти лица съ большими серьезными очами какъ бы смотрятъ въ душу молящагося и вызываютъ въ немъ особое глубокое настроение. При рѣзкомъ преобладаніи византійскаго стиля въ искусствѣ проявляются, впрочемъ, и иѣкоторыя національныя черты.

Упадокъ Киевской Руси.

Кievъ развивался по обычному типу средневѣковыхъ городовъ Западной Европы. Выгодное торговое положеніе способствовало его обогащению и возвышению надъ другими городами и княжествами. Уже при Ярославѣ Русская земля входитъ въ тѣсныя отношенія не только съ Византіей, но и съ государствами Западной Европы. Нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить родственныя связи русскихъ князей. Одна дочь Ярослава была замужемъ за французскимъ королемъ Генрихомъ, другая — за королемъ Норвегіи, третья — за венгерскимъ королемъ; сыновья его были женаты на иностранныхъ принцессахъ, а самъ Ярославъ — на дочери шведскаго короля. Но Русское государство было некрѣпко. Уже послѣ Ярослава (ум. 1054 г.) оказывается непрочность государственныхъ связей, соединявшихъ разныя области въ одно Киевское княжество; онѣ уже не платятъ дани Киеву, и если отдельныя княжества еще не обособляются совершенно, то, главнымъ образомъ, потому, что принадлежать князьямъ — членамъ одного рода, сообща владѣвшимъ всею Русской землей и поочередно — отдельными частями ея. Въ XII в. уже ясно замѣчается обѣданіе Киевской области, отшѣвъ изъ нея населенія и утраты Киевомъ значенія эко-

номического и политического центра. Этому способствовало и внутреннее положение и внешняя обстоятельства. Главным недостатком внутреннего строя было угнетение огромного большинства населения экономически сильным классомъ. Оно выражалось двояко: во-первыхъ, очень сильно было развито рабовладѣніе. При постоянныхъ войнахъ между собой князья старались набрать какъ можно больше пленныхъ, которые по обычай обращались въ рабство; часть этихъ рабовъ шла на продажу на иностранные рынки, другая часть обрабатывала княжескія и боярскія земли. Иначе эксплуатировалось свободное крестьянство: поселившись на боярской или церковной землѣ, крестьянинъ, не имѣвши рабочаго инвентаря, долженъ быть дѣлать у собственника земли заемъ натурою или деньгами; онъ превращался въ така, юридически временна-обязаннаго крестьянина, а на дѣлѣ, при невозможности расплатиться,—почти въ полнаго раба. Такимъ образомъ, ростъ благосостоянія вышнихъ классовъ сопровождался угнетеніемъ низшихъ, а это дѣлало непрочнымъ весь порядокъ. Постоянныя княжескія усобицы, сопровождавшися опустошеніемъ сель и городовъ, также способствовали объединенію Русской земли и колебали установившійся въ ней порядокъ. Наконецъ, очень неблагопріятно было вышеупомянутое положеніе Киевской Руси, открытой нападеніямъ кочевниковъ. При Владимирѣ Св. и Ярославѣ идетъ упорная борьба съ печенѣгами, которые подступали иногда къ самому Киеву. Затѣмъ въ Азіи поднялась новая волна кочевниковъ — двинулись половцы, въ теченіе 150 лѣтъ беспокоившіе Русь своими набѣгами, разорявши се и уводившіе множество пленныхъ. Враждебавшіе князья не могли оказывать имъ сильного сопротивленія и иногда даже вмѣшивали ихъ въ свои усобицы. Нѣкоторые походы противъ половцевъ предпринимались князьями на собственный рискъ, безъ предварительного соглашенія другъ съ другомъ, и кончались неудачно; таковъ былъ знаменитый походъ новгородско-свѣрского князя Игоря въ 1185 г., воспѣтый въ «Словѣ о полку Игоревѣ», авторъ которого съ горечью жалуется на то, что «княжескія усобицы на руку поганыи». Только Владимиръ Мономахъ убѣждаль князей забыть раздоры и вмѣстѣ бороться съ общимъ врагомъ. Этотъ князь успѣшилъ боролся съ половцами, но ихъ набѣги не прекращались до самого конца Киевской Руси, когда на смѣшу половцамъ, отчасти уже сдѣлавшимся мирными, явились татары (1223 г.).

Подъ вліяніемъ этихъ причинъ въ XII в. начинается быстрый упадокъ экономического, а слѣдовательно, и политического значенія Киевской области. Торговля въ ней замираетъ, населеніе бѣднеетъ, и поэтому начинается широкое переселенческое движение. Оно шло двумя путями: часть населенія направилась на западъ въ Галицкое княжество, которое, благодаря удобному положенію по соображенію съ болѣе

культурнымъ западомъ, вскорѣ сдѣлалось самой богатой и лучшей об-
ластью восточныхъ славянъ; еще больше переселенцевъ пошло на сѣверо-
востокъ. Опустѣвшая Киевская область теряетъ для князей свою преж-
нюю привлекательность и, наоборотъ,—земли, где осѣли поселенцы, по-
лучаютъ новое значеніе,—вообще прежняя послѣдовательность земель
по ихъ значенію нарушается. Вмѣсть съ тѣмъ съ размноженiemъ кня-
жескаго рода утрачивается живое сознаніе родственныхъ связей, въ
немъ обособляются отдельныя линіи, и это паденіе родового единства
способствуетъ паденію единства земли. Въ результатѣ постепенно полу-
чается распаденіе Русской земли на нѣсколько политически независи-
мыхъ княжествъ и новая княжескія отношенія. Рашло другихъ, еще
при Владимирѣ Св. выдѣлилось княжество Полоцкое; затѣмъ обо-
собились княжества: Чернигово-Сѣверское, Муромское,
Рязанское, Смоленское, Владимирово-Волынское, Галицкое,
Новгородская земля, развившая своеобразный вѣче-
вой строй, и, наконецъ, Ростово-Суздальское княжество. Что
же касается Киевскаго, то во второй половинѣ XII в. Киевъ окончательно
утратилъ значеніе центра: въ 1169 г. князь Ростово-Суздальской обла-
сти Андрей Боголюбскій по праву старшинства захватилъ Киевъ, но не
пожелалъ ити княжить туда, а остался въ своей области, придавъ, та-
кимъ образомъ, значеніе центра новой резиденціи великаго князя—не-
давно построенному городу Владимиру на Клязьмѣ.

При полномъ обособленіи княжествъ и при новыхъ условіяхъ оче-
редной порядокъ владѣнія уже не могъ имѣть мѣста; въ каждомъ кня-
жествѣ утверждается своя княжеская линія. Только занятье великого-
княжескаго стола во Владимирѣ и обладаніе старшимъ городомъ ка-
ждой области зависѣло отъ очереди старшинства, младшіе же города
передаются не по очереди, а по волѣ владѣльца, обыкновенно по завѣ-
щанію отъ отца къ сыну. Слѣдовательно, младшія княжества разсма-
триваются уже не какъ достояніе всего рода, а какъ частная собствен-
ность князя, его вотчины, уѣздъ. Эти уѣзденные князья не передви-
гаются по княжествамъ, они всегда остаются въ своемъ городѣ, даже
тогда, когда получаютъ великокняжескій столь. Такъ значеніе вели-
каго князя отдаляется отъ мѣста и переносится на лицо. Указаныя
явленія составляютъ уѣзденный порядокъ, характерный для слѣ-
дующаго периода русской исторіи — отъ конца XII в. до начала XIV,
т.-е. отъ упадка Киевской Руси и раздѣленія Русской земли на княже-
ства до объединенія всѣхъ уѣзловъ подъ властью Москвы.

Ростовско-Суздальский край.

Образование великорусского племени.

Съ перенесенiem центра русской жизни съ юга на съверо-востокъ въ русской исторіи стала обозначаться цѣлый рядъ явленій, не имѣвшихъ прямой непосредственной связи съ общимъ строемъ Киевской Руси. Эти новыя явленія, ихъ причины и близкайшія послѣдствія наиболѣе замѣтны въ исторіи Ростовско-Суздальского края, гдѣ при новыхъ экономическихъ условіяхъ выработались особыя общественные и политическія отношенія, составившия потомъ характерное содержаніе того периода русской исторіи, который слѣдовалъ за кіевскимъ.

Извѣстны главные факторы исторіи — природа и люди. На съверо-востокѣ они были иные, чѣмъ на югѣ. Съверо-восточная часть русской равнины представляетъ ровную страну съ небольшими холмистыми возвышеніями, которыхъ не могли препятствовать свободному движению переселенцевъ изъ Киевской Руси, а обиліе большихъ и маленькихъ рѣкъ со множествомъ притоковъ еще болѣе способствовало ихъ разселенію. Обширные лѣса, гдѣ водилось много волковъ, медведей, бобровъ, лисицъ и лосей, но мало пушныхъ звѣрей съ цѣнными мѣхами, множество рѣкъ и болотъ, новые почвенные условия — все это помимо всякихъ вѣнчихъ обстоятельствъ вліяло на измѣненіе хозяйственной жизни населенія.

Измѣнилось и само населеніе. На новыхъ мѣстахъ пришельцы изъ Придѣпровья встрѣтились съ финскими племенами, составлявшими здѣсь исконное населеніе; они жили здѣсь еще задолго до появленія славянъ, и начальная лѣтопись указываетъ даже границы трехъ финскихъ племенъ: муромы, мсри и веси. Какъ широко раскинуты были финскія племена, можно судить по тому, что до сихъ поръ на очень большомъ пространствѣ отъ Оки до Бѣлаго моря встрѣчаются въ географическихъ названіяхъ слѣды финскаго языка, очевидно, господствовавшаго когда-то на этомъ широкомъ пространствѣ. Несомнѣнно, финскаго происхожденія названія рѣкъ, оканчивающіяся на «ва», что по-фински значить «вода»: Протва, Москва, Сылва и т. д. Название Оки — тоже финское: «юки», по-фински значитъ рѣка. Название города Весьегонска сохранило память о жившемъ когда-то здѣсь финскомъ племени вѣси. Славянское населеніе, двигавшееся изъ Придѣпровья, а также изъ Новгородской области, шло съ мирными цѣлями, и этой мирной встрѣчѣ различныхъ племенъ много способствовалъ самый характеръ финновъ, которые всегда отличались миролюбиемъ и уступчивостью: не даромъ всѣ финскія племена у славянъ были извѣстны подъ общимъ

ироническимъ именемъ чуди (отсюда слова: чудить, чудакъ). По своему развитию финны стояли гораздо ниже славянъ, поэтому они легко подчинялись славянскимъ пришельцамъ, усваивая ихъ языкъ, религию и обычай. Сближаясь съ славянами, они стали входить съ ними въ родственныя связи, и отъ такого смѣшения славянъ съ финнами получилось въ слияние племя, господствовавшее на сѣверо-востокѣ и выступавшее, какъ главное, въ дальнейшей русской истории. Великороссъ, благодаря примѣсу финской крови, отличается отъ южанъ прежде всего своимъ физическимъ обликомъ: онъ ниже ростомъ, имѣетъ скучистое лицо, приплюснутый носъ, болѣе темный цветъ лица и волосъ, очень часто каріе глаза. Какъ бы растворяясь среди славянъ, финны повлияли также и на ихъ культуру. Чистый говоръ Киевской Руси измѣнился подъ вліяніемъ финского языка; напримѣръ, во многихъ мѣстахъ сѣверо-восточной равнинѣ звукъ «о» стали произносить какъ «а», т.-е. такъ, какъ мы произносимъ: Москва, вада, стадъ и т. д. Были и другія различія въ произношеніи, которыхъ и теперь уцѣльли въ таѣ называемыхъ мѣстныхъ говорахъ. Остатки финскихъ языческихъ вѣрованій, смѣшивавшихся съ христіанскими понятіями, перешли и къ великороссамъ, обогативъ, такимъ образомъ, запасъ суевѣрій. На ряду съ вѣрой въ Бога христіанского продолжала жить вѣра и въ боговъ финскихъ, которые теперь считались только злыми и помѣщали не на лебѣ, а подъ землей. Финское вліяніе сказалось также на нравахъ и обычаяхъ великороссовъ. Итакъ, благодаря примѣсу финской крови и вліянію ихъ культуры на пришедшихъ славянъ на сѣверо-востокѣ образовалось новое племя великороссовъ.

Разрозненная жизнь среди громадныхъ лѣсовъ и болотъ, борьба съ суровой природой и необходимость заниматься, главнымъ образомъ, земледѣліемъ выработали въ характерѣ великоросса тѣ черты, которыя еще больше отличали новое племя отъ жителей юга: замкнутость, осторожность и умѣніе медленно, но упорно стремиться къ памѣтной цѣли. Такимъ образомъ, ближайшимъ результатомъ колонизации сѣверо-восточного края славянами было образование нового великорусского племени.

Главные черты экономического и общественного строя сѣверо-восточной Руси.

Въ сѣверо-восточной Руси были развиты тѣ же виды добывающей и обрабатывающей промышленности, что и въ Киевской, т.-е. населеніе занималось охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ и скотоводствомъ. Но надѣль всеми этими видами добывающей промышленности уже съ XII вѣка начинаетъ замѣтно преобладать земледѣліе; оно со-

ставляетъ здѣсь такую характерную черту хозяйства, что подобно тому, какъ Киевскую Русь по главному экономическому фактору можно было назвать торговой, такъ сѣверо-восточную Русь можно считать земледѣльческой. Земледѣліе процвѣтало здѣсь, во-первыхъ, потому, что главную массу переселенцевъ съ неспокойнаго юга составляли сельскіе люди; затѣмъ сама страна, удаленная отъ рынковъ и торговыхъ путей, не дававшая населенію иныхъ средствъ къ жизни, заставляла обращаться къ земледѣлію. При обработкѣ земли употреблялась обыкновенно подсѣчна система, когда мѣсто для пашни расчищалось изъ-подъ лѣса, и переложная, когда истощенный участокъ покидался, и земледѣлецъ переходилъ на новый. Собственниками земли становились обычно наиболѣе сильные экономически — именно князья, бояре и монастыри, вообще игравшіе очень важную роль въ колонизации края; на ихъ-то землю и садились земледѣльцы. При этомъ имъ всегда приходилось обращаться за помощью къ капиталистамъ, собственникамъ земли, которые на известныхъ условіяхъ и снабжали ихъ инвентаремъ и деньгами «на сѣмены и ёмены». Такъ обозначается на сѣверо-востокѣ раздѣленіе общества на классы по ихъ отношенію къ землѣ: одни — землевладѣльцы, другіе — зависимые отъ нихъ земледѣльцы.

Самая форма землевладѣнія мѣняется: па ряду съ правомъ полной собственности на землю зарождается условное владѣніе землей. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ князей земля стала служить средствомъ вознаграждать тѣуновъ, бояръ и военныхъ слугъ. Такая земля жаловалась во временное пользованіе па известныхъ условіяхъ и, оставаясь собственностью князя, могла переходить по наслѣдству отъ отца къ сыну, но непремѣнно на тѣхъ же условіяхъ. Это такъ называемое помѣстное землевладѣніе, не существовавшее на югѣ и очень характерное для сѣверо-востока.

Обрабатывающая промышленность въ сѣверо-восточномъ краѣ была приблизительно такая же, какъ и въ Киевской Руси. Что же касается торговли, то, при господствѣ натурального хозяйства и отдаленности страшы отъ рынковъ, вѣнтиляция торговля была развита мало; только позднѣе, въ XIV в., съ усиленіемъ Москвы завязывалася, при помощи татаръ, торговыя спошненія съ Азіей, а при посредствѣ Новгорода и Пскова — съ Западной Европой. Зато внутренний обмѣнъ былъ оживленіе, чѣмъ на югѣ, и поэтому возникъ цѣнзурный рядъ городовъ, которые обогащались и росли именно потому, что были удобными центрами внутренней торговли. Такъ возвысились Тверь, Москва, Рязань, Нижний-Новгородъ и др. Впрочемъ, торгово-промышленный классъ на сѣверо-востокѣ совсѣмъ не пользовался такимъ значеніемъ, какъ на югѣ; теперь гораздо болѣе выдвигало человѣка впередъ обладаніе землей, а она въ очень большихъ размѣрахъ составляла собственность князей.

Такимъ образомъ, благодаря новымъ хозяйственнымъ условіямъ, въ прежнихъ общественныхъ отношеніяхъ намѣтились нѣкоторыя перемѣны, которыхъ должны были отразиться и на политическомъ строѣ княжествъ сѣверо-восточной Руси. Раньше всего новый политическій явленія обнаружились въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ.

Политический строй Владимира-Суздальского княжества.

Въ то время, когда шла усилившая колонизація Ростово-Суздальскаго края, здѣсь княжилъ сынъ Владимира Мономаха — Юрій Долгорукій. Воспитанный въ привычкахъ и возврѣнныхъ южныхъ князей, онъ не замѣчалъ тѣхъ выгодъ, которыя могло представлять его княжество, и все стремился занять великокняжескій столъ въ Кіевѣ; послѣ упорной борьбы цѣлъ-за Кіева онъ утвердился здѣсь и княжилъ до самой смерти. Это было, можно сказать, послѣдній князь Кіевской Руси. Сноваѣмъ иначе держалъ себя его сынъ, Андрей Боголюбскій. Онъ выросъ на сѣверѣ и, не связанный предразсудками, ясно понималъ всѣ преимущества сѣвера передъ югомъ. При немъ и совершилась важная политическая перемѣна, уже подготовленная упадкомъ юга и развитіемъ жизни на сѣверо-востокѣ. Въ 1169 г. его войска въ союзѣ съ другими князьями взяли и разграбили Кіевъ, занятый въ это время по въ очредь племянникомъ Андрея, Мстиславомъ Изяславичемъ Волынскимъ. Андрей сдѣлялся великимъ княземъ, по опѣ не покинувъ въ Кіевѣ, а остался во Владимирѣ, отдавъ Кіевъ своему младшему брату Глѣбу.

Такъ великокняжеское достопрѣство отѣлилось отъ мѣста, и политическимъ центромъ вмѣсто Кієва сталъ Владимиръ на Клязьмѣ. Но великий князь Владимирскій не былъ похожъ на великаго князя Кіевскаго. Ростово-Суздальская область перешла къ нему отъ отца и дѣда; онъ привыкъ смотрѣть па нее какъ па свою вотчину, хотѣлъ распоряжаться въ ней самовластно, тѣмъ болѣе что его пріучала къ этому хозяйственная дѣятельность, вызванная необходимостью руководить колонизаціей. Съ приходомъ населения возникали новые города, которые сильно отличались отъ старыхъ: въ Ростовѣ и Суздалѣ были сильны вѣчевые порядки, стѣснившіе власть князя, въ новыхъ же городахъ не было никакихъ вѣчевыхъ традицій, здѣсь знали больше князя, и его власть была тутъ гораздо свободнѣе. Поэтому-то Андрей и дѣлаетъ своей резиденцией пригородъ Владимиръ и даже село Боголюбово. Для усиленія княжеской власти благопріятно было то, что колонизація края шла при помощи и подъ руководствомъ князя, на которого населеніе поэтому стало смотрѣть, какъ на хозяина, имѣющаго право полновластно распоряжаться

свою собственностью; затѣмъ, самое главное занятіе населенія — земледѣліе разбивало жителей на отдельные поселки, въ которыхъ, конечно, не могла такъ сильно выражаться народная воля, какъ на вѣчѣ въ большихъ торговыхъ городахъ Киевской Руси.

Усиленіе княжеской власти выразилось также въ томъ, что Андрей освободился отъ обычныхъ союзниковъ: прогнавъ изъ Ростовскаго княжества своихъ братьевъ и племянниковъ, онъ удалилъ также старыхъ влиятельныхъ бояръ, одного даже казнилъ, а къ себѣ сталъ приближать людей новыхъ, случайныхъ; изъ нихъ самымъ влиятельнымъ былъ ключникъ Альбаль. Итакъ, во Владимирскомъ княжествѣ утверждается самовластіе князя. Но оно установилось не безъ борьбы: противъ самого Андрея въ 1174 г. вспыхнула бутиль, кончившись убийствомъ князя и его посадниковъ; затѣмъ послѣ смерти Андрея идетъ упорная борьба братьевъ и племянниковъ Андрея или, лучше сказать, новыхъ городовъ, защищавшихъ новое положеніе князя, и старыхъ вѣческихъ городовъ, отстаивавшихъ свои вольности. Борьба кончилась побѣдой нового порядка: братъ Андрея, Всеволодъ III (1176—1212 гг.) былъ признанъ великимъ княземъ Владимирскимъ, а Ростовъ и Суздаль стали управляться его посадниками.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ власти князя замѣчается все большее преобладаніе Владимиро-Суздальскаго княжества надъ остальными. Прежнія отношенія князей, основанныя на родственныхъ связяхъ и родовомъ старшинствѣ, съ размежеваниемъ князей и обособленіемъ княжествъ спутались, и князь Андрей дѣлаетъ попытку замѣнить эти неопределенные отношенія простымъ политическимъ подчиненіемъ себѣ младшихъ князей. Въ его волѣ ходили князья муромскій и рязанскій; даже новгородцевъ, дѣйствуя воинской силой и стѣсняя ихъ торговлю, шедшую черезъ Ростово-Суздальскій край, онъ заставилъ принять того князя, который былъ угоденъ ему. Въ Киевѣ правили князья, тоже поставленные имъ: сначала его братъ Глебъ, а потомъ племянники Ростиславичи смоленскіе, — когда послѣдніе въ чёмъ-то ослушались великаго князя, то онъ послалъ имъ приказъ: «не ходиши ты, Романъ, въ моей волѣ съ своей братіей, такъ пошелъ воинъ изъ Киева, ты, Мстиславъ, воинъ изъ Бѣлгорода, а ты, Давидъ, воинъ изъ Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлайте тамъ, какъ знаете». Отвѣтъ обиженныхъ князей еще больше подчеркиваетъ перемѣну, произшедшую въ характерѣ власти великаго князя: Мстиславъ отвѣтилъ Андрею: «Мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви; но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насть Богъ разсудить». Притязанія Андрея на главенство надъ другими князьями поддерживалъ и братъ его Всеволодъ III: и кievскій, и соседніе князья ходили въ

его волѣ и посылали свои полки по его указу. Когда рязанцы выказали исповедование, то Всеволодъ разослалъ ихъ по городамъ сузdalской области, а Рязань сжегъ. Даже Галицкое княжество, самое сильное на югѣ, признало свою зависимость отъ Всеволода, который является какъ бы руководителемъ общерусской политики. Итакъ, значитъ, при Андросѣ и Всеволодѣ великий князь стремится стать государемъ надъ другими князьями.

По единовластіе владимирскаго князя не упрочилось: условія, способствовавшія раздѣленію земли, а именно, разбросанность населенія и хозяйственная дѣятельность князей, дававшая имъ какъ бы собственниками вновь заселенныхъ земель, оказались сильнѣ. По смерти Всеволода не только опять обособились прежнія княжества, но и Владимиро-Сузdalская земля распалась на удѣлы: Сузdalской, Костромской, Московской, Ярославской, Тверской, Нижегородской и др. Въ этихъ удѣлахъ появились свои мѣстные великие князья, и стала устанавливаться новый порядокъ владѣнія: княжества передавались теперь не по очереди старшинства, а по завѣщанію отца къ сыну; они разсматривались, следовательно, не какъ часть Русской земли, а какъ частная собственность князя, его вотчина. И чѣмъ больше размножалось поколѣніе Всеволодовичей, тѣмъ больше выдѣлялось удѣльныхъ княжествъ, изъ которыхъ некоторые были такъ познанительны, что не отличались по своимъ размѣрамъ отъ боярскихъ вотчинъ. Съ развитіемъ удѣльной системы совсѣмъ уже нало единство русскихъ княжествъ, и даже послѣдній признакъ его — название «Русская земля» — почти не встречается въ лѣтописяхъ того времени.

Нашествіе татаръ и вліяніе его на русскую жизнь.

Ко всѣмъ внутреннимъ условіямъ, ослаблявшимъ Русскую землю, при сыновьяхъ Всеволода прибавились еще неблагопріятныя вѣнчанія обстоятельства: въ 1223 г. въ степяхъ появились татары. Многочисленныя орды монгольскихъ и тюркскихъ племенъ давно уже кочевали въ азиатскихъ степяхъ. Въ теченіе вѣковъ они шли оттуда на западъ въ южно-русскія степи подъ именемъ гунновъ, аваровъ, угровъ, печенѣговъ, кипчаковъ и половцевъ, но цѣлыми ордами ихъ оставались въ Азіи. Подъ вліяніемъ арабовъ и Византіи, тоже имѣвши съ Азіей торговые связи, некоторые изъ монгольскихъ племенъ стали цивилизоваться, у нихъ появилась грамотность, образовалось нѣсколько независимыхъ княжествъ. Въ началѣ XIII вѣка все эти племена объединились, и во главѣ ихъ сталъ энергичный и талантливый человѣкъ Темучинъ или Чингисъ-ханъ. Онъ былъ искуснымъ военнымъ организаторомъ: его-

войска покорили часть Китая, затѣмъ двинулись въ Среднюю Азію на Бухару и Туркестанъ, а оттуда на Иранъ, въ Персію, Арменію и Малую Азію; наконецъ, одинъ пхъ отрядъ покорилъ Кавказъ и оттуда пронесъ въ южно-русскія степи съ тѣмъ, чтобы присоединить живущихъ тамъ кипчаковъ. Встревоженные половцы и южно-русскіе князья выступили противъ татаръ, но въ битвѣ на рѣкѣ Калкѣ, близъ Азовскаго моря, были разбиты (1224 г.). Татары не успѣли дойти до Кіева, потому что были отозваны въ Азію, где въ это время закончилось образованіе имперіи Чингисъ-хана съ могучими военными силами и какой-то своеобразной культурой. Но по смерти Чингисъ-хана эта имперія скоро распалась. Та часть ея, которая лежала за Каспійскимъ моремъ, въ Европѣ досталась внуку Чингисъ-хана Батыю, который и двинулся сюда съ большими хорошо обученнымъ и опытнымъ войскомъ. Пройдя по Волгѣ и разгромивши крымскихъ болгаръ, татары въ 1237 г. вступили въ Рязанское княжество. Рязанскіе князья отказались платить имъ дань — десятую часть со всего, и тогда страна была подвергнута опустошенню. Изъ Рязани Батый пошелъ къ Владимиру, разрушивъ по дорогѣ Коломну и Москву. Послѣ упорной защиты великооколческая столица тоже была взята; за нею наступила очередь и другихъ городовъ. Великий князь Юрій пробовалъ задержать татаръ на рѣкѣ Сити, но русскіе потерпѣли жестокое пораженіе, и самъ князь палъ въ этой битвѣ (1238 г.). Покоривъ Владимира-Сузdalское княжество, Батый двинулся на сѣверо-западъ, къ Новгороду. По дорогѣ онъ взялъ Тверь и Торжокъ, по верстѣ за 100 отъ Новгорода, боясь весенней распутицы, повернуль обратно на югъ. Здѣсь онъ сначала покорилъ половцевъ, потомъ разорилъ Черниговскую область, взять Киевъ и, пройдя черезъ Волынѣ и Галицію, стала разорять Венгрию и Польшу. На западѣ онъ встрѣтилъ лучшіе укрѣпленія города и болѣе стойкое войско, и поэтому послѣ шѣхольскихъ неудачъ долженъ быть вернуться назадъ. И вотъ на восточной половинѣ Европы, на широкомъ пространствѣ отъ Камы до Каспійскаго моря и отъ Уральскихъ горъ до низовьевъ Днѣпра основалось новое царство — Золотая Орда, съ столицей Сарайемъ на нижней Волгѣ.

Опустошенныя татарами русскія княжества стали подвластны Золотой Ордѣ. Зависимость сказывалась прежде всего въ томъ, что всѣ русскіе князья, какъ великие, такъ и удѣльные, должны были отъ самого хана получать ярлыкъ на княженіе. Старій изъ князей Ярославъ, братъ погибшаго при Сити Юрія, первый съ дарами пойхалъ на поклонъ къ Батыю и былъ утвержденъ имъ на великооколческомъ престолѣ. Даже знаменитый герой, слава котораго гремѣла и въ Западной Европѣ, Даніель, король Галицкій, объединившій подъ властью свою всю юго-западную Русь, преклонилъ колѣна передъ ханомъ и обѣщалъ платить ему дань. Но, утверждая князей, татары не вмѣнивались во

внутреннее управление, которое всецело оставалось въ княжескихъ рукахъ; и утверждали-то они ихъ въ томъ порядке, который действовалъ и раньше, т.-с. въ порядке очередномъ или отчинномъ, и, если встрѣчались исключения, то они были результатомъ происковъ самихъ же князей.

Кромѣ этого вѣшняго выраженія, зависимость отъ татаръ сказывалась еще и въ тяжелой дани, какую должно было платить все русское населеніе мужского пола, начиная съ десяти лѣтъ. Для сбора ея Батый отправилъ во всѣ русскія города своихъ баскаковъ, т.-с. притѣнителей; часто это были азиатскіе купцы, бравшіе дань на откупъ. Они собирали десятину со всего. Со всѣхъ промысловъ и занятій, напримѣръ, съ торговли, были установлены особые сборы; кромѣ того, населеніе должно было доставлять ханскимъ гонцамъ лошадей и подводы. Всѣ эти поборы производились безъ всякой пощады, часто съ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія, и у населенія не было средствъ бороться съ злоупотребленіями бахконтрольныхъ сборщиковъ, потому что всякое проявленіе недовольства и ослушаніе приводили къ тому, что изъ Орды присыпалась карательная экспедиція, разорившая пепокорный край. При такомъ положеніи дѣль выгоднѣе было безпрекословно подчиняться татарамъ, и поэтому великий князь Александръ Невскій даже самъ ходилъ вмѣстѣ съ татарами походомъ на Новгородъ, который не считалъ себя побѣжденнымъ и не хотѣлъ платить дани. Черезъ всесолько десятилѣтій отпущенія между татарами и русскими въ значительной мѣрѣ сладились, собираяніе дани уже производилось обыкновенно самими русскими князьями, и темныя стороны татарской неволи стали чувствоваться рѣже и менѣе. А впослѣдствіи московскіе князья даже сумѣли извлечь выгоду изъ своихъ отношеній къ Ордѣ и укрѣпляли свою власть, пользуясь дружбой татаръ.

Что касается влиянія монгольского ига на русскую жизнь, то замѣтнѣе всего сказалось оно на материальномъ благосостояніи жителей: разоренные мѣстности и города опустѣли, населенію совсѣмъ объединено, спасаясь отъ тяжелой дани, перѣдко уходило съ плодородныхъ земель въ глухіе лѣса; многіе промыслы пали, торговля затихла окончательно — вообще разстроилась вся хозяйственная жизнь страны, а это должно было оказать косвенное влияніе и на другія стороны русской жизни. Прямого влиянія на политическую жизнь русскихъ княжествъ татары не имѣли, потому что во внутреннія дѣла не вмѣшивались; косвенное же влияніе ихъ можно, пожалуй, видѣть въ томъ, что общая ненависть къ поработителямъ воскрешала въ русскихъ чувство единства, представителемъ которого потомъ и явился на Куликовомъ полѣ московский князь Дмитрій Донской. Въ политическомъ отшествіи важно было еще то, что Галицкое княжество, которое на время сдѣла-

лось болѣе важнымъ политическимъ центромъ на югѣ, теперь ослабѣло, и Киевская Русь поэтому вскорѣ подчинилась усилившейся Литвѣ.

Гораздо значительнѣе было вліяніе татаръ на русскую культуру. Измѣнилась одежда, были сдѣланы чѣмокорыя заимствованія въ языкѣ; отъ татаръ, напримѣръ, взяты слова: деньги, кабакъ, сундукъ, черпакъ. Еще замѣтнѣе перемѣнились правы: входять въ употребленіе баготи, кнутъ, смертная казнь, затворничество женщинъ. Испугъ передъ страшнымъ бѣдствіемъ и проповѣди духовенства, призывающаго народъ къ покаянію, дабы отвратить отъ себя гневъ Божій, способствовали подъему религіознаго чувства; но при огрубленіи нравовъ и послѣ прокращенія сношеній съ Византіей, этой религіозности печьмъ было пытаться, и отъ религії для большинства остаются одни лишь обряды, внѣшнія рамки безъ внутренняго содержанія — черта столь характерная для позднѣйшаго московскаго благочестія. Для литературы татарское разореніе создало трудныя условія, и развитіе ея пріостановилось. Въ обращеніи былъ запасъ литературныхъ произведеній, составленныхъ еще въ Киевской Руси: поученія, житія, сказанія, хронографы и др., по невѣжественныя переписчики сильно ихъ исказили. Либротеки съ-веро-восточной Руси отличались отсутствіемъ живости, сухостью изложепія; оригинальныхъ произведеній было очень мало. Главными очагами тѣдашняго просвѣщенія служили монастыри, во множествѣ возникшіе подъ вліяніемъ пробудившагося религіознаго чувства на пространствѣ всей съверо-восточной Руси. Здѣсь, между прочимъ, составлялись и произведенія, которыя чѣмокорыя изслѣдователи считаютъ зародышемъ національной русской литературы — это житія мѣстныхъ святыхъ. На югѣ житія святыхъ писались по греческому шаблону, здѣсь же, благодаря большей свободѣ изложенія, они дышать оригинальностью и заключаютъ въ себѣ много интересныхъ бытовыхъ подробностей.

Причины и ходъ возвышенія Московскаго Княжества.

Послѣ Юрия II, погибшаго въ битвѣ съ татарами при Сити (1238 г.), великимъ княземъ сдѣлался братъ его, Ярославъ Всеволодовичъ. Когда онъ умеръ, то начались усобицы и, паконецъ, велико-княжескій владимирскій престолъ достался Александру Ярославичу Невскому (1252—1263 гг.). Имя этого князя пользовалось широкой популярностью благодаря важнымъ внѣшнимъ событиямъ, которыя разыгрались еще въ то время, когда Александръ былъ удѣльнымъ княземъ въ Новгородѣ. Ему удалось одержать побѣды надъ западными сосѣдями — шведами и ливонцами, пытавшимися распространить свое вліяніе въ западно-рус-

скихъ областяхъ; первыхъ онъ разбилъ на р. Невѣ въ 1240 г., а вторыхъ на югу Чудскаго озера въ 1242 г. Но, сдѣлавшись великимъ княземъ, Александръ не пытался освободить русскую землю отъ татарской неволи. Онъ слишкомъ ясно понималъ, что разоренная и раздробленная Русь не можетъ оказать татарамъ сильнаго сопротивленія, и, оказывая самъ хану Золотой Орды полное повиновеніе, онъ требовалъ того же и отъ всѣхъ русскихъ городовъ. Такая политика была выгодной, поскольку она спасала Русь отъ дальнѣйшаго разоренія, и эти заслуги князя вмѣстѣ съ его личными достоинствами доставили ему громкую известность какъ у современниковъ, такъ и у потомковъ, къ которымъ онъ перешелъ съ имѣнемъ святого.

По смерти Александра Невскаго значеніе Владимира и его князя все болѣе падаѣтъ. Этому много способствовали усобицы изъ-за великаго княжескаго сопровождавшіяся тѣмъ, что сами князья вмѣшивались въ свои отнosiенія татаръ, которые еще болѣе разоряли Русскую землю. Достигая великокняжескаго стола, эти князья не перебѣжали даже во Владимиръ, а оставались въ своихъ удѣльныхъ городахъ. Но помѣрѣ того, какъ въ этой шумной борьбѣ теряетъ свое значеніе прежній центръ русской жизни, растетъ мало-по-малу новое княжество — Московское, которое въ слѣдующій періодъ русской исторіи объединило около себя почти всѣ русскія земли.

Первое упоминаніе о Москвѣ находится въ лѣтописи подъ 1147 годомъ. Основанная, по преданию, Юриемъ Долгорукимъ и получившая имя отъ финского названія рѣки, на которой она стояла («Москва» — значитъ «мутная вода»), Москва была незначительнымъ городкомъ Сузdalскаго княжества до конца XIII в., когда она сдѣлалась уже особымъ удѣломъ съ особымъ княжескимъ домомъ, родоначальникомъ котораго былъ младший сынъ Александра Новскаго, Даниилъ. А со временемъ сына Даниила, Ивана Калиты, званіе великаго князя уже неизмѣнно оставалось за московскимъ княземъ, собиравшимъ подъ свою властью все болѣе русскихъ земель. Такой быстрый ростъ Московскаго княжества объясняется дѣйствиемъ цѣлаго ряда причинъ. Изъ нихъ наиболѣе могучее вліяніе оказало географическое положеніе города и всего края. Москва находилась на границѣ юго-западной дѣлѣпровской Руси и сѣверо-восточной волжской. Когда началось широкое движеніе колонистовъ съ юга на сѣверо-востокъ, они большими массами селились именно здѣсь, какъ въ области безопаснай, прикрытой сосѣдними княжествами: Рязанскимъ, Нижегородскимъ, Ярославскимъ, Ростовскимъ, Смоленскимъ и Новгородскимъ. Кроме переселенцевъ съ юга, къ Москвѣ шли также жители сосѣднихъ областей, бѣжавшихъ отъ княжескихъ усобицъ и татарскаго разоренія. Такъ получился очень важный экономический и политический фактъ — Московское княжество стало

однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Экономическое благосостояніе освѣшаго здѣсь паселенія тоже обеспечивалось однимъ условіемъ, вытекавшимъ изъ географического положенія края. Съ сѣверо-запада на юго-востокъ черезъ все Московское княжество протекала рѣка Москва, имѣвшая тогда важное торговое значеніе, такъ какъ она связывала бассейнъ верхней Волги и Оки; не даромъ здѣсь еще очень рано на перекрестѣ изъ верхней Волги въ Москву возникъ городокъ Волокъ на Ламѣ или Волоколамскъ, служившій для новгородцевъ мѣстомъ, где они имѣли свои торговые склады. Всѣ эти условія отражались и на московскомъ князѣ: привлѣкъ населенія увеличивалъ число плательщиковъ налоговъ, а развитіе торговли было выгодно для князя, такъ какъ въ его пользу шли торговые пошлины.

На ряду съ географическимъ положеніемъ, дававшимъ въ руки московскому князю большія матеріальные средства, росту Московского княжества способствовали также личныя свойства московскихъ князей, выработавшихъ, въ свою очередь, подъ вліяніемъ того положенія, какое занимали они въ княжескомъ родѣ. Какъ городъ, лежавшій на окраинѣ и бѣдный, Москва была отдана самой младшей линіи княжескаго рода. Московскіе князья не могли надѣяться, что когда-нибудь и до нихъ дойдетъ очередь занять великокняжескій престоль; поэтому все свое вниманіе и заботы они сосредоточили на устроеніи своего московского удѣла. Какъ безправные младшіе родичи, они не могли при этомъ опираться на традиціи старины, у нихъ не было по началу и силы, и благодаря этому они выработали новую политику, ту, которая свойственна слабому: умѣніе подмѣтить слабую сторону своего противника и ловко воспользоваться удобной минутой для обезпеченія своихъ интересовъ. При этомъ они не смущались тѣмъ, что иногда результаты были не-крупны, и упорно, шагъ за шагомъ, шли къ намѣченной цѣли. Они расширяли предѣлы своего княжества то покупкой земель у другихъ удѣльныхъ князей, то путемъ дипломатическихъ переговоровъ, то при помощи прямого насилия, прибѣгая къ содѣйствію татаръ.

Вотъ примѣры подобной политики, показывающей въ то же время, какъ быстро шло усиленіе Москвы. Родоначальникъ московскихъ князей Даниилъ, владѣвшій небольшімъ удѣломъ, который занималъ лишь среднєе течениe рѣки Москвы, сумѣлъ мирнымъ путемъ, по завѣщанію отъ своего племянника, получить городъ Переяславль-Залѣцкій; его сынъ и преемникъ Юрий отнялъ силу у рязанцевъ г. Коломну, лежащую при устьѣ Москвы-рѣки, а у смольянъ весь можайскій удѣль, который занималъ верховья той же рѣки. Такимъ образомъ, уже благодаря дѣятельности этихъ князей Московское княжество охватило все теченіе Москвы. Почувствовавъ силу, Юрий вступилъ даже въ борьбу за великокняжеский столъ съ своими старшими родичами, князьями

тверскими, и ему удалось достигнуть своей цели посредством того, какъ по его проклятию быть убитъ въ Ордѣ его соперника — князь Михаилъ Тверской. Но и Юрий былъ вскорѣ убитъ сыномъ тверского князя.

Его преемникъ Иванъ Калита дѣйствовалъ иначе: благодаря ловкой политикѣ съ татарами онъ получилъ великое княжениe Владимирское (1328 г.), данное ему ханомъ въ награду за то, что онъ наказалъ тверского князя, поднявшаго восстание противъ татаръ; затѣмъ онъ приобрѣть еще Кострому, Галичъ, Бѣлозерскъ, Перемышль и Угличъ, при чёмъ широко пользовался болѣшимъ запасомъ денегъ, которыя дали ему возможность скупить земли у частныхъ лицъ, у духовенства и у князей. Подобное же собирание Руси продолжали и преемники Ивана Калиты, и въ каждой новой духовной грамотѣ (завѣщаніи) упоминаются все новые села и волости. Къ Москвѣ присоединяются: Нижегородское княжество, Муромъ, Городецъ, Таруса, Боровскъ и другие города. Влияніе Москвы сказывается и на тѣхъ княжествахъ, которыхъ еще сохранили свою независимость. Особенно быстро шло расширение Московского княжества при Димитріи Донскомъ, Василии I и Василии II Темнѣомъ; при постѣднемъ князѣ московская владѣнія захватывали почти все пространство между Окой и Волгой и выходили далеко за эти реки, вдаваясь, напримѣръ, на сѣверъ во владѣнія Новгородского княжества. Сохранили свою независимость еще удѣлы Тверской, Ярославской, Рязанской, часть Ростовскаго, да Новгородская и Псковская области, но и эти земли, со всѣхъ сторонъ охваченные московскими владѣніями, были присоединены къ Москвѣ при Иванѣ III и Василии III — въ концѣ XV и въ началѣ XVI в.

Итакъ, главными причинами возвышенія Москвы было выгодное географическое положеніе и своеобразная политика князей, действовавшихъ всяческими средствами. Но, несомнѣнно, что важное значение имѣли и другія благопріятныя условія. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что ихъ политика, направлявшаяся своеокорыстными интересами пѣти династіи, въ то же время совпадала съ интересами массы русского населения. Въ другихъ княжествахъ постоянно происходили княжескія усобицы, разорявшія населеніе; къnimъ присоединялась еще зависимость отъ татаръ, вызывавшая по временамъ восстания, за которыми следовали тяжелыя карательныя экспедиціи. Въ Московскому же княжествѣ ничего подобного не было: тамъ усталовился правильный переходъ престола отъ отца къ сыну, тамъ почти не было усобицъ, и отношения съ татарами были обыкновенно мирными. Твердая власть, нужная князю для однихъ целей, служила была и населенію, жаждавшему спокойствия и порядка, которымъ дали бы возможность отдохнуть отъ войнъ и разоренія. Своей политической московскіе князья привлекали къ себѣ симпатіи населения; для этого нужно было получше устроить свой удѣль,

Московские князья:

Даниил, сын Александра Невского.

Юрий; Иванъ Калита (1328—1341), первый собиратель Русской земли*.

Симеонъ Гордый; Иванъ II Кроткий

Дмитрий Донской (1368—1389)

Василій I Юрий Галицкий

Василій II Дмитрий Шемяка; Василій Косой

Иванъ III (1462—1505)

Иванъ Молодой. Василій III (1505—1533)

Дмитрий

Иванъ IV Грозный (1533—1584)

Иванъ; Федоръ (ум. 1598 г.), Дмитрий Царевичъ (ум. 1591 г.).

поэтому они заботились о поддержании тамъ порядка, о привлечении туда трудолюбиваго населения, они переманивали къ себѣ изъ другихъ княжествъ промышленныхъ и рабочихъ людей, покупали въ Ордѣ русскихъ плѣнныхъ и всѣмъ имъ отводили земли на льготныхъ условіяхъ въ своихъ деревняхъ и селахъ. Заботясь о своихъ выгодахъ, они до поры, до времени вынуждены были ради этого обезпечивать и выгоды широкихъ массъ населения, которое и оказывало имъ сочувствіе и поддержку. Такимъ образомъ, выгоды, вытекавшія изъ политики московскихъ князей, доставляли имъ популярность, которая, въ свою очередь, служила почвой для дальнѣйшихъ ихъ успѣховъ.

Насколько къ лучшему мѣнялись отношенія къ татарамъ, видно изъ разсказа лѣтописца, который прекращеніе татарскихъ погромовъ въ сѣверной Руси ставить въ прямую связь съ пришествіемъ великокняжескаго достоинства Иваномъ Калитой. Говоря о возвращеніи Калиты съ великокняжескимъ ярлыкомъ отъ хана, лѣтописецъ замѣчаетъ: «быть оттолѣ тишина великa по всей Русской землѣ па сорокъ лѣтъ, и престаща татарове воевати землю Русскую». Понятно, что населеніе поддерживало такого князя. Когда въ Ордѣ начались смуты и она ослабѣла, то измѣнились и отношенія къ ней московскихъ князей: они перестаютъ заискивать у хана и упражнаться передъ нимъ, и, паконецъ, въ 1380 г. вся сѣверная Русь подъ московскими знаменами выступила на Куликовомъ полѣ противъ татар. Эта победа не освободила русскихъ отъ татаръ, но для московского князя имѣла громадное значеніе, потому что теперь вся сѣверная Русь стала смотрѣть на него, какъ на национального вождя; Москва, если еще не въ дѣйствительности, то въ умахъ населенія сдѣлалась уже центромъ всей Русской земли. Подобное же значеніе имѣло и перенесеніе въ Москву резиденціи митрополита. Когда глава русской церкви перѣхалъ изъ Киева во Владимиръ, то ему часто приходилось навѣщать свои южно-русскія епархіи; на пути отъ подолгу останавливался въ Москвѣ. Особенно любилъ бывать здѣсь второй владимирский митрополитъ Петръ; онъ подружился съ Иваномъ Калитой и вмѣстѣ съ нимъ заложилъ въ Москвѣ Успенскій соборъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ Петръ умеръ въ Москвѣ и былъ здѣсь же похороненъ, а его преемникъ Феогностъ не похалъ во Владимиръ и остался въ Москвѣ. Такъ Москва превратилась въ церковную столицу всей Руси.

Этотъ фактъ бытъ результатомъ усиленія Москвы, по затѣмъ и самъ онъ становится причиной, способствовавшей дальнѣйшему росту этого города. Во-первыхъ, въ Москву стали стекаться теперь большія материальные средства, которыми владѣла русская церковь, а, во-вторыхъ, въ сознаніи всего русскаго населения явилась толеръ мысль, что всѣ дѣйствія московского князя совершаются съ согласіемъ и благословеніемъ митрополита; въ глазахъ религиознаго населения князь получалъ

теперь новый авторитетъ. Наконецъ, важно было и то, что все церковное общество стало съ сочувствием относиться къ великому князю, который дѣйствовалъ согласно съ митрополитомъ, и этимъ сочувствиемъ укрѣпляло въ населеніи авторитетъ князя. Церковь какъ бы вступила въ союзъ съ московскимъ княземъ и во всѣхъ распряхъ держала его сторону, сильные же московскіе князья, съ своей стороны, обеспечивали духовенству и церкви сохраненіе ихъ привилегий и безопасность церковныхъ владѣній.

Кромѣ духовенства, которое дѣйствовало, конечно, не безкорыстно, сильную поддержку князю оказывало и боярство. Подъ властью могущественнаго московскаго князя боярамъ обеспечивались богатыя кормления за службу и спокойное владѣніе вотчинами; служба у московскаго князя была настолько выгодна, что бояре сосѣднихъ удѣльныхъ княжествъ охотно шли въ Москву и, заботясь здѣсь о сохраненіи своего привилегированаго положенія, всегда стояли за великаго князя московскаго. Такъ, въ малолѣтство Дмитрія Донскаго боярство выступило противъ притязаній князей тверскаго и сузdalскаго. Зато и князь цѣнилъ бояръ: тотъ же Дмитрій въ своемъ завѣщаніи даетъ дѣтямъ соѣтъ любить бояръ и слушаться ихъ совѣтовъ. Наконецъ, важной причиной усиленія московскихъ князей былъ тотъ порядокъ передачи великокняжескаго престола, который установился со времени Ивана Калины: великимъ княземъ становился обыкновенно старшій сынъ предыдущаго князя. Этотъ переходъ престола по прямой линіи отъ отца къ сыну, усиливая старшую вѣтвь княжескаго дома, подготовлялъ единовластіе московскаго князя, и все раздробленное общество съверо-восточной Руси, почувствовавъ потребность сосредоточить свои силы для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, тянуло къ Москвѣ, которая могла стать новымъ политическимъ центромъ.

Изъ всѣхъ указанныхъ причинъ возвышенія Москвы нельзя ни одной выдвинуть, какъ главную, нельзѧ напримѣръ, преувеличивать значеніе дѣятельности московскихъ князей. Московскіе князья — совсѣмъ не герои. Когда послѣ Мамая, разбитаго на Куликовомъ полѣ, хань Золотой Орды Тохтамышъ двинулъся на Москву, то самый видный изъ нихъ — Дмитрій Донской — предоставилъ жителямъ столицы самимъ защищать городъ, а самъ послѣднію удалился «собирать войска», а послѣ того, какъ Москва была взята и сожжена, онъ снова сталъ платить татарамъ дань. Но совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ представляло цѣлый историческій процессъ, который неуклонно велъ къ возвышенію Москвы, и въ XV в. наряду съ Московскими княжествомъ было еще только два сильныхъ государства, имѣвшихъ важное значеніе въ русской землѣ — это Новгородъ и Литва, съ которыми Москвѣ и приходилось сталкиваться.

Новгородская область.

Территорія.

Условія, способствовавшию объединенію русскихъ земель, были настолько могучи, что въ XV в. присоединилась къ Москвѣ и Новгородская область, отличавшаяся отъ другихъ русскихъ княжествъ какъ своеобразнымъ своимъ строемъ, такъ и большими размѣрами. Владѣнія новгородцевъ къ XIII в. простирались далеко на востокъ и съверъ; границами ихъ земель были Уральскія горы, берега Ледовитаго океана и Бѣлаго моря на съверо-западѣ — земли финскихъ племенъ, на западѣ — поселенія литовскихъ племенъ — эстовъ, ливовъ и куроновъ, а на югѣ и юго-востокѣ ихъ владѣнія примыкали къ областямъ Приднѣпровья и княжествамъ съверо-вост. Руси. Центромъ ихъ владѣній былъ старшій городъ — Новгородъ Великій и земли, лежавшія вокругъ озера Ильменя, пятинъ Водськая, Обопежская, Бѣженецкая, Шелонская и Деревскамъ. Въ этихъ пятинахъ было много городовъ, которые считались пригородами Новгорода: Псковъ, Русса, Торжокъ и др. Дальше къ съверу и востоку лежали новгородскія волости и земли: это Движская земля или Заводочье, Пермская земля, Печора, Югра и Терскій берегъ.

Въ началѣ русской исторіи Новгородское княжество мало чѣмъ отличалось отъ другихъ, но съ течениемъ времени въ его соціальномъ и политическомъ строѣ обнаружился цѣлый рядъ особенностей, вытекавшихъ изъ особыхъ экономическихъ и географическихъ условій этого края.

Хозяйственная жизнь Новгорода.

Съ самаго начала русской исторіи Новгородъ выступаетъ, какъ торговый центръ. Его торговля питалась прежде всего продуктами мѣстной добывающей и обрабатывающей промышленности. Изъ видовъ добывающей промышленности благодаря обилию большихъ лѣсовъ, озеръ и рекъ особенно выгодно было звѣроловство и охота и затѣмъ рыболовство. На берегахъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря занимались ловлей морскихъ звѣрей, а около нынѣшней Старой Руссы добывали соль и желѣзо. Всѣ эти виды добывающей промышленности носили хищническій характеръ, но отчасти замѣчается уже переходъ къ болѣе совершеннымъ формамъ; такъ, напримѣръ, новгородцы бортническое пчеловодство замѣнили пасѣчнымъ, которое требовало ухода за пчелами. Особенно важно

было то, что обилие болотъ и лѣсовъ, каменистая почва и суровый климатъ не благопріятствовали развитию скотоводства и земледѣлія, и Новгородская земля всегда нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ. Лишенное возможности заниматься земледѣліемъ, населеніе сосредоточивало свою хозяйственную дѣятельность на обрабатывающей промышленности, которая у новгородцевъ, какъ это видно изъ большого числа пригородовъ, торговыхъ мѣстечекъ и поселковъ, была развита очень широко.

Помимо цѣлаго ряда промысловъ на мѣстѣ: кожевенного, ткацкаго, столярнаго, кузнечнаго и т. д., были также и отхожіе промыслы: славились, напримѣръ, новгородскіе плотниками. Избытокъ однихъ продуктовъ добывающей и обрабатывающей промышленности и недостатокъ другихъ способствовали широкому развитію, какъ внутренней, такъ и вѣнчайшей торговли. Новгородскіе купцы возили свои товары въ разные концы княжества и, составляя военно-промышленные кампании, заводили на новыхъ мѣстахъ разные промыслы; въ далѣкихъ областяхъ они скупали

Рис. 13. Новгородская тривна.

главнымъ образомъ мѣха. Что касается вѣнчайшей торговли, то новгородцы вели ее съ Любекомъ и другими сѣверо-немецкими городами, которые вошли въ анзейскій торговый союзъ, особенно широко развившій свою дѣятельность въ XIII и XIV вв. Ганзейскій союзъ имѣть въ Новгородѣ обширный торговый дворъ, и права нѣмецкихъ купцовъ опредѣлялись особыми договорами, въ силу которыхъ они управлялись на основаніи собственныхъ постановлений и законовъ, безъ вмѣшательства новгородскихъ властей. Торговая контора сама назначала цѣны на товары и опредѣляла порядокъ торговли съ тѣмъ, чтобы устраниить конкуренцію, имѣть возможность подешевле покупать русскіе товары и по дороже продавать свои. Новгородцы старались тоже обеспечить свои выгоды и поэтому разрѣщали нѣмецкимъ купцамъ торговлю только въ предѣлахъ Новгорода; торговля же сношенія нѣмцевъ съ другими городами разрѣщалась не иначе, какъ при посредствѣ новгородцевъ, которые, такимъ образомъ, вліяли на цѣны и получали участіе въ прибыляхъ.

Новгородскіе купцы покупали привозимые нѣмцами металлы: зо-

лото, серебро, мѣдь и свинецъ, разныя ткани, вина и предметы роскоши — и сбывали ихъ въ своихъ и съверо-восточныхъ областяхъ, а у себя и въ областяхъ Верхней Волги и Оки они скапали мѣховые товары, медь, воскъ, ленъ, коноплю и прочее сырье, которое потомъ все перепродагалось иностраннымъ купцамъ. Такія широкія торговыя операциіи способствовали появленію крупныхъ капиталовъ и выработкѣ торговой техники. Стали возникать торговыя товарищества; прежняя, слишкомъ крупная, монетная единица, гривна серебра, была разрублена пополамъ, и половина гривны, или рубль, получила значеніе новой единицы; при вѣшней торговлѣ прибѣгали также и къ кредитнымъ сдѣлкамъ. Торговля особенно вѣшняя была самымъ замѣтнымъ фактомъ экономической жизни Новгорода, и поэтому она чрезвычайно сильно отразилась, какъ на общественномъ, такъ и на политическомъ строѣ его.

Классы Новгородского общества.

Все населеніе Новгородской области по своимъ занятіямъ и по экономическому положенію разбивалось на классы. Высшимъ классомъ были бояре. Это были не члены княжеской дружины, какъ въ Киевской Руси, а люди, выдвинувшіеся помимо князя, только въ силу своего экономического положенія. Разбогатѣвшіи торговлей, они могли захватывать себѣ обширныя свободныя земли, превращались опять-таки, помимо князя, въ крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти «именитые граждане» пользовались такимъ значеніемъ, что князья только ихъ назначали на высшія должности по мѣстному управлению и только они участвовали въ высшемъ правительственныймъ учрежденіи, т.-е. совѣтѣ; это значеніе руководящаго класса бояре сохранили и потомъ, при развитіи вѣчевого строя. Слѣдующую ступень составляли житьилюди, — вѣроятно, капиталисты средней руки — и купцы, которые находились въ зависимости отъ бояръ, потому что вели торговлю на деньги, взятые у нихъ въ кредитъ, или даже были ихъ приказчиками. Они имѣли право образовывать товарищества для обезспеченія своихъ интересовъ, имѣли даже свой судъ, но сильнаго вліянія на общественную жизнь у нихъ не было; на вѣчевомъ собраніи, впрочемъ, когда надо было отстаивать свои интересы, они составляли замѣтную группу. Особое положеніе занимало новгородское духовенство. Новгородскій архиепископъ мало-по-малу освободился отъ церкви кievской, но такъ какъ его выбирало вѣче, то онъ подчинялся новгородскимъ властямъ и самъ долженъ былъ принимать большое участіе въ свѣтской дѣятельности: примирять партии, ведя переговоры съ посольствами, имѣть даже осо-

был полкъ и цѣлый штатъ служащихъ, которые управляли его имѣніями. Благодаря большими доходами съ громадныхъ земель и дани съ низшаго духовенства, влияние архіепископа было такъ значительно, какъ и бояръ. Монастыри тоже были крупными землевладѣльцами; бѣлое же духовенство, наоборотъ, само зависѣло отъ народа, такъ какъ, по обычаю, прихожане не только сами выбирали себѣ священника, но и заключали съ нимъ договоръ, опредѣлявший условія, на которыхъ опись должна была совершать службы и требы. Низшій классъ общества составляли ч е р и с л ю д и, т.-е. ремесленники, мелкие торговцы и рабочие. Этотъ многочисленный классъ имѣлъ право принимать участіе на вѣчѣ, но повинностей на немъ было гораздо больше, чѣмъ правъ; черные люди платили прямые и косвенные налоги, земельные налоги въ пользу князей, налоги на содержаніе администраціи и, кромѣ того, несли еще натуральные повинности, напримѣръ, строили укрепленія.

Многочисленное сельское населеніе разбивалось на нѣсколько группъ; тутъ были з е м ц ы, владѣвшіе мелкой земельной собственностью, с м е р д ы, работавшіе на государственныхъ земляхъ, и п о л о в и н к и, т.-е. арендаторы частновладѣльческой земли, обрабатывавшіе ее изъ половины урожая. Половники находились въ тяжелой экономической зависимости отъ землевладѣльцевъ и, закладывая свой трудъ въ обеспеченіе занятаго у нихъ капитала, они дѣлались закупами и полусвободными, теряли даже политическія права. Такимъ образомъ, масса сельскаго населенія попадала почти въ такое же положеніе, въ которомъ были несвободные х о л о п ы, составлявшіе самый низшій классъ новгородскаго общества. Таковы были общественные классы въ Новгородѣ. Чѣмъ они были выше, тѣмъ больше имѣли правъ и тѣмъ меньше падало на нихъ обязанностей и, наоборотъ, чѣмъ ниже и слабѣе экономически были общественный классъ, тѣмъ менѣе правъ имѣть онъ и тѣмъ больше повинностей ложилось на него.

Политический строй Новгорода.

Управлениe въ Новгородѣ опредѣлялось какъ внутренними условиями, т.-е. экономическимъ и общественнымъ строемъ, такъ и вѣтѣнными, т.-е. тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находились тогда другія части Русской земли. До начала XII в. въ Новгородѣ не было никакихъ особенностей: онъ считался частью Кіевскаго княжества, и поэтому кіевскій князь присыпалъ въ Новгородъ своего сына или родственника для управления и сбора дани. На помоць имъ давались посадники и тысяцкій. Но въ теченіе XII в. обстоятельства сложились такъ, что Новгородъ обособился; этому способствовало и то, что онъ былъ центромъ далекаго

отъ Кіевскаго княжества края, и то, что на Руси начались въ это время усобицы. Частыя смѣны князей были выгодны для новгородцевъ. Когда князь уѣзжалъ, то слагали свои обязанности и прежніе посадники и тысяцкій; вошло въ обычай до прїзыва новаго князя выбирать посадника и тысяцкаго на вѣчѣ, и эти выборные должностныя лица потомъ оставались и при новомъ князѣ. Естественно, что они отстаивали передъ княземъ интересы города, и, такимъ образомъ, власть князя подверглась существенному ограничению: онъ потерялъ право назначать высшую администрацію, которая стала избирательной.

Другое ограничение явилось результатомъ того, что при княжескихъ усобицахъ новгородцы могли сами выбирать того или другого князя, и поэтому получили возможность ставить князьямъ разныя условия, заключать съ ними «ряды». Князь нуженъ былъ городу какъ начальникъ военной силы, охранявшей новгородскую торговлю, и за свою службу онъ получалъ опредѣленное вознагражденіе. Такъ князь превратился въ Новгородѣ въ наемника. То, что потерялъ князь, выиграло въ че, которое, наоборотъ, въ Новгородѣ было сильнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ княжествахъ. Уже одно право выбирать князя и удалять его, право заключать съ нимъ условія и выбирать администрацію дѣлало вѣче центральной властью Новгорода, который, такимъ образомъ, представлялъ собою городскую республику. Организація вѣча была также слаба, какъ и на югѣ, но политическія его права были обширны. Помимо выбора должностныхъ лицъ, оно имѣло власть законодательную, устанавливала налоги, объявляло войну, заключало миръ и договоры съ другими государствами.

Какъ учрежденіе, плохо организованное и слишкомъ громоздкое, вѣче не могло собираться часто и правильно обсуждать вопросы текущей жизни; оно обсуждало обыкновенно уже готовые проскты и отвѣты, которые подготовлялись съ вѣтомъ господѣ, куда входили настоящія и бывшія должностныя лица — все представители класса бояръ. Этотъ совѣтъ, все время стоявшій за вѣчемъ, оказывалъ на него сильное давленіе, тѣмъ болѣе, что въ зависимости отъ бояръ находились и купцы, бравшіе у нихъ деньги, и черные люди, сидѣвшіе на ихъ земляхъ. Если же этотъ совѣтъ встрѣчалъ на вѣчѣ отпоръ, то бояре прибегали къ прямому насилию: они собирали изъ своихъ черныхъ людей «черныхъ сотни», которыхъ за плату принимали участіе въ вѣчевой борьбѣ. Въ качествѣ исполнительныхъ органовъ вѣча выступали выборные посадники и тысяцкій, правившіе при помощи цѣлаго штата пизшихъ служащихъ. Первый вѣдалъ гражданское управление, а второй военное и полицейское; для удобства управления всѣ Новгородѣ дѣлился на пять концовъ, которые подраздѣлялись на сотни и улицы. Къ этимъ концамъ были приписаны и новгородскія пятины, для управления ко-

торыми посылались особья посадники. Впрочемъ, зависимость отъ старшаго города была не безусловной: пригороды могли собирать свои мѣстныя вѣща и изгонять неугодныхъ имъ посадниковъ. Однѣ изъ пригородовъ, Псковъ, въ половинѣ XIV в. получила полную независимость и стала называться младшимъ братомъ Великаго Новгорода.

Паденіе Новгорода Великаго.

Главной особенностью политического строя Новгорода было то, что фактически вся власть находилась въ рукахъ независимаго и наиболѣе сильного экономически класса бояръ. Новгородъ былъ республикой аристократической, въ которой господствующій классъ эксплуатировалъ широкія массы населенія. При такомъ неравномѣрномъ распределеніи экономическихъ благъ и политическихъ правъ должна была начаться соціальная борьба, подготовившая разложение новгородского строя. Уже въ XIII в. въ Новгородѣ возникла демократическая партия, которая стояла спачала за суздальскихъ, а потомъ за московскихъ князей, въ надеждѣ, что эти сильные князья защитятъ народъ отъ произвола бояръ. Съ другой стороны, и московскіе князья въ своихъ объединительныхъ стремленіяхъ стали совершать походы па новгородскія владѣнія, и Новгородская область, не имѣвшая правильнаго военнаго строя и страдавшая отъ недостатка земскаго единства и правительственной централизациі, не могла успѣшно бороться съ сильной Москвой. Новгородцы вынуждены были платить дань московскимъ князьямъ; при Василии I къ нимъ присыпалася намѣстникъ изъ Москвы, а потомъ они цѣловали крестъ московскому князю Василию II и его сыну и этимъ самымъ отказались отъ права выбирать себѣ князя. По смерти Василия II, аристократическая партия въ Новгородѣ хотѣла подчиниться сильному князю литовскому, и это дало поводъ московскому князю Ивану III послать свои войска въ Новгородъ и окончательно уничтожить остатки новгородской вольности (1478 г.). Послѣ Новгорода подчинились Москва и подвластны ей земли: Пермская, Печерская, Югра и Вятка. Только Псковъ сохранилъ еще свой вѣчевой строй до 1510 г., когда Василий III присоединилъ его къ Москве. Итакъ, главныя причины паденія Новгорода — это внутренняя его слабость и на ряду съ этимъ усиленіе Москвы; но сюда можно прибавить еще то, что Новгородъ уже давно находился въ экономической зависимости отъ центральной Великороссіи, откуда онъ получалъ хлѣбъ, и эта тѣсная экономическая связь въ процессѣ объединенія всѣхъ русскихъ земель подъ властью Москвы рано или поздно должна была превратиться въ связь политическую.

Юго-западная Русь и ея отношение къ Литвѣ и Польшѣ.

Помимо Новгородской области и удѣльныхъ княжествъ съверо-восточной Руси, которая потому объединилась подъ властью Москвы, послѣ упадка Киевской Руси, важнымъ центромъ русской жизни были юго-западныя княжества Галиція и Волынь. Они были мѣстомъ, куда направлялась колонизация изъ Киевской области. Населеніе развивало здѣсь промышленность и торговлю, чему много способствовало какъ плодородіе почвы, такъ и удаленность края отъ степныхъ кочевниковъ, разорявшихъ Киевскую Русь. Въ концѣ XII в. оба княжества объединились въ одно Галицко-Волынское. Политической особенностью этого княжества было то, что здѣсь надъ вѣчемъ и княземъ получила преобладаніе привилегированный аристократический классъ бояръ, вступивший съ княземъ въ борьбу изъ-за власти. Роману Мстиславовичу удалось спрятаться съ боярами и возыскать Галицко-Волынское княжество, но по смерти его бояре изгнали его сыновей, и за Галичъ возгорѣлась жестокая борьба: кромѣ законнаго наследника Даниила Романовича, овладѣть имъ стремились съверские князья, Мстиславъ Удалой, венгры и поляки. Въ 1235 г. Даниилъ, паконецъ, овладѣлъ Галичемъ, а въ Волыни посадилъ своего брата Василька. Даниилъ подчинилъ себѣ и Киевъ, по ему пришлось дѣйствовать въ трудное время: въ 1240 г. пришли татары, и хотя они не паложили дани на Галицкую землю, однако Даниилъ долженъ былъ побѣхать въ Орду и изъявить хану покорность. Въ то же время его владѣнія тѣшили литовскія племена. Остаповивъ ихъ нападенія, Даниилъ составилъ планъ освобожденія отъ татаръ; для этого онъ вошелъ въ споменіе съ папой, который долженъ быть объявить крестовый походъ противъ татаръ, а Даниилъ за это обязывался признать церковную власть папы, не поступаясь, впрочемъ, греческими обрядами православной церкви. Папа приславъ Даниилу королевскій титулъ, ио войско съ запада не явилось. Тогда Даниилъ вступилъ въ союзъ съ ливонскимъ княземъ Миндовгомъ и сдѣлалъ попытку освободиться отъ татаръ, но это попытка кончилась полной неудачей. Галичъ только на короткое время сдѣлался новымъ политическимъ центромъ южной Руси, вторымъ Киевомъ, а когда умеръ Даниилъ, король Галицкій (въ 1265 году), то значеніе Владимиро-Галицкаго княжества пало. Это княжество не могло объединить русскихъ земель, во-первыхъ, потому, что оно само было ослаблено борьбою князей съ боярами, которые ради своихъ личныхъ цѣлей призывали то поляковъ, то венгровъ, а, во-вторыхъ, потому, что, подчинившись культурному влиянию Польши и постоянно пополняясь иноzemными выходцами, оно обособилось отъ осталь-

пыхъ русскихъ земель; вслѣдствіе этого Владимиро-Галицкое княже-
ство само пало подъ напоромъ сосѣдней Литвы и Польши.

Литовскія племена издавна жили у Балтійскаго моря — по ниж-
нему течению Западной Двины, Нѣмана и Вислы. Въ началѣ XIII вѣка
здесь появились нѣмецкіе рыцарскіе ордена — Ливонскій и Тевтон-
скій съ тѣмъ, чтобы распространять среди языческихъ литовскихъ пле-
менъ христіанство и обращать ихъ въ крѣпостную отъ себя зависимость.
Послѣ упорной борьбы имъ удалось подчинить себѣ пруссовъ, но другія
племена, — Литва и Жмудь, — подъ вліяніемъ опасности сплотились
подъ властью одного изъ князей — хитраго Миндовга, съ правлѣнія ко-
тораго и начинается исторія Литовскаго княжества (половина XIII в.).
Литовское княжество уцѣлью среди смутъ, наступившихъ по смерти
Миндовга (1265 г.), а въ правлѣніе Гедимина (1315—1340 гг.) и Оль-
герда (ум. въ 1377 г.) оно усиливается очень быстро. Литовскіе князья
вступали въ родственныя связи съ русскими князьями, принимали пра-
вославіе, и отчасти благодаря такой политикѣ, отчасти силой оружія,
имъ удалось присоединить юго-западныя области: Полоцкую, Витеб-
скую, Волынскую, Подольскую, Кіевскую, Черниговскую и Сѣверскую.
Жители русскихъ земель часто охотно подчинялись сильнымъ литов-
скимъ князьямъ, такъ какъ это освобождало ихъ отъ татарской неволи;
кромѣ того, литовцы усваивали болѣе высокую культуру: принимали
православіе, русскій языкъ, права, гражданскій строй. Происходило,
следовательно, не столько подчиненіе литовцамъ, сколько слияніе съ
ними. Ольгердъ, русскій по матери и дважды женатый на русскихъ
князжахъ, воспиталъ своихъ дѣтей въ православіи, и при немъ обру-
ченіе Литвы сдѣлало большие успѣхи. Въ общемъ, политика литов-
скихъ князей похожа на дѣятельность московскихъ: они такъ же стре-
мятся постепенно присоединить къ себѣ наиболѣе слабыя русскія об-
ласти. Въ XIV вѣкѣ между Москвой и Литвой находилась цѣлая полоса
такихъ земель, и изъ-за нихъ началась упорная борьба, тянувшаяся по-
чти непрерывно въ теченіе XIV и XV вв. Уже Гедиминъ соперничалъ
съ Москвой изъ-за вліянія на дѣла Пскова, Новгорода и Смоленска.
Ольгердъ воевалъ съ московскимъ княземъ Симеономъ, но, обманувшись
въ надеждѣ получить помощь татарь, долженъ былъ заключить миръ.
Его преемникъ Ягелло вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ передъ Кули-
ковской битвой (1380 г.). Племянникъ Ягелло, Витовтъ, выдавшій свою
дочь за московскаго князя Василія I, завладѣлъ Смоленской областью
и хотѣлъ сдѣлаться величимъ княземъ Московской и всей Русской
земли, для чего прибѣгалъ даже къ союзу съ Тохтамышемъ, который
быть изгнанъ Тамерланомъ изъ Орды. Браждебныя отношенія литов-
скаго князя и Василія I кончились тѣмъ, что границей Литвы и Москвы
рѣшено было считать рѣку Угру, впадающую въ Оку (близъ нынѣшней

Калуги); владѣнія Литвы, какъ видно, подходили очень близко къ Москвѣ. Но, въ концѣ концовъ, Литва должна была уступить мѣсто Москвѣ въ силу тѣхъ отношеній къ Польшѣ, какія сложились у нея въ концѣ XIV и въ XV вв. Поляки, тѣснимы Тевтонскимъ орденомъ, предложили литовскому князю Ягелло соединиться вмѣстѣ противъ общаго врага. Въ 1386 г. Ягелло, принявъ христіанство, женился на польской королевѣ Ядвигѣ, и вмѣстѣ съ этимъ оба государства заключили унию: литовскій князь сталъ польскимъ королемъ, но управленіе въ обоихъ государствахъ должно было оставаться отдѣльнымъ. Первымъ результатомъ унии было то, что нѣмецкій орденъ былъ окончательно побѣженъ и скоро сталъ въ зависимость отъ Польши. Но съ другой стороны, уния дурно отразилась на Литовскомъ княжествѣ: до сихъ поръ Литва была вполнѣ русскимъ государствомъ, съ господствомъ русскаго языка и православія, теперь же, послѣ политической уніи, поляки стремились и къ уніи религіозной; началось насильтвенное распространеніе польской культуры и католичества. Это вызвало въ Литвѣ національный и вѣроисповѣдный разладъ и ослабило ее. Племянникъ Ягелло Витовтъ, упомянутый уже выше, воспользовался этимъ для того, чтобы основать изъ Литвы и Западной Руси независимое отъ Польши княжество и добился того, что Ягелло уступилъ ему Литву и призвалъ его литовскимъ княземъ. Но онъ не сумѣлъ опереться на русскій элементъ въ своихъ владѣніяхъ, и въ 1413 г. единеніе Литвы съ Польшей было снова подтверждено. Послѣ смерти Витовта Литва, все больше подчиняясь влиянию Польши, то существовала отдѣльно, то снова сливалась съ Польшей, пока не составила съ ней нораздѣльного государства. Сліяніе Литвы съ Польшей сдѣлало невозможнымъ объединеніе русскихъ земель вокругъ Литвы, а глубокая разнѣ между русскимъ элементомъ и правящимъ польско-литовскимъ обществомъ поставила новый вопросъ русской истории: возвращеніе западно-русскихъ областей и присоединеніе ихъ къ Москвѣ. Разрѣшеніе этого вопроса начато было московскимъ княземъ Иваномъ III, который добился въ 1503 г., послѣ войны съ Литвой, присоединенія къ Москвѣ Сѣверской области; войны съ Польшей въ XVII в. въ значительной степени сгѣдствіе все того же вопроса, получившаго окончательное разрѣшеніе только въ концѣ XVIII в. послѣ раздѣловъ Польши, происходившихъ въ царствованіе Екатерины II.

Московское княжество въ XV—XVI в. в.

Усиленіе власти Московскаго князя.

Время съ конца XII до XV в. называется удѣльнымъ періодомъ русской исторіи, потому что вся Русская земля была раздроблена

тогда на множество отдельныхъ владѣній. Но исторія не стояла на мѣстѣ, и мы видѣли, какъ среди этихъ многочисленныхъ владѣній находились три крупныхъ политическихъ центра — Новгородъ, Литовско-русское княжество и княжество Московское. Удѣльный порядокъ, несомнѣнно, исчезалъ, и уже приближался тотъ переломъ, съ котораго русская жизнь вступала въ новый фазисъ своего развитія, съ котораго можно начать новый періодъ русской исторіи. Этотъ переломъ — княженіе Ивана III, этотъ новый періодъ — исторія Московскаго государства, выросшаго изъ удѣльного княжества.

При Иванѣ III и его сыне Василии Москва пользовалась уже решительнымъ преобладаніемъ, и ея политическіе успѣхи идутъ очень быстро. Въ 1463 г. всѣ ярославскіе князья, великии и удѣльные, добровольно подчинились Москвѣ; въ 1470-хъ годахъ было покорено Новгородъ; въ 1474 г. ростовскіе князья поступили на службу къ московскому князю, продавши ему остатки своихъ владѣній; въ 1485 г. завоевана Тверь; въ 1489 — Вятка. Потомъ цѣлый рядъ мелкихъ князей: вяземскіе, одесовскіе, воротынскіе, бѣлевскіе и др. подчинились Ивану III.

А при Василии III къ Москвѣ были присоединены Псковъ съ его областью (1510 г.), у Литвы въ 1514 г. была отнята Смоленская область, а въ 1517—1523 гг. были присоединены послѣдніе удѣлы: части княжества Рязанскаго и Новгородъ-Сѣверскаго.

Въ то же время, вслѣдствіе распаденія Золотой Орды на три новыхъ (Золотую, Казанскую и Крымскую), все слабѣла зависимость Москвы отъ татаръ, и, паконецъ, съ 1480 г. прекратилось даже名义ное подчиненіе татарскому хану. Такое объединеніе удѣловъ подъ властью московскаго князя мѣняло самый характеръ его власти: изъ удѣльного князя — хозяина одной области онъ превратился въ представителя всей русской земли, стать національнымъ великокорусскимъ государемъ. Благодаря этому измѣнился характеръ вѣтшней политики и внутреннее положеніе великаго князя, теперь уже «государя».

До сихъ поръ вѣтшая политика московскаго князя ограничивалась отношеніями къ татарамъ и соседнимъ удѣламъ и имѣла въ виду интересы Московскаго удѣла; съ объединеніемъ княжествъ она уже преступаетъ интересы всей народности, становится политикой государственной.

Исчезаетъ самая мысль объ удѣльномъ владѣніи, и московскій государь считаетъ себя владыкой всей русской земли, даже тѣхъ частей ея, которыхъ оставались еще не присоединенными къ Москвѣ и находились подъ властью Литвы. На жалобы литовскаго послы, что московскій государь не по праву захватилъ чужія вотчины, Иванъ III прямо отвѣтилъ, что эти земли не могутъ считаться вотчинами королей поль-

скаго и литовскаго, потому что «Русская земля,—говорилъ князь,—отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина; въ сѧ Русская земля Божию волею наша отчина». И въ грамотахъ, посылаемыхъ въ Литву, московскіе князья именовали себя: «князь Московскій и въ сѧ Ру си». Такъ изъ сознанія единства Русской земли возникаетъ новое политическое притязаніе, составляющее содержаніе вѣтшней политики Московскаго государства. Кроме того, имѣя теперь по сосѣдству не единоплеменныя и единовѣрныя удѣльныя княжества, а чужія государства, Москва должна была вступать въ дипломатическія сношенія съ Литвой, Польшой, германскимъ императоромъ; съ этого же времени начинаются путешествія въ Москву посланцевъ, которые раньше рѣдко заѣзжали дальше Новгорода.

Также замѣтило измѣнилось внутренняя политика московскаго князя и его положеніе.

Иванъ III пересталъ быть удѣльнымъ княземъ; съ своихъ братьевъ онъ взялъ обязательство не сноситься съ чужими государями безъ его вѣдома. Въ своей духовной онъ предоставляетъ старшему сыну, своему преемнику, рядъ политическихъ преимуществъ: 1) только онъ получаетъ право чеканить монету, 2) въ противоположность прежнему порядку, когда всѣ князья по частямъ владѣли Москвой, теперь все финансовое управлѣніе столицей, сборъ доходовъ съ ная и судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ представлялись только великому князю и 3) удѣльные князья лишились права загѣщать свои владѣнія, и въ случаѣ бездѣтной смерти владѣльцевъ — ихъ земли переходили къ великому князю. Все это признаки верховной власти, носителемъ которой сталъ прежній удѣльный московскій князь. На почвѣ этихъ фактовъ и для ихъ оправданія выросли новые идеи, которыя, въ свою очередь, сами стали вліять на факты. Иванъ III принялъ титулъ царя всѧ Руси и самодержца.

Укрѣпленію за нимъ этого титула много способствовало два события: паденіе Константинополя, взятаго въ 1453 г. турками, и сверженіе татарскаго ига (1480 г.). До сихъ поръ на Византію, или, вѣрѣ, на византійскаго императора, смотрѣли, какъ на защитника православія; теперь та же роль переходила къ представителю самого большого православного государства — къ московскому князю. Эта преемственная связь была еще сильнѣе закрѣплена женитьбой Ивана III на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Софіи Палеологъ. Послѣ паденія Царьграда она жила въ Италии; у папы явилась мысль устроить бракъ Софии съ московскимъ княземъ и получить черезъ иссѣ вліяніе на православную церковь. Но римскій папа ошибся въ расчетѣ: пріѣхавъ въ Москву, греческая царевна стала держать себя независимо и, гордая своимъ происхожденіемъ, перенесла свое величіе и на мужа.

Иванъ III сталъ считать себя выше всѣхъ королей, и когда германскій императоръ черезъ посла предложилъ ему королевскій титулъ, то онъ гордо отвѣтилъ: «Просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмъ нынѣ государи на своей землѣ; а постановленія, какъ есмъ напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ». Въ средѣ московскихъ книжниковъ вырабатываются нашедшія потомъ и официальное признаніе идеи о томъ, что Иванъ III «новому граду Константина—Москвѣ и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государь», что онъ «во всей поднебесной христіаномъ царь и во единомъ царствѣ его сошлись всѣ пришедши въ конецъ царства православныя христіанской вѣры». Москва стала называться «богохранимымъ, преимущественнымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ». Усвоивъ себѣ такой взглядъ на характеръ своей власти, Иванъ III перенимаетъ изъ Византіи и вицѣніе знаки власти императора. Византійскій гербъ, двуглавый орелъ — вмѣстѣ съ Софьей переходитъ въ Москву и становится гербомъ московского государя; простые обычай московского дворца замѣняются теперь сложнымъ придворнымъ этикетомъ; вмѣсто простой передачи престола отъ отца къ сыну вводится торжественный церковный обрядъ вѣнчанія па царство. И эта связь власти съ церковью дала поводъ усвоить ей иное болѣе возвышенное основаніе: Иванъ III въ актахъ сталъ называться государемъ *В о ж і е ю м и л о с т ю*. Къ титулу царя послѣ паденія татарскаго ига былое прибавленъ другой титулъ, тоже принадлежавшій греческому императору—*с а м о д с р ж е цъ*, что обозначало государя независимаго, никому не платящаго даніи. Въ концѣ-концовъ, власть государя чрезвычайно выросла. Любопытное указаніе на это находимъ въ запискахъ германскаго посла Герберштейна, посѣтившаго тогда Москву; онъ пишетъ, что Василий III имѣлъ такую власть, какой не обладалъ ни одинъ монархъ, и если москвичей спрашивали о неизвѣстномъ имъ дѣлѣ, то они отвѣчали, ставя наравнѣ государя и Бога: «Мы этого не знаемъ, знаетъ Богъ да государь».

Перемѣна въ положеніи князя отразилась и на его отношеніяхъ къ подданнымъ, прежде всего къ боярамъ.

На службу къ богатымъ московскимъ князьямъ многочисленное боярство всегда шло съ охотою.

До превращенія князя въ государя, т.-е. до половины XV в., его отношенія къ боярамъ опредѣлялись договорами: бояринъ «служилъ» князю, а тотъ за это «кормилъ» его; кромѣ права на кормление бояринъ имѣлъ еще право участвовать въ княжескомъ совѣтѣ и, въ случаѣ недовольства службою, «отъѣхать» къ другому князю. Въ княжение Ивана III и Василия III, какъ составъ московского боярства, такъ и от-

ношеније этого класса къ государю измѣняются. Съ паденіемъ удѣльть на московскую службу поступило очень много новыхъ слугъ. Здѣсь были прежние удѣльные князья, подчинившіеся Москвѣ или еще раньше утратившіе свои удѣлы и служившіе другимъ князьямъ. Вместѣ съ ними шли на службу къ московскому князю ихъ бояре. Эту толпу новыхъ слугъ увеличивали еще выходцы изъ Литвы, литовскіе и русскіе князья, которые держались православія и послѣ уніи съ Польшей стремились перейти подъ власть православнаго государя. Всѣ эти новые слуги вмѣстѣ со старыми московскими боярами расположились при московскомъ дворѣ въ опредѣленномъ порядкѣ, основанномъ на знатности происхожденія; княжескіе роды, какъ самые знатные, стали на первомъ мѣстѣ; члены ихъ занимали высшія должности и считались главными совѣтниками и сотрудниками князя. Но, дѣлаясь московскими боярами, эти бывшіе князья очень часто сохраняли свои удѣлы на правахъ частныхъ вотчинъ, и въ ихъ рукахъ оставалось управление этими землями часто даже съ чертами правительственной власти, такъ какъ многіе изъ нихъ правили своими бывшими удѣлами въ качествѣ московскихъ намѣстниковъ. Этотъ новый слой вышшаго титулованнаго боярства имѣлъ широкія политическія притязанія: к н я ж а т а помнили, что они потомки прежнихъ хозяевъ русской земли, и считали, что если московскій князь править теперь всей русской землей, то онъ долженъ править вмѣстѣ съ ними, спрашивая ихъ совѣта въ дѣлахъ. Боярство дѣйствовало во имя отжившихъ политическихъ формъ, и поэтому выраставшая единоличная власть московскаго князя должна была столкнуться съ нимъ. Бояре не понимали той перемѣны въ политической жизни, которая совершилась исторически и приписывали ее влиянию властолюбивой Софьи. Поэтому они ее не любили, и когда Иванъ III, развѣнчавъ прежнаго пасынка престола своего внука Дмитрия, назначилъ своимъ преемникомъ Василія, своего сына отъ Софии, то бояре стали этому противодѣйствовать, боясь усиленія влиянія Софии.

Столкновеніе дошло до того, что князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а кн. Ивана Патрикѣева съ сыномъ Васильемъ постригли въ монахи. Борьба продолжалась и при Василіи III, который вступилъ на престолъ вопреки желанію высшихъ бояръ. Бояре были недовольны тѣмъ, что государь пересталъ совѣтоваться съ ними о дѣлахъ; это ярко выражилось въ рѣчахъ типичаго представителя тогдашнаго боярства, Берсены Беклемишева, который жаловался, что, какъ пришла Софья, то все перемѣнилось: князь не спрашиваетъ большихъ совѣта у бояръ, а рѣшає дѣла, запершись «самъ третей у постели». Протестующему Берсеню за это былъ отрѣзанъ языкъ.

Эта борьба съ притязательнымъ боярствомъ продолжалась и при Иванѣ Грозномъ, который чрезвычайно ярко выразилъ въ извѣстной перепискѣ съ княземъ Курбскимъ, бѣжавшимъ въ Литву, главную причину столкновеній государя съ боярами: упрѣкамъ Курбскаго, что царь недостаточно высоко ставитъ значеніе боярского совѣта, Иванъ Грозный противопоставляетъ продуманную теорію неограниченной, самодержавной царской власти, имѣющей божественное происхожденіе. И дѣйствительно, фактъ, для оправданія которого приводилась эта теорія, въ XVI в. былъ палицо, хотя и не въ такой степени, какъ это представлялъ себѣ Иванъ Грозный.

Политическое противорѣчіе въ Московскомъ государствѣ и опричнина.

Превращеніе Московскаго удѣльшаго княжества въ Московское государство поставило другъ противъ друга два политическихъ факта, которые находились въ рѣзкомъ противорѣчіи между собой: съ одной стороны, выросла самодержавная царская власть, съ мократическими же по своему характеру, потому что она опиралась на сознаніе народной массы, видѣвшей въ царѣ выразителя народнаго единства и символъ национальной независимости; а съ другой стороны, изъ бывшихъ удѣльныхъ князей образовался въ Москвѣ аристократический классъ высшаго боярства, считавшій, что онъ имѣть право на общественное и служебное первенство, и думавшій паравнѣ съ государствемъ участвовать въ управлѣніи русской землѣй. Эти притязанія основывались, во-первыхъ, на высокомъ происхожденіи, а во-вторыхъ, на землевладѣлѣї. Дѣло въ томъ, что, сдѣлавшись слугами московскаго государя, бывшіе удѣльные князья теряли политическую самостоятельность, но сохраняли свои владѣнія, какъ частныя вотчины, и по отношенію къ населенію этихъ земель попрежнему оставались государями, были свободны отъ поземельныхъ налоговъ, имѣли свой дворъ, войско, право суда. Такимъ образомъ, «Московскій Государь, котораго ходъ исторіи привелъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи» (проф. Ключевскій). Обѣ стороны стояли на своемъ. Московскій Государь не считалъ нужнымъ руководиться совѣтами бояръ; Василій III называлъ ихъ «смердами», а Иванъ IV говорилъ, что «подъ повелительными и приставники памъ быти не годится». Бояре пробовали бросать службу у московскаго князя и «отѣѣзжать», но съ паденiemъ удѣловъ отѣѣзжать было не къ кому, а отѣѣздъ въ Литву, какъ сдѣлалъ

князь Курбский, считался измѣтной, и всѣ протесты бояръ вызывали государя гнѣвъ, сопровождавшійся опалами и казнями. Въ царствованіе Ивана IV бояре едвали попытку разрушить это политическое

противорѣчіе. Они составили боярскій кружокъ «избранную раду», въ составъ которой вошли и извѣстные совѣтники царя попъ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ. Они старались на всѣ административныя мѣста назначать своихъ сторонниковъ и, составивъ, такимъ образомъ, свою партію, вліять на царя и управление. Иванъ Грозный далъ рѣшительный отпоръ этому покушенію на его власть; онъ удалилъ отъ себя прежнихъ совѣтниковъ и даже всѣмъ другимъ велиль дать крестное цѣлованіе, не прекрати- будутъ сообщаться съ шими. Но бояре, несмотря на крестное цѣлованіе, не прекратили своихъ спошней съ опальными, и это вызвало рѣзкое столкновеніе царя съ боярствомъ. Оно выразилось въ такъ называемой «опричнице».

Отдельно (опричью) отъ старого московскаго двора было

Рис. 14. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
(Изъ Титуларника XVII в.).

учреждено особый государевъ дворъ, при которомъ были особые дворецкіе, казначеи, дьяки, окольничіи и служилые люди и всякая дворня. Для содержания этого особаго опричниаго двора были взяты въ разныхъ частяхъ Московскаго государства города и волости, составившие почти половину государства. Остальныя земли, называвшіяся землицей, управлялись по старому. Такое разделеніе государства было вызвано политическими соображеніями. Дѣло въ томъ, что въ центральныхъ частяхъ государства въ опричнину отбирались тѣ мѣстности, где на стариныхъ удѣльныхъ территоріяхъ находились владѣнія князатъ. Отобранные въ опричнину сопровождалось мѣной земель: всѣ вотчинники и помѣщики сразу лишались своихъ владѣній и вместо

нихъ получали новыя земли гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, а на ихъ старинныя родовыя земли государь помѣщалъ людей по своей волѣ. Благодаря такой перетасовкѣ представители самыхъ знатныхъ фамилій, возбуждавшіе подозрѣнія Грознаго, были оторваны отъ своихъ родныхъ мѣстъ и разсѣяны по далскимъ и чуждыемъ мѣстамъ, гдѣ они не могли имѣть большого вліянія. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, сохранили свои владѣнія, потому что сами зачислялись въ опричнину и, такимъ образомъ, становились подъ непосредственный контроль царя. Изъ учрежденія опричники вытекала еще другая выгода для царя. Раньше на территории прежнихъ удѣльныхъ владѣній, гдѣ находились земли княжать, дѣйствовали еще старинные порядки; здѣсь служилые люди служили не только великому государю, но и своимъ государямъ, разнымъ князьямъ и боярамъ; многія же вотчины были совсѣмъ свободны отъ царской службы. Съ переходомъ земель въ опричнину всѣ эти вольности и остатки удѣльныхъ порядковъ должны были исчезнуть; испомѣщенные здѣсь новые слуги, а равно и служилые люди прежніхъ князей попадали въ непосредственную зависимость отъ царя. Такъ какъ землевладѣніе теперь было связано съ обязательной службой, то къ службѣ привлекалось большее число людей, и самая служба становилась напряженѣемъ. Что касается отображенія въ опричнину другихъ областей и городовъ, не прилежащихъ княжатамъ, то оно объясняется финансовыми соображеніями. Вся территорія опричнины платила обычные дани и оброки, но такъ какъ крупные городскіе посады съ развитою промышленностью и торговлей давали особенно богатые сборы, то почти всѣ они и были отобраны въ опричнину. Таковъ былъ смыслъ опричнини. Но раздѣленіе государства на опричнину и земпчину едва ли шло очень далеко. Правда, Иванъ Грозный поставилъ во главѣ земщины крещенаго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича съ титуломъ великаго князя вселой Руси, а самъ назывался только княземъ московскимъ, но это недолгое правление Симеона было лишь проявленіемъ непонятнаго каприза Грознаго: и устранившись, онъ сохранилъ власть царя, тогда какъ Симеонъ обладалъ лишь тѣпью ея. Вообще же дѣла, какъ земщины, такъ и опричнину вѣдались, вѣроятно, въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ, хотя и разными дѣятками и по разному порядку.

Несомнѣнно, что разгромъ боярскаго землевладѣнія вызвалъ среди бояръ большое раздраженіе, на которое Иванъ Грозный отвѣчалъ спалами и казнями, припимавшими при его характерѣ отвратительныя и жестокія формы. При расправѣ съ подозрѣваемыми въ крамолѣ боярами онъ дѣйствовалъ, опираясь на отрядъ тѣлохранителей, набранныхъ изъ опричниковъ и находившихся подъ командой Малюты Скуратова. Такимъ образомъ, опричники являлись высшей полиціей, вѣдавшей

государственную безопасность; это тоже одна сторона опричнины, очень замытная по своему драматизму, но не самая главная. Земельное перемещение удельной аристократии и направленный, главным образомъ, все противъ тѣхъ же князей опалы, ссылки и казни, въ концѣ-концовъ, уничтожили политическое значение высшаго боярскаго слоя—таковы были результаты опричнины, если рассматривать саму сущность ея, не принимая во вниманіе всѣхъ тѣхъ нелѣпостей и ужасовъ, которые прибавились сюда вслѣдствіе гнѣвныхъ вспышекъ болѣлого царя.

Объединеніе удѣловъ и расширение границъ Московскаго государства, кроме политического противорѣчія, повлекло за собой еще и другое противорѣчіе—с о ц і а лъ н о е. Почти безпрестанная борьба съ татарами, ивѣцами и литовцами и забота о защите границъ заставили правительство увеличивать и всячески поддерживать служилый классъ, несшій военную службу. Поэтому правительство систематически подчиняло интересы рабочей массы населения интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, которые стали жить на счетъ этой массы. Усиливая служилый классъ, правительство удовлетворяло одну потребность государства, но этимъ самымъ оно въ то же время способствовало угнетенію класса земледѣльческо-промышленнаго, благодаря чему подрывался самъ корень государственного благосостоянія. Для того, чтобы понять такое соціальное противорѣчіе, необходимо прежде всего разсмотрѣть устройство служилаго класса.

Въ XV—XVI в. численность служилаго класса растетъ очень быстро: этого требуетъ необходимость оборонять все болѣе расширяющуюся территорію государства. Главное ядро служилаго класса состояло изъ старинныхъ московскихъ бояръ и изъ бывшихъ удельныхъ князей съ ихъ боярами и служилыми людьми, перешедшими въ Москву вмѣстѣ съ своими прежними князьями. Но потомъ къ этому собственноенному классу прибавились новые элементы, потому что правительство стало верстать въ службу людей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества: изъ горожанъ, изъ духовенства, изъ холоповъ и даже изъ инородцевъ, выходцевъ изъ Литвы, Польши, Германіи и татарскихъ ордъ. Пришли на службу не только крещеныхъ татаръ, но и тѣхъ, которые исповѣдовали магометанство; для поселенія ихъ отряды отводились только особы мѣста, напримѣръ, въ Касимовѣ. Только уже въ концѣ XVI в., когда въ центральныхъ областяхъ служилый классъ достаточно разросся, стали принимать на службу съ разборомъ, избѣгая «споповыхъ и мужичьихъ дѣтей и холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ». Весь этотъ классъ служилыхъ людей дѣлился на разряды: къ первому принадлежали ч и н ы д у м н ы е (бояре, окольничіи и думные дворяне), ко второму—ч и н ы м о с к о в с к ы е (стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы) и къ третьему ч и н ы

г о р о д о в ы е (провинциальные дворяне и дѣти боярскія). По этой лѣстницѣ чиновъ служилый человѣкъ возвышался на основаніи какъ своихъ заслугъ, такъ и происхожденія. Поэтому знатный человѣкъ сразу начиналъ съ среднихъ чиновъ и дослуживался до боярина, а неизвестный очень рѣдко поднимался выше этихъ среднихъ чиновъ.

Для содержанія многочисленнаго служилаго класса требовался большой капиталъ, но такъ какъ промышленность и торговля оставались приблизительно на прежней ступени развитія, то у Московскаго государя, послѣ объединенія всѣхъ удѣловъ, не было никакихъ другихъ средствъ, кромѣ земли какъ пустопорожней, такъ и населенпой крестьянами. Въ силу обстоятельствъ, онъ долженъ быть вознаграждать и поддерживать служилыхъ людей, главнымъ образомъ, землей. Такъ получается та связь между службой и землевладѣніемъ, которую обыкновенно называютъ помѣстной системой. Установившееся раньше правило, что всѣ землевладѣльцы несутъ воинскую повинность, пребываетъ и обратный смыслъ: всякий несущій воинскую службу можетъ получить землю. Старинной формой землевладѣнія была *вотчина*, т.-е. земля, персходившая отъ отца и составлявшая полную собственность владѣльца, имѣвшаго право распоряжаться ею, хотя и не безусловно. Въ XV и XVI вв., па ряду съ вотчиной, становится *помѣстье*, т.-е. часть государственной земли, данная служилому человѣку съ тѣмъ, чтобы, получая доходы съ этой земли, отъ несъ службу обыкновенно тамъ же, гдеѣ была его земля. Еще и въ удѣльные времена князь жаловалъ за службу свою дворцовой землей, но тогда помѣстье имѣло характеръ частнаго института, теперь же съ раздачей земли государственной оно получаетъ значеніе важнаго государственного устакованія. Получившій помѣстье, или *помѣщикъ*, владѣлъ землей подъ условіемъ службы, слѣдовательно, только временно, по на правахъ полной собственности. Быстрый ростъ служилаго класса вызывалъ необходимость производить усиленную раздачу помѣстій, при чемъ выработались и сложились въ стройную систему разныя правила, опредѣлявшія поземельное устройство служилыхъ людей. Въ концѣ XVI в. были составлены списки служилыхъ людей съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по качеству ихъ вооруженія, по размѣрамъ земельныхъ владѣній, какъ помѣстій, такъ и вотчинъ и по той денежнѣй прибавкѣ, какую они получали отъ правительства; были точно определены размѣры помѣстныхъ окладовъ, порядокъ ихъ раздачи и самая служба, падавшая на помѣстие. Всѣ дѣла, касавшіяся поземельного устройства служилыхъ людей, вѣдались особымъ учрежденіемъ—Помѣстнымъ приказомъ.

Развитіе помѣстной системы сопровождалось цѣлымъ рядомъ важныхъ экономическихъ и соціальныхъ явлений. Измѣнилось прежде

всего положение крестьянъ. Единственными собственниками земли были государь, монастыри и служилые люди; вольные хлѣбопашцы, своей земли не имѣвшіе, должны были садиться на эти земли и за пользованіе ими нести известную обязанности, которыхъ не рѣдко опредѣлялись договорами. Живя на государственной землѣ, они получали право устраиваться общинами и самимъ вѣдать свои дѣла, и ихъ отношения къ государству ограничивались уплатой известнаго тягла за пользованіе землей. Съ переходомъ государственныхъ земель въ частныхъ рукахъ какъ экономическое, такъ и юридическое положеніе крестьянъ измѣнилось къ худшему: они потеряли присущее право непосредственно распоряжаться землями, на которыхъ работали, и къ ихъ прежнимъ обязанностямъ по отношенію къ государству прибавились еще новыя обязанности по отношенію къ помѣщику. Помѣстье было доходно только въ томъ случаѣ, если на немъ было достаточно рабочихъ рукъ; поэтому землевладѣльцы всячески стараются удержать на своей землѣ сидѣвшихъ на ней крестьянъ. Первымъ средствомъ для этого было закабаленіе ихъ. Крестьяне, принужденные занимать у своихъ помѣщиковъ суду на обзаведеніе, работай скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ на «сѣмены и вѣсы», становились въ экономическую зависимость отъ нихъ и въ силу личной задолженности теряли возможность уйти отъ своего помѣщика. Развитіе крестьянской задолженности, получившись имп «боярскаго серебра», и было самымъ важнымъ условіемъ, стѣснившимъ ихъ прежнюю свободу. Другимъ способомъ держать крестьянъ за собою было отобраніе отъ нихъ «поручныхъ» записей; желая предупредить уходъ того или другого крестьянина, помѣщики, прописывая крестьянъ, заставляли другихъ ручаться иногда очень крупной денежной суммой въ томъ, что принятые будутъ крѣпко жить на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, уходу крестьянъ часто мѣшали просто насилиемъ: ихъ били, мучили, заковывали въ цѣпи. Въ результатѣ получилось то, что, хотя крестьяне и имѣли право перехода, однако пользоваться имъ уже не могли; свободные юридически, они были зависимы отъ помѣщика въ отношеніи экономическомъ. Тогда явились новыя формы разрыва отношеній съ прежнимъ помѣщикомъ: выходъ или побѣгъ крестьянъ безъ расплаты и вывозъ крестьянъ другимъ помѣщикомъ, принимавшимъ на себя ихъ долги.

Одно время обстоятельства сложились очень благопріятно для крестьянского выселенія: въ половинѣ XVI в., съ паденiemъ Казанскаго царства (1552 г.) и Астраханскаго (1556 г.), государственная территорія увеличилась на громадное пространство, где залегалъ тучный слой зерновозема, обеспечивавшій богатые урожаи; вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе стали и южныя окраины. Туда и направились многочисленные переселенцы изъ крестьянъ, бросавшихъ свои прежнія земли,

перепедшиа въ служилыя руки. Правительство сначала оказывало даже поддержку этому переселению, такъ какъ считало колонизацию недавно приобрѣтенныхъ земель лучшимъ средствомъ для того, чтобы прочиѣ укрѣпить ихъ за собой. И только поздиѣ, когда отливъ крестьянского населения повель къ тому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ служилыя земли опустѣли, и съ нихъ не было ни службы, ни платы жой,—правительство приняло рядъ мѣръ къ охранѣ своихъ и землевладѣльческихъ интересовъ. Кроме окраинъ крестьянъ привлекали еще земли тѣхъ помѣщиковъ, гдѣ имъ можно бы было устроиться съ большою выгодой, а такими землями были владѣнія помѣщиковъ крупныхъ, которые сами пользовались разными льготами и благодаря этому имѣли возможность поставить своихъ крестьянъ въ лучшее положеніе, чѣмъ мелкие собственники, до крайности напрягавшіе крестьянский трудъ. Побѣги крестьянъ къ концу XVI в. принесли чрезвычайно широкіе размѣры. Изъ донедавшихъ до насъ поземельныхъ описей и изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ прѣвѣзжавшими тогда въ Россію иностранцами, видно, что цѣлые деревни стояли пустыми.

Не меньшее разореніе для мелкихъ помѣщиковъ представлялось вывесъ крестьянъ. Крупные землевладѣльцы выхлопатывали для своихъ еще пустыхъ земель льготу, состоявшую въ томъ, что земля освобождалась па пѣсоколько лѣтъ отъ государственныхъ податей. Правительство давало эту льготу, чтобы помочь служилому человѣку прочно поставить свое хозяйство. Пользуясь этими льготами и свободными капиталами, получаемыми съ другихъ своихъ земель, крупные помѣщики привлекали на свои земли не только крестьянъ, пигдѣ не сидѣвшихъ и потому свободныхъ отъ тягла, но даже и тѣхъ, которые жили на землѣ государственной и помѣщичьей. Около 26 ноября — осенняго Юрьева дня, когда заканчивался землевладѣльческий годъ и происходила расплата, въ села крестьяны государственныхъ и мелкихъ помѣщиковъ прѣвѣзжали приказчики богатыхъ землевладѣльцевъ и подговаривали крестьянъ къ переселенію, привлекая ихъ разными льготами. Когда тѣ соглашались, они уплачивали ихъ долги помѣщикамъ и увозили ихъ къ себѣ. Отъ своза крестьяны страдали, главнымъ образомъ, мелкие помѣщики, не имѣвшіе возможности конкурировать съ крупными; страдали и общества государственныхъ, или черныхъ крестьянъ, лишавшіяся платильщиковъ тягла, которое, при круговой порукѣ, становилось поэтому тяжелѣ для оставшихся. Въ виду того, что вся система государственныхъ налоговъ и хозяйственное обеспеченіе служилаго класса были основаны на крестьянскомъ трудѣ, запустѣніе какъ черныхъ, такъ и частновладѣльческихъ земель представляло серьезную опасность для государства, и правительство должно было привлечь рядъ мѣръ, стѣснявшихъ какъ побѣги крестьянъ, такъ и вывозъ ихъ.

Правительство не рѣшилось сразу прикрѣпить къ мѣсту всю тягчую крестьянскую массу, хотя и должно было желать этого. Существует мнѣніе, будто въ концѣ XVI в., въ царствованіе Федора Ивановича, когда дѣлами государства управлялъ Борисъ Годуновъ, былъ изданъ указъ, устанавливавшій крѣпостное право, но это совершенно неправильно: такого указа не было, и въ царствованіе Федора Ивановича крестьяне, какъ и раньше, сохраняли право перехода, хотя па дѣлѣ почти не могли пользоваться имъ. Что же касается указа 24 ноября 1597 г., то онъ вовсе не предполагаетъ изданнаго будто бы за 5 лѣтъ передъ тѣмъ указа о прикрѣпленіи крестьянъ; онъ направленъ только противъ крестьянскихъ побѣговъ: въ немъ устанавливается пятнадцатилѣтняя давность для сыска бѣглыхъ, и если крестьянинъ бѣжалъ не раньше, какъ за 5 лѣтъ до этого указа, то его вмѣстѣ съ имуществомъ и семьей разрѣшается возвращать къ прежнему владѣльцу. Съ тою же цѣлью затруднить крестьянское передвиженіе была предпринята въ 1592 г. перепись крестьянского населенія. Записывая крестьянъ за ихъ владѣльцами, правительство дѣлало писцовые книги какъ бы крѣпостными актами, которыми владѣльцы могли доказывать свои права на записанныхъ тамъ крестьянъ. Противъ вывоза крестьянъ были направлены указы 1601 и 1602 г.г., которыми крупнымъ землевладѣльцамъ совсѣмъ запрещалось перевозить крестьянъ, а въ мелкихъ владѣніяхъ разрѣшалосьѣхняться ими только по обоюдному соглашенію помѣщиковъ. Охраняя интересы мелкихъ служилыхъ людей, правительство стало также отмѣнять податные льготы крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ очень легко давались рабыше.

Тяжелый процессъ, приведшій въ центральныхъ областяхъ къ фактическому лишению крестьянъ права перехода, повторился и на южныхъ окраинахъ, гдѣ тоже были помѣщены служилые люди. Экономический гнетъ и здѣсь заставлялъ крестьянъ бросать помѣщичьи земли и уходить за рубежи, въ казачьи городки и становища, расположенные на южныхъ рекахъ. Тамъ, за чертой государства, складывался своеобразный классъ русского общества—вольное казачество.

Общий ходъ жизни, приведшій въ XVI в. Московское государство къ политическому и социальному противорѣчью, поставилъ всѣ классы русского общества во враждебныя отношенія какъ другъ къ другу, такъ и къ тому общественному строю, среди которого имъ приходилось жить. 1) Высший служилый классъ былъ недоволенъ. Опѣ только-что перепесь бурю опричнины, сломившей его политическое знатопіе; служебные тягости увеличивались, уходъ крестьянъ угрожалъ паденiemъ хозяйства и разореніемъ. 2) Мелкий служилый людъ (дворяне городовые и дѣти боярскія) имѣлъ еще больше причинъ быть недовольнымъ: войны, живившіеся всю тяжестью на нихъ, лишили ихъ отдыха и по-

стоянной осьдлости; доходы съ опустѣвшихъ отъ крестьянскихъ по-
бѣговъ и вывоза помѣстій падали; конкурировать съ богатыми земле-
владѣльцами — монастырями и боярами они не могли. 3) Тяглы
посадскіе люди были тоже недовольны. Нахлынувши въ города и по-
сады служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы, рынки и
промышлены; городъ изъ центра хозяйственной жизни народа обращался
въ центръ военно-административный; посадъ пустѣль и падалъ, город-
ское населеніе расходилось и всячески старалось избавиться отъ госу-
дарства тягла. 4) Сельское тяглое населеніе было недовольно тѣми по-
слѣдствіями, которыми сопровождался переходъ черныхъ земель въ
частныя руки: исчезновенiemъ самостоятельныхъ податныхъ общинъ,
имѣвшихъ непосредственныя сношенія съ правительствомъ черезъ
своихъ выборныхъ властей, и экономическимъ гнетомъ со стороны по-
мѣщиковъ; то же чувство питалось и правительственными мѣрами,
касавшимися крестьянского вопроса. Только на сѣверѣ, где служилаго
землевладѣлія не было, сохранялись еще прежняя богатыя и хорошо
организованныя крестьянскія общины. 5) Бѣглые крестьяне, ушедшие
въ казаки, точно также должны были питать чувства недовольства и
вражды противъ того общественного строя, благодаря которому они
лишились земли и родины.

Итакъ, весь политический и общественный строй Московскаго го-
сударства въ концѣ XVI в. покоился на очень шаткомъ основанії. До-
статочно было какого-нибудь толчка, чтобы всеобщее недовольство вы-
рвалось наружу, и между всѣми классами русскаго общества началась
открытая борьба за свои особые и часто совершенно противоположные
интересы. Такимъ толчкомъ послужило прекращеніе династіи, по-
влекшее за собою упорную и продолжительную соціально-политиче-
скую борьбу, извѣстную подъ названіемъ смуты.

Смутное время (1598—1613).

Борисъ Годуновъ.

По вступленіи на московскій престолъ Федора Ивановича среди
окружавшихъ его бояръ началась рѣзкая борьба изъ-за влиянія на не-
способнаго къ управлению царя. Въ этой борьбѣ одержалъ верхъ умный и
дѣятельный Борисъ Годуновъ, не принадлежавший къ числу перво-
статейныхъ титулованыхъ бояръ. Его противники частично были по-
стрижены, частично отправлены въ ссылку; подверглась почетной ссылкѣ въ Угличъ даже царица-вдова Марія Нагая съ своею родней и царевичемъ
Дмитриемъ. Годуновъ сталъ правителемъ государства. Свою бли-

вость къ царю онъ закрѣпилъ еще раньше, устроивши бракъ царя съ своею сестрою Ириной. Дѣтей царь Федоръ не имѣлъ, и поэтому наследникомъ престола привыкли считать царевича Дмитрія. Но въ 1591 году 15 мая этотъ наслѣдникъ былъ найденъ на дворѣ своихъ хоромъ въ Угличѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Сложныя политическія отношенія настолько затемнili это дѣло, что до сихъ поръ нельзя опредѣлѣнно решить вопроса о томъ, кто былъ виновникомъ смерти царевича. Съ одной стороны, мы имѣемъ донесеніе слѣдственной комиссіи, сейчасъ же отправленной въ Угличь и выяснившей, что Дмитрій самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни; съ другой стороны, въ народѣ пошли слухи, подхваченные врагами Бориса и потомъ перешедшіе въ литературу, что это онъ подоспалъ убійцу съ тѣмъ, чтобы убийствомъ царевича проложить себѣ дорогу къ престолу. Оба эти объясненія встрѣчаютъ серьезную критику и, поэтому, не могутъ быть приняты какъ достовѣрныя, и въ виду ихъ сомнительности можно высказать еще третью мысль, запимающее средину между первыми, а именно: устранить Дмитрія постаралась для Бориса чья-нибудь услужливая, но не прошептала имъ рука. Въ 1598 г. царь Федоръ умеръ, не оставивъ наслѣдника. Москва присягнула царицѣ Иринѣ, но она отказалась отъ престола и постриглась въ монахини Новодѣвицкаго монастыря, куда переселился также и Борисъ. Государствомъ временно стали править патріархъ и бояре, но въ виду популярности Бориса среди населенія столицы патріархъ съ народомъ отправился въ Новодѣвицкому монастырю и предложилъ Борису престолъ. Тотъ на отрѣзъ отказался и согласился принять престолъ только тогда, когда его вторично просили принять царство уже не по рѣшенню бояръ, а по избранію собравшагося въ Москвѣ Земскаго Собора. Вступление на престолъ по волѣ всей земли, а не по приглашенію только бояръ освобождало Бориса отъ необходимости дѣлиться властью съ высшимъ боярствомъ, желавшимъ ограничения власти нового царя, по въ то же время ставило его во враждебныя отношенія съ этимъ влиятельнымъ классомъ. Сдѣлавшись царемъ, Годуновъ продолжалъ ту же дѣятельность, которая доставила ему похвальные отзывы современниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ еще въ то время, когда онъ былъ только правителемъ. Его внешняя политика не отличалась крупными предприятиями и успехами, и онъ недостаточно смѣло пользовался благоприятными обстоятельствами, напримѣръ, враждою Польши и Швеціи, но зато его внутренняя дѣятельность обнаруживала въ немъ такую широкую гуманность и такой государственный умъ, что его можно считать самымъ выдающимся человѣкомъ того времени. Отъ всячески старался помочь населенію, страдавшему отъ бозкопочныхъ войнъ, отъ тяжелаго экономического положенія, отъ случайныхъ бѣдствий, наприм-

мѣръ, голода, болѣзней и пожаровъ; онъ щедрой рукою раздавалъ всякия льготы и подарки; цѣлые мѣстности освобождались при немъ на не- сколько лѣтъ отъ податей; въ тяжелые исурожайные годы (1601—1604), когда населеніе тысячами умирало отъ голода и болѣзней, онъ организовалъ широкую раздачу хлѣба и денегъ и устроилъ въ Москвѣ общественные работы (колокольня Ивана Великаго). Поклонникъ про- свѣщенія, онъ открывалъ школы и мечталъ о западной культурѣ, ко- торую высоко цѣпилъ въ иностранныхъ. Заботясь объ оживленіи сильно упавшей промышленности и торговли, Борисъ Годуновъ даетъ торго- выя льготы иностранцамъ, приглашаетъ на службу опытныхъ специа- листовъ, особенно горнаго дѣла, заботится о безопасности дорогъ, ста- раются улучшить полицейскій порядокъ и устранилъ взятки и всякаго рода злоупотребленія, которыми уже давно славилась московская адми- нистрація. Но вся реформаторская дѣятельность Годунова, направлен- ная къ умиротворенію страны, протекала безъ поддержки высшаго об- щественного класса—бояръ, враждебно встрѣтившихъ самое появле- ніе его на престолѣ. Борисъ зналъ, что бояре имъ недовольны, и подо- зрѣвалъ существованіе заговора противъ себя; отсюда вытекалъ тай- ный полицейскій надзоръ за боярами, сопровождавшійся доносами холоповъ на своихъ господъ, ссылками, пытками и казнями тѣхъ, на кого падали подозрѣнія царя. Борисъ прибѣгъ къ крайнимъ средствамъ въ своей борьбѣ съ боярами, но побѣда все же осталась пе на его сто- ронѣ, потому что бояре сумѣли найти силу, которая начала поднимать противъ Бориса и народъ. Этю силой была тѣнь царевича Дмитрія, восплившая въ лицѣ Самозванца.

Первый Самозванецъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что появившійся въ 1604 г. Само-званецъ представляетъ боярскую интригу противъ Бориса, но вопросъ о его личности до сихъ поръ является исторической загадкой, на которую давались различные отвѣты. Московское правительство въ 1605 г. объя- вило его бѣглымъ послушникомъ Чудова монастыря Григоріемъ Ст. реьевымъ. Эта взглядъ принять многими историками, по проф. Соловьеву сдѣлалъ къ нему поправку въ томъ смыслѣ, что Отрецьевъ искренно считалъ себя настоящимъ царевичемъ, что онъ былъ воспи- танъ съ вѣрой въ свое царское происхожденіе.

Другіе изслѣдователи (Костомаровъ) пришли къ заключенію, что Лжедмитрій и Отрецьевъ—два разныхъ лица; наконецъ, проф. Икон- никовъ выставилъ соображенія, позволяющія думать, что Лжедмитрій, дѣйствительно, былъ настоящимъ царевичемъ. Разбиралось въ этихъ

ми виїхъ, остерожнѣе всего будеть предположить, что Лжедмитрій быть подставнымъ лицомъ, по его съ такихъ лѣтъ готовили къ роли царевича Дмитрія, что самъ онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе и свои притязанія на московскій престолъ считалъ вполнѣ законными. Достовѣрныя свѣдѣнія о Лжедмитріи начинаются только

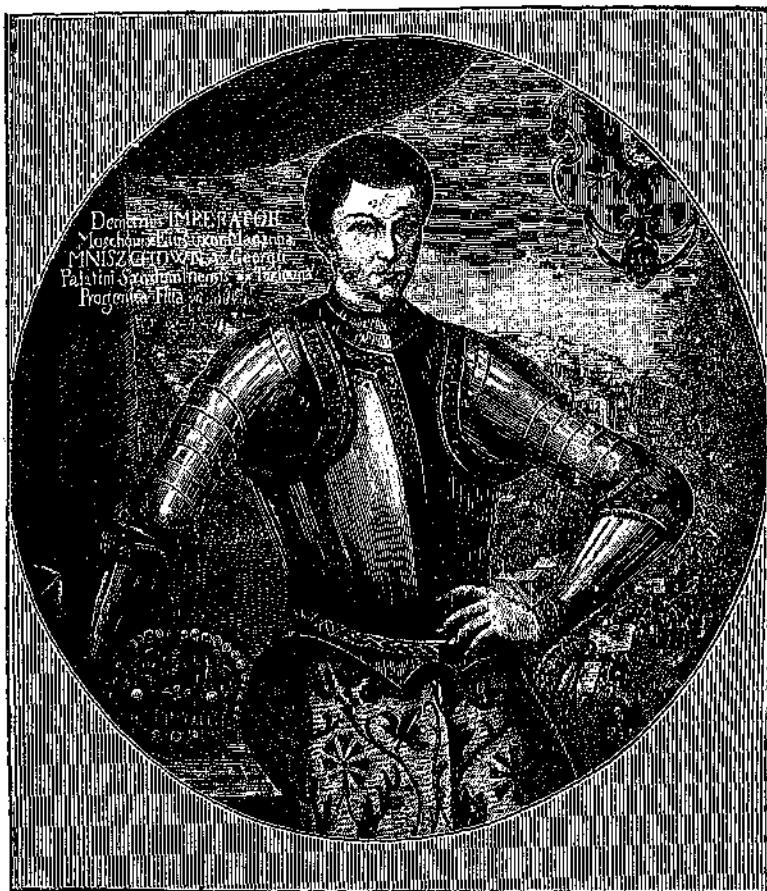

Рис. 15. Дмитрий Самозванецъ. (По современному портрету).

съ того времени, какъ польские вельможи Вишневецкіе и Мишковъ пустили въ польскомъ обществѣ слухи объ открытомъ ими русскомъ царевичѣ. Сомнительно, чтобы русскіе вѣрили этимъ слухамъ, по тѣмъ не менѣе новоизвѣленный царевичъ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ сочувствіе и поддержку. Польское правительство разсчитывало утвердить черезъ Самозванца, въ случаѣ удачіи его дѣла, свое влияніе въ Москвѣ

или, по крайней мѣрѣ, смутой ослабить ее. Поэтому правительство, отказавшись отъ официальной поддержки Самозванца, все-таки спабжало его деньгами и допускало поступление въ его дружину польскихъ добровольцевъ. Римская церковь открыто выражала Лжедмитрю свое сочувствіе, разсчитывая, что, самъ обращенный въ католичество, онъ, и въ Москвѣ будетъ стоять за католическую пропаганду. Наконецъ, главную опору Самозванца составило бѣглое русское населеніе южныхъ степей, видѣвшее въ немъ вождя, съ которымъ можно будетъ вернуться на родину. Въ концѣ 1604 г. Самозванецъ съ своими отрядами вступилъ въ Московскія области; царскія войска, посланныя противъ него, действовали недостаточно решительно: съ одной стороны, московскіе люди были смущены именемъ воскресшаго Дмитрія, а съ другой—бояре даже радовались успѣхамъ Самозванца, который шелъ противъ ненавистнаго имъ Годунова. Послѣ неожиданной смерти Бориса (въ апрѣль 1605 г.) и вступленія па престолъ его сына Федора всѣ высшіе

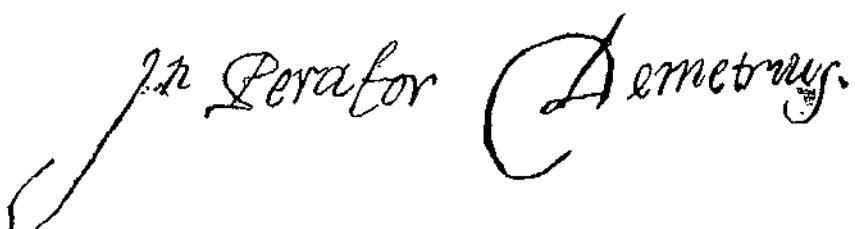
A handwritten signature in cursive script, appearing to read "In Reratfor Деметриу". The signature is fluid and somewhat stylized, with the name "Деметриу" being the most recognizable part.

Рис. 16. Подпись первого Самозванца.

бояре признали Самозванца настоящимъ царемъ, воевода Басмановъ со своими войсками перешелъ на его сторону, и Лжедмитрій, какъ царь, двинулся въ Москву. Послы и грамоты, присланые Самозванцемъ въ Москву, пашли здѣсь благодарную почву, тѣмъ болѣе, что Василій Шуйскій, который всѣ слѣдствіе въ Угличѣ и знать всю правду о Дмитріи, держалъ себя двулично. Народъ поднялся во имя заколнаго царя и пизволъ съ престола Федора Годунова, который потомъ черезъ не сколько дней былъ убитъ князьями Голицынымъ и Масальскимъ, прислаными Самозванцемъ, чтобы покончить съ Годуновыми. Боярскій планъ исполнился: на престолѣ Годунова сидѣлъ новый царь. Но и онъ не оправдалъ боярскихъ надеждъ: онъ любилъ проявлять независимость; въ Боярской Думѣ, легко разбираясь въ самыхъ сложныхъ дѣлахъ, онъ сминался надъ боярами и предпочиталъ возвышать при себѣ людей ис породы, а дѣла, набирая ихъ изъ незнатныхъ людей и иностраницъ. Это была первая причина, заставившая бояръ помышлять объ устраненіи и Лжедмитрія; другая заключалась въ томъ,

что съ паденiem Годуновыхъ онъ болыше не былъ имъ нуженъ и только мѣнилъ тѣмъ московскимъ боярамъ, которые сами стремились къ престолу и власти. Тотъ же Василій Шуйскій, который призпалъ его царевичемъ, сейчасъ же посль гибели Годуновыхъ сталъ распространять слухи о самозванствѣ нового царя.

Движеніе противъ Лжедмитрія, начавшееся среди бояръ и имѣ руководимое, могло встрѣтить сочувствіе и среди простого народа, который съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что новый царь ведеть себя не по царскому и не по православному «чипу». Неудовольствіе возрасло, когда въ маѣ 1606 г. вмѣстѣ съ невѣстой Лжедмитрія Мариной Минѣшкѣ прїѣхала въ Москву многочисленная польская свита, высоко-мѣрно державшаяся среди русского общества. Все это привело къ заговору, который окончился убийствомъ Лжедмитрія (17 мая 1606 г.).

Василій Шуйскій и движение противъ него среднихъ и низшихъ классовъ.

Бояре еще до убийства Лжедмитрія договорились, что тотъ изъ нихъ, кому достанется престолъ, долженъ будетъ править государствомъ не самостоятельно, какъ Борисъ, а по общему совѣту съ боярами. Самымъ удобнымъ человѣкомъ для этого сочли главу заговора противъ Самозванца, Василія Шуйскаго. Его и объявили царемъ, не собирая Земскаго Собора и основываясь только па тѣхъ голосахъ въ его пользу, которые были поданы преданными ему москвичами. Сдѣлавшись царемъ по волѣ бояръ, Шуйскій долженъ быть стать отъ нихъ въ зависимость. Это выражалось прежде всего въ томъ, что онъ дасть клятву соблюдать известныя условія, ограничивавшія его власть. Эти условія сводились къ тремъ пунктамъ: Шуйскій обѣщалъ: 1) никого не лишать жизни безъ приговора бояръ, 2) не подвергать гоненію и опалѣ вмѣстѣ съ виновными въ какомъ-нибудь преступлениі ихъ невинныхъ родственниковъ и 3) не слушать ложныхъ доносовъ и наказывать за нихъ. Легко замѣтить, что эти ограниченія не мѣняютъ основъ государственного порядка и имѣютъ въ виду лишь обеспеченіе личной безопасности, которая такъ рѣзко и часто нарушалась при Грозномъ и Годуновѣ. Очевидно, бояре надѣялись, что, обеспечивъ свою личную безопасность, они получать возможность участвовать въ управлении. Правленіе Шуйскаго, выбраннаго не всѣмъ народомъ и потому непопулярнаго,—или, лучше сказать, правленіе окружавшихъ его бояръ, которые преслѣдовали свои личныя выгоды,—вызвало недовольство противъ нового царя какъ среди низшихъ классовъ, такъ и у среднихъ бояръ и дворянъ. Снова пошли слухи, что Дмитрій не убитъ, а живъ, и во имя этого призрака, даже еще не успѣвшаго воплотиться

въ какомъ-нибудь опредѣленіи лицъ, снова заволковался народъ. Въстаніе началъ путинльскій воєвода кн. Шаховской, а вслѣдъ за Путинлемъ поднялись Елецъ, Черниговъ, Тула, Калуга, Орелъ, Рязань, Астрахань и много другихъ городовъ. Но въ этомъ движеніи объединились слишкомъ разнородные элементы: рязанцы Сунбуловъ и Прокопій Ляпуновъ были вождями дворянъ, которые въстали противъ политическихъ стремлений боярства, а кн. Шаховской и Иванъ Болотниковъ опирались на бѣглыхъ крестьянъ, холоповъ и всѣхъ, кому не было мѣста въ тогдашнемъ общественномъ строѣ; этотъ элементъ считалъ своими врагами всѣхъ притѣснителей чернаго народа: бояръ, служилыхъ людей и приказныхъ. Когда это различие обозначилось, то мятежные дворяне испугались и поспѣшили принести Шуйскому повинную и этимъ облегчили ему борьбу съ въстаніемъ. Въ концѣ 1607 г. опо уже было подавлено.

Между тѣмъ среди южныхъ казаковъ въ Стародубѣ появился, таконецъ, какой-то человѣкъ, принявший имя царевича Дмитрія, о вторичномъ спасеніи которого слухи распускались ужъ раньше. Казаки не вѣрили въ подлинность новаго царя, но тѣмъ не менѣе вокругъ Самозванца собралось множество бездомнаго населения, бѣглыхъ крестьянъ, холоповъ и польскихъ выходцевъ. Вся эта толпа не имѣла опредѣленной политической программы; она выражала пеленное желаніе всеобщаго равенства и свободнаго казачьяго управления, но, главнымъ образомъ, она шла, какъ тогда выражались, «для веровѣства», и второй Самозванецъ такъ и остался въ памяти народа съ прозвищемъ Вора. Встрѣчая всюду поддержку сходныхъ элементовъ, Воръ быстро дошелъ до Москвы и остановился зимовать въ селѣ Тушинѣ, которое превратилось въ большой укрѣпленный лагерь; здѣсь было тысяча 30 запорожскихъ казаковъ, около 20 тысячъ поляковъ и множество московскихъ людей, которые постоянно переходили то къ Самозванцу, то обратно въ Москву.

Среди этой веселой и буйной толпы особенно выдѣлялись польскіе начальники Лисовскій, Сапѣга и Рожицкій, въ рукахъ которыхъ самъ «тушинскій царикъ» становился послушной игрушкой. Ради добычи толпы тушинцевъ дѣлали набѣги на зажиточныя сѣверныя области и, несмотря на то, что ихъ почти полтора года задержала безуспешная осада Троице-Сергіевой лавры, они все-таки подчинили себѣ около 20 городовъ. Но безчинства, грабежи и насилия тушинцевъ вызвали въ этихъ городахъ народное движеніе, окончившееся ихъ изгнаніемъ. Однако, поднимаясь противъ Вора, эти города не чувствовали симпатій и къ Шуйскому, которому не вѣрили, какъ царю боярскому. Не находя сильной поддержки для борьбы съ Тушинскимъ лагеремъ ни въ областяхъ, ни среди московскихъ людей, Шуйскій рѣшилъ обратиться за помощью къ иностранцамъ. Его племяннику кн. Мих. Вас.

Скопинъ-Шуйскому удалось заключить съ шведскимъ королемъ Карломъ IX союзъ и получить отъ него 6 тысячъ конницы и пѣхоты подъ начальствомъ Делагарди. Московское же государство обязывалось за это уступить шведамъ г. Корелу съ уѣздомъ и быть съ ними въ вѣчномъ союзѣ противъ Польши. При помощи шведовъ Скопинъ-Шуйскій побѣдоносно двинулся отъ Новгорода къ Москвѣ, а изъ Астрахани вдоль Волги съ такимъ же успѣхомъ вѣль царскія войска Шерemetевъ. Тушинцамъ приходилось плохо. Положеніе ихъ стало еще труднѣе, когда Москвѣ объявили войну польскій король Сигизмундъ. Онъ имѣлъ притязанія на шведскій престолъ, отнятый у него Карломъ IX, и поэтому былъ недоволенъ союзомъ Москвы съ Швеціей. Осадивъ хорошо укрепленный Смоленскъ, гдѣ сидѣлъ воевода Шеніпъ, Сигизмундъ вызвалъ изъ Тушина бывшихъ тамъ поляковъ, и многие изъ нихъ, считая, что служить короѣю теперь будетъ выгоднѣе, чѣмъ Самозванцу, ушли.

Рис. 17 Печать и подпись второго Самозванца.

Тѣснинъ Скопинъ-Шуйскому и Шерemetевымъ, лишенный поддержки въ Тушино, Воръ вмѣстѣ съ признавшей его за своего мужа Маріей бѣжалъ въ Калугу, куда послѣдовали за нимъ сохранившіе ему вѣрность казаки и служилые люди. Но значительная часть русскихъ людей среднихъ классовъ, примкнувшая къ самозванцу только изъ ненависти къ Шуйскому, разочаровалась въ немъ и покинула его. Имѣя передъ собой дѣй политическія крайности: боярскаго царя и вождя голытьбы, эти люди рѣшили итти по среднему пути и пригласить на престолъ польскаго королевича Владислава, предложивъ ему свои условія. 4 февр. 1610 г. отправленное ими подъ Смоленскъ посольство заключило съ Сигизмундомъ договоръ, который представлялъ цѣлую конституцію, такъ какъ обеспечивалъ права всего московскаго народа и устанавливалъ порядокъ управления. Къ тѣмъ гарантіямъ, какія даны были и Шуйскимъ, представители съреднѣаго боярства и дворянства прибавили еще одно условіе, направленное противъ высшаго боярства: всѣ возвышаются по заслугамъ, а не только

по происхождению. Власть царя по этому договору ограничивалась не только Боярской Думой, но и Земским Соборомъ, который состоялъ изъ выборныхъ всей земли и устанавливаетъ основные законы. Что авторами этой конституціи были представители «довольно посредственной знати и выслужившихся дѣльцовъ», далескіе отъ радикальныхъ реформъ, это ясно обнаруживается изъ тѣхъ статей, въ которыхъ запрещается свободный переходъ крестьянъ и требуется оставление холоповъ въ прежнемъ состояніи; это, очевидно, требование землевладѣльческія.

Вскорѣ Московскій престолъ освободился: смерть народного героя Скопина-Шуйскаго, въ которой молва обвиняла царя, и пораженіе при Клушино, попесенное царскимъ братомъ Дмитріемъ Шуйскимъ, который дѣйствовалъ противъ наступавшихъ поляковъ, такъ усиливъ прежнее недовольство противъ Василія Шуйскаго, что агитация противъ него, наконецъ, увѣничалась успѣхомъ: онъ былъ свергнутъ съ престола и постриженъ въ монахи, а государствомъ временно стала править Боярская Дума, состоявшая изъ 7 бояръ.

Междударствіе и попытки возстановить порядокъ.

Междударствіе началось при тяжелыхъ условіяхъ: подъ Москвой стояли съ польскимъ войскомъ гетманъ Жолкѣвскій и Самозванецъ, сно-ва пришедший изъ Калуги. Чувствуя полную невозможность при внутренней неурядице бороться съ двумя врагами и боясь усиленія вождя голытьбы, бояре рѣшили подчиниться королевичу Владиславу. Съ Жолкѣвскимъ заключили договоръ, опредѣлявшій условія, на которыхъ избрали Владислава, и поляки были впущены въ Москву. Это подчиненіе одному врагу помогло избавиться отъ другого: Жолкѣвскій заставилъ Самозванца слова отойти къ Калугѣ. Для утвержденія договора къ Сигизмунду подъ Смоленскъ было отправлено «великое посольство»; въ составъ его Жолкѣвскій предусмотрѣтельно включилъ митрополита Филарета (Романова) и кн. В. В. Голицына, которые, оставаясь въ Москвѣ, могли бы вредить дѣлу Владислава. Но надежды москвичей избраніемъ Владислава положить конецъ смутѣ и начало порядку не оправдались: Сигизмундъ задержалъ посольство, отвергъ договоръ, заключенный съ Жолкѣвскимъ, и пожелалъ самъ занять московскій престолъ. Нѣкоторые бояре, бывшіе польскому королю члены о жалованіи и «деревенникахъ», соглашались и на такой планъ, по масса народа, вдохновляемая патріархомъ Гермогеномъ, горячимъ защищникомъ православія и патріотичности, отшатнулась теперь отъ поляковъ и Владислава. Смута продолжалась. Эта неудача первой по-

пытки восстановить порядокъ повела къ новому усиленію Самозванца, который, вирочемъ, скоро былъ убитъ въ Калугѣ однимъ изъ своихъ же приверженцевъ (въ декабрѣ 1610 г.). Между тѣмъ поляки вели себя въ Москвѣ, какъ въ завоеванной странѣ, а Сигизмундъ открыто выѣшивался въ московскія дѣла. Тогда пѣкоторые москвики, раздѣлявшіе мнѣнія патріарха Гермогена, стали вмѣстѣ съ пимъ разсыпать по городамъ грамоты съ призывомъ противъ поляковъ. Эти грамоты возбудили национальныя чувства и вызвали вторую попытку установить порядокъ. Подъ предводительствомъ рязанца Прокопія Ляпунова, который раньше стоялъ за Владислава изъ страха передъ Самозванцемъ, со всѣхъ концовъ государства двинулись дружины освобождать Москву отъ поляковъ. Къ этому земскому ополченію присоединились и остатки тушицкихъ казаковъ подъ предводительствомъ Заруцкаго и кн. Трубецкого, бывшихъ прежде на службѣ у Самозванца. Началась осада Кремля. Московское боярство, запершееся вмѣстѣ съ поляками, смотрѣло на это движеніе, какъ на мятежъ,—поэтому земское ополченіе само организовало новое правительство для всей земли. Три главныхъ вождя были выбраны военачальниками, и ихъ именами писались грамоты въ города; общій совѣтъ всей рати долженъ быть ограничивать и контролировать власть военачальниковъ. Но и эта организація не могла быть прочной: въ составѣ ополченія входили два слишкомъ различныхъ по своимъ стремлениямъ элемента—казачій и земскій. Поэтому, какъ среди вождей, такъ и на общемъ совѣтѣ начались раздоры и борьба. Скоро выяснилось, что перевѣсь на сторонѣ служилыхъ людей; они провели на общемъ совѣтѣ выгодное для себя постановленіе о возвращеніи бѣжавшихъ въ казаки крестьянъ и холоповъ въ прежнее состояніе и рядъ мѣръ, стѣснявшихъ казацкія вольности. Все это вызвало раздраженіе среди казаковъ; они убили главнаго вождя Прок. Ляпунова, и со смертью этого энергичнаго человѣка первое земское ополченіе скоро распалось.

Послѣ второй неудачной попытки установить порядокъ положеніе Русской земли стало еще печальнѣе: Сигизмундъ взялъ, паконецъ, Смоленскъ; въ Псковской области появился третій Лжедмитрій; шведы, считая избрание Владислава нарушеніемъ союза, объявили войну и захватили Новгородскую область; казачьи шайки продолжали свои грабежи. Русское государство было на краю гибели. Тогда-то въ восточныхъ областяхъ, менѣе пострадавшихъ отъ смуты, населеніе приходило къ сознанію необходимости бороться за вѣру, родину и общественный порядокъ не только съ поляками, но и съ казачествомъ, погубившимъ первое ополченіе. Передовые люди, патріархъ Гермогенъ, архиепископъ Троицкой лавры Діонисій, келарь Авраамій Палицынъ и многие другие своими посланіями поддерживали это патріотическое

одушевление, и ихъ грамоты, разсылаемыя по городамъ, вездѣ встрѣчали готовую почву. Скоро явился и вождь назрѣвшаго движенія. Это былъ нижегородскій торговецъ Козыма Мининъ, великий патріотъ и умѣлый организаторъ. Подъ его вліяніемъ нижегородцы составили ополченіе изъ служилыхъ людей и собрали средства на ихъ содержаніе. Воеводой этого ополченія избрали князя Пожарскаго, который пользовался большой популярностью какъ за свои личныя свойства, такъ и за военные способности. Идя навстрѣчу тому настроению, какое было въ городахъ, нижегородцы разослали окружную грамоту съ приглашеніемъ не присягать Ворепку, сыну Марины и Тушинскаго Вора, и действовать противъ казаковъ; указывая на необходимость всемъ «быть въ совѣтѣ и единеніи», они просили помочи войсками и деньгами, и многие города откликнулись на этотъ призывъ. Войско Пожарскаго получило чрезвычайно важное значеніе, потому что здѣсь сложилось новое правительство, которое и сдѣлалось на время послѣдователемъ верховной власти; это былъ «совѣтъ всей земли», составленный изъ выборныхъ отъ городовъ. Въ концѣ 1612 г. второе земское ополченіе очистило отъ поляковъ Москву и немедленно предложило созвать соборъ для избранія новаго царя. Въ январѣ 1613 г. открылся Земской Соборъ; начались долгіе и жаркіе споры о томъ, кого избрать на престолъ; наконецъ, всѣ партіи сошлись на сына митрополита Филарета Михаилѣ Федоровичѣ Романовѣ. Онъ былъ предложенъ и поддержанъ, главнымъ образомъ, средними и мелкими людьми; казаки тоже стояли за него; согласилось на это избраніе и высшее боярство, руководясь, какъ гласить одно преданіе, тѣмъ соображеніемъ, что онъ молодъ и будетъ имъ «поваденъ». Итакъ, третья попытка вывести господство изъ смуты увѣличилась успѣхомъ: на престолѣ былъ национальный государь, единогласно избранный Земскимъ Соборомъ, представлявшимъ себю въ ю Русскую землю.

Причины и слѣдствія смуты.

Смутное время богато множествомъ яркихъ фактовъ и важныхъ событий какъ во внутренней, такъ и во вѣнчальной жизни Московскаго государства, но все-таки это не даетъ оснований считать смуту исторической гранью, какъ бы переходной эпохой. Въ исторіи вообще нѣть переходныхъ эпохъ: всякий исторический періодъ бываетъ тѣсно связанъ съ предыдущимъ; тамъ, въ этомъ прошломъ, имѣть онъ свои корни, а въ немъ самомъ зреютъ сѣмена, изъ которыхъ развиваются события послѣдующія. И, если хочется иногда считать какую-нибудь эпоху переходной, какъ бы отдельной, то это объясняется только оби-

пісмъ событій, которыя слишкомъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. Изученіе причинъ и слѣдствій смутнаго времени подтверждаетъ вы- сказанную мысль.

Причины смуты ясно обнаруживаются въ самомъ ходѣ событій. Смута въ своемъ развитіи представляетъ три периода: въ первый періодъ идетъ борьба п о л и т и ч е с к а я: высшее боярство стремится къ власти, свергаетъ при помощи Самозванца Годуновыхъ, убиваетъ Самозванца, когда онъ сталъ не нуженъ и даже опасенъ, и, наконецъ, получаетъ власть въ лицѣ своего ставленника Вас. Шуйского. Во второій періодъ, когда власть оказалась въ боярскихъ рукахъ, разгорается борьба с о ц і а л ь н а я. Притязанія высшаго боярства средніе бояре, столичные дворяне и приказные дѣльцы—дьяки противопоставляютъ свои пожеланія, которыхъ ясно выражены въ договорѣ 4 февр. 1610 г. Въ восстаніи противъ Шуйского въ самомъ началѣ ого правленія выступаетъ противъ боярства и слѣдующій общественный классъ: дворяне провинціалыныe и дѣти боярскія. Въ это же время поднимаются и низшіе неслужилыe классы какъ тяглые, такъ и не тяглые, а потомъ и казаки, т.-с. бѣжавшиe изъ Московскаго государства крестьяне и холопы. Ихъ врагами являются уже не одни высшіе бояре, но и всѣ другіе классы, перечисленные выше. У нихъ пять опредѣленной политической программы, цѣль ихъ стремлений—личныя льготы. Городскіе тяглые люди хотятъ избавиться отъ тягла и сдѣлаться вольными, крестьяне хотятъ освободиться отъ своихъ обязательствъ по отношению къ землевладѣльцамъ, холопы—отъ поволи, а казаки просто ищутъ легкой добычи. Эти классы выступали нерѣдко и вмѣстѣ, не сознавая еще противоположности своихъ интересовъ. Соціальная борьба повола къ разрушенію прежняго государственного строя и поставила на краѣ гибели само государство. Тогда у населения, стоявшаго пѣ сколько въ сторонѣ отъ главной арены смуты, проснулись національныe и религіозныe чувства. Начался третій періодъ—борьба п і о на л ь н а л. Земскіе люди поднялись во имя порядка противъ поляковъ и казаковъ. Было сдѣлано три попытки восстановить порядокъ: это 1) избрание Владислава, 2) первое земское ополченіе и 3) второе ополченіе, которое двинулось изъ Нижнаго-Новгорода. Третья попытка увѣничалась успѣхомъ и кончила смуту. Такимъ образомъ, въ смутѣ послѣдовательно выступаютъ всѣ классы русскаго общества; они всѣ недовольны тогдашнимъ политическимъ и соціальнымъ строемъ. Слѣдовательно, корни смуты въ прошломъ—она выросла изъ тѣхъ противорѣчій въ политическомъ и соціальномъ строѣ, какія сложились въ Московскому государству къ концу XVI в. Съ этой точки зренія прекращеніе династіи является лишь однимъ изъ поводовъ смуты, но не причиной. Нельзя также считать главной причиной смуты и вѣнчанія

відіння, какъ это дѣлаетъ Костомаровъ. Этотъ историкъ полагаетъ, что Самозванецъ бытъ выдвинутъ главнымъ образомъ іезуїтами, ко-торые стремились подчинить московскую церковь папству, и поляка-ми, желавшими черезъ него ослабить Московское государство. Без-спорно, виѣннія відіння сыграли очень важную роль въ исторіи раз-витія смуты, но не въ нихъ ея главныя причины.

Что касается результатовъ смуты, ея связы съ послѣдующими событиями, то едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ Костомарова, утверждающаго, что «смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ быть общественной жизни, въ нравы и стремленія». Наоборотъ, можно сказать, что всѣ крупныя события XVII в. возводятся къ смутѣ. Смута подорвала экономическое благосостояніе страны и вызвала въ XVII в. фискальные затрудненія, которые потребовали крайняго напряженія платежныхъ силъ пассива съ его результатами—окончательнымъ прикрытиемъ посадскаго и сельскаго населенія и переходомъ промышленности и торговли въ руки иностранцевъ. Смута повліяла и на соціальныя строй: пало значеніе порѣдѣвшаго класса высшихъ бояръ, поднялось дворянство среднее, восторжествовавшее въ смутѣ; оно прочнѣе укрѣпило за собой право на землю и крестьян-скій трудъ. Отразилась смута и въ области политіи: раньше смотрѣли на государя, какъ на хозяина, который воленъ распоряжаться въ государствѣ, какъ въ своей вотчинѣ; по послѣ того, какъ во время смуты народу приходилось обходиться безъ государей и самому изби-рать ихъ, явилась мысль о народной волѣ и о народѣ, какъ источникѣ и участнику власти; на мѣсто прежніаго понятія «государь-вотчи-никъ» стало новое: «государь и земля».

Освобожденіе государства отъ враговъ.

Новое правительство, царь и Земскій Соборъ, прежде всего поза-ботилось объ изысканіи средствъ на содержаніе служилыхъ людей; благодаря взысканію педоимокъ, займамъ у богатыхъ людей и сбору съ имущества «пятой деньги», т.-е. 20%-наго налога, удалось собрать средства, необходимыя для борьбы съ врагами, оставшимися отъ смуты. Вождь казацкихъ шаекъ Заруцкій, имѣя при себѣ Марину Мишкѣвъ, провозгласилъ ея сына Ивана царемъ и, укрѣпившись въ Астрахани, старался привлечь на свою сторону казаковъ. Часть ихъ стала на его сторону, по большинство уже не вѣрило въ потускнѣвшую звѣзду его счастья и, привлеченные подарками, которые шли изъ Москвы, не поддержали его. Казаки выгнали Заруцкаго изъ Астрахани, и онъ былъ взятъ стрѣльцами въ плѣнь. Его привезли въ Москву и здѣсь посадили

на золъ; сына Марину — ребенка, ставшаго по волѣ окружавшихъ его лицъ царемъ — повѣшили; Марину же заключили въ тюрьму, гдѣ она скоро умерла. Погнушивъ казачье движение на Волгѣ и Дону, правительство занялось казачьими шайками, действовавшими внутри страны. Изъ нихъ особенно отличался атаманъ Баловень, доходивший до Москвы. Послѣ увѣщаній отстать отъ воровства, которыхъ поколебали, но все же не убѣдили казаковъ, они были разбиты царскими войсками; часть ихъ разбрѣжалась, часть попала въ тюрьмы, а Баловня казнили. Еще больше хлопотъ доставили польская шайки, разорявши русскую землю «проходомъ»; но и онѣ вскорѣ были стѣснены царскими войсками, и только съ шайкой Лисовскаго ничего не могли подѣлать: опустошивъ все на своемъ длинномъ пути, она ускользнула въ Литву.

Были начаты также переговоры съ Польшей и Швеціей, которыхъ состояли въ войнѣ съ Москвой и выставляли своихъ кандидатовъ на московский престолъ: польского королевича Владислава и шведскаго — Филиппа. Путемъ переговоровъ шведскую войну удалось кончить Столбовскимъ миромъ (1617 г.). Шведскій король отдавалъ назадъ занятую имъ Повгородскую область, а русскіе уступали ему южный берегъ Финскаго залива съ Невой и съ кѣсколькими городами и, кроме того, обязывались выплатить огромную по тому времени контрибуцію въ 20 тысячъ рублей. Гораздо труднѣе оказалось уладить отношения съ Польшей. Неудачный походъ Владислава на Москву кончился Деулинскимъ перемириемъ 1618 г., по которому Смоленскъ и Сѣверская земля остались за Польшей, и Владиславъ не отказывался отъ своихъ притязаний на московский престолъ. Условія были тяжелы, но ихъ приняли, чтобы размѣняться пленными и возвратить членовъ великаго посольства, среди которыхъ былъ и отецъ государя Филаретъ Никитичъ, возведеній по возвращеніи изъ пленя въ санъ патріарха и сдѣлавшійся главнымъ совѣтникомъ и даже соправителемъ Михаила. Перемиріе было заключено на $14\frac{1}{2}$ лѣтъ. Къ концу этого срока война съ Польшей возобновилась и, несмотря на частичные успѣхи русскихъ войскъ, все-таки кончились въ пользу Польши, которая сохранила свои прежнія пріобрѣтенія. Но король Владиславъ отказался теперь отъ своихъ притязаній и призналъ Михаила царемъ, за что ему и было заплачено 20 тысячъ рублей.

Московское государство въ XVII в.

Экономическое положеніе Московскаго государства и финансы.

Въ экономической жизни Московскаго государства въ XVII в. наблюдалось дальнѣйшее развитіе тѣхъ явлений, которыхъ обнаружились

еще во второй половинѣ предыдущаго столѣтія, а именно: по мѣрѣ, источенія зоологическихъ богатствъ сначала въ центрѣ, а потомъ и на окраинахъ главнымъ занятіемъ населенія стало земледѣліе, по выѣстѣ съ тѣмъ получила значительное развитіе внѣшняя и внутренняя торговля, поколебавшая прежнюю систему натурального хозяйства и выдвинувшая хозяйство денежное, когда населеніе работастъ не только для собственнаго потребленія, но и на продажу. Разумѣется, не всеи области были совершенно одинаковы по своему хозяйственному строю: напримѣръ, на сѣверѣ и въ областяхъ Новгорода и Пскова, гдѣ естественные условия не благопріятствуютъ развитію земледѣлія, высоко стояли другіе виды добывающей промышленности: скотоводство, рыбная ловля, бобровые промыслы, солевареніе и т. д. Но это исходство не лишало всего государства экономического единства; напротивъ, оно и было главной причиной, потому что побуждало отдельные области къ обмену, при которомъ они отъ натуральнаго хозяйства переходили къ денежному. Видимымъ показателемъ этой экономической перемѣны можетъ служить тотъ фактъ, что уже съ половины XVI в. натуральные крестьянскіе оброки и натуральные государственные повинности переводятся на деньги, цѣнность которыхъ понижается въ $3\frac{1}{2}$ раза—знакъ того, что при оживленномъ обмѣнѣ ихъ стало значительно больше.

Зарожденіе денежнаго хозяйства очень замѣтно отразилось на положеніи деревень. Стали колебаться прежнія формы землевладѣнія. Мелкія хозяйства, не имѣвшія денежнаго капитала, не могли выдерживать конкуренціи съ крупными и погибали; крупныя же, наоборотъ, увеличивались. Вотъ почему самыми крупными земельными собственниками къ концу XVI в. являются монастыри—главные капиталисты дравній Руси. По ростъ монастырскаго землевладѣнія подрывалъ благосостояніе другого разряда землевладѣльцевъ—служилаго помѣстного класса, и потому правительство рядомъ указовъ стремилось пристановить его.

Монастырское землевладѣніе шло къ упадку и въ силу естественнаго своего развитія: при крайней обширности и разбросанности монастырскихъ вотчинъ, хозяйство на нихъ велось дурно: значительную часть своихъ владѣній монастыри отдавали во временное пользованіе разнымъ лицамъ за службу или за деньги; на монастырскихъ земляхъ возникала своего рода помѣстная система, которая по своей юридической природѣ вела къ тому, что земледѣльцы стѣшили возможно полнѣе использовать землю, не имѣть припадлежавшую, и потому хищнически ее истощали. Изъ года въ годъ обрабатывали одинъ и тотъ же участокъ, пока земля не истощалась; тогда этотъ участокъ—перелогъ—бросали и переходили на новый. Тамъ, гдѣ былъ лѣсъ, пользовались огневымъ или подсѣчнымъ способомъ обработки земли: вырубали и выжигали лѣсъ,

выкорчевывали или и на удобренномъ золою участкѣ съяли хлѣбъ, пока получались урожаи. То же самое происходило и на помѣстныхъ земляхъ. Помѣстье не составляло полной собственности владѣльца, и въ XVI в. очень часто помѣстные земли переходили къ лицамъ совершенно постороннимъ владѣльцу. При такой необеспеченности владѣнія помѣщики, конечно, старались возможно скорѣе извлечь изъ своей земли все, что она могла дать, и ихъ хищничество перѣдко доходило до того, что они вырубали лѣса, грабили своихъ крестьянъ и совершили падъ ними насилия. Результатомъ такого хозяйства на монастырскихъ и помѣстныхъ земляхъ явилось то, что въ центрѣ сельскохозяйственная техника пошла назадъ: трехполье уступило мѣсто переложенной системѣ, истощавшей землю, и населеніе стало отливать изъ оскудѣвшаго центра на окраины. Объ этомъ массовомъ выселеніи свидѣтельствуютъ и писцовые книги, и иностранные писатели, и извѣстія объ основаніи новыхъ городовъ въ южныхъ степяхъ, по Волгѣ и по Камѣ. Тамъ, на окраинахъ, освободившихся отъ гнета монастырского и помѣстного землевладѣнія, новое населеніе развило оживленную сельскохозяйственную дѣятельность съ прогрессирующей техникой; эти окраины обособились въ экономическомъ отношеніи и вступили въ обмѣнъ съ центромъ, съ одной стороны, и сознаніе хозяйственнаго вреда помѣстной системы, съ другой,—заставили правительство измѣнить свое отношеніе къ этой отжившей формѣ землевладѣнія. Правительство все сще старается поддерживать помѣстное землевладѣніе, какъ прежнюю основу службы, во вмѣстѣ съ тѣмъ оно поддается вліянію основного экономического факта своего времени. Денежное хозяйство требуетъ свободнаго оборота земель, и вотъ въ XVII в. начинается сближеніе помѣстья съ вотчиной. Помѣстье разрѣшается теперь менять на вотчины и даже сдавать постороннимъ лицамъ за деньги, вообще оно приближается къ обязанной службою вотчинѣ и дѣлается болѣе прочною собственностью съ правомъ владѣльца отчуждать его.

Указанный кризисъ сопровождался перемѣнами въ самыхъ формахъ хозяйства. Раньше, при натуральномъ хозяйстве, землевладѣлецъ все необходимое для собственаго потребленія получалъ въ видѣ патулярныхъ сборовъ, за лишнимъ же опѣ не гнался, такъ какъ ни спроса на эти продукты, ни рынковъ для ихъ продажи почти не было. Поэтому отшепенія крестьянъ арендаторовъ къ землевладѣльцу выражались, главнымъ образомъ, въ оброкѣ. Съ развитіемъ же мѣщанского хозяйства у собственника земли являлось желаніе имѣть излишки, которые шли бы на продажу, а это побуждало его имѣть возможно большую собственную запасшку,—и вотъ онъ не только переводить своихъ крестьянъ съ оброка на барщину, но и примѣняетъ къ землевладѣнию и несвободный холопскій трудъ. Постоянно нуждаясь въ рабочихъ, землевладѣльцы

пользуются задолженностью крестьянъ и стремятся поставить ихъ въ такое же положение, въ какомъ были кабальные холопы; поэтому свободный крестьянскій трудъ постепенно превращается въ крѣпостной. Только на сѣверѣ, гдѣ были другія экономическія условія, указанныхъ перемѣнъ не послѣдовало, и здѣсь на государственной землѣ сохранилось самостоятельное крестьянское хозяйство, при чёмъ прежніе складническіе союзы постепенно разлагаются на подворные участки. Итакъ, деревня Московскаго государства въ концѣ XVI в. и началѣ XVII в. пережила тяжелый кризисъ, оказавший рѣшительное и очень важное вліяніе на весь строй государства какъ соціальный, такъ и политический.

Кромѣ земледѣлія, были и другие виды добывающей промышленности. Огородничество и плодоводство было развито близъ городовъ и даже въ городахъ; напр., въ Москвѣ, кромѣ садовъ и огородовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ и монастырямъ, однихъ царскихъ плодовыхъ садовъ насчитывалось до 50; на юго-востокѣ разводили виноградъ; въ Астрахани этимъ занимался французъ Шасказаюсь Подобинъ (!), и тамошнее вино служило предметомъ вывоза. Въ южныхъ областяхъ, гдѣ были хорошия пастбища, разводили рогатый скотъ и лошадей. Очень важное значеніе имѣла ловля рыбы, которая составляла главную пищу массы населения; ловили ее во всѣхъ рѣкахъ, но особенно въ Волгѣ съ притоками; рыболовы жили въ этихъ мѣстахъ особыми слободами и свою рыбу, какъ свѣжую, такъ и соленую, сбывали на рынки черезъ посредство особыхъ рыбопромышленниковъ. Въ другихъ мѣстахъ важное значеніе имѣла добыча соли.

Что же касается эксплоатации зоологическихъ богатствъ страны, т.е. охоты за пушнымъ звѣремъ, ловли бобровъ и пчелишаго промысла, то въ центрѣ Россіи къ XVII в. эти богатства почти совсѣмъ исстощились, и владѣльцы прежнихъ бортныхъ ухожій, бобровыхъ гоновъ и даже рыбныхъ ловель стали расчищать лѣсъ подъ пашню. Но эта побѣда земледѣлія не убила прежнихъ промысловъ: они только передви-нулись на окраины—на юго-востокъ, куда незадолго передъ тѣмъ направилась русская колонизация, вызванная истощеніемъ центра и не-обходимостью борьбы съ кочевниками. Русскій звѣропромышленникъ пошелъ на сѣверо-востокъ, за Ураль и въ далекую Сибирь, гдѣ водились дорогіе пушные звѣри—лисицы, горностаи, куницы и соболя. Подобнымъ же образомъ сдвинулась полоса зоологическихъ промысловъ и на югѣ. Въ XVI в. мѣстностями, гдѣ были звѣри, ловилъ бобровъ и рыбу, были губерніи Кіевская, Полтавская, Курская и Воронежская, а въ серединѣ XVII в. въ этихъ мѣстахъ сидѣть уже земле-дѣльческое населеніе. Прежніе промыслы исчезали какъ вслѣдствие увеличенія населенія, такъ и потому, что правительство заставило вновь

поселенныхъ здѣсь служилыхъ людей заниматься земледѣліемъ, чтобы избавиться отъ необходимости посыдать имъ хлѣбъ натурою. Звѣропромышленная и рыболовческая эксплоатация отодвинулась тогда еще дальше на югъ.

Такъ, слѣдовательно, въ экономической жизни Московскаго государства замѣчается постепенное истощеніе природныхъ богатствъ, сказавшееся раньше всего въ центрѣ, а потомъ расходившееся все болѣе широкими кругами и на окраины; а вмѣстѣ съ этимъ наблюдалася и послѣдовательная смена системъ хозяйства: надѣ простымъ расхищениемъ даровъ природы получаетъ преобладаніе земледѣліе, сначала экспенсивное, истощавшее почву, а потомъ интенсивное, т.-е. трехпольное съ удобрѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ экономическое обособленіе областей сдѣлало необходимымъ обмѣнъ между ними и тѣмъ еще болѣе расширяло поколебавшіяся основы натурального хозяйства.

Казалось бы, что зарожденіе мѣнового хозяйства должно было болѣе или менѣе значительно увеличить торгово-промышленный классъ, составлявшій, если не по численности, то по значенію, главный элементъ городскаго населения. Но на дѣлѣ оказывается, что около 1630 г. на каждую 1000 жителей горожанъ приходилось только 24 человѣка. Это свидѣтельствуетъ какъ о слабомъ развитіи обрабатывающей промышленности, такъ и о томъ, что она все еще еще носила характеръ крестьянскаго кустарного производства: въ различныхъ областяхъ изготавливались деревянныя издѣлія, полотна, валиная обувь, металлическія вѣщи и т. д. Впрочемъ, при всемъ этомъ успѣхъ образоваться особый торгово-промышленный классъ посадскихъ людей съ опредѣленными правами и обязанностями. По своему значенію города были не одинаковы: нѣкоторые изъ нихъ, напр., города заокскіе, города сѣверскіе и па западной границѣ, были важны исключительно въ военномъ отношеніи, и поэтому были паселены только служилыми людьми; другіе, которые стояли ближе къ Москвѣ, напр., Коломна, Кашира, Серпуховъ, имѣли уже смыщанный характеръ военно-торгово-промышленныхъ центровъ, иногда съ очень оживленной торгово-промышленной дѣятельностью. Не оживили городовъ и различные заводы, основанные въ XVII в. правительствомъ, которое, подъ давленіемъ практической необходимости, напр., ради снабженія войска оружиемъ, приглашало иностраннцевъ сначала для открытия желѣзныхъ заводовъ, а потомъ и разныхъ другихъ. Эти заводы, составляя предметъ особыхъ заботъ правительства, пользовались, конечно, важными льготами. Такъ, напр., основанный въ 1632 г. голландскимъ купцомъ Андреемъ Вишусомъ близъ Тулы, оружейный заводъ получилъ цѣлую дворцовую область съ крестьянами; заводъ на 10 лѣтъ освобождался отъ оброка и получалъ право,

промъ казенныхъ заказовъ, которые онъ долженъ быть исполнять по уменьшенней цѣлѣ, работать и на иностранные рынки. На такихъ же условіяхъ въ 1644 г. получилъ концессію на 20 лѣтъ гамбургскій купецъ Марселисъ, стоявшій во главѣ компаніи, которая взялась строить заводы по рѣкамъ: Волгѣ, Костромѣ, Шекснѣ—и въ другихъ мѣстахъ. Свои первые крупные шаги русская обрабатывающая промышленность дѣлала при помощи иностраннѣхъ капиталовъ и при сильной поддержкѣ правительства.

Значительные успѣхи сравнительно съ предыдущимъ вѣкомъ сдѣлали въ Московскомъ государствѣ въ XVII в. вѣшняя торговля. При Иванѣ Грозномъ послѣ 1583 г., когда капитанъ Ченслеръ, занесенный въ устье Сѣверной Двины, былъ радушно принятъ государемъ, англичане получили право безпопыткой торговли, и только имъ разрѣщено было пользоваться русскими гаванями на сѣверѣ. Но впослѣдствіи жалобы русскихъ купцовъ и злоупотреблѣнія англичанъ, слишкомъ высоко поднимавшихъ цѣны на свои товары, заставили правительство ограничить ихъ льготы, и въ началѣ XVII в. Бѣлое морѣ было открыто для всѣхъ народовъ. Изъ гаваней на Бѣломъ морѣ особенно важенъ былъ Архангельскъ, основанный въ 1584 г. Здѣсь была устроена таможня, гдѣ собирались торговыя пошлины съ иностраннѣхъ товаровъ; сумма этихъ сборовъ простиралась до 70.000 руб. въ годъ. Главнымъ торговымъ центромъ была Москва. Здѣсь, въ Китай-городѣ, близъ Кремля находились три гостиныхъ двора: Старый, Новый и Персидскій; въ сторонѣ отъ нихъ стояли еще дворы: Шведскій, Литовскій, Армянскій и Англійскій. Въ гостиныхъ дворахъ шла оптовая торговля, а для розничной продажи было устроено множество рядовъ: птичій, харчевой, суконный, шапочный, соляной, медовый, мучной, охотный рядъ, гдѣ продавалась дичь и сѣбѣстные припасы и т. д. Отдельныя лавки, шалаши, скамьи и рундуки для мелочной торговли были разбросаны и въ другихъ частяхъ города, по концу XVII в. правительство въ цѣляхъ болѣе удобнаго надзора старается сосредоточить всю торговлю въ рядахъ. Лавки были пезатѣльны; нѣкоторыя изъ нихъ даже не запирались, и хозяева прятали на ночь свой товаръ въ лавкѣ съ запорами, за что съ нихъ взималась особая пошлина. Часть товара: сапоги, кушаки, шапки были развѣшаны на шестахъ, и особые сторожа охраняли эти товары въ теченіе ночи.

Изъ Москвы шло шесть главныхъ торговыхъ путей. 1-й—вологодско-архангельскій, по которому шла торговля съ англичанами, а потомъ и съ другими европейскими народами; изъ городовъ особенно важное торговое значеніе имѣли здѣсь Ярославль, Вологда и Архангельскъ. 2-й и 3-й пути—смоленскій и новгородскій—соединяли Москву съ западными областями и съ европейскими странами; впрочемъ,

частныя войны съ поляками и шведами понижали значеніе этихъ до-
рогъ, и въ XVII в. даже въ Италію приходилось ѿхать черезъ Архан-
гельскъ.

4-я дорога шла по Волгѣ въ юго-восточные об-
ласти и въ азиатскія страны, Персію и Бухару. Тутъ бы-
ли города: Нижній-Новго-
родъ съ Макарьевской яр-
маркой, Саратовъ, Самара,
Царицынъ и Астрахань.
Этой дорогой ѿхало въ Пер-
сію голштинское посольство,
секретаремъ котораго былъ
извѣстный Адамъ Олеарій,
составившій замѣчательное
описаніе Московскаго госу-
дарства съ очень интересны-
ми рисунками. 5-й путь —
сибирскій — служилъ для
спошеній съ Сибирью, а съ
1689 г. и съ Китаемъ; этотъ
путь шелъ черезъ Казань,
Ирбитъ, Тобольскъ, Ир-
кутскъ и Нерчинскъ. 6-й
торговый путь — украинскій
— соединялъ Москву съ Кі-
евомъ и югомъ. Изъ-за гра-
ницы привозились въ Мо-
скву самые разнообразные
товары: съ востока — шелкъ,
ткани, фарфоръ, чай, перецъ и разныя пряности, съ запада — метал-
лическія и стеклянныя издѣлія, сукно, шерстяныя и шелковыя мате-
ріи, вино, сахаръ и т. д. Впрочемъ, простота русскаго быта дѣлала
большую часть этихъ товаровъ роскошью, доступной только богатымъ,
и поэтому во вѣнчайшей торговлѣ вывозъ преобладалъ надъ ввозомъ.

Рис. 18. Лавка въ городѣ XVII в.
(Съ рис. въ „Путешествіи“ Олеарія.)

Развитію русской торговли мѣшало много обстоятельствъ. Во-пер-
выхъ, существовали казенные монополіи; такъ, напр., при Алексѣѣ Михаиловичѣ русскіе купцы только透过 посредство казны могли сбы-
вать иностранцамъ поташъ, пеньку, соболя и сало; торговать дорогими
мѣхами купцы могли только послѣ того, какъ кончалась царская тор-
говля; кроме того, когда они скупали мѣхъ у сибирскихъ промышлен-
никовъ, то 10% всего товара, притомъ его лучшую часть, они должны

были отдавать въ казну. Продажа виша тоже составляла монополію казны. Во-вторыхъ, купцы не могли конкурировать съ монастырями, которые имѣли право беспошлинной торговли. Съ половины XVII в. правительство впрочемъ стало ограничивать монастырскую торговлю, а въ 1677 г. та р х а ны я грамоты, дававшія монастырямъ право свободной торговли, были совсѣмъ уничтожены. Третьимъ тормазомъ были для торговли представители власти, начиная съ всесильныхъ воеводъ и кончая мелкими приказными людьми. Всѣ они подвергали торговово-промышленное населеніе тяжкимъ и обыкновенно безнаказаннымъ притѣспеніямъ. Къ причинамъ, мѣшавшимъ развитію торговли, надо отнести также отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, всеобщее невѣжество, недостатокъ честности, финансовую политику правительства, отсутствіе торгового капитала и кредита и разнъя между богатыми и маломочными торговцами.

Трудно было бороться съ этими недостатками, трудно было даже сознать ихъ, но уже въ XVII в. до этого возысился замѣчательный государственный человѣкъ того времени, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ. Назначенный въ 1665 г. воеводой въ Псковъ, Нащокинъ вмѣстѣ съ посадскими людьми выработалъ здѣсь рядъ мѣръ, которыя должны были улучшить положеніе посадского класса и упорядочить псковскую торговлю. Городъ получалъ самоуправлѣніе по западно-европейскому образцу: посадскіе люди выбирали на 3 года 15 старостъ, изъ которыхъ пятеро по очереди въ теченіе года должны были управлять городскими дѣлами, наблюдать за питейной продажей, таможенными сборами и за торговлей съ иностранцами; они же судили посадскихъ людей по всѣмъ дѣламъ, кроме самыхъ важныхъ: измѣны, разбоя и душегубства, которыя, попрежнему, рассматривались воеводой. Въ важнѣйшихъ случаяхъ пять очередныхъ управителей должны были совѣтоваться съ остальными выборными и даже съ лучшими людьми всего посадского общества. Подобная «новшества», умалывшая власть воеводы въ пользу торговыхъ «мужиковъ», вызвали недовольство противъ Нащокина въ средѣ московскихъ «стародумовъ», и самоуправленіе въ Псковѣ, просуществовавшее нѣсколько мѣсяцевъ, при следующемъ воеводѣ было отменено съ согласія царя.

Не менѣе интересны у Нащокина планы упорядоченія торговли. Крупнымъ купцамъ пансило вредъ то, что мелкие торговцы получали ссуды отъ иностранцевъ и на эти деньги скупали для нихъ русскіе товары, сами довольствуясь небольшимъ барышомъ. По плану Нащокина мелкие купцы должны были образовать товарищества вокругъ крупныхъ капиталистовъ. Затѣмъ, получивъ ссуды изъ городскихъ суммъ, они скупаютъ русскіе вывозные товары и передаютъ ихъ крупнымъ купцамъ, къ которымъ приписаны; тѣ уплачиваютъ имъ покупную сто-

имость взятыхъ товаровъ и прибавляютъ маленькую «наддачу». Такимъ образомъ, у мелкихъ торговцевъ опять получаются деньги и для покупки новыхъ товаровъ, и для «прогормленія». Затѣмъ крупные купцы сбываются товары уже по настоящей цѣнѣ иностранцамъ и полученнуу прибыль дѣлать на всѣхъ участниковъ торговой компаніи. Такое сближеніе крупныхъ и мелкихъ торговцевъ было основано на взаимной пользѣ: мелкие торговцы имѣли бы хорошую прибыль отъ крупныхъ, но зато иностранная торговля находилась бы теперь всецѣло въ рукахъ крупныхъ купцовъ и цѣны за товары не сбивались бы мелкими торговцами. Несмотря на неудачу своихъ плановъ, Нашокинъ въ 1667 г. снова повторяетъ въ проведенномъ имъ Новоторговомъ уставѣ свои мысли объ открытии кредита мелкимъ торговцамъ изъ московской таможни и городскихъ средствъ, о товариществахъ, въ которыхъ входили бы какъ маломочные торговцы, такъ и крупные капиталисты, объ устраниеніи иностраннныхъ купцовъ, о поднятіи цѣнъ на вывозные русскіе товары и т. д. Въ этомъ же уставѣ, впавъ безконечными жалобами посадскихъ людей на притѣсненія мѣстныхъ властей, Ординъ-Нашокинъ предла-
гаетъ учрежденіе особаго приказа для купцовъ: «для многихъ воло-
кить во всѣхъ приказахъ,—пишетъ онъ,—купецкихъ людей пристой-
но вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, где великий государь ука-
жетъ бояришу; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ
порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороною, и во всѣхъ
городахъ отъ воеводскихъ налогъ быть имъ защитою и управою. Въ
томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди бу-
дутъ бить челомъ на другихъ чиповъ людей». Такъ явился приказъ
купецкихъ дѣлъ. Ординъ-Нашокинъ считаетъ торговлю не част-
нымъ занятіемъ, а важнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ и, забо-
тясь о правильной постановкѣ этого дѣла, онъ всегда ссылается на при-
мѣръ Западной Европы. Но судьба преобразованія Нашокина показа-
зала, что Россіи въ это время было далеко до Европы.

Какъ особенность правительственной политики въ XVII в., можно отмѣтить систематическое пренебреженіе народно-хозяйственными ин-
тересами и крайнюю эксплуатацию народнаго труда. Правительство за-
ботилось только, какъ бы взять съ народа, и мало думало о томъ, от-
куда будетъ брать населеніе. Это ясно и видно изъ организаціи финан-
совъ въ Московскомъ государствѣ. Ростъ государственныхъ потребно-
стей заставилъ ввести рядъ податей и повинностей. Кромѣ прямыхъ по-
датей на специальныи потребности—денегъ пшеничныхъ, емчужныхъ,
засѣчныхъ, стрѣлѣцкихъ, половянническихъ и ямскихъ, населеніе пла-
тило еще особые сборы на содержаніе воеводъ, начальниковъ прика-
зовъ, дьяковъ и всякаго другого начальства, давало деньги на свѣчи,
бумагу и чернила въ приказахъ и съѣзжихъ избахъ. Были и косвен-

ные налоги; изъ нихъ особенно большой доходъ приносили кабацкія и таможенные пошлины. Послѣднія взимались не только съ иностраннѣхъ товаровъ, но и съ своихъ при перѣздѣ черезъ мосты и заставы, устроенные внутри государства. Они носили разныя названія—перевозъ, мыто, мостовщина. Къ косвеннымъ же сборамъ надо отнести пошлины судебные, печатныя—со всякихъ документовъ, соляной налогъ и прорубный пошлины—за право черпать воду изъ прорубей, мыть въ нихъ бѣлье и поить скотъ. Были и натуральные повинности, напр., населеніе давало нормы администраціи, платило подати хлѣбомъ, солью и сухарями, которые шли на прокормленіе войска, безмозглѣко строило крѣпости и казеннаго зданія, чинило мосты, служило на заводахъ. Мѣстами эти повинности замѣнялись денежными, въ другихъ же мѣстахъ, наоборотъ, и денежный подати платились натурой; напр., сибирскіе и казанскіе инородцы платили дорогими мяѣхами (ясакъ). Кроме постоянныхъ сборовъ, были еще чрезвычайные; таѣ, во время войнъ съ Польшой посадскіе люди должны были платить двадцатую, потомъ десятую и, наконецъ, пятую деньги, т.-е. 5, 10 и 20% съ своего дохода или даже со всего имущества.

Нужда въ деньгахъ заставила правительство провести податную реформу: прежнее посошное обложеніе, когда размѣръ платежей зависѣлъ отъ количества распаханной земли, постепенно было замѣнено подворнымъ. Подворная подать, окончательно установившаяся къ 1680 году, и замѣнила прежніе прямые налоги. Теперь крестьяне не могли уменьшать своихъ платежей, сокращая запашку. Для того, чтобы имѣть полное представление о платежныхъ силахъ населения, еще въ 1620-хъ годахъ была предпринята перепись всѣхъ тяглыхъ людей. По областямъ посыпались дозорщики и писцы, которые и составляли писцовые книги. Въ нихъ подробно описываются всѣ городскія и уѣзденныя поселенія, перечисляются тяглые дворы и живущіе на нихъ люди, указываются размѣры всѣхъ родовъ земли: пашни, сѣпокоса, лѣса и пустоши; обозначается, наконецъ, и размѣръ тягла, платимаго населеніемъ по землѣ и промысламъ. Эти книги и служили основаніемъ для податного обложенія.

Въ погонѣ за деньгами правительство портило при чеканкѣ монету, а иногда рѣшилось и на болѣе рискованныя средства. Такъ, въ началѣ царствованія Алексея Михайловича въ 1646 г. была увеличена въ четыре раза пошлина на соль, которая поэтому поднялась въ цѣнѣ до трехъ рублей за пудъ на наши деньги. Вслѣдствіе дорогоизны соли сотни тысячъ пудовъ рыбы остались непросоленными, и цѣна на этотъ продуктъ, составлявшій важный предметъ потребленія, тоже сильно повысилась. Въ результатѣ возникъ бунтъ, заставившій въ 1648 г. отменить эту неудачную мѣру. Въ 1656 г., когда началась война съ поля-

ками, правительство прибрело къ внутреннему займу: оно выпустило кредитные знаки—мѣдные рубли съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Сначала мѣдные рубли ходили параллельно съ серебряными, но потомъ, вслѣдствіе слишкомъ большого выпуска ихъ и появления громаднаго количества поддельныхъ рублей, цѣна на нихъ быстро пала: за одинъ серебряный рубль приходилось давать не менѣе 12 мѣдныхъ. Благодаря такому паденію курса цѣна всѣхъ товаровъ увеличилась въ 12 разъ, и это опять вызвало бунтъ, заставившій изъять мѣдные рубли изъ обращенія.

Такъ, экономическое положеніе Московскаго государства въ XVII в. было далеко не блестящимъ, а правительство своими мѣрами не только не разрѣшало стоявшихъ па очереди вопросовъ экономической жизни, но еще больше ихъ запутывало. Всѣ эти обстоятельства служили причиной, какъ особенности, такъ и темпѣровъ сторонъ тогдашняго соціального строя.

Соціальный строй Московскаго государства въ XVII вѣкѣ.

Уже въ XVI в. началилось четыре основныхъ класса русскаго общества: 1) служилыхъ людей, 2) тяглыхъ посадскихъ; 3) тяглыхъ сельскихъ и 4) холоповъ. Но эти классы не были устойчивы, и люди одного класса могли свободно переходить въ другой. Благодаря этому получились особые промежуточные слои; такъ, напримѣръ, многіе мелкопомѣстные служилые люди то отбывали службу, то уходили отъ пса въ холопы къ боярамъ и другимъ крупнымъ служилымъ людямъ. Особенно многочисленъ былъ классъ вольныхъ или гулящихъ людей, образовавшійся между холопами и свободными. Здѣсь были люди, отбившіеся отъ прежняго состоянія и не успѣвшіе пристроиться къ новому: дѣти боярскіе, бросившіе службу, но не поступившіе въ холопы; крестьяне, оставившіе пашню; холопы, вышедшие па волю и т. д. Они могли промышлять въ городѣ, не леся поземельного тягла, такъ какъ земли у нихъ не было. Свободные отъ тягла, они своими промыслами сильно подрывали тягловое населеніе. При возможности свободнаго выхода въ эти промежуточные слои, свободные отъ повинностей, правительство лишалось какъ служилыхъ, такъ и тяглыхъ людей. Постоянная необходимость заботиться о войскахъ и о деньгахъ заставила правительство принять мѣры противъ такой подвижности общественныхъ классовъ, и оно мало-по-малу стянуло отдѣльные чины въ замкнутые классы съ опредѣленными правами и обязанностями. Эти классы имѣли крѣпостной характеръ, такъ какъ принадлежность къ нимъ опредѣлялась рожденіемъ.

емъ, и свободный человѣкъ лишался прежнаго права отказаться отъ личной свободы и такимъ образомъ сбросить съ себя повинности. Такъ впервые въ русской исторіи получились сословія. Ихъ было три: военно-служилое, городское или посадское и крестьянское.

Положеніе служилыхъ людей послѣ смуты было очень тяжелымъ. Московскіе дворяне, напр., въ 1633 г. заявляютъ, что не могутъ итти на войну, потому что у однихъ нѣтъ земли, а у другихъ земля безъ крестьянъ и разорена. Еще хуже жилось провинциальнымъ дворянамъ, какъ это можно видѣть изъ того факта, что они стремятся оставить землю, владѣніе которой обязываетъ къ государственной службѣ, и переходить въ холопы. Этотъ выходъ въ холопы вызывалъ жалобы со стороны оставшихся, которымъ служить становилось еще труднѣе. Правительство старалось привести въ порядокъ землевладѣніе служилыхъ людей, помогало имъ денежнымъ жалованьемъ, укрѣпляло за ними крестьянскій трудъ, но съ другой стороны прочнѣе прикрепляло ихъ къ обязательной службѣ. Въ 1642 г. былъ изданъ указъ, запрещавшій принимать въ холопы всякихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; это же запрещеніе было повторено и въ Соборномъ Уложеніи 1649 г. Такъ обязательная военная служба стала сословной повинностью служилыхъ людей; шести ее долженъ быть каждый отъ 15-ти до 60-ти лѣтъ. На службу все должны были являться «конны, люди и оружны», т.-е. приводить съ собою снаряженные отряды слугъ, количество которыхъ зависѣло отъ земельныхъ владѣній служилаго человѣка. Содержаніе этихъ отрядовъ тоже составляло обязанность служилыхъ людей, и на это далеко не хватало того денежнаго и хлѣбнаго жалованья, какое имъ выдавалось.

Что касается сословныхъ правъ служилаго класса, то первую привилегию его составляло личное землевладѣніе—помѣстное и вотчинное. Уложение 1649 г. запрещало послужилымъ людямъ приобрѣтать вотчины, исключченіе дѣлалось только для гостей, т.-е. именитаго купечества, по всякий разъ съ особаго разрѣшенія государя. Другую привилегію служилыхъ людей составляло право пользоваться крѣпостнымъ трудомъ крестьянъ; и, наконецъ, они были свободны отъ государственныхъ податей и другихъ повинностей. Были у служилыхъ людей и корпоративныя права: въ каждомъ уѣздѣ они, напр., сами выбиралі изъ своей среды окладчиковъ, которые доставляли прѣважающему изъ Москвы боярину свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи и служебной годности достигшихъ 15-лѣтняго возраста дворянъ и дѣтей боярскихъ, или «повиковъ»; эти же окладчики «верстали», т.-е. брали ихъ на службу. Такъ какъ служилый классъ сложился изъ разныхъ элементовъ, то въ немъ остались прежніе разряды или чины. Высшій слой составляли думные люди: бояре, окольничы, думные дворяне и думные дья-

ки; все они могли участвовать въ засѣданіяхъ Боярской Думы. Слѣдующимъ слоемъ были чины придворные: стольники и стряпчіе; за нимишли дворянине московскіе и жильцы и, наконецъ, дворянине городовые и дѣти боярскія. Чины эти давались постепенно за службу, но при этомъ руководились не только службой, но и знатностью или породой: члены самыхъ знатныхъ фамилій сразу получали чинъ боярина, другие начинали служить съ окольничаго, а провинціальные дворянине рѣдко занимались выше жильца и московскаго дворянинна. Это неравенство фамилій оставалось постояннымъ при всѣхъ случаяхъ: на службѣ ли, за царскимъ ли столомъ членъ самаго знатнаго рода могъ занимать какое угодно мѣсто, но только при томъ условіи, чтобы выше него не оказался человѣкъ изъ менѣѣ знатнаго рода. Такіе счеты, сложившіеся въ довольно запутанную систему мѣстничества, сильно затрудняли правительство при выборѣ должностныхъ лицъ, напр., при назначеніи воеводъ въ полки, потому что приходилось считаться не съ годностю людей, а съ ихъ родовыми отношеніями. Поэтому, постепенно ограничивая мѣстническіе счеты, правительство, наконецъ, совершило отмѣну ихъ въ царствование Федора Алексѣевича (1682 г.). Кромѣ службы военной, въ общемъ очень тяжелой, на службѣыхъ людей падала еще служба гражданская, болѣе выгодная, такъ какъ она соединялась со всякаго рода законными и незаконными доходами. Самымъ знатнѣмъ, напр., думнымъ чинамъ, платили постоянное жалованье, другие получали его, пока занимали какую-нибудь должность. Имѣя возможность вліять на дѣла государства, служилое сословіе придавало внутренней политикѣ особую окраску, отражавшую на себѣ его классовые интересы, и этимъ нерѣдко вызывало бурные протесты среди другихъ классовъ. Здѣсь причина того, что XVII вѣкъ и особенно царствование «тишайшаго» царя Алексѣя такъ богаты шумными народными движеніями.

Второй классъ русскаго общества составило городское сословіе или посадскіе люди. Это было тяглое населеніе, обязанное нести тягло, т.-е. уплачивать въ казну многочисленныя подати и отбывать другія повинности, напр., завѣдывать подъ строгой имущественной ответственностью чекалкой монеты, сборомъ таможенныхъ и проѣзжихъ пошлинъ, казенной продажей вина; платили они еще обычные сборы со своихъ лавокъ и промысловъ и экстренные налоги, извѣстные подъ названіемъ десятой и пятой деньги (10 и 20% съ дохода). Таковы были обязанности посадскихъ людей; права же ихъ состояли въ томъ, что только имъ позволено было владѣть дворами и лавками въ городахъ и вести торговлю. Были у нихъ и корпоративные права, нужные, впрочемъ, больше правительству, которое, въ цѣляхъ болѣе исправнаго поступления городского тягла, предоставило посад-

скимъ людямъ право самимъ выбирать старость для раскладки сбора податей и повинностей.

Въ началѣ XVII в., когда еще не исчезла свобода передвиженія изъ одного класса въ другой, широко развилося закладничество, сильно подрывавшее посады. Закладниками назывались горожане, продолжавшіе заниматься торговлей и промыслами, но отказавшіе отъ личной свободы и переходившіе въ качествѣ слугъ на земли сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Они пользовались правами посадскихъ людей, но сбрасывали съ себя ихъ обязанности. Закладники приносили двоякій ущербъ посадскимъ людямъ: подрывали ихъ промыслы и уменьшали своимъ выходомъ число плательщиковъ посадского тяглa, которое, при существованіи круговой поруки, тѣснѣло тяжелѣе ложилось на оставшихся. Опасеніе за фінансы заставило правительство покончить съ закладничествомъ; было изданъ законъ, запрещавшій свободнымъ людямъ, подъ угрозой кнута и ссылки въ Сибирь, отказываться отъ свободы и закладываться за служилыхъ и церковныхъ людей. У посадскихъ людей были и другіе соперники: въ разбросанныхъ кругомъ посадовъ казенныхъ—стрѣлецкихъ, пушкарскихъ и ямскихъ слободахъ жили мелкіе служильные люди, тоже занимавшіеся ремеслами и торговлей, по не платившіе тяглa. Желая стянуть всѣхъ плательщиковъ въ одно сословіе, правительство въ Уложеніи 1649 г. свело воедино отдельныя мыры, принятые относительно посадскихъ людей. Всѣ, кто занимался какимъ-нибудь промысломъ въ разныхъ слободахъ, были включены въ это сословіе, и самыя слободы приписывались къ посадамъ, а всѣ, кто раньше принадлежалъ къ сословію, теряли право выходить изъ него. У посадскихъ людей отнималась возможность выбирать себѣ какое-нибудь другое занятіе, имъ было даже запрещено добывать себѣ лишнюю копейку «въ писчей избушиѣ площаднымъ письмомъ», т.-е. заниматься паршивъ съ подъячими канцелярскимъ трудомъ и составлениемъ прошений. Зато торговать въ городѣ никому другому не дозволялось, и крестьяне свои товары могли продавать въ городѣ только прямо съ возовъ. Прикрепленіе посадскаго населенія къ своему тяглу и посаду было настолько строго, что указъ 1658 г. грозилъ смертной казнью не только за переходъ изъ одного посада въ другой, но даже и за желаніе вії посада безъ разрѣшенія.

Выспій, т.-е. памболже зажиточный слой посадскихъ людей, составилъ особую группу гостей; ихъ обыкновенно переводили въ Москву и накладывали па нихъ особую службу, а именно, правительство ввѣряло имъ сборъ таможенныхъ и кабацкихъ пошлинь, при чемъ въ случаѣ недобора они отгѣчали своимъ имуществомъ; это обстоятельство и объясняетъ, почему сборы были отданы людямъ богатымъ. За свою особую службу гости пользовались и некоторыми преимуществами,

одинаковыми съ служилымъ сословиемъ, даже правомъ владѣть землею.

Что касается положенія крестьянъ въ XVII в., то здѣсь наблюдалось быстрое завершеніе того процесса, который начался гораздо раньше: превращеніе свободного когда-то земледѣльческаго населения въ крѣпостное. Всѣ элементы крѣпостнаго права были па-лицо уже въ XVI в. Во-первыхъ, крестьяне, не имѣя своей земли, вынуждены были садиться на земли чужія: государевы, боярскія, монастырскія; при этомъ они заключали съ собственникомъ земли п о р я д и н у ю грамоту и получали отъ него ссуду и, заплативъ п о ж и л о е, т.-с. за пользованіе дворомъ и строеніями, они имѣли право уйти, но на дѣлѣ неоплатная задолженность лишала ихъ этого права. Вторымъ условіемъ, стѣснявшимъ крестьянскую свободу, была нужда землевладѣльцевъ въ рабочихъ рукахъ. Когда крестьяне потеряли возможность выхода, то явился вывозъ ихъ другими землевладѣльцами, которые уплачивали имъ долги и сажали ихъ на свою землю. По существу положеніе крестьянина отъ такого перехода съ чужою помощью не менѣлось: онъ все-равно оставался въ зависимости, только отъ другого помѣщика-кредитора; при невозможности расплатиться единственнымъ средствомъ разорвать свою зависимость отъ помѣщика былъ для крестьянина побѣгъ безъ расплаты. Третьимъ условіемъ, которое способствовало росту крѣпостнаго права, было вліяніе кабального холопства. Кабальными холопами въ XVI в. назывались люди, занявши у кого-нибудь депежную сумму и обязанные до уплаты долга работать па своего кредитора за проценты. По указу, изданному въ концѣ XVI в., они получали свободу по смерти господина, но зато не имѣли права уплачивать долгъ и такимъ образомъ выйти изъ зависимости. Этотъ указъ дѣлалъ ихъ крѣпкими господину, его крѣпостными. Эту идею, что долгъ дѣлаетъ человѣка крѣпостнымъ, помѣщики старались примѣнить и къ крестьянамъ, и съ началомъ XVII в. все чаще встрѣчаются вмѣсто прежнихъ порядныхъ грамотъ «ссудныя записи», въ которыхъ крестьянинъ отказывался отъ права уплатить взятую у землевладѣльца ссуду и обязывался никакъ отъ помѣщика не уходить, совершенно ясно опредѣля свое новое положеніе словами: «я государю своему крѣпокъ безъ выходно». Такой крестьянинъ очень близко подходилъ къ разряду «задворныхъ людей», т.-с. холоповъ, посаженныхъ господиномъ на землю подобной же ссудной записью.

Такъ вырастало въ жизни крѣпостное право. Что же касается законодательства, то, при некоторыхъ колебаніяхъ, оно въ общемъ точно и вѣрно отражало жизнь. Когда во второй половинѣ XVI в. явился усиленный спросъ на рабочія руки, то къ правительству стало поступать множество исковъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ. Въ отвѣтъ на

нихъ, въ правлениі Бориса Годунова послѣдовалъ извѣстный указъ 1597 г., запрещавшій принимать жалобы отъ тѣхъ, кто не успѣлъ вчи-нить иска за 5 лѣтъ до этого года—устанавливалась 5-лѣтняя давніость для иска о возвращеніи бѣглыхъ. Этотъ 5-лѣтній срокъ, удобный для бѣглыхъ, потому что онъ давалъ имъ возможность оставаться на новыхъ мѣстахъ, сохранялся и въ XVII в., но человѣтія дворянъ, просившихъ объ отмѣнѣ этихъ «урочныхъ лѣтъ», заставили правительство въ 1642 году удлинить этотъ срокъ до 10 лѣтъ, а въ 1649 г. по Уложенію и совѣтѣмъ отмѣнѣ сго, прикрѣпивъ крестьянъ съ ихъ потомствомъ къ тѣмъ дворамъ, на которыхъ застала ихъ перепись 1647-1648 г. Но Уложеніе не провело прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ послѣдовательно: въ извѣстныхъ случаяхъ оно разрѣшало отрывать ихъ отъ земли и до-пускало даже дробленіе крестьянскихъ семействъ. Вмѣстѣ съ устано-вленіемъ крѣпостного права выросла и власть помѣщика надъ кресть-янами. Землевладѣльцы еще раньше пользовались въ своихъ вотчи-нахъ патріархальной и государственной властью, какъ хозяева и какъ агенты московского правительства по суду, управлению и сбору пода-тей; эти функции имѣли для нихъ значеніе скорѣе обязанностей, чѣмъ правъ. Съ установлениемъ крѣпостного права на помѣщика падала по-вая обязанность: онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы крѣпостные кресть-яне исправно платили свое государственное тягло; это дѣлало помѣ-щика отвѣтственнымъ сборщикомъ съ крестьянъ казенныхъ податей. Но, если подати поступали исправно, то правительство совсѣмъ не вмѣ-шивалось во взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, предостав-ляя, такимъ образомъ, полный просторъ разнымъ злоупотребленіямъ, которыя развивались съ ужасающей быстротой.

Превратившись въ сословіе съ крѣпостной зависимостью, переда-ваемой по наслѣдству, крестьяне получили исключительное право зани-маться земледѣліемъ въ деревнѣ; никого, кроме нихъ, землевладѣлецъ не могъ болыше сажать на землю. Обязанности же крестьянъ состояли, во-первыхъ, въ писеціи очень обременительного государственного тягло-и, во-вторыхъ, въ работѣ на служилыхъ людей для поддержкапія ихъ служебной годности. На дѣлѣ эти обязанности превратились въ сред-ство страшной эксплоатациіи крестьянскаго труда какъ со стороны государства, такъ и со стороны служилаго сословія. Результатомъ такой политики явилось обѣденіе страны, массовое бѣгство за рубежи, въ казаки, и широкое недовольство тяглыхъ сословій. Всѣ эти причины вызвали рядъ пародныхъ движеній, изъ которыхъ самыми крупными были бунты Степана Разина (1667—1671 гг.).

Всѣ изложенные особенности въ положеніи русскихъ сословій были закрѣплены Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г. Чтобы отвѣтить на

Рис. 19. Стенька Разинъ.
(По гравюрѣ Фюрста, 1672 г.)

вопросъ, почему законодательство такъ легко затягивало мертвую петлю надъ главной массой населения, надо будетъ припомнить, что Уложеніе не только было утверждено, но отчасти и вырабатывалось на Земскомъ Соборѣ 1648—1649 гг., который не выражалъ мнѣнія и воли всей русской земли, такъ какъ представителей отъ крестьянства на немъ не было. На правительство — въ лицѣ Священнаго Собора и Боярской Думы на этомъ Земскомъ Соборѣ — оказали большое влияніе представители служилыхъ людей, направившіе путемъ челобитій все законодательство къ обеспечению своихъ интересовъ.

Политический строй Московского государства въ XVII вѣкѣ.

Изъ смутного времени власть государя вышла съ двумя новыми чертами: она стала избирательной и ограниченной. Но обѣ эти черты въ теченіе XVII вѣка разсѣялись, какъ дымъ, и притомъ такъ быстро, что отъ нихъ не осталось даже замѣтныхъ слѣдовъ, которые позволяли бы вполнѣ судить объ этомъ вопросѣ. Действительно, избрать былъ только Михаиль, а къ Алексѣю Михайловичу власть перешла по наслѣдству, и тотъ Земской Соборъ, который по словамъ подьячаго Котошихина собрался для избрания Алексѣя, на самомъ дѣлѣ ограничился, вѣроятно, принесенiemъ присяги, былъ только коронаціонныи парадомъ. Послѣдній разъ воспоминаніе объ избирательномъ правѣ земли мелькнуло по смерти Феодора Алексѣевича, когда фиктивные земскіе соборы спорили объ избраніи Ивана и Петра и возвели на престоль обоихъ, но избраніе будто бы землей было здѣсь лишь фикціей, прикрывавшей придворныхъ партій.

Еще менее ясенъ вопросъ объ ограничениіи власти царя. Цѣлый рядъ источниковъ передаетъ, что при вступленіи Михаила на престолъ власть его была ограничена въ пользу бояръ, но подлинныхъ документовъ, если только они были, не сохранилось. Понятно, откуда могла исходить мысль объ ограничениіи: съ возвышениемъ Романовыхъ и ихъ родни становилось опаснымъ положеніе тѣхъ бояръ, которые избрали Шуйскаго, а потомъ присягали Владиславу. Но и Романовы были опасны эти бояре; поэтому во избѣженіе новой смуты и была заключена частная сдѣлка, направленная къ обеспеченію личной безопасности боярства. Вѣроятно, чтобы не смущать народа, который не сталъ бы довѣрять партийному царю, ограниченому боярами, эта сдѣлка не получила огласки; поэтому Михаилъ, хотя и не могъ ничего дѣлать безъ боярскаго совѣта, все-таки писался самодержцемъ. Но эти ограничениія держались недолго: съ прибытіемъ изъ плѣна Филипета Никитича, ставшаго въ качествѣ отца и патріарха наравнѣ съ царемъ, молодой и неопытный Михаилъ освободился отъ стѣснявшихъ его бояръ: появляются указы, изданные имъ и безъ Боярской Думы. Съ царя Алексѣя, какъ сообщается ого современникъ Котошихинъ, уже никакой ограничительной записи не взяли, «потому что разумѣли его гораздо тихимъ». Итакъ, ограниченіе власти царя Боярской Думойшло; что же касается отпущеній къ государю земскихъ соборовъ, то они имѣли лишь совѣщательное значеніе и вопроса объ ограничениіи никогда не поднимали. Впрочемъ, проф. Платоновъ, подвергая строгой критикѣ всѣ извѣстія, приходитъ къ заключенію, что и при избраниіи Михаила Федоровича никакого ограничениія его власти не было.

Главнымъ центральнымъ учрежденіемъ была Боярская Дума. Еще въ удѣльный періодъ въ силу практической необходимости князь постоянно совѣтовался съ личнымъ составомъ высшаго управлія въ княжествѣ, съ начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи. Такой совѣтъ бояръ «введенныхъ» былъ и при московскомъ князѣ. Въ эпоху возвышенія Москвы этойтъ совѣтъ, случайный и измѣнчивый, какъ по составу своему, такъ и по кругу дѣлъ, постепенно превращается въ опредѣленное политическое учрежденіе, которое принято называть Боярскою Думой. Въ XVII в., когда сильный московскій государь уже мснѣе нуждался въ помощи бояръ, между нимъ и боярствомъ произошло рѣзкое столкновеніе, но Боярская Дума все-таки удержалась и въ событияхъ по смерти Ивана Грознаго играла очень важную роль. Въ составъ этой Думы входили люди четырехъ чиновъ: бояре, окольничіи, думные дворяне и думные дьяки. Эти чины давались не только по заслугамъ, но и по знатности, и, полутивъ ихъ, лица различнаго положенія могли сдѣлаться членами Думы;

незнатному человѣку, вирочемъ, рѣдко удавалось добраться до этихъ членовъ. Даже думные дьяки не считались членами Думы; они были призваны по необходимости для завѣдыванія письменнымъ дѣлопроизводствомъ, по такъ какъ, кромѣ этого, имъ поручались еще нѣкоторыя дѣла, которыхъ Дума въ полномъ составѣ вести не могла, то они пользовавшись на засѣданіяхъ правомъ голоса. Такимъ образомъ Боярская Дума была учрежденіемъ аристократическимъ. Число членовъ было различно; въ возможно большемъ числѣ являлись они на особо важныя засѣданія и во время земскихъ соборовъ, въ составъ которыхъ всегда входила и Боярская Дума. На засѣданіяхъ Думы, происходившихъ обыкновенно, по необязательно, подъ предсѣдательствомъ царя, все члены располагались по старшинству: сначала разсаживались бояре «кто кого породою ниже», т.-е. соблюдая правила мѣстничества, потомъ окольничими въ такомъ же порядке и дворяне; дьяки же стояли, если только государь и имъ не предлагалъ сѣсть.

Въ XVII в. Боярская Дума является постояннымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ при государѣ. Но права ея не были определены закономъ, они держались въ силу обычая. Наиболѣе замѣтно выступасть Дума какъ законодательное или, лучше сказать, въ коносе въ щатѣ и учрежденіе. Почти всѣ законы издаются государемъ сообща съ Думой по обычной формулѣ: «государь указать и бояре приговорили». Только изрѣдка встречаются царскіе указы безъ боярскихъ приговоровъ. Но если иногда царь рѣшалъ нѣкоторыя дѣла одинъ или по совѣту только съ «ближней компаніей думой», т.-е. съ нѣсколькими приближенными, то бывали случаи, что и Дума постановляла рѣшенія безъ царскаго указа. То и другое случалось лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда, напримѣръ, царю приходилось «мыслить тайно», или же при разрѣшении незначительныхъ дѣлъ, въ общемъ же Боярская Дума была такъ пераздѣльно связана съ царскою властью, что въ случаѣ выѣзда государя изъ Москвы вѣхѣ съ нимъ и часть Думы. Боярская Дума играла важную роль въ дѣлахъ въ щатѣ и олигии; она вмѣстѣ съ царемъ и Земскими Соборомъ рѣшала вопросы о войнѣ и мирѣ и при помощи особой «отвѣтной палаты» направляла переговоры посольского приказа съ иностранными послами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Дума обладала и судебною властью: она разрѣшала мѣстнические споры своихъ членовъ и судила ихъ, какъ начальниковъ той или другой части. Административная власть Думы выражалась въ томъ, что она вмѣстѣ съ царемъ назначала центральныхъ и областныхъ правителей и пользовалась правомъ контроля надъ ними. По Боярская Дума не только законодательствовала и руководила управлениемъ изъ центра, она въ лицѣ своихъ членовъ писала на себѣ и разнообразную

службу: думные люди были начальниками приказовъ, служили воеводами въ провинціи, командовали полками, однимъ словомъ, по выражению проф. Ключевского, «не только руководили всѣмъ правительственнымъ механизмомъ государства, но и были главными его колесами».

Подъ общимъ наблюденіемъ Боярской Думы дѣйствовали другія центральные учрежденія, управлявшія цѣлыми частями государства или вѣдавшія только отрасли управлениія. Это были приказы. Происхождение ихъ относится еще къ удѣльному періоду, когда князь поручалъ или приказъ вѣдать кому-либо изъ своихъ дворцовыхъ слугъ вѣдать тѣ или другія дѣла. Съ ростомъ Московскаго княжества и усложненіемъ управлениія получившій приказъ вѣдать какос-нибудь дѣло долженъ былъ подбирать себѣ помощниковъ и приглашать лицъ, которыхъ могли бы вести разросшуюся письменную часть,—дьяковъ и подьячихъ. Такъ вырастали уже цѣлые учрежденія. Назывались они различно: изба, дворецъ, треть или четверть—и чаще всего приказъ. Такъ какъ они возникли и закрывались по мѣрѣ надобности, то число ихъ въ теченіе XVII в. было различно; доходило оно до 50 и больше. Лица, входившія въ составъ приказа, распадались на двѣ группы: рѣщали дѣла суды, а письменную часть вели дьяки и подьячие. Въ главные приказы судьями назначались обыкновѣнно члены Боярской Думы, а въ товарищи имѣ давались дьяки. На покрытіе расходовъ по содержанію приказовъ шли доходы съ приписанныхъ къ нимъ городовъ и земель. Правильнаго распределенія дѣлъ между приказами не было. Если были приказы, которые вѣдали какое-нибудь одно дѣло,—напримеръ, приказы: пушкарскій, алтекарскій, помѣстный, стрѣлецкій, то, съ другой стороны, очень часто одно дѣло вѣдалось во многихъ приказахъ; можно, напримѣръ, установить, какъ общее правило, что право суда дѣлилось между приказами, и въ каждомъ приказѣ судились тѣ лица, которыхъ по своимъ занятіямъ находились въ его вѣдѣніи. Уголовныя дѣла вѣдались, впрочемъ, въ особыхъ приказахъ—земскомъ и разбойномъ. Если были приказы, вѣдавшіе цѣлые территории по всѣмъ дѣламъ, напримѣръ, Новгородская четверть, Малороссійский приказъ, то, съ другой стороны, очень часто разныя стороны жизни одного и того же города вѣдались разными приказами. Были, наконецъ, приказы, которые вѣдали дѣла только одного какого-нибудь сословія, напримѣръ, холопій приказъ. Насколько спутаны были дѣла въ приказахъ, видно изъ устройства приказа тайныхъ дѣлъ. Онь былъ устроенъ для наблюденія за дѣятельностью бояръ, и поэтому состояли только изъ дьяковъ—безъ бояръ и думныхъ дворянъ. Въ пемъ вѣдались кромѣ того важнѣйшія дѣла: поддѣлка монеты, дѣло патріарха Никона, граватное дѣло и заводы, и тутъ же вѣдалась любимая царемъ Алексѣемъ

соколиная охота; этот же приказъ вѣдалъ цѣлья тысячи такой не-
вѣнной птицы, какъ голуби, которые нужны были для прокормленія
охотничихъ кречетовъ и ястребовъ. Обычно дѣлять всѣ приказы па-
дрѣ группы. Къ первой относятся приказы о бщем судѣ аре-
стованные, которые вѣдали общія государственные дѣла на про-
странствѣ всего государства или въ значительной его части; таковы
были, напримѣръ, приказъ Посольскій—по нашему министерство ино-
странныхъ дѣлъ, приказъ Большого прихода—вѣдавшій государствен-
ные доходы, и другіе. Вторую группу составляютъ приказы тѣ ре-
гиональныя, которые вѣдали одновременно различныя дѣла,
но только въ извѣстныхъ частяхъ государства. Таковъ бытъ, напри-
мѣръ, Казанскій дворецъ, управлявшій бывшими царствами—Казан-
скимъ, Астраханскимъ, одно время и Сибирскимъ; сюда же относятся:
Костромская четверть, Владимирская, Литовскій приказъ и нѣкоторые
другіе.

При чрезвычайной путаницѣ приказовъ населеніе нерѣдко не
знало, куда оно должно обращаться съ своими дѣлами. Самое разрѣ-
шеніе дѣлъ было поставлено плохо. При несвѣдущихъ или очень за-
нятыхъ боярахъ,— они нерѣдко управляли сразу нѣсколькими прика-
зами,— большое влияніе приобрѣтали дьяки и подьячие; они нарочно
затягивали дѣла и вымогали взятки. Противъ этихъ злоупотреблений
были приняты мѣры: за неправильную запись подьячemu отсѣкали
руку, за взятки ему грозило наказаніе кнутомъ, но всѣ эти мѣры не
могли искоренить зла, и «московская волокита» вмѣстѣ съ «посудами»
осталась въ народной памяти, какъ самая характерная черта приказной
администраціи.

Особое положеніе среди центральныхъ учрежденій XVII в. зани-
мали Земскіе Соборы, учрежденіе непостоянное и недоста-
точно опредѣленное. Это время—«золотой вѣкъ» Земскихъ Соборовъ;
въ эпоху смуты и при первомъ Романовѣ они развились очень сильно
сравнительно съ первыми Соборами, возникшими въ XVI столѣтіи.
Въ XVI в., послѣ объединенія русскихъ земель подъ властью Москвы,
сильно усложнились административныя задачи правительства, и оно
было вынуждено было прибѣгнуть къ помощи самого общества. Этотъ шагъ
сдѣлалъ Иванъ Грозный. Какъ бы отвѣтная на многочисленныя жалобы
на волостелей и намѣстниковъ, забравшихъ власть въ свои руки и
сильно злоупотреблявшихъ ею, царь произнесъ въ 1550 г. свою знаме-
нитую покаянную рѣчь передъ народомъ, въ которой отвѣтственность
за всѣ народныя бѣдствія возлагалъ на бояръ. Послѣ этого и собрался
первый Земской Соборъ. Въ 1566 г. по поводу Ливонской войны царь
снова обратился къ народу.

Но не надо преувеличивать политического значенія новаго учре-

жденія. Присматриваясь къ составу второго Собора (свѣдѣній о первомъ не сохранилось), мы видимъ, что онъ состоялъ изъ двухъ неравныхъ половицъ: съ одной стороны стояли — все высшее духовенство, или Освященный Соборъ, Боярская Дума и начальники приказовъ, а съ другой—представители военно-служилаго и торгово-промышленаго классовъ, притомъ только отъ столицы. Если приять во внимание, что какъ высшее дворянство, такъ и купечество были агентами правительства, одно—по воинскимъ дѣламъ, а другое—по финансовымъ, то на Земской Соборъ придется смотрѣть, говоря словами проф. Ключевского, какъ на совѣщаніе правительства со своими собственными органами; члены Соборовъ представляли собою общество постольку, поскольку они управляли имъ. Смысль этого учрежденія заключался въ объединеніи администраціи и въ томъ, что видные представители мѣстныхъ обществъ, участвуя въ выработкѣ решений, въ то же время, какъ ответственные агенты правительства, ручались за ихъ исполненіе. Такимъ образомъ, здѣсь больше были представлены интересы правительства, чѣмъ населенія. Иную картину представляютъ послѣдующіе Соборы.

Въ 1598 г., когда престолъ опустѣлъ, Земскому Собору пришлось выступить въ болѣе самостоятельной роли и избрать царя. Еще большее поднялось значение Соборовъ въ бурную эпоху смуты. Съ прекращеніемъ старой дипастіи явилась мысль, что только Земской Соборъ можетъ дать санкцію новому носителю власти, и поэтому онъ выше нея. Эта мысль вызвала даже попытку ограничить царскую власть Земскимъ Соборомъ: въ договорѣ Салтыкова съ Сигизмундомъ (4 февр. 1610 г.) избраніе Владислава обусловливалось между прочимъ тѣмъ, что онъ не будетъ издавать новыхъ законовъ и измѣнять старыхъ безъ совѣта всей земли, т.-е. безъ Земскаго Собора. Земской Соборъ къ концу смуты становится какъ бы постояннымъ носителемъ власти: онъ былъ при первомъ ополченіи Ляпунова, онъ вновь сформировался при земскомъ ополченіи Пожарскаго; Соборъ 1613 г. не расходится и послѣ избранія Михаила Феодоровича и начинаетъ собою длинный рядъ го-довъ совмѣстнаго правленія царя и земли.

Такое возвышеніе Соборовъ должно было вызвать перемѣну въ ихъ составѣ и организаціи. Дѣйствительно, мы видимъ, что къ ихъ прежнему составу прибавляются въ борьбе отъ населенія, отъ служилыхъ и посадскихъ людей и отъ крестьянства. На дѣлѣ, впрочемъ, полнаго представительства почти никогда не бывало, отчасти по случайнымъ обстоятельствамъ, отчасти благодаря несовершенству избирательной системы, основанной какъ на территоріальномъ, такъ и на классовомъ принципѣ. Главные общественные классы — духовенство, служилые люди, посадские и крестьяне распадались на отдельные слои,

и высшіе изъ нихъ, т.е. верхніе слои служилыхъ людей и духовенства, представителей не избрали: они входили въ составъ Земскаго Собора черезъ участіе въ невыборной части его—въ Освященному Соборѣ и Боярской Думѣ. Какъ характерное отраженіе соціальныхъ отношеній важно замѣтить, что на Земскихъ Соборахъ, кромѣ Собора 1613 г., не было выборныхъ отъ крестьянъ; крестьяпъ частновладѣльческихъ, очевидно, представляли ихъ помѣщики, а государственныхъ крестьянъ, сохранившихъ свое управлениe, послѣ смуты оставалось немного. Отъ каждого класса шло по одному или по нѣскольку представителей, что было довольно безразлично, такъ какъ мнѣнія подавались по группамъ. Самые выборы населеніе производило свободно, «промежъ себя», но подъ наблюденіемъ воеводы, на имя которого присыпалась царская грамота о выборахъ; депутаты снабжались инструкціями и наказами, если по письменими, то устными; большое значеніе имѣли па Соборахъ также членитья, подаваемыя населеніемъ прямо государю и вскрывавшія истинное положеніе дѣлъ па мѣстахъ. Собору ставились правительствомъ опредѣлѣные вопросы, которые обсуждались обыкновенно посословно; ответы подавались письменно; допускались особыя мнѣнія отдѣльныхъ лицъ и мнѣнія, выработанныя группой лицъ изъ разныхъ сословій. Правильного голосованія на Соборахъ не было, и потому въ результатѣ его занятій получалось не одно опредѣленное решеніе, а цѣлый рядъ мнѣній, которыхъ правительство принимало къ свѣдѣнію. Если эти мнѣнія подвергались обсужденію въ Боярской Думѣ и утверждались государемъ, то они получали силу закона. Такимъ образомъ Земскіе Соборы имѣли только со вѣщательное значеніе, за исключениемъ, конечно, тѣхъ особыхъ случаевъ, когда Соборы избирали царя и, значитъ, пользовались властью учредительной.

«Золотой вѣкъ» Земскихъ Соборовъ скоро кончился ихъ паденіемъ. Вся исторія этого политического учрежденія находится въ тѣсной связи съ положеніемъ классовъ русского общества. Въ «безгосударное» время, когда смута стала угрожать «конечнымъ разорѣніямъ», произошло объединеніе отдѣльныхъ городовъ и областей во имя защиты государства и порядка, какъ они тогда понимались. Отсюда мощь Земскихъ Соборовъ—тогда поситетей верховной власти. При Михаилѣ Феодоровичѣ тѣмъ же элементамъ русского общества, сплотившимся для защиты порядка, все еще приходилось бороться за свои «животы» противъ казаковъ и поляковъ. Ради этого они должны были дружно действовать вмѣстѣ съ избранной ими властью, а эта власть должна была довѣрчиво на нихъ опираться. Отсюда тѣсное единеніе царя и земли при Михаилѣ Феодоровичѣ, выразившееся въ томъ, что Земской Соборъ почти не распускался. Онь, мѣняясь въ составѣ, заставалъ 10 лѣтъ сряду (1613—1622 гг.) и участвовалъ въ текущихъ дѣлахъ, ко-

торыя рѣшились «общимъ совѣтомъ». Но по мѣрѣ того, какъ опасность, вызванная смутой, становилась меныше, исчезла для власти необходимость, а для населенія возможность Земскихъ Соборовъ. Отсюда—периодичность ихъ во вторую половину царствованія Михаила и позднѣе. Теперь они созываются только для обсужденія особо важныхъ вопросъ, обыкновенно военныхъ и финансовыхъ, т.-е. тѣхъ, где могло по требоваться особенное напряженіе классовъ служилаго и тяглыхъ. Но сословія къ этому времени подъ давленіемъ экономическихъ условій и финансовой политики правительства успѣли такъ рѣзко обособиться, что у нихъ не оставалось общихъ интересовъ и дѣлъ; каждое сословіе на Соборѣ обсуждало вопросъ только съ той стороны, которая была важна для этого сословія, а разъ не было тѣсной связи между сословіями, то должны были пасть и Земские Соборы. Поэтому къ концу XVII в. правительство обращается съ своими вопросами уже не ко всей землѣ, не къ Собору, а только къ комиссіи, составленной изъ представителей того класса, котораго касался данный вопросъ. Нѣкоторое оживленіе замѣтно на Соборѣ 1649 г., главная цѣль котораго—составить Уложеніе—слова, но не падолго, соединила выборныхъ отъ разныхъ сословій; они хоть и не принимали прямого участія въ составленіи новыхъ законовъ, но, внося свои членѣства, все-таки до извѣстной степени проводили въ нихъ интересы своихъ домѣрителей. Послѣдній Земской Соборъ былъ въ 1653 г.

Итакъ, причины паденія Земскихъ Соборовъ—ослабленіе земли, вызванное разобщенностью сословій, и усиленіе власти, все болѣе принимавшей полицейско-бюрократический характеръ. Земские Соборы были представительныемъ собраніемъ, но они кореннымъ образомъ отличаются отъ подобныхъ учрежденій на западѣ. На западѣ представительный соборъ явились въ результатѣ борьбы сословій противъ власти за свои права; на Руси же, наоборотъ, Земские Соборы были своеобразной формой, въ которой выражалось содѣйствие со стороны населения всеровной власти.

Въ областномъ управлении XVII в. правительство старалось постепенно провести начала большей централизаціи; поэтому наряду съ прежними выборными земскими властями гораздо чаще, чѣмъ прежде, появляются въ городахъ и уѣздахъ воеводы. Земское самоуправление было введено при Иванѣ Грозномъ. Населеніе уѣздовъ и городовъ для сбора казенныхъ пополнъ и налоговъ, для суда и наблюденія за порядкомъ и для управления выбирало изъ своей среды головъ и старости: излюбленныхъ, губныхъ и земскихъ; у нихъ были помощники: сотекіе, десятскіе, цѣловальники. За исправное выполнение возложенныхъ на нихъ государственныхъ обязанностей отвѣчали своимъ имуществомъ и спинами не только сами старосты, но и избрав-

шее ихъ населеніе. Но во многихъ городахъ, особенно пограничныхъ, где было много военныхъ, нельзя было выбирать земскихъ властей, и все управление тамъ сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ. Въ эпоху смуты, когда большая часть земли оказалась на военномъ положеніи, воеводы были введенены и во многихъ другихъ городахъ. Только на сѣверѣ до конца XVII в. сохранилось выборное начальство; въ другихъ же мѣстахъ послѣ успокоенія страны правительство предоставляло населенію выбирать между воеводствомъ и самоуправлениемъ,—ему было все равно, лишь бы имѣть отвѣтственныхъ лицъ при сборѣ податей.

Воевода былъ представителемъ верховной власти въ городѣ и прилегавшемъ къ нему уѣздѣ. Онъ былъ начальникомъ военной охраны и судомъ, завѣдывалъ казенными сборами, черезъ чго же шли всѣ распоряженія высшаго начальства; воеводамъ поручался даже надзоръ за священниками и за исполненіемъ жителями христіанскихъ обязанностей. При назначеніи воеводѣ давалсянаказъ, по онъ, впрочемъ, никакъ не стѣснялъ его громадной власти, такъ какъ всегда кончался словами: «дѣлать все по своему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотрѣ, какъ будетъ пригоже и какъ его, воеводу, Богъ разумитъ». При такой неопределенноти воевода являлся полновластнымъ владыкой уѣзда; только яѣкоторые дѣла были изъяты изъ его вѣдѣнія, напр., судъ надъ духовенствомъ, которое вѣдалось въ монастырскомъ приказѣ, судебныя дѣла иностраныхъ купцовъ, подчиненныхъ посольскому приказу. Въ цѣляхъ контроля и ограниченія своеолія воеводѣ правительство часто назначало къ пимъ товарищѣй и дьяковъ, но это не достигало цѣли. Судилъ и правилъ воевода при содѣствіи съѣзжей и земли—нѣчто въ родѣ нашего губернского правленія.

Со введеніемъ воеводскаго управления земское самоуправление не исчезло совсѣмъ; правда, судныя коллегіи излюбленныхъ головъ съ цѣловальниками были закрыты, но вѣрные головы и земские старости со своими цѣловальщиками попрежнему вѣдали какъ всѣми казенными сборами, такъ и дѣлами мѣстнаго хозяйства. Остался рядомъ съ воеводой и выборный губной староста, сидѣвшій въ губной избѣ. Это была высшая судебнно-полицейская власть въ уѣздѣ, выборная, по утратившая свой земской характеръ. По характеру власти губной староста близко подходилъ къ воеводѣ, и когда жители просили обѣ отмены воеводскаго правленія, то всѣ воеводскія дѣла поручались ему. Въ общемъ централізациѣ мѣстнаго управлѣнія въ XVII в. исказила земскія учрежденія и превратила ихъ въ отвѣтственные и несамостоятельные органы центральной власти; этимъ и объясняется, что населеніе въ иныхъ случаяхъ смотрѣло на земскую службу не какъ на право, а какъ на тяжелую повинность.

Посылая воеводъ, правительство постоянно напоминало, что они должны заботиться о выгодахъ государства, не притеснять жителей, не брать взятокъ и подарковъ и т. д. Но на дѣлѣ получалось не то: громадное большинство служилыхъ людей смотрѣли на воеводство, какъ на средство наживы. «Радъ былъ служилый человѣкъ,—говорить историкъ С. М. Соловьевъ,—собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая и кормъ сытный. Радуется жена: сй тоже будуть приносы; радуются дѣти и племянники,—послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскій староста зайдеть и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня, ключники и подклѣтные — будуть сыты; прыгаютъ малыс ребята — и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздоряня рѣчи юродивый (блаженныи), живущій во дворѣ — ему также будутъ подачки. Все поднимается, ѿдѣть па вѣрную добычу...» Деньги на кормленіе воеводъ собирали земскій староста, который долженъ былъ вести расходную книгу. Въ этихъ отчетахъ мы читаемъ, напр., такія записи: «1-го сентября несено воеводѣ — пирогъ въ 5 алтынъ, налимонъ на 26 алтынъ; подьячemu — пирогъ въ 4 алтына 2 деньги, другому подьячemu — пирогъ въ алтынъ 4 деньги, третьему подьячemu — пирогъ въ 3 алтына 2 деньги». Несли воеводѣ всякие кормы и деньги «мѣрскіе посыльщики», давали ему «поминки» и «почесть», т.-е. всякие подарки, мѣстныя власти, которымъ надо было ладить съ воеводой, но если онъ оказывался уже слишкомъ «лихимъ» и черезезчуръ опустошалъ «земскую коробку», то земскій староста начала «ляяль» воеводу, а когда и это не помогало, то посыпалъ въ Москву слезинную члобитину отъ имени всѣхъ «уѣздныхъ и посадскихъ людишкъ». И, какъ ни далеко было до царя, все же бывали случаи, что виновнаго воеводу лишали мѣста, били батогами и отнимали у него въ казну всѣ его «животишкі» и «крухлядишку». Для разбора такихъ члобитій въ Москвѣ было даже особое учрежденіе—«приказъ, что на сильныхъ людей чломъ бьютъ».

Состояніе просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ въ XVII в.

Общій обзоръ экономического, соціального и политического строя Московскаго государства въ XVII в. показываетъ, что оно переживало тяжелый процессъ своего образованія, потребовавшій напряженія всѣхъ пародныхъ силъ. При обилии народныхъ жертвъ на алтарь отечества,—исходимыхъ, которые были вызваны ходомъ исторіи, и напрасныхъ, въ которыхъ виноваты плохіе строители и злоупотребленія власть имущихъ,—весь народъ далеко отсталъ въ своемъ развитіи, какъ отъ грековъ, такъ и отъ своихъ западныхъ соцѣй. Такое наблю-

дение дѣлаютъ всѣ иностраницы, посѣщавшие Россію: Маржереть въ началѣ XVII в. пишетъ, что «невѣжество русскаго народа есть мать его благочестія; онъ не знаетъ ни школъ, ни университетовъ, одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, но, впрочемъ, и этимъ занимаются немногіе». То же повторяетъ черезъ нѣсколько десятилѣтій Олеарій: «Русскіе не любятъ никакихъ высшихъ знаній и свободныхъ искусствъ и не занимаются ими». Иностраницы подходили съ слишкомъ широкою мѣркой: въ Московскому государству не была распространена и простая грамотность. Самымъ просвѣщеніемъ, «учительнымъ» сословіемъ считалось духовенство, но и здѣсь сотнями встречались люди «въ чтеніи исправные» и даже совсѣмъ не умѣющіе ни читать, ни писать. И соборъ 1667—1668 гг., обсуждалъ вопросъ о грамотности духовенства, признавалъ, что часто въ священники попадаютъ «сельскіе невѣжды, изъ которыхъ пыны даже и скота не умѣютъ пасти, не то что людей». Если такъ низко стояло элементарное обученіе среди духовенства, которому оно особенно требовалось по роду занятій, то еще меньшіе знаній можно было встрѣтить въ обществѣ. Такому состоянію грамотности соотвѣтствовало крайне незначительное число школъ: онѣ находились только при нѣкоторыхъ церквяхъ и монастыряхъ, поэтому желавшимъ учиться приходилось обращаться, большую частью, не къ школѣ, а къ какому-нибудь «мастеру», которого искали среди церковнослужителей или подьячихъ. Овладѣвъ грамотностью, русскій любитель просвѣщенія безъ дальнѣйшей подготовки приступалъ къ чтенію, становился «начетчикомъ». Но къ XVII в. успѣла сказать недостаточность такой подготовки, и въ Москву прошикаетъ новая образовательная программа изъ юго-восточной Руси, где, благодаря близкомусосѣдству съ Польшей, сказывалось вліяніе Западной Европы. Теперь считаются необходимымъ изучать грамматику, «основаніе и подошву всѣхъ свободныхъ хитростей». На западѣ въ средніе вѣка за грамотностью слѣдовала діалектика и риторика; съ прибавкой философіи и богословія онѣ и составили программу юго-западной школы. Необходимость въ борьбѣ съ іезуитской пропагандой владѣть тѣмъ же оружиемъ повела къ тому, что для подготовки ученыхъ проповѣдники въ Киевѣ были открыты школы, преобразованная потомъ митрополитомъ Петромъ Могилой въ Киевскую академію, где и была осуществлена эта программа—съ преподаваніемъ какъ греческаго, такъ и латинскаго языковъ. Воспитанники ея часто появлялись и въ Москвѣ, но здѣсь къ нимъ относились съ болѣшимъ подозрѣніемъ, потому что съ точки зренія древняго русскаго благочестія всякая знанія, а тѣмъ болѣе идущія съ еретическаго Запада, казались опасными. «Аще кто ти речеть,—читаемъ въ одномъ памятниѣ,—вѣси ли всю философію, и ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астроно-

мовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ, философию ниже очима видѣхъ; учуся книгамъ благодатнаго закона». Поэтому, что когда была сознана необходимость завести въ Москвѣ высшую школу, то около этого вопроса завязалась борьба: одна партия стояла за преподаваніе греческаго языка, какъ болѣе безопаснаго, другая была за латинскій.

Въ царствованіе Алексѣя и дѣлается рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ завести то латинскую, то греческую школу. Изъ этихъ попытокъ особенно интересна школа, заведенная царскимъ любимцемъ Ф. М. Ртищевымъ въ построенному имъ Андреевскомъ монастырѣ (близъ Воробьевыхъ горъ). «Хотящіе внимати» могли тамъ подъ руководствомъ приглашенныхъ юго-западныхъ монаховъ не только учиться «грамматикѣ словенской и греческой», но дойти даже до риторики и философи. Учился въ этой школѣ и самъ бояринъ Ртищевъ. Затѣмъ была школа съ преподаваніемъ латинскаго языка у пріѣхавшаго изъ Кієва монаха Симеона Полоцкаго, воспитателя царскихъ дѣтей, проповѣдника, писателя, придворнаго стихотворца и ревностнаго пропагандиста просвѣщенія. Она продержалась, впрочемъ, очень недолго, по успѣла подготовить яраго продолжателя дѣла Полоцкаго; это былъ Сильвестръ Медведевъ. Какъ разъ въ это время, уже въ царствованіе Феодора, обсуждался вопросъ объ открытии высшей школы. «Греческая» партия настолько въ 1681 году на открытии греческаго училища, но Медведевъ въ слѣдующемъ же году добился возобновленія въ Запконоспасскомъ монастырѣ школы Полоцкаго, гдѣ и приступилъ къ преподаванію «грамоты, словенскаго ученія и латыни». Такимъ образомъ, къ концу вѣка въ Москвѣ были школы того и другого типа. Въ 1685 г. была открыта Славяно-Греко-Латинская Академія. Открытие ея сдавали можно считать прогрессомъ въ дѣлѣ просвѣщенія, такъ какъ преподаваніе было поручено братьямъ Лихудамъ, рекомендованнымъ константинопольскимъ патріархомъ по просьбѣ старомосковской партии, да и тѣхъ скоро удалили. Кроме того, помимо обученія академія была призвана наблюдать за чистотой православія. «Московская академія» — это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимости столкновенія своемъ съ иловѣрнымъ Западомъ; это не училище только, — это страшный инквизиціонный трибуналъ. Прописать блюстители съ учительами слова: «виловенъ въ неправославіи, — и костерь запыласть для преступника» (Соловьевъ). Такъ, не создавъ школы для начального обученія, Московское правительство не могло удовлетворить и пазрѣвшей въ обществѣ потребности въ болѣе полномъ западі.

Чтобы еще яснѣе представить себѣ положеніе просвѣщенія въ Россіи въ XVII в., сдѣлаемъ бѣглый очеркъ тѣхъ знаний, которыхъ были

тогда доступны книжному человѣку. На ряду съ книгами божествен-
наго писания широкое распространение имѣли разныя историческая
сочиненія. Читались прежніе хронографы, гдѣ можно было найти массу
разнообразныхъ свѣдѣній: и изъ библейской исторіи, и изъ всесобщей,
и о «дивахъ разнебывающихъ», съ особенной любовью останавливались
на рассказахъ о подвигахъ Александра Македонскаго и на повѣсти о
Троянской войнѣ. Появились и новыя историческая сочиненія, отличав-
шіяся болѣею связностью изложенія; таковы были, напр., сказаніе
объ осадѣ Троицкаго монастыря, составленное Аврааміемъ Палицы-
нымъ, и «Временникъ» дьяка Ивана Тимофеева о событияхъ смуты.
Впрочемъ, и здѣсь события объясняются обыкновенно кознями «нена-
вистника рода человѣческаго, дьявола». Умѣніе выбирать факты ска-
залось въ древнѣйшемъ учебнике русской исторіи, который подъ назва-
ніемъ «Синописа» былъ напечатанъ въ Киевѣ въ 1674 г.; здѣсь выбраны
факты, годные для религіознаго возвеличенія національной исторіи.

Проникали, конечно, черезъ Польшу, въ большомъ количествѣ
западно-европейскія повѣсти о приключеніяхъ разныхъ геросвъ и на-
столько усваивались русскими читателями, что, напр., западный бога-
тырь Буоводт-Антона сталъ русскимъ Бовой-королевичемъ. Черезъ
переводы же знакомились съ нравоучительными повѣстями, баснями
Эзопа, съ сборниками смѣшныхъ разсказовъ и анекдотовъ и т. д. Стали
появляться и самостоятельные попытки литературного творчества; та-
ко же, напр., повѣсть «зѣло предивная» о Саввѣ Грудцѣ, повѣсть о
Горѣ-Злосчастѣ, отражающая угнетенное настроеніе русского общества
того времени, или первый русскій романъ «Исторія о Фролѣ Скобѣвѣ»,
гдѣ хорошо изображены пронырливость и обманы подъячихъ XVII в.

Для удовлетворенія практическихъ потребностей посольского при-
каза переводились и составлялись разныя справочные книги: словари,
описанія Польши и ея государственного устройства, парсуны или пор-
треты царей съ ихъ титулами и краткими свѣдѣніями о нихъ, исторія
дьяка Грибоѣдова, написанная высокопарнымъ языкомъ въ хвалебномъ
тогѣ, и т. д. Въ Москвѣ очень мало знали о положеніи дѣлъ въ другихъ
государствахъ. Когда, напр., русскій посолъ былъ въ Венеціи и пред-
ставилъ грамоту па имя дожа Франциска, то, къ его удивленію, ему
объявили, что «прежняго князя Францискуса волею Божиєю не стало,
а послѣ него нынѣшній князь уже третій». Во избѣженіе подобныхъ
неловкостей, по совѣту просвѣщеннаго Ордина-Нашокина, стоявшаго
тогда во главѣ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, т.-е. бывшаго началь-
никомъ посольского приказа, стали переводить изъ иностранныхъ га-
зетъ важнѣйшія извѣстія; эти отрывки или куранты и являются первой
русской газетой, которая, впрочемъ, не печаталась, а только въ руко-
писи представлялась царю.

Особенно сильный толчок развитию переводной литературы дали пріїзжіе изъ Киева монахи: Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановский и Симеонъ Погоцкій; они внесли въ русское общество нѣкоторыя новыя знанія, но, съ другой стороны, въ этомъ потокѣ, шедшемъ черезъ Киевъ въ Москву, плыли давно устарѣвшія свѣдѣнія, средневѣковая латинская вѣсточь, накоплешшая на Западѣ еще въ XII—XIII вв. и уже утратившая свою свѣжестъ. Вотъ почему влияніе этой литературы въ XVII в. не могло быть особенно глубокимъ и сильнымъ.

Научныя познанія русскихъ людей въ XVII в. были очень скучны. Въ ариѳметикѣ, гдѣ верхомъ премудрости являлась «золотая строка», т.-е. простое тройное правило, господствовали самые неуклюжіе пріемы вычислений, особенно съ дробями; дѣйствія надъ числами крайне затруднялись еще тѣмъ, что числа изображались церковно-славянскими буквами. Правда, въ одномъ учебнику XVII в. буквы были уже замѣнены арабскими цифрами, но насколько трудно прививалось это нововведеніе, видно изъ того, что еще во второй половинѣ столяція «цифры» считалась противной закону Божию. Знаніе геометріи сводилось къ вычислению площадей и объемовъ, но при этомъ допускались такие пріемы и искаженія, что получались результаты очень далекіе даже отъ приблизительной точности. Изъ астрономическихъ знаній были известны нѣкоторые пріемы, необходимые для составленія «пасхалии», т.-е. таблицы, опредѣлявшей время переходящихъ праздниковъ. Къ этимъ дѣйствительнымъ знаніямъ, благодаря кievскимъ монахамъ, привились еще мнимыя—средневѣковая вѣра въ таинственное влияніе звѣздъ па людскую судьбу.

Что касается познаній естественно-историческихъ, то они черпались изъ старинныхъ «Физіологовъ» византійского происхожденія. Помышленные здѣсь разсказы о звѣряхъ, испрѣдко фантастическихъ, удовлетворяя любознательности читателя, въ то же время имѣли значеніе религіознаго поученія, такъ какъ зоологическое описание переплеталось въ нихъ съ символическимъ толкованіемъ. Впрочемъ, подъ влияніемъ Запада элементъ чудеснаго и религіознаго изъ «Физіологовъ» сталъ исчезать.

Подъ давленіемъ практической необходимости прививались въ Москвѣ и медицинскія знанія. Въ XVI в. иностранные врачи и аптека существовали лишь для двора и для приближенныхъ къ царю лицъ. Въ XVII в. увеличивается вызовъ врачей, открывается «Новая» аптека, учреждается даже особый аптекарскій приказъ, но большинство населения попрежнему продолжаетъ лѣчиться стародавними средствами, которыя продавались въ Зеленномъ ряду. Были и медицинскія руководства, изъ которыхъ особенно широкое распространеніе получила книга, переведенная подъ заглавиемъ «Прохладный Вертоградъ». Въ отдель-

лѣкарствъ здѣсь сообщались свѣдѣнія «о камняхъ драгихъ, ко мно-
гимъ дѣламъ угодныхъ, и о силѣ ихъ», рекомендовались средства для
сохраненія красоты и истребленія домашнихъ насѣкомыхъ, указыва-
лись способы, какъ обезвредить «всякаго супостата», «зѣвра и гада» и
даже «нечистаго духа». Употреблялись, какъ лѣкарства, и такія сред-
ства, какъ цѣпившіяся на вѣсъ золота «шпротовы рога», «сокъ изъ
красныхъ червей», «сало курячье», и даже человѣческое.

Обиліе книгъ самаго различнаго содержанія, обращавшихся среди
русскихъ читателей XVII в., указываетъ на возраставшій въ обществѣ
интересъ къ знанію. Но, просматривая содержаніе этихъ книгъ, прихо-
дится сказать, что наивное дѣтское любопытство читателя питалось
такими же наивными и дѣтски-нелѣпыми отвѣтами. Поэтому-то общая
оценка просвѣщенія въ XVII в. можетъ быть только отрицательной.
Образованыхъ людей въ Москвѣ не было. Рѣдкія исключенія состав-
ляли лишь отдельныя лица, въ родѣ Ордина-Нащокина, Ртищева, Мо-
розова, Матвѣева и мн. Голицына; только эти люди, убѣжденные, что
«доброму не стыдно павыкатъ и со стороны», не удовлетворяясь кіев-
ской ученоностью, которая представляла обильный, но все-таки мутный
источникъ, смотрѣли еще дальше — на Западъ.

Западное вліяніе въ XVII вѣкѣ.

Московское государство задолго до XVII в. находилось въ дипло-
матическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ Западной Европой, но вліяніе
иностранцевъ на русскую жизнь тогда не было глубокимъ. Совсѣмъ
иначе сложились обстоятельства въ XVII в. Въ это время, говоря слов-
ами Забѣлина, «все, чѣмъ была сильна и богата старина, высказалось
и закончилось въ такие образы и формы, съ которыми по тому же пути
далѣе ити было невозможно». Всё, заимствованное съ беззапасного,
т.-е. православнаго, Востока было изжито, свои силы какъ материальныя,
такъ и духовныя либо истощились, либо дремали; нуженье былъ силь-
ный толчокъ, чтобы ихъ пробудить. Такимъ толчкомъ явились уча-
стившіяся въ XVII в. встречи съ западными сосѣдями на полѣ бранн
и торговли. Въ той и другой области русскіе терпѣли неудачи, и это
заставило ихъ сначала механически, а потомъ и сознательно подра-
жать своимъ счастливымъ соперникамъ. Трудно было вступить па
этотъ путь, но, разъ была сознана необходимость заимствованій у ино-
странцевъ, сфера ихъ вліянія должна была охватить всю русскую
жизнь, внося перемѣны туда, где это было необходимо, и даже туда,
гдѣ этого не требовалось. Иностранное вліяніе сказывалось, конечно,
сразу въ нѣсколькихъ областяхъ жизни, по для удобства его можно
слѣдить по разнымъ отраслямъ ея.

Горький опытъ, полученный въ неудачныхъ войнахъ съ Польшей и Швецией, заставилъ подумать о замѣнѣ своихъ служилыхъ людей европейскимъ войскомъ, и вотъ съ первыхъ же лѣтъ царствованія Михаила начинаютъ призывать паемниковъ. Въ январѣ 1631 г. полковникъ Лесли былъ отправленъ въ Швецию напоминать пять тысячъ охочихъ солдатъ пѣшихъ; въ февралѣ другой полковникъ побѣжалъ напоминать цѣлый «региментъ» добрыхъ и ученыхъ солдатъ. Но тѣ же паемники Лесли показали и оборотную сторону медали: посланные въ 1633 г. подъ Смоленскъ, они не привнесли никакой пользы, потому что части ихъ переплыла на сторону поляковъ, а оставшіеся, набранные изъ всякаго европейскаго сброва, отличались полнымъ отсутствиемъ дисциплины даже среди начальниковъ. Слѣдующимъ шагомъ въ усвоеніи европейскаго ратнаго искусства было приглашеніе иностранцевъ въ качествѣ инструкторовъ не только въ Москву, но и въ отдаленные области. Для большого успѣха въ обученіи русскихъ ратныхъ людей иноземному строю въ 1647 г. было переведено, правда, уже сильно устарѣвшее на Западѣ руководство «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей»—текстъ и чертежи. Скоро, на ряду съ старыми русскими полками, явились полки иноземнаго строя, которые дѣлились на три разряда: рейтѣа尔斯кіе или конные, солдатскіе — пѣши и драгунскіе, которые несли какъ конную, такъ и пѣшую службу. Число этихъ полковъ увеличивалось такъ быстро, что въ царствованіе Феодора русская армія значительно больше, чѣмъ наполовину, состояла изъ полковъ иноземнаго строя. Для вооруженія ихъ требовалось, конечно, и новое оружіе; сперва его закупали за границей, по потомъ, въ виду сопряженныхъ съ этимъ неудобствъ и дороговизны, рѣшено было устроить свои заводы. И необходимость опять заставляла обратиться къ иностранцамъ. Въ 1632 г. голландецъ Виніусъ при содѣйствіи правительства устроилъ въ Дединовѣ близъ Тулы 4 завода для приготовленія пушекъ, ядеръ и всякаго желѣза; въ 40-е годы цѣлый рядъ такихъ же заводовъ основала въ разныхъ мѣстахъ компанія иноземцевъ съ Марселисомъ во главѣ. Всѣмъ иностранцамъ, открывавшимъ заводы, ставилось непремѣнное условіе учить русскихъ людей заводскому дѣлу и не скрывать отъ нихъ никакого мастерства. Давъ сильный толчокъ развитію русской горно-заводской промышленности, иностранцы работали и въ другихъ областяхъ ея. Напр., при Михаилѣ «астрадамлянинъ» Коѳть основалъ подъ Москвою стеклянный заводъ; при Алексѣѣ не разъ посыпались за границу люди для поисковъ мастеровъ, которые «умѣли бы дѣлать всякия добрыя сукна и красить всякими красками». Бѣхали въ Москву мастера бархатнаго, канительнаго, часоваго и органнаго дѣла, каменщики, литьщики, живописцы, и всѣ съ обязательствомъ учить рус-

сихъ своему мастерству. Такъ при содѣйствіи иностранныхъ капитоловъ и земпій, развивалась русская обрабатывающая промышленность. Въ то же время подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній съ иностранцами улучшилась торговая техника, быть введенъ однообразный вѣсъ и мѣра, у правительства явилась даже мысль заказать курляндскому герцогу постройку торговыхъ кораблей и взять для нихъ не сколько гаваней въ Балтийскомъ морѣ въ аренду. Дѣло ограничилося, впрочемъ, тѣмъ, что на Окѣ было построено корабль «Орелъ», спущенъ ипотомъ въ Каспійское море и погибшій во время бунта Разина.

Любопытно отмѣтить, что, примирившись съ необходимостью учиться ратному дѣлу и промышленнымъ знаніямъ у иностранцевъ, правительство попрежнему непримиримо относилось къ католикамъ. Просылая вербовать наемниковъ, оно прямо давало паказъ «нанимать солдатъ швейцарского государства и иныхъ государствъ, кроме французскихъ людей, а францужанъ и иныхъ, которые Римской вѣры, никакъ не напинать». Поэтому среди иностранныхъ пришельцевъ главную массу составляли въ Москву пѣмцы, голландцы и шведы. Вся эта разноплеменная толпа была послана отдельно въ такъ называемой «Нѣмецкой слободѣ», сдѣлавшейся очагомъ, изъ котораго западная культура, захватывая все новые области жизни, стала распространяться еще шире.

Отъ займствованій, которыхъ вызывались практической необходимости, скоро перешли къ подражанію иностранцамъ и въ другихъ сферахъ жизни; здѣсь иностранное нравилось прежде всего потому, что оно представляло собой нечто новое, диковинное. Это — роскошь, и потому такія займствованія мы встрѣтимъ раньше всего у людей высшаго общества съ царемъ во главѣ. Во дворцѣ и у нѣкоторыхъ бояръ признакомъ хорошаго тона становится иностранная обстановка. Прежніе русскіе столы и лавки замѣняются «польскими и пѣменскими столами», «золотными пѣмецкими стульями». Въ изобилии появляется изящная заграничная посуда, зоркала, фигурная рѣзьба и часы, столовые и стѣнныя, съ хитрыми затѣями «съ цимбалыци, и съ пѣмци и съ башченко», «съ накры и варгани»; встречаются даже «зеленые», то-есть карманные часы. Распространяется среди высшаго класса мода носить иностранную одежду; ее, папр., носилъ въ дѣтствѣ царевичъ Алексѣй, и несмотря на то, что у боярина Романова, падѣшаго пѣменское платье, патріархъ хитростью отобралъ его и сжегъ, оно не перестаетъ носиться, и въ концѣ вѣка самъ царь Феодоръ Алексѣевичъ одѣвался въ польской костюмѣ. Всѣ эти займствованія въ обстановкѣ и мелочахъ незамѣтно пріучили русскихъ людей къ западно-европейскому комфорту и, ломая ихъ старыя предубѣжденія и привычки, понемногу воспитывали въ нихъ новые потребности и

понятія. Такъ виѣшнее подражаше постепенно приводило къ усвоянію самыхъ основъ европейской культуры—тѣхъ понятій, вкусы и привычки, которые соответствовали этой виѣшности.

Уже много нѣмецкихъ потѣхъ было перенято въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ, но театра все еще не завели, а между тѣмъ слухи о немъ доходили до Москвы и разжигали любопытство впечатлительного царя. Наконецъ, царь Алексѣй рѣшился и на это развлечеіе, но, такъ какъ по старымъ понятіямъ оно считалось «бѣсовской игрой», «пакостью душевной», то онъ сперва пословѣтовался съ духовникомъ, который успокоилъ его совѣсть тѣмъ, что и у византійскихъ императоровъ бывали театральныя зрѣлища, и вотъ 15 мая 1672 г. былъ посланъ за границу иноземецъ съ порученіемъ, кромѣ «рудознатцевъ», нанять также людей, которые «умѣли бы всякия комедіи строить». Но въ Москвѣ не дождались возвращенія этого посланца и черезъ двѣ недѣли спѣшили набрать труппу изъ пѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ. Пастору Іоганну Готфриду Грекори былъ данъ приказъ «учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Эсейир и для того дѣйствія устроить хоромину вновь». Закигѣла работа, конечно, подъ руководствомъ иностранцевъ. Въ селѣ Преображенскомъ построили небольшую, но удобную «комедійную хорому», приготовили «перспективныя рамы» или декораціи, собрали оркестръ, обучили труппу. 17-го октября 1672 г. состоялось первое представление: шла комедія «Эсейир» или «Какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амала по царыни челобитію, по Мардохеину наущенію». Успѣхъ былъ полный: царь въ удивленіи цѣлыхъ десять часовъ, не вставая съ мѣста, смотрѣлъ комедію; устроители были щедро награждены, школа, въ которой обучались актеры, получила пособіе, экземпляръ комедіи въ сафьяновомъ переплетѣ былъ взятъ къ государю; пасторъ Грекори и некоторые «экомиданты Артаксеркосова дѣйства» удостоились высочайшей аудіенціи и, чего раньше не бывало, эти простые иноzemцы были допущены къ царской рукѣ. Всѣдѣль за этой пьесой появились и другія, тоже, переведенные съ нѣмецкаго; въ библейскіе сюжеты здѣсь безцеремонно было сдѣлано множество вставокъ, рассчитанныхъ на примитивные вкусы зрителей: тутъ были и страшныя сцены казней, и пупчечная пальба, и грубыя выходки шута. Въ развитіи театральнаго дѣла принялъ горячее участіе поклонники западной культуры бояринъ Матвѣевъ; онъ отдалъ въ обученіе Грекори своихъ дворовыхъ людей, и царь съ своими боярами скоро вѣнчье послѣ комедіи актеры играли на «фіоляхъ, органахъ и на страстментахъ и танцевали», т.-е. былъ поставленъ балетъ.

Не безъ робости, смутно предчувствуя конечную гибель своей имѣль слѣдай любоваться новымъ зрелищемъ: въ 1674 г. на заго-

старину, относились русские люди къ совершившемуся перелому; заимствуя чужое, имъ хотѣлось въ то же время уберечь и свое,—православное. Этимъ и объясняется, что, когда почувствовалась нужда въ новыхъ знаніяхъ, то за учительами осторожность заставила обратиться прежде всего къ юго-западнымъ монахамъ, знакомымъ съ польской образованностью, но все же православнымъ. Пріѣхавшие изъ Киева по вызову правительства, Епифаній Славинецкій, Арсеній Саталовскій и Симеонъ Полоцкій развили въ Москвѣ широкую просвѣтительскую дѣятельность: исполняя заказы царя и патріарха, занимались переводами, составляли разные сборники, космографіи, лексиконы, учебники; заводили школы или, лучше сказать, обучали греческому или латинскому языку тѣхъ отдельныхъ людей, которыхъ посыпало къ нимъ правительство или которые сами хотѣли у нихъ учиться. Особенно выдвинулся среди этихъ учителей разносторонній Симеонъ Полоцкій, умѣвшій преподносить своимъ ученикамъ науку даже въ изящной по тогдашнему времени формѣ виршей. Само собою разумѣется, что усвоеніе духовной культуры Запада шло гораздо медленѣе, чѣмъ обученіе ратныхъ людей, постройка заводовъ и покупка всякихъ диковинокъ.

Касаясь самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни, западное влияніе въ теченіе всего XVII в. подготовляло почву для реформъ Петра, когда Россія уже съ большою твердостью повернула съ востока на западъ.

Положеніе церкви и начало раскола.

Русская церковь, послушная дочь Византійской, по мѣрѣ возвышенія Москвы дѣлается все самостоятельнѣе и, наконецъ, въ половинѣ XV в. становится независимой отъ Константинопольского патріарха. А послѣ 1453 г., когда Константинополь попалъ подъ власть турокъ, она высказываетъ притязанія быть преемницей Византіи и единой хранительницей чистоты православія. Православіе греческое въ Москвѣ уже не считается чистымъ: здѣсь не могутъ забыть Флорентійской унії, которую греки незадолго до паденія Константинополя заключили съ католиками въ надеждѣ, что цѣною нѣкоторыхъ уступокъ въ исповѣданіи вѣры имъ удастся склонить римского папу къ проповѣди крестового похода противъ турокъ. Такъ повліяли на положеніе русской церкви политическая события—возвышеніе Москвы и паденіе Византіи. Возвышеніе русской церкви завершилось въ правленіе Бориса Годунова, когда московский митрополитъ Іовъ, принявъ титулъ патріарха, уравнялся съ главами другихъ православныхъ церквей.

Успѣхи русской церкви всегда были связаны съ успѣхами государства, и между ними возникъ тѣсный союзъ. Церковь давала религи-

озное освященіе власти московскихъ князей и, перенося на московскаго государя значеніе византійскаго императора, призывала за именъ право опеки надъ церковью, а государственная власть брала па себя обязанность во всей неприкосновенности оберегать духовное содержаніе русской церкви. Церковь сохраняла большое влияніе на государственныхъ дѣла и въ XVII в.: Освященный Соборъ, т.-е. все высшее духовенство приглашалось въ Боярскую Думу и входило въ составъ Земскихъ Соборовъ; патріархъ Филарѣтъ, отецъ царя Михаила, носилъ титулъ великаго государя и, дѣйствительно, правилъ при слабохарактерномъ сыне. Получить этотъ титулъ отъ царя Алексія и Никона, придававшій патріаршій власти чрезвычайно большое политическое значение. Но въ томъ же XVII в. обнаружились и явленія противоположнаго порядка: государственная власть захотѣла замѣнить свое покровительство подчиненіемъ церкви и правомъ контроля надъ нею. Это выразилось прежде всего въ учрежденіи монастырского приказа, который состоялъ изъ свѣтскихъ лицъ и, надзирая за управлениемъ въ церковныхъ земляхъ, въ то же время судилъ духовныхъ лицъ по недуховнымъ дѣламъ. Противъ этого ограниченія прежнихъ правъ духовенства горячо боролся Никонъ, ревностный защитникъ величія патріаршой власти. Окопчательная победа, какъ известно, осталась пе на его сторонѣ. Уже этотъ разрывъ союза церкви съ государствомъ, сопровождавшійся ея подчиненіемъ свѣтской власти, поколебалъ прежнее положеніе церкви. Еще больше ослабили ее споры по поводу самаго содержанія русской церкви.

Выработанное въ течениѣ долгаго времени, оно отличалось двумя чертами: формализмомъ и национальнымъ самомнѣніемъ. Благочестіе влекло русскихъ людей къ религії, но низкій уровень умственнаго развитія мѣшалъ имъ проникнуть въ самую сущность вѣры, и поэтому вся религія сводилась для нихъ къ обряду и формѣ. При такомъ формализмѣ казалось, что всякая мелочь имѣть свою таинственную силу, и отсюда вытекло стремлеше считать пепреложной каждую букву закона. Мало-по-малу въ церковные обряды русскихъ вкравались разныя отступленія и ошибки: двуперстіе, сугубая аллилуя, служеніе па семи просфорахъ, разночтенія въ текстахъ символа вѣры и богослужебныхъ книгъ, хожденіе посолынь и т. д. Напрасно пріѣзжіе греки указывали на замѣченныя ошибки: на вопросъ, кто правъ, религіозное самомнѣніе давало ясный отвѣтъ: православіе грековъ испорчено, и только русская церковь нерушимо хранилъ святую вѣру. Максимъ Грекъ, взявшійся въ XVI в. за исправленіе русскихъ книгъ, былъ отправленъ въ заточеніе, а такъ называемый «Стоглавый соборъ» (1551 г.) утвердилъ нѣкоторыя заблужденія русской церкви. Такъ восторжествовало національное православіе съ его особенностями.

Междуд тѣмъ, число разночтений въ книгахъ все увеличивалось: первоизданные перепечатки пропускали буквы и щѣлья слова, иска-жали отдельныя выражения, дѣлали собственныйя поправки; со введе-ниемъ книгопечатанія книги въ такомъ видѣ были напечатаны, и типо-графскій станокъ какъ бы санкционировалъ всѣ эти измѣненія. Были и другія неурядицы въ русской церкви: распущенность нравовъ духо-вешства и народа, невѣжество, уменьшеніе духовнаго авторитета свѣтски-ми властями и т. д.

Вопросъ обѣ устраниеніи всѣхъ недостатковъ, никогда не перестававшій заботить духовную власть, при царѣ Алексѣѣ получиль новое движение благодаря тому, что въ Москвѣ сложился влиятельный кружокъ ревнителей благочестія. Во главѣ этого кружка стояли царскій духовникъ Стефанъ Венифиатьевъ и протопопъ Казанскаго собора Иванъ Нероновъ; къ нимъ прѣѣзжали совѣтоваться о дѣлахъ церкви протопо-пы изъ уѣздовъ; особенно выдавались въ этомъ кружкѣ два нижегородца: Аввакумъ и Никонъ, бывшій тогда настоятелемъ дальняго мона-стыря. Все это были начитанные люди, отлично знавшіе писаніе и тог-дашнюю духовную литературу,—люди, искренно желавшіе сблизить духовенство и настуру путемъ живой проповѣди на языкахъ, понятномъ народа. Ихъ проповѣдь, обличавшая недостатки и призывающая къ исправленію, имѣла громадный успѣхъ. Въ Москвѣ главнымъ пропо-вѣдникомъ былъ Иванъ Нероновъ; когда онъ служилъ и говорилъ въ Казанскомъ соборѣ, то храмъ не вмѣщалъ молящихся, народа вѣби-рался на окна и со слезами внималъ его горячимъ рѣчамъ; по разнымъ городамъ были устроены проповѣдниками другіе члены кружка: Ав-вакумъ, Даниилъ, Лазарь, Лопгинъ.

Этотъ популярный кружокъ, одушевленный самыми благими на-мѣреніями, стоялъ близко къ типографіи и принималъ участіе въ ис-правлении книгъ. Но къ этой работе члены кружка приступили съ стариянными пріемами: не вѣря въ чистоту православія кievскихъ мо-наховъ и грековъ, они образцы для исправленія думали найти непре-мѣнно въ русской старинѣ, свято хранившей православіе. Всѣ эти лю-ди пользовались большимъ вліяніемъ, и, когда отличенный царемъ членъ кружка Никонъ сдѣлался патріархомъ, то казалось, что реформа церк-ви будеть проведена согласно съ требованіями старинной паціональ-ной теорії. Но кievская богословская литература, широко распространившаяся въ половинѣ XVII в., успѣла расшатать паціональную тео-рію церкви; въ новыхъ богословскихъ произведеніяхъ доказывалось, что греческая церковь вѣрить такъ же право, какъ и русская, и что русскому патріарху слѣдуетъ быть въ тѣсномъ общеніи съ четырьмя восточными. И Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, измѣнилъ теоріи па-ціонального благочестія и съ жаромъ сталъ на сторону новыхъ взглѣ-дѣй.

довъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужилъ вопросъ объ исправлениі книгъ. Лично убѣдившись въ разногласіи русскихъ книгъ съ стариинными греческими, Никонъ безусловно призналъ авторитетъ послѣднихъ.

Рис. 20. Патріархъ Никонъ. (Съ современнааго портрета или „парсуны“.)

«храмъ», тутъ «церковъ», гдѣ «отроцы», тамъ «дѣти», а гдѣ «дѣти», тамъ «отроцы». «Чѣмъ же сіе лучше онаго, — спрашивали ревнители старины, — и что въ старыхъ книгахъ ереcъ и какое слово противно божественному писанію?» Во всомъ этомъ видѣли только слѣпую ненависть Никона къ стариинѣ. Новое смущеніе явилось, когда узнали, что среди тѣхъ греческихъ книгъ, которыя служили образцами при исправленіи, только незначительная часть была, дѣйствительно, древняго происхожденія, остальные же были напечатаны недавно въ Италии. Недовольство усиливалось еще тѣмъ,

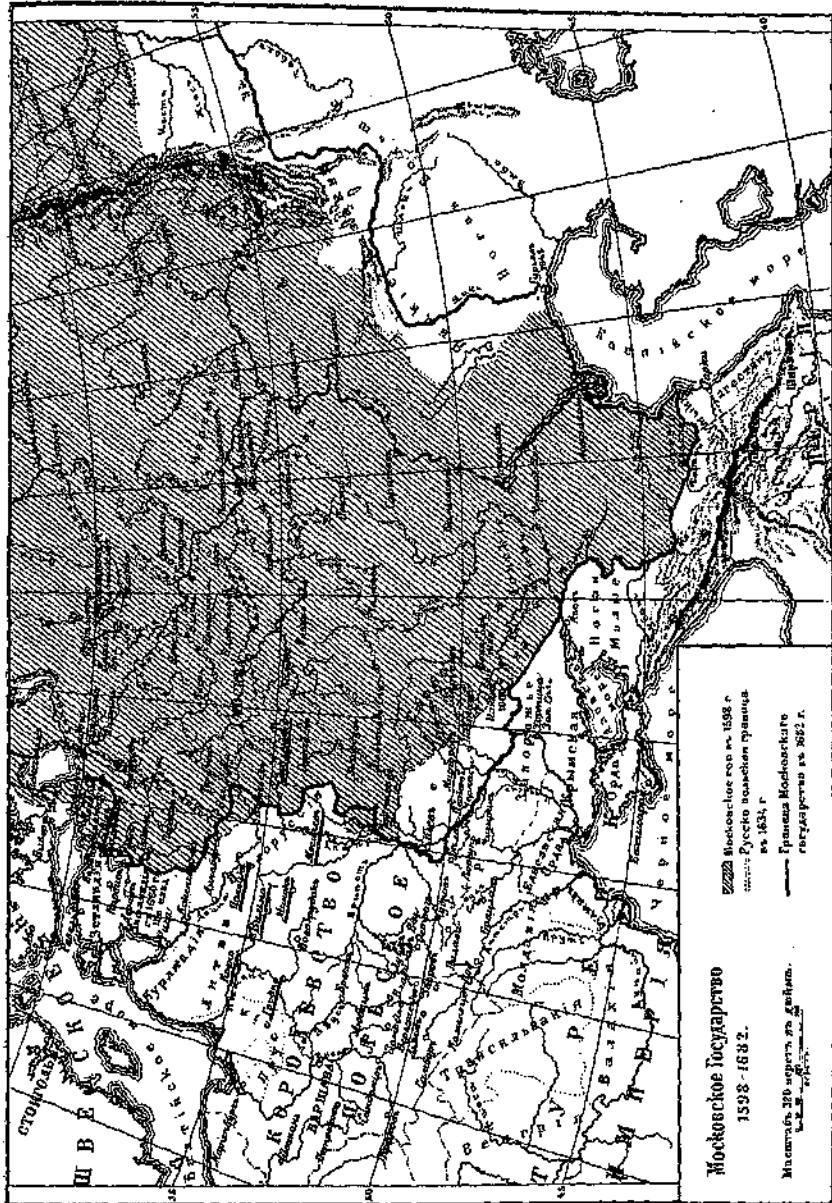
A cursive handwritten signature in Russian, which appears to read: "Никонъ Патріархъ Римскаго Патріархата Григорій Успенскій Франції Никонъ Новокалужскій Патріархъ". The signature is written in a flowing, expressive script.

Рис. 21. Почеркъ патріарха Никона.

что Никонъ устраивалъ прежнихъ русскихъ священниковъ и обращался къ ученымъ киевскимъ монахамъ. Все это давало ревнителямъ старины поводъ заподозрить православіе самого патріарха. Они выступили съ рѣзкой обличительной проповѣдью противъ патріарха, и когда Никонъ потребовалъ, чтобы въ церквяхъ были введены новыя книги, то они отказались принимать ихъ. Начался разладъ — пока среди духовенства, значительная часть которого была крайне недовольна чрезвычайно строгимъ управлениемъ Никона и его стремлениемъ играть въ православной церкви такую же роль, какъ римскій папа въ Западной.

Но смѣлая ломка старыхъ обычаевъ вызвала великое смущеніе и среди массы народа, привыкшаго считать непреложными всѣ церковные обряды. Народная психологія, воспитанная вѣками, дѣлала невозможнымъ принятие новшествъ Никона, и когда ихъ стали вводить въ церковную жизнь, то значительная часть общества предпочла оставаться со своими старыми учителями, обличавшими Никона. Движеніе перешло и въ народъ.

Всѣ эти события, задѣявши совѣтъ, задали въ то же время тревожную работу умамъ: стали искать причинъ, какими вызвано зло, и скоро нашли. Въ глазахъ пародныхъ массъ гоненіе на старую вѣру и появление новшествъ получало тѣсную связь съ усиленнымъ вызовомъ «печестивыхъ пѣмцевъ». Глухое недовольство, давно уже вызванное соціальными положеніемъ низшихъ классовъ и злоупотребленіями администраціи, получало теперь всѣмъ понятный лозунгъ, и религіозное движеніе грозило принять соціально-политический характеръ, такъ какъ осуждало все, что дѣлала власть. «Какъ Никонъ царя причастилъ антидоромъ,—говорилъ Аввакумъ,—такъ съ тѣхъ поръ взяли да и начали ломать все старое, завели новуу вѣру и всякия ереси». Противъ этого броженія въ народѣ правительство выставило свои обычныя средства: казни, ссылки, тюрьму и кнутъ, но движеніе не прекращалось. Тогда, по совѣту съ восточными патріархами, въ 1666 г. рѣшено было созвать Соборъ, чтобы разобрать церковное нестроеніе и разсмотрѣть дѣло Никона, который, отстаивая величие патріаршой власти, поссорился съ царемъ и покинулъ патріаршество. На Соборъ были вызваны и вожди раскола—Аввакумъ съ товарищами. Низложивъ Никона за самовольное оставление патріаршества, Соборъ однако одобрилъ проведенную имъ реформу и всѣхъ послушниковъ предалъ анаеміи; осуждены были и тѣ мнѣнія, которыхъ горячо отстаивали приверженцы старины. Эти постановленія русскихъ и греческихъ іерарховъ окончательно убѣдили старовѣровъ, глубоко религіозныхъ, по не умѣвшихъ отѣлить форму отъ содержанія, въ томъ, что Соборъ, который они прозвали «бѣшенымъ», впалъ въ ересь. «Не Христосъ сидѣлъ съ властью,—говорили они,—и не Духъ Истинный училъ, но лукавый сатана».

Такъ, подъ вліяніемъ народной психологіи и пугавшихъ наивное воображеніе азиметрованіе съ Запада, споръ о содержаніи и пріемахъ церковной реформы привелъ къ распаденію всего общества на двѣ враждебныхъ религіозныхъ партіи.

Задачи виѣшней политики въ XVII вѣкѣ.

Что касается виѣшней политики Московскаго государства въ XVII в., то она сводилась къ разрѣшенію двухъ главныхъ задачъ: во-первыхъ, къ расширенію предѣловъ государства на всю территорію, защищаемую русской народностью, и, во-вторыхъ, къ достижению естественныхъ границъ на западѣ и югѣ.

Послѣ смуты Сѣверская земля и Смоленскъ оказались подъ властью Польши. Отсюда рядъ польскихъ войнъ. При Михаилѣ онъ шли неудачно, но въ царствованіе Алексея Михайловича были достигнуты крупные успѣхи. Въ 1653 г. малороссійские казаки подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго подняли восстание противъ Польши. Хмѣльницкій разбилъ поляковъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ, но непрочность этого союза заставила его обратиться за покровителствомъ къ московскому царю. Малороссія были принята Москвою въ подданство, но ей оставлено было право имѣть свое войско и пользоваться самоуправлениемъ. Присоединеніе Малороссіи повлекло за собой войну съ Польшей (1654—56 гг.). Въ результатѣ половины Малороссіи (левый берегъ Днѣпра) осталась за Москвой. Послѣ второй польской войны, по Андрушовскому миру (1667 г.) Россія получила еще Кіевъ и Смоленскъ. Такимъ образомъ, первая задача—закончить объединеніе «всей Руси»—была разрѣшена лишь отчасти, и разрѣшеніе ея потребовало крайнаго напряженія всѣхъ силъ государства. Остальная часть задачи подъ пазваніемъ польскаго вопроса перешла къ XVIII вѣку.

Войны съ Швеціей въ теченіе XVII в. имѣли свою цѣлью пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря и возвращеніе Ливоніи. Часть Ливоніи была покорена еще войсками Ивана Грознаго, по вмѣшательство Польши, подъ власть которой отдались ливонскіе рыцари, заставило его отказаться отъ своихъ завоеваній; въ половинѣ же XVII в. вся Ливонія была отнята у Польши Швеціей. Обѣ эти цѣли достигнуты не были, и распространеніе русскихъ владѣній на западѣ до естественныхъ границъ, разрѣшеніе, такъ называемаго, балтійскаго вопроса, тоже перешло къ XVIII вѣку.

Кромѣ этихъ двухъ тяжелыхъ вопросовъ, въ XVII в. завязался еще третій, тоже перешедшій въ слѣдующее столѣтіе—вопросъ турецкий или южный. Первая война съ Турцией произошла въ

царствованіе Феодора (Бахчисарайскій миръ 1681 г.). Вызвана она была тѣмъ, что гетманъпольской части Малороссіи Дорошенко, мечтая объединить всю Малороссію и сдѣлать ее независимой, отдался въ подданство турецкому султану. Турція мѣшала также доведенію южныхъ русскихъ владѣній до естественныхъ границъ—до Азовскаго моря. Въ 1642 г., когда казаки взяли Азовъ, Москвѣ пришлось отказаться отъ него изъ опасенія завязать непосильную войну, а въ самые поспѣшные годы этого же столѣтія Петръ самъ идетъ на Азовъ и отнимаетъ его у турокъ. На югъ расширению русскихъ владѣній мѣшали еще крымскіе татары; средствомъ борьбы противъ нихъ было заселеніе южныхъ степей служилыми людьми и постройка тамъ укрѣплений, линія которыхъ постепенно отодвигалась все дальше къ югу. Только въ 80-е годы, въ правленіе Софіи, была сдѣлана попытка покончить съ этимъ вопросомъ: кн. Василій Голицынъ два раза ходилъ на Крымъ, но оба его похода кончились полной неудачей. Такимъ образомъ, и этотъ вопросъ не былъ оконченъ, и разрѣшать его пришлось тоже въ XVIII вѣкѣ.

Сопоставляя итоги вѣнѣшней политики Россіи въ XVII в. съ обзоромъ ея внутренняго состоянія, можно сказать, что XVII вѣкъ завѣщалъ слѣдующему столѣтію слишкомъ много разныхъ вопросовъ, какъ вѣнѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, и слишкомъ мало средствъ для ихъ разрѣшения.

Экономическое развитие России в XVIII веке.

Въ началѣ XVIII века послѣ войны со шведами Россіей завоеваны были берега Балтійскаго моря; благодаря этому, она вступила въ непосредственныя сношенія съ Европой, что особенно содѣйствовало развитію вѣнчанной торговли. Общая сумма экспорта и импорта въ течениe вѣка постепенно увеличивается. Въ началѣ XVIII века импортъ раз-нялся 180.000 р., экспортъ— $1\frac{1}{3}$ мил. рублей; въ концѣ царствованія Петра вывозилось товаровъ на $2\frac{2}{3}$ мил. рублей, а ввозилось на $1\frac{1}{3}$ мил., къ концу вѣка—вывозъ равнялся 61.086 тыс. руб., ввозъ былъ на сумму 46.359 тыс. руб. Такъ быстро увеличивались торговые оборо-ты въ области вѣнчанной торговли. Преобладаніе вывоза надъ ввозомъ объясняется желаніемъ имѣть выгодный торговый балансъ, чтобы рас-полагать необходимымъ для государственныхъ нуждъ количествомъ звонкой монеты. Это достигалось при помощи покровительственныхъ таможенныхъ тарифовъ, благодаря которымъ многие изъ иностраннныхъ фабрикатовъ не допускались въ страну, чтобы не затормозить развитія туземной промышленности. Что касается предметовъ вывоза и ввоза, то первый всецѣло состоялъ изъ сырья; при чёмъ вывозъ хлѣба занималъ второстепенное мѣсто, хотя къ концу вѣка и значительно возросъ, такъ какъ, благодаря промышленному развитію Европы, стало требоваться немало ввозлаго хлѣба. Въ теченіе всего вѣка наша хлѣбная торговля не была свободной: съ каждой вывозной четверти щепицы, риса, яч-меня и овса взималась таможенная пошлина. Если принять во внима-ніе эти пошлины, отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, слабую про-изводительность крѣпостного хозяйства, а также таможенную полити-ку сосѣднихъ государствъ,—то незначительность хлѣбнаго вывоза ста-нетъ вполнѣ ясной. Предметами ввоза служили болѣею частью пред-меты роскоши: вина, фрукты, дорогіе сорта матерій, а также желѣзо, необходимое для нуждъ правительства. Внутренняя торговля была слабо развита въ странѣ. Крѣпостное хозяйство дѣлало лишь нѣ-колько покупку товаровъ на рынкѣ и вслѣдствіе этой же причины было невы-годно приготавливать предметы для продажи. Отсутствіе удобныхъ пу-тей сообщенія также тормозило развитіе внутренней торговли, по къ концу вѣка все-таки обороты по внутренней торговлѣ пѣсколько уве-личились.

Въ XVIII вѣкѣ появляются у насъ фабрики и заводы, количество которыхъ постепенно растетъ. Къ концу вѣка общее число ихъ равнялось 3161. Параллельно этому также развивалось кустарное производство, разсчитанное на сбытъ. Правительство, заинтересованное въ торговомъ балансѣ, всячески содѣйствовало развитію фабрічной промышленности, тѣмъ болѣе, что купцы, занимавшіеся торговлей въ XVII в., располагали некоторымъ количествомъ свободнаго капитала, который могли пустить въ оборотъ. Правительство рекомендовало открытие фабрикъ единолично или компаніями, а высокіе таможенные тарифы и казенные заказы гарантировали сбыть товаровъ и прибыль на затраченный капиталъ. Почти все фабрики и заводы, устраивались ли они государствомъ, или частными лицами, имѣли въ виду потребности государства. Горные и оружейные заводы, суконныя, полотняныя и парусинныя фабрики—больше всего занимали вниманіе Петра, такъ какъ ими удовлетворялись нужды арміи и флота. При открытии фабрики правительство часто давало ссуду, при чёмъ она давалась какъ отдельнымъ лицамъ, такъ и компаніямъ. Иногда ссуды достигали большихъ размѣровъ: Апраксинъ, стоявшій во главѣ одной компаніи, получилъ 45.672 р. Другие получали меньшіе: 30.000 р., 15.000 р. Складочный капиталъ компаніи иногда достигалъ большой суммы. Капиталъ Апраксинской компаніи равнялся 88.000 руб. Петръ покровительствовалъ торговымъ компаніямъ, и очень многія изъ компаний захватили въ свои руки производство тѣхъ или другихъ предметовъ, напримѣръ, шелка, бархата, парчой и др. Развитію фабрикъ и заводовъ препятствовалъ недостатокъ рабочихъ рукъ. Крестьянская масса была закрѣпощена, и нѣгдѣ было раздобыть свободныхъ рабочія руки. Петръ разрѣшилъ францискамъ и заводамъ покупать крестьянъ, а иногда приписывалъ къ нимъ цѣлые села. Часто преступники и преступницы, «гулящія дѣвки», бродяги отдавались для исправленія на фабрики, гдѣ они обучались ремеслу подъ наблюденіемъ выписанныхъ изъ-за границы мастеровъ, а по указу 1721 г. всѣ эти элементы, по случайности попавшіе на фабрику, закрѣплялись всегда за ней. Однако, наши фабрики въ теченіе вѣка сильно нуждались въ рабочихъ, такъ какъ правительство послѣдующими указами то разрѣшило, то запрещало покупку крестьянъ для фабрикъ и заводовъ. Фабрики старались обезпечить себя свободными рабочими руками изъ оброчныхъ крестьянъ, и число таковыхъ, въ общемъ, было относительно большое. На купеческихъ фабрикахъ всего работало 37.862 свободныхъ рабочихъ, т.е. около 31% общаго числа рабочихъ, такъ что нельзѧ считать фабрику XVIII вѣка исключительно работалоющій при помощи крѣпостныхъ рукъ.

Въ Екатерининское царствованіе купеческая фабрика встрѣчаетъ себѣ конкурента въ лицѣ дворянской фабрики. Количество дворян

скихъ фабрикъ быстро увеличивается послѣ 1785 года, когда занятіе торговлей и промышленностью признано было не порочащимъ званіе дворянства. Дворянская фабрика, обеспеченнай рабочими, успѣшно конкурировала съ купеческой фабрикой, да и правительство съ большимъ вниманіемъ отосыпалось къ промышленной дѣятельности дворянства, раздавая ему казенные заказы. Конкуренція дворянской фабрики вызывала жалобы купцовъ, требовавшихъ запрещенія дворянамъ торгово-промышленной дѣятельности. Ухудшенію положенія купеческой фабрики содѣйствовало также развитіе деревенской кустарной промышленности, которой покровительствовало правительство Екатерины II. Несмотря на видимый расцвѣтъ фабричной промышленности, ся состояніе отнюдь нельзя признать удовлетворительнымъ. По отзывамъ современниковъ большинство фабрикатовъ туземнаго производства слѣдуетъ признать неудовлетворительными. Особенно въ плачевномъ состояніи находилось производство химическихъ продуктовъ, иголь, чулокъ, суконъ и мн. др. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи было производство шелковыхъ издѣлій, пуговицъ, писчей бумаги и иѣкоторыхъ другихъ. Крѣпостное право не мало тормозило развитіе фабрики: оно уменьшало емкость внутренняго рынка, такъ какъ большинство помѣщиковъ довольствовалось предметами домашняго приготовленія и, если покупали на рынке, то большую частью дорогія сукна и иѣкоторые предметы роскоши. Слабостью внутренняго рынка объясняется первоиздѣліе на иѣкоторыхъ фабрикахъ. Въ половинѣ XVII в. огромная часть товаровъ, за отсутствіемъ покупателей, оставалась нераспроданной на игольной фабрикѣ Дроздова, шелковой Ершова и иѣкоторыхъ другихъ.

Положеніе рабочаго слѣдуетъ признать тяжелымъ. Плохія гигиеническія условія, продолжительность труда, низкая заработка плата, полная зависимость отъ фабрикантовъ—все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало отчаяннымъ положеніе рабочаго. Это же было причиной цѣлаго ряда волненій на фабрикахъ, для усмиренія которыхъ приходилось обращаться къ военной силѣ. Продолжительность рабочаго дня на фабрикѣ Апраксина была зимой 11 час., лѣтомъ 12 час. Были фабрики съ 14-часовымъ рабочимъ днемъ. Вообще, нормировка рабочаго времени зависѣла всецѣло отъ усмотрѣнія фабриканта. Заработная плата выдавалась большою частью натурой съ небольшой приплатой денегъ. Плата раздѣлялась на годовую и сдѣльную. Сравнительно высокую заработную плату получали иностранные мастера; приписанные къ заводамъ работали почти даромъ, въ крайнемъ случаѣ получая весьма незначительное вознагражденіе. Заработная плата рабочаго рѣдко поступала въ его распоряженіе. Всякаго рода произвольные вычеты, штрафы, правительственныйя взысканія уменьшали ся размѣры.

Оживление экономической жизни въ странѣ вызвало необходимость организации кредита и цѣлаго ряда мѣропріятій, содѣйствующихъ развитію торговли. Въ 1743 г. были отмѣнены внутренніе таможни, тор-мозившія торговлю, а въ 1754 г. были учреждены Дворянскіе банки въ столицахъ и особый Купеческій банкъ для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимости и товаровъ. Въ Екатерининское царствование были от-крыты въ обѣихъ столицахъ ссудныя и сохранилныя кассы, а въ 1786 г.—Земельный банкъ. Дворянство и купечество старались воспользоваться относительно дешевымъ кредитомъ. Первое закладывало имѣнія, но взятые ссуды не шли на меліорацию сельского хозяйства, а тра-тились больше на удовольствія и личные нужды дворянства. Купечество закладывало фабрики и товары, и процентъ его задолженности былъ зачастіе. Если пріять во вниманіе вышеуказанное перепро-изводство товаровъ, а также конкуренцію дворянской фабрики, то при-чина задолженности купечества становить очевидной.

Въ теченіе вѣка сельское хозяйство находилось въ довольно жал-комъ положеніи. Велось оно при помощи малопроизводительного крѣ-постного труда. Удобрение, травосѣяніе почти не примѣнялись. Изъѣд-ка помѣщики выписывали сельско-хозаїственныя орудія; но на дѣлѣ они примѣнялись рѣдко. Трехпольная система съ правильнымъ сѣво-оборотомъ господствовала въ центрѣ,—на югѣ вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ преобладалъ перелогъ. Во многихъ мѣстахъ еще была въ ходу подсѣчка система. Доходность имѣнія поднималась посредствомъ увеличенія барщины, сокращенія крестьянскихъ надѣловъ и соотвѣт-ствующаго расширенія барской запашки, а также открытиемъ въ имѣніи фабрики, где работали тѣ же крѣпостные. Въ сѣверной полосѣ Россіи большая часть крестьянъ была па оброкѣ, занималась отхожими промыслами, слѣдовательно, была поставлена въ полную зависимость отъ условій рынка. Крестьянинъ все чаще и чаще появлялся на рынкѣ, продавая то свои продукты, то рабочую силу. Часто крестьянамъ для уплаты высокаго оброка приходилось распродавать даже свой собствен-ный сельскохозаїственныи инвентарь.

Сословный строй въ XVIII вѣкѣ.

Положеніе дворянства.

Государевые служилые люди въ московскомъ государствѣ явля-лись типичными сословіемъ, связаннымъ съ нимъ обязательной военною службою, отъ которой ни одинъ служилый человѣкъ не могъ освобо-диться послѣ издания Уложенія 1649 г. Составляя главное ядро воен-

ной силы, служилые люди въ то же время владѣли земельной собственностью на помѣстю или вотчишю правѣ. Во второй половинѣ вѣка эти два вида земельной собственности постепенно сливаются въ однѣ: съ вотчины, какъ и съ помѣстя, также несуть военную повинность; помѣстя, какъ и вотчина, передается по наслѣдству, закладывается, мнится, — словомъ, стало объектомъ гражданскаго права. Благодаря военной службѣ, въ рукахъ служилаго сословія сосредоточился весь земельный капиталъ, а крестьянство, сидѣвшее на его земляхъ, было связано съ нимъ даровыми крѣпостными трудомъ. Въ XVII в. служилое сословіе еще не пользовалось никакими привилегіями. Въ XVIII вѣкѣ положеніе дѣлъ постепенно мнится: дворянство освобождается отъ обязательной службы, расширяетъ свои права надъ крѣпостными, превращается въ привилегированное сословіе, получившее сословную организацію и первую роль въ областномъ управлениі. Дворянство въ то же время стало весьма виднымъ факторомъ въ области нашей внутренней политики. Этотъ процессъ раскрылощенія служилаго сословія совершился, благодаря той роли, какую дворянство играло въ дворцовыхъ переворотахъ XVIII вѣка. За отсутствіемъ опредѣленного закона о престолонаслѣдіи, судьба русскаго престола въ теченіе всего вѣка находилась въ рукахъ гвардіи, составлявшейся изъ богатаго дворянства.

Войны Петра Великаго стоили дворянству очень много: оно постоянно находилось въ войскахъ, и всякая попытка уклониться отъ обязательной военной повинности каралась Петромъ строго, вплоть до смертной казни,— мало того, обязательная военная служба осложнилась новой повинностью: обязанностью учиться. Отныне дворянскимъ недорослямъ дѣлались периодическіе экзамены, на которые они должны были непремѣнно являться подъ страхомъ «шельмованія». Дворянинъ, не знавшій грамоты, не имѣль права вступать въ бракъ. Рядомъ съ усиленiemъ тяглой повинности былъ изданъ 11 марта 1714 года знаменитый указъ *о единонаслѣдіи*. Онъ санкционировалъ сліяніе вотчины и помѣстій въ одну форму землевладѣнія и въ то же время запрещалъ дробить наслѣдуемыя имѣнія. Недвижимое имущество отчуждалось въ однѣ руки, согласно завѣщанію. За отсутствіемъ послѣдняго, по закону наследовалъ старшій сынъ; если не было мужскаго потомства, то во владѣніе вступала старшая дочь. Бездѣтный владѣлецъ имѣнія могъ завѣщать его одному изъ родственниковъ. Этотъ законъ окончательно укрѣпилъ за дворянствомъ недвижимую собственность.

Рядомъ съ этимъ Петръ старается расширить двери для входа въ дворянское сословіе. Онъ относился враждебно къ старинному боярству, не уважая его «породу», выдвигая людей неродовитыхъ, сообразуясь исключительно съ ихъ служебной годностью. Правда, Петръ не отмѣ-

пиль старых чиновъ, но пересталъ въ нихъ производить, и при постепенномъ вымирании старинного боярства эти чины прекратились сами собою. Въ 1722 г. 20 января Петръ издалъ *Табель о рангахъ*. Она окончательно уничтожила родовое начало и выдвинула на первый планъ личные заслуги. Согласно табели, все чиновничество раздѣлялось на 14 классовъ, при чмъ лица, дослужившіяся на гражданской службѣ до чина коллежскаго асессора, а на военной до первого оберъ-офицерскаго чина, получали потомственное дворянство. Значеніе «табели» для дворянства огромно. Она не дала дворянству замкнуться въ сословную касту, открывъ въ него широкій доступъ всѣмъ общественнымъ классамъ. Рядомъ съ этимъ та же «табель» окончательно поставила на первый планъ заслуги передъ государствомъ, устранивъ назначение на государственные должности «по породѣ».

Преемники Петра I, желая сократить расходы на содержание арміи, вслѣдствіе приближавшагося государственного банкротства, разрѣшили части офицеровъ отправиться домой, на побывку. Жизнь дома поправилась дворянамъ, да и интересы хозяйства требовали пребыванія на мѣстѣ, такъ какъ имѣніе, отданное въ руки приказчиковъ, большую частью находилось въ очень плачевномъ состояніи. Дворянство стремится сбросить съ себя обязательную восиную повинность. Раскрытие дворянства идетъ довольно быстрымъ темпомъ со временемъ Аппы Ioannovны. Дворянство въ своихъ проектахъ ограничія власти Аппы Ioannovны указывало на необходимость сокращенія восиной службы, уничтоженія указа 11 марта, открытія школъ для дворянства. Аппа Ioannovна, ставъ самодержавной государыней, рѣшила пойти на встречу дворянству и тѣмъ отвлечь его отъ конституціонныхъ замысловъ. Законъ 11 марта былъ отмѣненъ, а указомъ 1736 года срокъ службы ограниченъ 25 годами, послѣ чего дворяне получали полную отставку, съ обязательствомъ прислать вместо себя одного рекрута изъ крѣпостныхъ. По тому же закону однѣ изъ сыновей или братьевъ оставался дома для надзора за вѣденіемъ хозяйства.

Живя въ провинції, дворянство мало-по-малу сближалось другъ съ другомъ, проникалось общими интересами, отливалось въ особую сословную организацію. При Елизавѣтѣ Петровнѣ дворянинъ начинаетъ проникаться сословной честью; дворянство болѣе тонко дѣлится на потомственное и личное, послѣднєе лишается права владѣть крестьянами. Въ концѣ царствованія Елизавѣты Петровны дворяне, съѣхавшіеся въ столицу для составленія въ комиссіи «Уложенія», въ своихъ заявленіяхъ говорили о необходимости даровать дворянамъ новые права и преимущества. Они требовали личной неприкосновенности, исключительного права владѣть недвижимымъ имуществомъ, дворянскаго суда, права съѣзжаться на собрания для разшенія сослов-

ныхъ дѣль. Тотъ дворянства былъ доволыю рѣзокъ; дворянство хорошо понимало, что Елизавета Петровна, обязавшая ему престоломъ, молча выслушивала его заявленія. Пресенникъ Елизаветы Петровны Петръ III издалъ 18 февр. 1762 г. указъ о вольности дворянства. Имъ дворянство освобождалось отъ обязательной службы государству; дворяне получили право поѣздки за границу и поступления на службу въ другія государства. Этотъ указъ вызвалъ взрывъ восторга. Сенатъ постановилъ просить разрѣшения у императора соорудить ему золотую статую и поставить ее въ Сенатѣ. После изданія указа почти всѣ офицеры подали въ отставку; армія рисковала остаться безъ офицерскаго корпуса; правительство разрѣшило давать отставку лицамъ, прослужившимъ не менѣе 5 лѣтъ.

Екатерина II чутко прислушивалась къ пастроепію дворянства. Обязанная ему престоломъ, она 21 апрѣля 1785 года издала *Жалованную Грамоту Дворянству* съ цѣлью остановить среди дворянства ростъ конституціонныхъ идей. «Жалованная Грамота» сводила въ одно цѣлое всѣ предыдущія распоряженія и, кромѣ того, давала новыя права и преимущества. Права дворянства по «Жалованной Грамотѣ» раздѣляются на два разряда: личныхъ и корпоративныхъ. Къ личнымъ преимуществамъ дворянъ относятся: 1) свобода отъ обязательной службы, 2) свобода отъ тѣлесныхъ наказаній и личныхъ податей, 3) право на занятіе иѣкоторыми промыслами и торговыми операциими, 4) права поземельныя. До изданія «Жалованной Грамоты» дворянство не могло заниматься торговлей, такъ какъ занятіе ею считалось не дворянскимъ дѣломъ. Однако, само дворянство иначе смотрѣло на это и требовало предоставленія ему права торговать и совершать всякаго рода коммерческія сдѣлки. Согласно изданной грамотѣ, дворянство получило право заводить фабрики, рукодѣлія и всякие заводы, а также торговать издѣліями ихъ и продуктами земли оптомъ и отпускать ихъ за границу. Дворяне также могли записываться въ гильдіи. «Жалованная Грамота» освящала окончательно право дворянства на поземельную собственность, однако она ни однімъ словомъ не упоминала о крѣпостномъ правѣ.

Таковы итоги роста личныхъ правъ дворянства. Разсмотримъ теперь его корпоративныя привилегіи. До Петра I служилыя люди не могли составлять мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Интересы центра постоянно вызывали служилаго человѣка въ Москву и тѣмъ самымъ отрывали его отъ провинциальныхъ дѣлъ и интересовъ. Петръ, создавая благородное сословіе, дѣлаетъ попытку создать мѣстное дворянское общество. Еще въ 1702 г., послѣ уничтоженія губныхъ старостъ и сыщиковъ, было указано воеводамъ вѣдать дѣла съ дворянами, избираемыми помѣщиками и вотчинниками въ числѣ отъ двухъ до четырехъ,

смогля по значенію города. Въ 1713 г. учреждаются ландратскія колегіи изъ мѣстныхъ дворянъ для управлениія губерніей имѣтъ съ губернаторомъ. Въ 1715 г. дворянство выбирало комиссара по одному на ландратскій участокъ. Земской комиссарь собирая подати, исполняя также довольно разнообразныя обязанности по мѣстной полиціи и благоустройству. Дворянство ежегодно провѣряло отчетъ о его дѣятельности. Но попытки создать мѣстное дворянское общество на началяхъ службы окончились неудачей. Дворянство уклонялось отъ участія въ мѣстномъ управлениі такъ же усердно, какъ и отъ коронной службы. На выборахъ земского комиссара присутствовали большую частью ихъ приказчики. Во вторую половину вѣка дворянство стало осѣдлою частью мѣстного населенія и больше интересовалось мѣстнымъ управлениемъ. Екатерина II воспользовалась этимъ при составленіи плана систематического преобразованія губернскаго управлениія на началяхъ раздѣленія вѣдомствъ и отдѣленія суда отъ администраціи. Въ 1767 г. для выборовъ въ законодательную комиссию дворянство, какъ особое общество, выбираетъ предводителя дворянства, должностъ котораго была сохранила и на будущее время. Въ дворянскихъ канзахъ 1767 г. постоянно проводится мысль о предоставлениі дворянству со словами самоуправлениія.

Губернскія реформы Екатерины II поставили дворянство во главу провинціального управлениія, а «Жалованная Грамота» дала ему со словами корпоративную организацію. Дворяне каждой губерніи образуютъ губернское дворянское общество. Органами дворянства служатъ губернскія и уѣздныя собранія дворянъ. Разъ въ три года дворяне сбываются въ губернскій городъ съ согласія губернскихъ властей для выбора губернского и уѣздныхъ предводителей дворянства, а также и другихъ должностныхъ лицъ дворянскаго сословного управлениія, мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. Дворянство получило также право представления о нуждахъ и пользованіи дворянства, какъ губернскимъ властямъ, тамъ и Верховной власти. Самообложение и провѣрка дворянской родословной книги были предоставлены также дворянскому обществу. Кроме того, дворянство получило еще два сословныхъ учрежденія: дворянскую опеку и депутатское собраніе. Первое заботилось объ интересахъ дворянскихъ сиротъ и вдовъ, а второе вело дворянскія родословные книги. Отъ дѣлились на 6 разрядовъ: въ первую книгу записывались дворяне, получившіе дворянство по жалованію Верховной власти; во вторую—пріобрѣтишіе дворянство воинскими чинами; въ третью—гражданскими чинами; въ четвертую—дворянскіе и посторонные роды, въ пятую—титулованное русское дворянство и въ шестую—древніе благородные роды. Таковы корпоративные права дворянства. Дворянство, какъ экономическая категорія,

дѣлилось рѣзко на два разряда: на крупно-помѣстное и мелко-помѣстное. Между представителями того и другого вида землевладѣнія замѣтила въ теченіе вѣка спынная вражда. Первые, большую частью, не живутъ въ деревнѣ: ихъ мѣсто въ столицѣ, при дворѣ; вся тяжесть мѣстного самоуправлениія лежитъ на вторыхъ. Уклоненіе послѣднихъ отъ выборной службы стало общимъ явленіемъ. Попытка заинтересовать дворянство мѣстными дѣлами не удалась.

Всѣдѣствіе близости къ придворнымъ сферамъ, крупно-помѣстное дворянство имѣло возможность, сице болѣе увеличивать свое состояніе. Во второй половинѣ XVIII вѣка широко практиковалась раздача населенныхъ имѣній. При Екатеринѣ II было роздано около 800.000 душъ обоего пола, и, такимъ образомъ, составились новыя огромныя состоянія. Богатые дворяне, живя въ столицѣ, довольно скоро проживали свое состояніе. Землемѣльческое хозяйство велось очень плохо. Эксплуатація крѣпостного труда была чрезмѣрна. Мелко-помѣстное дворянство стремилось подражать въ образѣ жизни своимъ богатымъ собратамъ. Крестьяне ихъ стопали подъ игомъ высокихъ оброчныхъ платежей и чрезмѣрий барщины. Хозяйство тоже велось архаическимъ способомъ. Въ XVIII вѣкѣ правительство открыло кредитныя учрежденія для дворянского сословія. Всѣ бросились занимать деньги подъ залогъ своихъ «душъ». Но занятый капиталъ не служилъ средствомъ для улучшенія въ дѣлѣ веденія сельскаго хозяйства. Помѣщики тратили деньги на потребности личнаго комфорта. Проценты вносились съ трудомъ. Капиталъ почти не погашался. Задолженность дворянства въ XVIII вѣкѣ являлась почти всеобщей. Дворянство, проживая огромныя состоянія, оставалось въ общемъ довольно невѣжественнымъ сословіемъ. Многіе изъ дворянъ не умѣли даже читать. Идейныя теченія западно-европейскаго общества почти не проникали въ дворянскую среду. Широко образованные дворяне считались единицами.

Положеніе городскаго сословія.

Въ XVII вѣкѣ посадское населеніе явилось прикрепленнымъ къ тяглой общинѣ. Правительство законодательными мѣрами обособило жителей посада отъ другихъ сословій и въ то же время освободило отъ воеводъ, вѣдавшихъ раньше тяглое посадское населеніе: дѣлами и интересами посадскаго населенія стали завѣдывать выборные вѣрные головы и цѣловальники. Городъ XVIII вѣка остается такой же тяглой общиной, какъ и раньше. Городское населеніе по преимуществу несетъ службу по всякаго рода финансовымъ операциямъ; кроме того, оно было обложено разнообразными платежами. Отбываше тѣхъ и другихъ было организовано на началахъ круговой поруки. Кроме того,

на городское населеніе неоднократно налагались всяких рода экстренные сборы, и, благодаря лихорадочной деятельности Петра, въ первой четверти вѣка тягкая служба была болѣе тяжелой, чѣмъ раньше. Какъ въ XVII, такъ и въ XVIII вѣкѣ городское населеніе несѣтъ службы и вѣвъ своего города. За недостаткомъ людей приходилось командировать отдельныхъ лицъ въ тотъ или другой городъ. Правда, правительство въ 30-хъ годахъ стремилось ограничить такъ называемыя отѣзжія службы, по попытка не удалась: фискальные интересы пересилили. Платежи населенія въ XVIII вѣкѣ увеличивались сравнительно съ XVII в. Подушная подать, введенная въ городахъ, повысила податное бремя и въ то же время содѣйствовала развитію недоимочности. Таможенные, кабацкіе и канцелярскіе сборы были всѣ окладными, при чемъ эти оклады были фиксированы въ 20-хъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, въ особенности для нихъ благопріятное время. Количество таможенныхъ сборовъ не только не уменьшилось, а увеличилось. Городское населеніе неоднократно бывало въ затрудненіи, не зная, откуда брать деньги для платежа недостающаго оклада. Приходилось обращаться къ займамъ и субсидіямъ. Правда, правительство по разнымъ соображеніямъ, отчасти подъ влияниемъ районныхъ хозяйственныхъ бѣдствій, прощало недоимки, но тяжесть платежей отъ этого нисколько не становилась менѣей. Откупная система, практиковавшаяся при сдачѣ всякихъ сборовъ, иногда поднимала падающіе сборы, но расплачиваться за послѣдствія неудавшагося предпріятія приходилось тому же тяглому населенію. Городское населеніе платило также различные мѣрскіе платежи, которые раскладывались среди населенія по животамъ и промысламъ, но на дѣлѣ богатые элементы сумѣли податное бремя переложить на плечи малоимущаго населенія.

Города XVIII вѣка не отличались особенной населенностью. Въ срединѣ стаѣтія городского населенія было 212,284 души. Городовъ съ населеніемъ болѣе 1000 душъ считалось 72, изъ нихъ въ Москвѣ было 13,458 душъ, затѣмъ идетъ Ярославль — 7,255 д., Петербургъ имѣть только 3,471 душу. Городовъ съ населеніемъ менѣе 1000 душъ было всего 130. Самымъ населеннымъ является Путинъ — 986 душъ, а наименѣе населеннымъ Березовъ — 9 душъ. По переписи населенія въ 60-хъ годахъ числилось городского населенія 228,365 душъ. Такимъ образомъ, абсолютная численность населенія возрасла на 16,081 д., но процентное отношеніе къ численности всего населенія стало менѣе. Вмѣсто 3,2% оно равнялось только 3,1%. Если раздѣлять города по районамъ, то въ 20-хъ годахъ крупные города прилегаютъ къ прибалтийскому и бѣломорскому побережью, охватываютъ верхнее Поволжье, Озерный край, Сѣверъ. Въ центрѣ, среднемъ и южномъ Поволжьѣ отношеніе обратное,—преобладаютъ мелкіе города, и только

на югъ замѣщается равномѣрность въ количествѣ посадовъ разныхъ стечений населенности. Правда, потому это противоположеніе между сѣверной и сѣверо-западной окраиной, съ одной стороны, и всей остальной посадской Россіей, съ другой, прѣколько сглаживается, но все-таки населенные города преобладаютъ на сѣверѣ. Таково положеніе русскихъ городовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ цѣляхъ дальнѣйшей организаціи сословного управлениія въ 1699 г. учреждаются Бурмистерскія палаты, а указомъ отъ 16 янв. 1721 г. опять замѣщаются Магистратами, завѣдывающими торгово-промышленными сословіемъ и ремесленными людьми. Населеніе дѣлилось на регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ; въ составъ собственности городского общества входили только первые; они несли тягло; вторые только жили въ городѣ, но не были къ нему приписаны. Учреждая Магистраты, Петръ имѣлъ въ виду фискальные соображенія, правильное отбываніе государственныхъ повинностей. Съ этой цѣлью населеніе городовъ окончательно закрѣпощалось: посадское состояніе стало наследственнымъ. Торгово-промышленная дѣятельность также влекла за собою принадлежность къ городскому населенію. Иногда и правительство приписывало отдельныхъ лицъ къ тому или другому городу.

Регулярные граждане дѣлились сначала на двѣ гильдіи и цехи, при Петрѣ же это дѣленіе было замѣнено дѣленіемъ на три гильдіи, подобно дѣленію городскаго населенія въ XVII в.: на лучшихъ, среднихъ, молодшихъ людей. Къ первой гильдіи отнесены: «банкиры, купцы съ отъездными торговыми и торгующіе въ рядахъ, городскіе доктора, аптекари, лѣкарі, шкіпоры, золотари, серебряники, иконники, живописцы». Во вторую гильдію входятъ: мелочные торговцы, харчевники, ремесленники. Въ гильдіи стоять: чернорабочіе и «обрѣтающіеся въ паймахъ». Въ 1724 г. населеніе дѣлится на купцовъ трехъ гильдій, ремесленниковъ и чернорабочихъ. Гильдейскій капиталъ при Петрѣ не былъ всюду однообразнымъ. Въ каждомъ городѣ устанавливалось собственное дѣленіе на гильдіи въ зависимости отъ местныхъ хозяйственныхъ условій, какъ это было и въ XVII в. Ремесленники формировались въ цеховые союзы. Законъ отъ 27 апрѣля 1722 г. всепѣло былъ посвященъ организаціи цеховъ. Они состояли изъ мастеровъ, подмастерьевъ съ учениками. Во главѣ цеха стоять старшины, выбираемые изъ мастеровъ. Дѣла цеха и завѣдываніе фискальными повинностями входили въ ихъ обязанности. Никто не могъ стать мастеромъ и продавать свои издѣлія, не записавшись въ цехъ. Лица, не вступившія въ цехъ, могли заниматься ремесломъ, но только не для продажи. Организовавъ ремесленниковъ по цехамъ, правительство, зная точную наличность всякаго рода ремесленниковъ, постоянно привлекало ихъ

къ исполненію различныхъ казенныхъ работъ, и эти работы едва ли не стали главною обязанностью цеховъ.

По мѣрѣ развитія экономической жизни въ XVIII вѣкѣ, положеніе городского сословія должно было нѣсколько измѣниться. Городское сословіе, сознавая свое значеніе для государства, начинаетъ мало-по-малу высказывать недовольство своимъ положеніемъ и требуетъ укрѣпленія за памъ «правъ и вольностей». Особенно рѣзко высказалось недовольство городского сословія въ комиссіи 1767 года. Правительство еще раньше отчасти пошло наступающу ему. Въ цѣляхъ расширения торговыхъ операций и получепія дешеваго кредита былъ учрежденъ въ 1754 г. банкъ для купечества, былъ изданъ всеселный уставъ, затѣмъ отмѣнены внутреннія таможенные пошлины. Все это облегчало веденіе торговли, но мало улучшало юридическое и экономическое положеніе купечества. Конкуренція дворянства, государственное тягло—являлись тормозами, задерживавшими развитіе хозяйственной дѣятельности купечества. Поэтому оно, какъ и дворянство, стремится раскрыпоститься и стать свободнымъ отъ службъ государству. Екатерина II, давь 21 апр. 1785 г. «Жалованную Грамоту городамъ», въ значительной мѣрѣ раскрыпостила купечество. «Жалованная Грамота городамъ» есть попытка создать городское общество независимо отъ сословныхъ различій. Городское общество раздѣляется на 6 разрядовъ: 1) настоящіе городскіе обыватели, владѣющіе въ городѣ недвижимымъ имуществомъ; 2) купцы трехъ гильдій, при чмъ имущественный цепть былъ точно опредѣленъ¹⁾; 3) ремесленники, записанные въ цехи; 4) иностранцы; 5) именитые люди и 6) посадскіе, т.-е. не внесенные въ предыдуще пять разрядовъ. Всѣ шесть разрядовъ составляли отдельное городское общество съ особыми правами и преримуществами и правомъ представительства въ общегородскихъ учрежденіяхъ. Всѣ разряды населенія для завѣдыванія городскими дѣлами выбирали городского голову и общую городскую думу, а послѣдняя выбирала изъ своей среды шестигласную городскую думу, которая вела городское хозяйство. По буквѣ закона, городская дума пользовалась довольно значительной долей самоуправленія, но, благодаря опекѣ высшей провинціальной администраціи, она не имѣла никакой самостоятельности. Фактическимъ хозяиномъ города являлся губернаторъ, а городская дума была лишь исполнительницей его поручений.

Рядомъ съ этимъ высшиe разряды городскихъ податныхъ классовъ имѣли рядъ привилегій: еще съ 1775 г. купцы всѣхъ гильдій были освобождены отъ платежа подушной подати, вмѣсто нея они пла-

¹⁾ Къ первой гильдіи относятся купцы, владѣющіе капиталомъ отъ 10 т. до 50 т. рублей, ко 2-й—отъ 5 т. до 10 т., къ 3-й—1 т. до 5 т. руб.

тили въ казну 1% съ объявленнаго капитала. Кромѣ того, они освобождались отъ реестрской повинности съ обязательствомъ за каждого рееструта иносить денежный взносъ въ размѣрѣ 100 р. Купцы 1-й и 2-й гильдій, какъ и имѣущіе люди, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Низшіе разряды городскаго общества оставались подражему пательницами подушной подати, поставщиками реестръ и исполнителями разныхъ повинностей. Попытка Екатерины II создать городское общество и самоуправление кончилась неудачей. Многіе города, являясь административными центрами, не имѣли никакого значенія для экономической жизни страны; дворянство относилось съ преарѣніемъ къ городскому сословію и никакого не интересовалось жизнью города. Среди городского сословія также не было требуемаго единства. Купцы образовали городскую аристократію, посадскіе и ремесленники являлись демократическимъ элементомъ населения. Городская аристократія подражему старалась переложить бремя всякихъ податей съ своихъ плечъ на плечи бѣдныхъ элементовъ. Даже среди аристократіи города не было единства: купцы 1-ой гильдіи имѣли правоѣздить въ каретѣ, запряженной парою, купцы 3-й гильдіи моглиѣздить только на одной лошади. Все это влосило разногласіе въ среду и безъ того слабаго по своей организаціи городского общества. Итакъ, реформаторская попытка Екатерины II окончилась неудачей; вѣдь по идѣи городское общество является всесословнымъ, а нашъ общественный строй въ XVIII в. былъ узко-сословнымъ. Этимъ противорѣчіемъ идеи и факта объясняется неудача Екатерининскаго «Городового положенія» 1785 рода.

Крестьянство и крестьянскій вопросъ въ XVIII вѣкѣ.

По мѣрѣ роста дворянскихъ привилегій замыкается ростъ крѣпостного права. Оно начинаетъ принимать все болѣе и болѣе личный характеръ. Дворянство превращается въ отвѣтственнаго сборщика податей, полицейскаго агента. За нимъ окончательно остается право суда и наказанія крестьянъ. Подушная подать, введенная Петромъ, уничтожила всѣ свободныя состоянія. Всякое лицо, записанное въ ревизскую сказку, становилось крѣпостнымъ.

Много свободныхъ лицъ были записаны крѣпостными: записывались ими дѣти священно- и церковно-служителей, оставшіяся безъ должности, незаконнорожденныя. Кромѣ того, крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ расширяется и количественно. Сотни тысячъ государственныхъ и церковныхъ крестьянъ были разданы дворянамъ. Законодательнымъ путемъ санкционируется закрѣпощеніе крестьянъ въ Малороссіи. Крѣпостные крестьяне распространены были по Россіи неоднаково: сѣ-

верь былъ почти свободенъ отъ помѣщиковъ,—это область государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ; къ югу количтво крѣпостного населения увеличивалось, и главное ядро его жило въ центральной Россіи,—здѣсь оно было особенно сгущено. По мѣрѣ дальнѣйшаго движения на востокъ и югъ населенность была слабѣе, да и крѣпостныхъ было меньше. При Екатеринѣ II въ центральной Россіи крѣпостныхъ было отъ 40 до 70% всего крестьянскаго населения, а на окраинахъ оно значительно уменьшалось (въ уфимской 21%, казанской 18%). Крѣпостное хозяйство вслѣдь не одинаково во всей Россіи: въ искреноzemной полосѣ преобладала оброчная система, а на югѣ—барщинная. Въ искреноzemной Великороссіи было 45% барщинныхъ крестьянъ и 55% оброчныхъ, а въ черноземной полосѣ 26% оброчныхъ и 74% барщинныхъ. Оброчные крестьяне находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ барщинные. Оброчные крестьяне, занимались отхожими промыслами, поступали рабочими на фабрики; оставшися дома занимались земледѣльемъ; въ оброчныхъ имѣніяхъ приходилось на ревизскую душу въ среднемъ отъ 2 до 6 десят., въ барщинныхъ меньше: 1½—4½ д. Среди крестьянъ господствовало общипное землевладѣніе, подворное встречалось только въ барщинныхъ имѣніяхъ.

Крестьянские оброки въ теченіе вѣка сильно увеличились; въ серединѣ вѣка средній оброкъ равняется 1—2 рублямъ; къ концу царствованія онъ поднялся до 5 рублей. Кроме оброка, крестьяне вносили еще некоторые припасы натурой. Обыкновенная барщина равнялась тремъ днямъ, но во многихъ мѣстахъ все рабочее время присваивалось помѣщикъ. Поборы натурой взимались также и съ барщинныхъ крестьянъ. Въ XVIII вѣкѣ было довольно многочисленѣнъ классъ дворовыхъ; ихъ положеніе вссѣдѣло зависѣло отъ усмотрѣнія и настроенія помѣщика. Они отъ него получали содержаніе патурой. У богатыхъ помѣщиковъ дворовыхъ было г҃всколько сотъ; изъ нихъ формировалась труппы, пѣвческія капеллы, вербовались драматические и оперные домашніе артисты, художники, литераторы и поэты. Такова картина экономического состоянія крестьянства при Екатеринѣ II.

Обратимся къ анализу его юридического состоянія. Крѣпостное право уже носило личный характеръ въ XVIII в. Помѣщики неоднократно злоупотребляли своею властью, по въ то же время крестьяне не были лишены гражданскихъ правъ. Петръ Великій обратилъ вниманіе на злоупотребленія помѣщичьей власти. Имъ были изданы законы: объ опекѣ надъ жестокими помѣщиками, о запрещеніи принуждать крестьянъ къ браку противъ ихъ желанія; онъ запретилъ давать крестьянъ въ розницу и держать крестьянъ на правежѣ за господскіе долги. Рядомъ съ этимъ разрѣшилъ покупать крестьянъ для отдачи въ рекрутъ. По закону 1726 г. крестьяне не могли отпра-

вывтѣснить на заработки бѣзъ разрѣшенія помѣщика—и въ то же время крестьянинъ могъ оставить помѣщика и поступить на военную службу. Если законодательство Петра стремилось ограничить произволъ помѣщиковъ, то его преемники свели на нѣтъ всѣ законодательные распоряженія Петра и постепенно лишили крестьянъ гражданскихъ правъ. Законъ 1727 г. отмѣнялъ указъ Петра о поступлениі на военную службу безъ согласія помѣщиковъ.

Въ 1731 году крестьяне были лишены права вступать самостоительно въ откупа и подряды, затѣмъ въ 1734 г.— заводить суконныя фабрики, въ 1736 г. имъ было запрещено отправляться на промыселъ безъ разрѣшенія помѣщика. Еще раньше у крестьянъ отняли право покупать недвижимыя имѣнія. При восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, крестьяне впервые не приводили къ присягѣ. Такъ постепенно крестьянство теряло свои права передъ государствомъ въ то время, какъ оставалось по-старому главнымъ плательщикомъ податей. При Елизавете Петровнѣ въ 1760 г. помѣщики приобрѣли право ссылать крестьянъ въ Сибирь въ видахъ ея колонизаціи, при чёмъ за всякаго крестьянина, сосланнаго на поселеніе, помѣщику выдавали рекрутскую квитанцію,—дѣти крестьянъ могли быть оставлены помѣщикомъ. Въ 1761 г. крестьянамъ было запрещено выдавать векселя безъ согласія помѣщика. Законъ 1762 г. требовалъ увольнительного свидѣтельства отъ всякаго крестьянина, желавшаго записаться въ купечество. Этимъ отмѣнялся законъ Петра. Въ 1765 г. было разрѣшено ссылать крестьянъ на каторгу. Въ 1767 г. крестьянамъ было запрещено подавать Императорицѣ челобитныя на помѣщиковъ. «Жалованная Грамота Дворянству», не говоря ни однимъ словомъ о крѣпостномъ крестьянствѣ, фактически санкционировала безконтрольное распоряженіе крестьянами со стороны помѣщиковъ. При Екатеринѣ II помѣщики распоряжаются крестьянами на правахъ частной собственности: крестьяне продаются оптомъ и въ розницу; ихъ судятъ и ссылаютъ на каторгу; подвергаются крестьянъ всевозможнымъ истязаніямъ, — и все это проходить вполнѣ безнаказанно, помѣщики грабятъ крестьянъ, отнимаютъ у нихъ имущество, распоряжаются бракомъ крестьянъ, устраиваютъ гаремы изъ крестьянскихъ дѣвушекъ и т. д. Тяжелос положеніе крестьянъ заставляло ихъ убѣгать отъ помѣщиковъ. Крестьяне бѣгутъ въ Польшу, на Донъ, въ Запорожье, подъ чѣмъ организуютъ разбойничіи шайки. По мѣрѣ роста личнаго крѣпостного права, протестъ выражался въ волненіяхъ, сопровождавшихся убийствами помѣщиковъ. Въ 40-хъ г. XVIII ст. впервые вспыхнули крестьянскія волненія. Особенно были сильны эти волненія при Петре III. Законъ 1762 г. былъ понятъ крестьянами, какъ освобожденіе отъ обязательной службы помѣщику. Видя, что все остается по-старому, крестьяне заволновались, думая, что грамоту о

вольности крестьянской спрятали дворяне. Въ Екатерининское царствование волненія стали хроническими. Для усмирения приходилось прибѣгать къ помощи воинской силы. Недовольство крестьянъ особенно рѣзко выразилось въ такъ называемомъ «пугачевскомъ бунтѣ». Правительство около двухъ лѣтъ не могло справиться съ народной волной, руководимой талантливымъ вождемъ. Послѣ усмирения бунта помѣщики, вернувшись въ деревни, начали такъ обращаться съ крестьянами, что даже правительство заговорило о милосердіи. Въ концѣ XVIII вѣка крестьянская волненія стали рѣже, что, конечно, объясняется за-пуганностью крестьянской массы.

Кромѣ помѣщичьихъ и государственныхъ, были еще крестьяне церковные, посессіонные¹⁾ и горно- заводскіе. Церковные крестьяне чувствовали себя также плохо подъ управлениемъ духовной власти. Всего ихъ было около миллиона. Екатерина II отобрала ихъ въ казну, поручила завѣдываніе ими «коллегії экономіи», при чемъ крестьянинъ вносилъ въ казну 1 р. 50 к. вмѣсто всякихъ оброковъ и платежей. Вно- слѣдствіи часть ихъ была раздана фаворитамъ Екатерины.

Постоянныя крестьянскія волненія заставили и правительство и общество глубже всмотрѣться въ положеніе крестьянъ. Въ обществѣ создается теченіе, стремящееся улучшить положеніе крестьянъ, при чёмъ часть общества относится отрицательно къ крѣпостному праву подъ влияниемъ западно-европейской философіи XVIII вѣка и возмущительного произвола со стороны помѣщиковъ; другая часть (преимущественно нѣкоторые крупные помѣщики) рассматриваетъ этотъ вопросъ съ точки зренія влияния свободного труда на поднятіе доходности и производительности имѣнія.

Екатерина II, не обращая никакого вниманія на ростъ крѣпостного права, въ концѣ царствованія должна была издать нѣсколько законовъ,—впрочемъ, паліативного характера. Издавая свой «Наказъ», Екатерина какъ будто была противъ крѣпостного права: она пастаивала на необходимости опредѣленія закономъ размѣра крестьянскихъ повинностей, признанія за ними права собственности, предоставленія свободы заключенія браковъ. Къ сожалѣнію, эти мысли остались только теоретическими разсужденіями, Екатерина II не сдѣлала ни одного шага для ихъ реализаціи, хотя она могла бы найти поддержку во многихъ лицахъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, улучшенію ихъ положенія. Въ законодательной комиссіи 1767 года раздавались голоса о необходимости облегченія участіи крестьянъ. Она не поддержала такихъ депутатовъ.

Въ сочиненіяхъ, поданныхъ въ Вольно-Экономическое Общество

1) Помѣщичье—крестьяне, принадлежавшіе къ фабрикамъ и заводамъ.

дти соисканія премії за работу на тему по крестьянскому вопросу, высказывавшись мысли освободительного характера. Впрочемъ, почти всѣ работы были умбреннаго содержанія. Всѣ авторы сознаютъ, что крестьянство — основа государства и что прійти къ нему на помощь необходимо. Большинство сочинений требуютъ предоставленія крестьянамъ права собственности какъ на движимое, такъ и на недвижимое имущество, что необходимо для развитія земледѣлія; въ другихъ говорится о регулированіи закономъ крестьянскихъ платежей, третьи — предлагаю даровать личную свободу и небольшой земельный участокъ и т. д. Почти всѣ проекты находятъ нежелательнымъ немедленное освобожденіе: надо научить цѣнить свободу, а для этого сначала надо просвѣтить крестьянство. По мнѣнію многихъ авторовъ, безземельное освобожденіе — въ интересахъ помѣщика, такъ какъ это гарантируетъ ему дешевыя свободныя руки. Эти мнѣнія вполнѣ соотвѣтствовали видамъ и настроенію крупныхъ землевладѣльцевъ. Одинъ авторъ, французъ Грасенсь, находя крѣпостное право противостоящимъ состояніемъ, требуетъ немедленной реформы съ предоставлениемъ всей земли въ руки трудяющихся.

Во второй половинѣ Екатерининского царствованія замѣчается со стороны части общества болѣе рѣзкое отношеніе къ крѣпостному праву. Попиковъ и Радищевъ идутъ во главѣ этого течения. Послѣдній въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», нарисовалъ тяжелую картину положенія крѣпостныхъ, требуется немедленного вниманія законодателя въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Эти мѣры должны привести къ окончательному освобожденію. Авторъ своею книгой привлекъ вниманіе законодателя и попалъ за нее въ Сибирь.

Въ заключеніе обзора положенія крестьянства надо обратить вниманіе на первыя законодательные попытки ограниченія источниковъ крѣпостного права. Съ учрежденіемъ въ Москве Воспитательного дома его питомцы дѣлались вольными. Бракъ на крѣпостной, хотя и считался пе дозволеннымъ, однако же только не закрѣпоць питомца, но давалъ свободу и его женѣ. Дѣвушка изъ Воспитательного по выходѣ замужъ за крѣпостного оставалась свободной; незаконопорожденные отъ свободныхъ матерей причислялись къ государственнымъ селеніямъ. Съ 1769 г. безмѣстныхъ церковниковъ отдавали въ солдаты, а не записывали ихъ за помѣщиками; воениноплѣнныя, принявши православіе, становились свободными съ 1770 г., а въ 1781 г. всѣ польские плѣнныя, принявши православіе, съ женами и дѣтьми получили свободу. Законъ 1775 г. запрещалъ вольноотпущенными записываться вновь крѣпостными.

Всѣ эти и другія познанітельные распоряженія ограничивали

источники крѣпостного состоянія. Ограничить же крѣпостное право у просвещенной государыни не было искренняго желанія. При молчаливомъ согласіи верховной власти крѣпостное право достигло въ XVII вѣкѣ огромныхъ размѣровъ.

Государственный строй въ XVII вѣкѣ.

Верховная власть и общество въ XVII вѣкѣ.

Въ XVII в. въ московскомъ государствѣ еще не сложилось возвѣтія на власть государя, какъ на власть самодержавную. Земскіе Соборы, патріаршество и Боярская Дума являлись учрежденіями, могущими противодѣйствовать самодержавію государя. Но сице въ XVII в. Земскіе Соборы прекращаютъ свою дѣятельность, затѣмъ происходитъ устраненіе Боярской Думы и патріаршества, царская власть фактически сдѣлалась неограниченной.

Политическимъ мыслителямъ XVII в. оставалось только окончательно формулировать свой взглядъ на сущность верховной власти. Впервые это было сдѣлано въ законѣ—*Воинскомъ Уставѣ*, гдѣ государь названъ самовластнымъ монархомъ, не обязаннымъ никому отдавать отчета въ своихъ дѣлахъ, и затѣмъ въ *Духовномъ регламентѣ*, гдѣ проводится мысль, что «монарховъ власть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ». Нѣсколько позже видный дѣятель Петровскаго царствованія Феофанъ Прокоповичъ написалъ цѣлое теоретическое сочиненіе, посвященное выясненію и опредѣленію природы верховной власти. Авторъ *«Правды воли Монаршѣй»* выводитъ неограниченность самодержавной власти изъ теоріи договорнаго происхожденія государства, преобладавшей тогда въ политической литературѣ Запада. Государственный порядокъ устанавливается по взаимному, добровольному соглашенію народа съ его представителями. Путемъ отказа отъ своихъ личныхъ правъ, народъ въ цѣляхъ установления государственноаго порядка подчиняется волѣ другихъ. Эти лица и получаютъ высшую въ государствѣ—верховную самодержавную власть. По мнѣнію автора *«Правды воли Монаршѣй»*— «сама настѣненная монархія имѣть начало отъ первого въ народѣ соглашенія... самъ народъ добровольнымъ па то преклонепіемъ являетъ свою волю». Такъ, вслѣдствіе договора съ подданными русскій государь превратился въносителя самодержавной власти. Послѣ смерти Петра Великаго родовая придворная аристократія и высшіе слои чиновничества стремятся къ ограничнію власти государя, тяжестъ которой они чувствовали на каждомъ шагу. Этимъ конституціоннымъ стремленіямъ много содѣйствовало отсутствіе точнаго

закона о престолонаследствії. Петръ, не желая видѣть на престолѣ своего сына Алексея, враждебно относившагося къ его дѣятельности, лишилъ его права на престолъ. На рѣду съ этимъ былъ изданъ законъ, по которому царствующій государь могъ назначать наследника и отобрать его по своей волѣ. Петръ, однако, умеръ, не назначивъ наследника. После смерти Петра началась борьба между новымъ дворянствомъ, ближайшими сотрудниками Петра, и старшимъ русскимъ боярствомъ. Первые выдвигали жену Петра, Екатерину I, вторые поддерживали кандидатуру сына казненнаго Алексея.

При поддержкѣ гвардіи вступила на престолъ Екатерина I, которая была принуждена впослѣдствіи дать свое согласіе на учрежденіе Верховнаго Тайного Совета. Въ число его членовъ входили представители стараго русскаго боярства и выслужившагося чиновничества; юридически новое учрежденіе являлось совѣщательнымъ учрежденіемъ при государынѣ, по фактически оно устранило Екатерину I отъ управлѣнія государствомъ. Правда, Верховный Тайный Советъ пытался и формально ограничить власть, но Екатерина I воспротивилась этому намѣренію. Согласно завѣщанію Екатерины I, послѣ ея смерти вступить на престолъ Петръ II (1725—1727 гг.), однадцатитѣній мальчикъ. Верховный Тайный Советъ долженъ быть фактически сдѣлаться правителемъ государства. Петръ скоро умеръ. Представители родовой аристократіи, получивши преобладаніе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, не желали упускать изъ рукъ власти; у нихъ является намѣреніе найти собственнаго кандидата на престолъ и предложить ему принять формальный ограничія власти. Выборъ палъ на Анну Ioannovnu, вдовствующую герцогиню Курляндскую. Верховный Тайный Советъ предложилъ ей престолъ на началахъ ограничія власти Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Анна Ioannovna согласилась подписать «кооптицы». Ими она обязывалась: безъ согласія съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ «ни съ кѣмъ войны не вчинять, миру не заключать, подданныхъ податями не отягощать, не жаловать знатныхъ чиновъ (выше полковника), у шляхетства живота, имѣній и чести не отнимать, въ супружество не вступать, наследника не назначать». Несоблюденіе этихъ условій влекло за собой лишеніе престола. Однако, эта попытка кончилась неудачей. Привилегіальное дворянство не раздѣляло этихъ олигархическихъ тенденцій. Часть его хотѣла расширія составленной конституціи, ограничнія власти «шляхетствомъ». Другая часть стояла за неограниченное самодержавіе. «Верховники» же пошли навстрѣчу желаніямъ привилегіального дворянства и тѣмъ самымъ погубили свою затѣю. Анна Ioannovna разорвала подписанныя условія и короновалась самодержавной государыней.

Въ царствованіе Анны Ioannovny (1730—1740 гг.) Верховный

Тайный Советъ былъ упраздненъ. Его замѣнилъ Кабинетъ министровъ изъ трехъ лицъ. Правительство Аны Ioannovны всѣми средствами пыталось прекратить въ обществѣ броженіе политической мысли. Тайная полиція рыскала по всѣмъ закоулкамъ государства, отыскивая крамолу. Заподозрѣнныхъ арестовывали, отправляли въ тогдашнее охранное отдѣленіе — тайную канцелярію, ихъ подвергали пыткѣ, въ цѣляхъ отысканія другихъ виновныхъ, а потомъ ссыпали въ Сибирь или въ заточеніе. Правительственный терроръ, однако, не остановилъ распространенія въ дворянствѣ политическихъ идей. При ближайшихъ преемникахъ Аны, младецъ Ioannъ VI и Елизавета Петровна, не было формальныхъ попытокъ ограничения власти государя, но, по словамъ Екатерины II, всегда въ Сенатѣ была партия, жаловавшая этого.

Попытки ограничения возобновились со вступлениемъ на престолъ Екатерины II. Графъ Н. И. Панинъ, немедленно послѣ восшествія ея на престолъ, представилъ проектъ реформъ тогдашнихъ учрежденій. Своимъ проектомъ онъ предлагалъ создать, какъ это было въ сосѣдней Швеціи, Государственный Советъ, «верховное мѣсто законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста, истекать будеть собственное монаршеское изволеніе». Однако этотъ проектъ былъ отвергнутъ Екатериной II. Поздѣе Панинъ составилъ проспектъ Верховнаго Сената, большая часть котораго избиралась бы дворянствомъ въ особыхъ сословныхъ собраніяхъ. Изъ другихъ проектовъ дворянскаго представительства надо отмѣтить: проектъ князя Щербатова въ его сочиненіи «Путешествие въ землю Офирскую». Въ этой землѣ государствомъ управляетъ паслѣдственный Императоръ съ помощью «Верховнаго Совета», «Вышняго правительства» и «Законодательной Комиссіи». «Вышнее правительство» состоитъ изъ 75 дворянскихъ и 30 купеческихъ депутатовъ. Оно въдааетъ верховную законодательную, административную и судебную власть въ государствѣ. «Законодательная Комиссія» составляетъ проекты законовъ, которые затѣмъ поступаютъ на утвержденіе и разсмотрѣніе «Вышняго Правительства».

Большую широтою взглядовъ отличается проектъ профессора Московскаго Университета Деницизкаго, представленный имъ Екатеринѣ II. По этому проекту, законодательная власть осуществляется законодательнымъ корпусомъ, подъ названіемъ Сената. Число его членовъ равняется 600 — 800. Депутаты законодательного корпуса выбираются изъ числа земельныхъ собственниковъ, представителей торговли и промышленности, а также науки. Этотъ проектъ также не обратилъ на себя вниманія императрицы. Распространеніе конституціонныхъ идей среди дворянства и попытки ихъ реализации заставили Екатерину опять коснуться теоретически вопроса о формѣ правлѣнія въ Россіи. Въ своемъ «Наказѣ» она опредѣляетъ природу верховной власти, какъ

неограниченную; необходимость ся доказывается размѣрами территории страны. Конечно, государь долженъ заботиться о благѣ и преуспѣяниіи своихъ подданныхъ.

Такъ все конституціонныя попытки въ XVIII в. окончились неудачей, власть осталась неограниченной. Либеральная императрица не хотѣла уступить хотя бы частичку своей власти. Она предпочитала закрыть глаза на злоупотребленія со стороны дворянства крѣпостнымъ правомъ, расширяла его права и привилегіи, отдавала всю провинціальную жизнь въ его руки. Однако, либеральный идеи съ каждымъ годомъ увлекали большее количество людей, развивая въ нихъ критическое отношеніе къ политическому и социальному строю родной страны. Стремленіе удержать общество отъ увлечений этими идеями кончилось неудачей. Факты и идеи Французской революціи, будя политическую мысль, настраивали часть интеллигентнаго общества въ либеральномъ и даже радикальномъ духѣ. Конституціонныя попытки XVIII вѣка возникали при возведеніи на престолъ того или другого государя. Необходимость опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи уже давно сознавалась и правительствомъ и обществомъ, по это привело въ исполненіе только Павелъ I, издавъ 5 апреля 1797 г. «Учрежденіе обѣ Императорской фамиліи», по которому наследникомъ престола всегда долженъ быть старшій сынъ, а за отсутствіемъ его — слѣдующій по старшинству братъ императора. Самому Павлу при жизни матери грозила опасность лишиться престола. Этимъ и объясняется, почему первымъ актомъ Павла I было установление точного порядка престолонаслѣдія, исключавшаго всякую случайность.

Верховная администрація въ XVIII вѣкѣ.

Въ московскомъ государствѣ высшими государственными учрежденіями являлись Боярская Дума и весьма многочисленные приказы. Всѣ эти учрежденія, несомнѣнно, ужъ устарѣли. Они выросли въ періодъ образованія московскаго государства, когда были познанітельны потребности и задачи государства, и совершило же соотвѣтствовали тому состоянію государства, въ которомъ оно очутилось въ концѣ XVII в. Правительство уже въ XVII в. отчетливо сознаетъ, что цѣль управлѣнія государства — общее благо. Реализація его — вещь невозможная, если въ государствѣ не быть прочныхъ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ учрежденій, при отсутствіи также какого бы то ни было контроля надъ дѣйствіями администраціи. Гигантская война¹⁾, предпринятая Петромъ, показала негодность старыхъ

¹⁾ См. главу: Внѣшняя политика въ XVII и первой четверти XIX вѣка.

учреждений и нецѣлесообразность тѣхъ пріемовъ и средствъ, которыя раньше пускало въ оборотъ московское государство. Знакомство съ учреждениями сосѣдей также подтверждало необходимость ломки домашнихъ центральныхъ и областныхъ учреждений. Петръ, ставя цѣлью своей государственной дѣятельности общее благо и реформируя управление, стремился къ тому, чтобы новыя учрежденія дали возможность правительству опекать подданныхъ и управлять ими въ ихъ интересахъ и видахъ. Этотъ политический характеръ дѣятельности Петра необходимо иметь въ виду. Имъ объясняется организація и дѣятельность Петровскихъ учреждений. Старая Боярская Дума была учреждениемъ при Государѣ. Петръ, рѣдко бывая дома, нуждался въ такомъ учрежденіи, которое могло бы дѣйствовать и безъ него, но подъ его руководствомъ. Такимъ учрежденіемъ и являлась Ближняя канцелярія, которая слѣдила за отчетностью денегъ, расходуемыхъ на содержание арміи и флота. Впрочемъ, обстоятельства показали, что новое учрежденіе не вполнѣ оправдываетъ свое назначение. Въ теченіе первыхъ лѣтъ войны распалась старинная администрація. Многіе приказы прекратили свое существованіе, возникли новыя учрежденія, имѣвшія также чисто случайный характеръ. Чувствовалась сильная нужда въ объединяющемъ органѣ; такимъ органомъ и явился Сенатъ, учрежденный 22 февраля 1711 года. Сенатъ учреждался на время отлучкъ государя. Его указы равносильны указамъ самого монарха. Всзникнувъ, какъ временное учрежденіе, Сенатъ сталъ постояннымъ учрежденіемъ. Составъ и компетенція Сената измѣнялись въ теченіе всего вѣка. По мысли законодателя, Сенатъ состоялъ изъ 9 лицъ по назначению государя. Въ теченіе первыхъ лѣтъ своего существованія, дѣятельность Сената носила всеобъемлющий характеръ: онъ работалъ по всяко го рода фискальнымъ, административнымъ, судебнѣмъ и законодательнымъ вопросамъ. Такая разнообразная дѣятельность требовала, чтобы Сенатъ былъ освѣдомленъ о положеніи всякаго рода дѣлъ въ провинції. Разрушавшаяся постепенно приказанная администрація отдалаля Сенатъ отъ провинціи. Сноситься съ нею фактически стало невозможно, а обстоятельства требовали отъ Сената освѣдомленности и знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ провинціи. Для этой цѣли каждая губернія посыпала въ Сенатъ двухъ комиссаровъ, которые являлись посредниками между Сенатомъ и некоторыми учрежденіями. Для Сената комиссары — эксперты по провинциальнымъ дѣламъ.

Дѣятельность Петра и распоряженія Сената всегда вызывали активное или пассивное сопротивление. Законы Петра и указы Сената не исполнялись. Всѣ, пользуясь отдаленностью столицы, старались какъ-нибудь уклониться отъ требованія закона. Поэтому для контроля дѣйствій правительственной власти была учреждена должность фи-

жаловъ, обязанность которыхъ состояла въ надзорѣ за всѣми дѣлами и служащими безъ исключенія. Фискалы дѣлились на провинціальныя и городскія и были подчинены оберъ-фискалу. Правительство посыпало доносы фискаловъ, ничѣмъ не наказуя ложные доносы. Всегдѣстїе этого фискалы сильно злоупотребляли полномочіями своей власти. Впрочемъ, отъ фискаловъ страдалъ болѣе «властвуюцій классъ», а не низшіе классы населенія, которые въ фискалахъ видѣли отчасти защищиковъ отъ обидъ. Приходится все-таки признать, что подобная организація сыска дала не особенно блестящіе результаты: грабежи со стороны высшей и низшей администраціи никакъ не уменьшились. Дѣятельность Сената была особенно разнообразна и самостоительна до заключенія мира со Швеціей. Послѣ законодательные вопросы были изъятия изъ его компетенціи. Въ 1718 г. изменяется составъ Сената: въ него вводятся президенты вп贸въ учрежденныхъ коллегій, въ цѣляхъ объединенія всего центрального управлени¤. На дѣль скоро обнаружились недостатки этого закона. Члены Сената, занятые въ коллегіяхъ, не посещали засѣданій Сената, да и контроль Сената свелся на-нѣть, такъ какъ члены Сената контролировали самихъ себя, какъ президентовъ коллегій. Петръ скоро это замѣтилъ, и указомъ въ 1722 г. президенты коллегій, за исключеніемъ двухъ военныхъ и иностранной, были лишены сенаторскаго званія. Въ цѣляхъ ускоренія дѣлопроизводства и болѣе справедливаго разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ, учреждается должность рабочаго разрѣшителя, который слѣдилъ по жалобѣ за рѣшеніемъ дѣль въ коллегіяхъ и, въ случаѣ неисполненія коллегіями его распоряженій, жаловался Сенату.

Но ставя Сенатъ во главѣ государства, Петръ стремился организовать надзоръ за законностью его дѣятельности.

Въ 1715 г. появляется въ Сенатѣ генераль-ревизоръ, слѣдившій, какъ за дѣятельностью Сената, такъ и за исполненіемъ его указовъ. Впослѣдствіи эту обязанность исполняли оберъ-секретарь Сената и офицеры гвардіи по очереди. Наконецъ, учреждается при Сенатѣ должность прокурора, наблюдавшаго за течепіемъ дѣль и поведеніемъ сенаторовъ и прочей администраціи. Генераль-прокуроръ — представитель законности, онъ слѣдитъ за дѣятельностью Сената и, въ случаѣ незаконности, дѣлаетъ ему представленія. Неисполненіе законного требования генераль-прокурора влечетъ за собою докладъ государю, который и рѣшаетъ дѣло.

Учрежденіе прокуратуры при Сенатѣ, устанавливая связь съ государемъ, подымало авторитетъ Сената, по, съ другой стороны, энергичные и влиятельные генераль-прокуроры фактически уничтожали или, по крайней мѣрѣ, подавляли авторитетъ Сената. Послѣ Петра судьба Сената была довольно перемѣнчива. Въ эпоху Верховнаго Тай-

наго Совѣта Сенатъ превратился въ учреждение, дѣйствовавшее по указаниямъ Совѣта. При Аннѣ Ioannovії его авторитетъ сначала былъ возстановленъ, но учреждение Кабинета отстранило опять Сенатъ на задний планъ. Со вступлениемъ на престолъ Елизаветы Петровны, Сенатъ опять получаетъ важное значеніе въ жизни государства. Правительство возстановило его во всѣхъ правахъ. Сенатъ, дѣйствительно, превратился въ высшее судебное и административное учреждение, попутно вліяя на ходъ нашего законодательства. По мнѣнію Екатерины II, Елизаветинскій Сенатъ вмѣшивался буквально «во все». При Екатеринѣ II Сенатъ de jure сохранилъ за собою прежніе положенія, но de facto имѣлъ слабое вліяніе. Генераль-прокуроръ совершили отстранили Сенатъ отъ государыни. Многія дѣла, вѣдаемыя раньше Сенатомъ, были поручены генераль-прокурору. Реформа провинціального управления при Екатеринѣ II ослабила контроль Сената надъ мѣстнымъ управлениемъ.

Недостатки приказовъ особенно чувствовались въ разгарѣ Сѣверной войны. Фактически тогда же многіе изъ нихъ были закрыты, на ихъ мѣсто учреждены всякаго рода «канцеляріи», но въ общемъ центральное управление попрежнему не имѣло единства. Это заставило Петра, по примѣру государствъ Европы, ввести новыя центральные учрежденія. Образцомъ служила Швеція. Въ періодъ 1718—1720 г. были учреждены коллегіи на мѣсто приказовъ. Ихъ было учреждено 10 (военная, адмиралтействъ, иностранная, юстицъ, камерь, ревизіонъ, пітатсь-конторъ, бергъ, мануфактуръ и коммерцъ-коллегіи). При учрежденіи коллегій не было составлено никакого регламента, равно какъ не было точнаго распределенія дѣлъ между коллегіями. Коллегіи состояли изъ президентовъ, вице-президентовъ, 2—4 совѣтниковъ, ассесоровъ, секретарей, нотарія. Коллегіи раздѣлялись на присутствіе и канцелярію. Всѣ вопросы решались коллегіально, но руководительство ходомъ дѣлъ и ответственность за законность решений коллегій лежали на президентѣ. Коллегіи не оправдали возлагаемыхъ на нихъ ожиданій: строгаго распределенія дѣлъ не было достигнуто, коллегіи не были вполнѣ освобождены отъ судебныхъ функций; многія коллегіи судили тѣхъ людей, которые подлежать ихъ вѣдѣнію въ какомъ-либо отношеніи; коллегіальность решений осталась только на бумагѣ, президенты явились единоличными вершителями дѣлъ въ коллегіи; не было выяснено точно отношеніе коллегій къ Сенату, содержаніе стоило дорого и на это не хватало денегъ. Къ тому же обнаружился недостатокъ въ служащихъ, вслѣдствіе чего во многихъ коллегіяхъ не было полнаго комплекта ихъ, а это не могло не отразиться на ходѣ работы коллегій. Учреждая коллегіи, Петръ сдѣлалъ попытку отдѣлить судебную власть отъ административной. Юстицъ-коллегія была поставлена во главѣ цѣ-

лаго ряда провинциальныхъ судебныхъ учреждений. Попытка окончилась также неудачей; судебные учреждения были введены не по всей Россіи; ихъ введение требовало денегъ и массы служащихъ, ни того ни другого не было. Населеніе не поняло и не одѣлило новыхъ учреждений, администрація не желала разставаться съ доходной судебной властью, вмѣнившаясь въ судебное разбирательство, стараясь всячески оказать на него влияніе. Постепенность въ инстанціяхъ не соблюдалась. Словомъ, изъ организаций судебной власти было не меньше хаоса, чѣмъ и въ XVII вѣкѣ. Послѣ Петра коллегіи просуществовали до начала XIX вѣка, когда они были замѣнены министерствами. Фактически большинство изъ нихъ перестало существовать съ изданіемъ въ 1775 г. «Учрежденія о губерніяхъ», когда почти вся дѣла, производившіяся въ коллегіяхъ, были переданы въ провинциальные учрежденія.

Мѣстное управление въ XVIII вѣкѣ.

Дѣлопроизводство Россіи въ XVII вѣкѣ въ административномъ отношеніи на воеводства отличалось существенными недостатками: неравномѣрностью территории и неопределенностью ихъ отношеній къ центральнымъ учрежденіямъ. Война, которую велъ Петръ со шведами, обнаруживъ недостатки стариннаго провинциального устройства, выдвинула на очередь реформу мѣстного управления. Начало этой реформы было положено указомъ 18 декабря 1708 г., которымъ вся страна дѣлилась на 8 губерній. Эти губерніи отличались огромными территориальными размѣрами и почти совпадали съ предѣлами старинныхъ военныхъ округовъ, при чѣмъ въ рукахъ начальниковъ губерній была сосредоточена, главнымъ образомъ, финансовая, административная и судебная власть. Громадные размѣры губерній мѣшали установлению правильныхъ сношеній между частями губерній. Всльдѣствие тѣхъ же условий сильно затруднялось поступление налоговъ въ казну, не говоря уже о томъ, что почти невозможно было требовать правильной отчетности отъ представителя губерніи.

Такъ вновь появляется мысль обѣ упорядоченіи областного управления. Для этого въ 1713 году около губернатора учреждается особая коллегія ландратовъ, выбранныхъ отъ дворянства. Они помогаютъ губернатору въ управлении и контролируютъ его дѣятельность. Еще раньше, въ цѣляхъ правильного поступления налоговъ, губернія была раздѣлена на доли, состоявшія изъ 5536 податныхъ дворовъ. Всего такихъ долей насчитывалось 146¹¹. Во главѣ каждой доли въ 1716 г. были поставлены ландраты, ставшіе съ этого времени единоличными управителями долей. Какъ губернаторы, такъ и ландраты, попрежнему

являясь агентами центрального правительства, исполняли всякаго рода финансовых и военные поручения правительства.

До 1719 г. число губерний было 10. Большие территориальные размѣры и отсутствие точно определенныхъ меньшихъ дѣлений заставили Петра реформировать снова административное дѣление. Сосѣдняя Швеція являлась въ этомъ отношеніи некоторымъ образцомъ. Въ 1719 г. страна дѣлится на 12 губерній, губерніи па провинціи, а послѣднія — на уѣзды. Во главѣ провинціи ставится воевода. Вмѣстѣ съ этимъ судьи и финансы отдѣляются отъ управления, въ провинціи и уѣздахъ вводятся особыя судебнаго и финансового учрежденія. Финансами провинціи завѣдывалъ выборный земской комиссаръ, камериръ и рекорд-мейстеръ. Первый собираль деньги, второй провѣряль отчетность, послѣдній хранилъ деньги. Новая организація губерній также имѣла много существенныхъ недостатковъ. Отношенія воеводы къ губернатору не были выяснены; воеводы считали себя почти независимыми отъ губернаторовъ и сносились непосредственно съ центральными учрежденіями; отдѣленіе суда отъ администраціи было большиe на бумагѣ; администрація относилась невнимательно къ своимъ обязанностямъ. Правительству приходилось «понуждать» администрацію указами, а если это не помогало, то посыпались для ускоренія дѣлъ воинскіе отряды, начальники которыхъ поступали по своему усмотрѣнію, внося беспорядокъ въ провинциальное управлениe. Послѣ смерти Петра правительство несочувственно относилось къ его административнымъ реформамъ. Отчасти подъ влияниемъ этихъ соображеній, отчасти изъ-за сокращенія расходовъ, вскорѣ были закрыты многія изъ Петровскихъ учрежденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ попрежнему власть судебная и административная сосредоточились въ однихъ рукахъ. Въ общемъ, мѣстное управлениe послѣ Петра было весьма близко къ таковому въ XVII вѣкѣ, когда воеводы являлись всесильными владыками. Усиленіе власти губернаторовъ и воеводъ въ XVIII вѣкѣ принесло не мало вреда населенію. Чуждые всякаго контроля вадъ ихъ дѣятельностью, они являлись мѣстными сатрапами, исполнителями правительственные распоряженія и не забывавшими улучшить на счетъ населенія свое материальное положеніе. Недовольство дѣятельностью администраціи раздавалось всюду.

Съ другой стороны, жизнь провинціи XVIII вѣка рѣзко отличается отъ предыдущей эпохи. Вслѣдствіе раскрытия дворянскаго сословія, послѣднее начинаетъ жить въ деревнѣ, принимаетъ кое-какое участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ, а исудовлетворительная организація мѣстного управления, несомнѣнно, этому мѣшала. Правительство Екатерины II рѣшило приступить къ радикальной ломкѣ провинциального управлениe.

Условія волинства на престолѣ Екатерины II заставляли также работать мысль въ томъ же направлении.

Дворянство, будучи виновникомъ переворота, желало принять самое дѣятельное участіе въ управлениі государствомъ. Екатерина отнюдь не желала этого; однако обстоятельства заставляли считаться съ требованияніями дворянства. Въ результатѣ явилось «Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 г. Его введеніемъ сразу достигалось двѣ цѣли: въ провинціи вводилась стройная система учрежденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялось желаніе дворянства, которое получило съ этого времени первенствующее значеніе въ провинціи и могло проявлять свои административныя способности вдали отъ центра. Во всякомъ случаѣ, послѣ 1775 г. вся жизнь провинціи была отдана въ руки дворянства, что только способствовало росту вліянія и значенія дворянскаго сословія. Губернскими учрежденіями 1775 г. старались уничтожить недостатки предыдущаго административнаго устройства. Вмѣсто губернатора и воеводъ, дѣйствовавшихъ по своему усмотрѣнію, вводилась цѣлая система новыхъ учрежденій съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Положеніе 1775 г. возвращается къ Петровскому времени и пытается организовать управление на началахъ полнаго разделенія властей, согласно политическимъ теоріямъ вѣка. Чтобы заинтересовать все населеніе въ новыхъ учрежденіяхъ, вводилась выборная система въ судѣ и управлениі, построенная, однако, на строгое сословныхъ началахъ. Конечно, крѣпостная крестьянская масса, отдавшая въ жертву помѣщикамъ, не принимала никакого участія въ жизни губерніи. Кромѣ того, правительство, вводя «Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 г., имѣло въ виду приблизить провинцію къ центру, что дѣлало ненужнымъ существование коллегій, какъ промежуточныхъ инстанцій, и сиѣ съ этого времени окончательно теряютъ всякое значеніе.

Обратимся теперь къ самому закону. Петровскія губерніи были очень обширны; Екатерина II, уменьшая ихъ размѣры, увеличиваетъ число ихъ до 40, считая въ каждой губерніи отъ 300 до 400 тысячъ жителей мужского пола, при чемъ это дѣленіе было сдѣлано чисто ариѳметическимъ путемъ: никакія особенности географическія, этнографическія, хозяйственныя не были приняты во вниманіе законодателемъ. Каждая губернія получила стройную систему разнообразныхъ учрежденій. Во главѣ губерніи стоитъ въ качествѣ органа надзора государевъ намѣстникъ или генераль-губернаторъ. Помощникомъ является губернаторъ. Впослѣдствіи генераль-губернатору были подвѣдомствены нѣсколько губерній. Генераль-губернаторъ, слѣдя за законностью дѣйствій администраціи, въ то же время является посредникомъ между центральными и провинціальными учрежденіями. Онъ также имѣть право споситься съ государыней, получаетъ отъ нея распоряженія. Но

его дѣятельность не ограничивается только надзоромъ. Онъ утверждаетъ выбранныхъ должностныхъ лицъ, наблюдаетъ за правильнымъ поступлениемъ сборовъ и следить за дѣятельностью судовъ и расправъ въ губерніи. Въ его рукахъ, какъ хозяина губерніи, сосредоточена обширная полицейская власть. Онъ предсѣдатель въ Губернскомъ Правленіи, которое ему всецѣло подчинено. Обязанности Губернского Правленія — общарование законовъ и всякаго рода правительственныеыхъ распоряженій. Нижний Земской Судъ, съ выборнымъ отъ дворянства капитаномъ-исправникомъ, былъ подчиненъ Губернскому Правленію, получалъ отъ него указы, которые разсыпались дальше къ свѣдѣнію и исполненію. Являясь блестителемъ законности въ уѣздѣ, капитанъ-исправникъ въ то же время пользовался большою административно-полицейскою властью.

Высшими судебными учрежденіями, общими для всѣхъ сословій, были — Гражданская и Уголовная палаты. Персональ назначался Императрицей и Сенатомъ. Эти учрежденія — апелляціонныя, — отсюда послѣдняя инстанція Сенатъ. Въ губерніи и уѣздахъ для дворянъ были учреждены: Верхній Земской и Уѣздный суды. Предсѣдатель первого назначался Государыней, а члены выбирались дворянствомъ. Составъ второго былъ выборный. Эти суды вѣдали гражданскія и уголовныя дѣла мѣстного дворянства. Губернскіе магистраты съ назначеннымъ предсѣдателемъ и выборными отъ купечества и мѣщанъ заѣдателями были второй судебной инстанціей по тѣмъ же дѣламъ для городскихъ обывателей. Первой же инстанціей для послѣднихъ являлись выборные магистраты отъ уѣздныхъ городовъ и ратушъ. Наконецъ, въ мѣстностяхъ, где былъ большой процентъ государственныхъ крестьянъ, учреждались «верхнія расправы», предсѣдатель которыхъ назначался, а составъ выбирался. Низшая инстанція, «нижнія расправы», вся состояла изъ выборного элемента. Такова была организація суда, отдѣленного отъ администраціи. Кроме того, казенная палата (съ казначействомъ) завѣдывала сборомъ податей и налоговъ, платимыхъ податнымъ сословіемъ, а также выдавала администраціи жалованіе. Быть также учреждены «Приказъ общественного призрѣнія» для завѣдыванія школами, больницами, благотворительностью.

Однако, въ дѣйствіи эта система учрежденій далко не была такъ стройна, и раздѣленіе властей существовало больше на бумагѣ. Губернская администрація, являясь органомъ надзора и управления, вмѣшивалась часто въ разбирательство судебныхъ казусовъ, оказывала сильное давленіе на составъ выбираемыхъ лицъ и т. д. Въ общемъ, и реформа 1775 г. не избавила населеніе отъ единоличной власти губернатора. Дворянство довольно скоро перестало интересоваться мѣстными дѣлами. Провинціальная служба, гдѣ-то въ глухи, не на виду у правитель-

ства, мало его привлекала. Больше постоянные элементы жили въ столицахъ, находясь или на службѣ, или проживая крѣпостныхъ; оставшиеся дома, занятые хозяйствомъ, тоже не интересовались выборной службой; большинство не являлось на выборы и вообще ими тяготилось. Попытка привлечения дворянства къ мѣстному управлению кончилась вторично неудачей.

Законодательство въ XVIII вѣкѣ.

Начиная съ Петра, вопросы законодательства постоянно привлекаютъ къ себѣ вниманіе правительства, такъ какъ въ нашемъ законодательствѣ не было ни единства, ни системы. Правда, дѣйствующимъ сводомъ являлось Уложеніе 1649 года, по затѣмъ было издано множество сепаратныхъ указовъ, при этомъ часто взаимно противорѣчащихъ, что никто не зналъ, какие указы можно считать дѣйствующими, какие — потерявшими силу и значеніе. Поэтому правительство XVIII вѣка отчетливо сознавало необходимость кодификаціи нашего законодательства, а новые условія жизни государства также заставляли его мысль работать въ томъ же направленіи. Правительство въ теченіе вѣка принимало рядъ попытокъ съ этой цѣлью, созывало самыя разнообразныя по составу комиссіи, — однако, всѣ попытки кончились полной неудачей. Къ концу XVIII вѣка не было выработано новаго кодекса, который вполнѣ соотвѣтствовалъ бы своему времени и который отѣлилъ бы законы, потерявшіе смыслъ и значеніе, отъ дѣйствующихъ. Въ такой неудачѣ виновато само правительство, которое само недостаточно ясно представляло, какъ должна вестись работа по приведенію нашего законодательства въ систему. Петръ сначала смотрѣлъ на дѣло слѣдующимъ образомъ: избранная комиссія должна собрать всѣ законы послѣ Уложения, разсмотрѣть ихъ, старое Уложение свести съ такъ называемыми новоуказными статьями и тѣмъ самыми составить новоуложенную книгу. Комиссія составила ее, по почему-то она никогда не была обнародована. Однако, Петръ не оставлялъ мысли о новомъ сводѣ законовъ. Составилась комиссія 1717 г., по затѣмъ, не окончивъ дѣла, разошлась. Петръ оставляетъ мысль о сведеніи законовъ и мечтаетъ о составленіи совершенно новаго Уложения. Комиссія 1718 г. должна была заняться изученіемъ шведскаго кодекса, сравнить его съ русскими законами и затѣмъ, опираясь также на другіе иностранные сборники законовъ, составить новое Уложение, для чего былъ положенъ десятимѣсячный срокъ. Задача комиссіи была поставлена довольно трудная: въ то время, когда никто не зналъ дѣйствующаго въ Россіи права, приходилось пересаживать на русскую почву

шведское законодательство, бывшее продуктомъ иного исторического развитія. Конечно, работа комиссій, несмотря на поиски Петра, кончилась ничѣмъ.

Въ теченіе Петровскаго царствованія накопилось множество указовъ и законовъ, редактированныхъ часто небрежно, неясно. Эти законы уничтожали старыя понятія, вводили новые юридические нормы. Необходимость систематизаціи чувствовалась и многочисленными его преемниками и преемницами. Комиссіи, собираемые послѣ Петра, были разнообразны по составу и способностямъ лицъ, въ нихъ засѣдавшихъ, но итоги занятій были тѣ же: комиссіи расходились, не выполнивъ своей задачи. Правда, Елизаветинская комиссія, засѣдавшая отъ 1754 г. до 1766 г., составила проектъ нового Уложения изъ трехъ частей, но работа этой комиссіи не дала никакихъ практическихъ результатовъ, и почему-то она была распущена Екатериной II. Императрица прекрасно понимала недостатки нашего законодательства и рѣшила создать народныхъ представителей для составленія нового Уложения. Положеніе о выборахъ давало избирательные права слѣдующимъ словіямъ: дворянству, горожанамъ, казакамъ и свободнымъ крестьянамъ. Игородцы также могли послать депутатовъ. Духовенство и крѣпостные крестьяне были лишены избирательныхъ правъ. Представителями послѣднихъ считались помѣщики, а первыхъ—депутатъ отъ Синода. Кроме депутатовъ отъ сословій были притягиваны депутаты отъ учрежденій. Такихъ депутатовъ было 28, а всѣхъ депутатовъ, явившихся въ комиссию, было 564. Изъ нихъ правительственныйхъ — 28, дворянскихъ — 161, городскихъ — 208, казацкихъ — 54, крестьянскихъ — 79, иновѣрческихъ — 34.

Такой огромной по составу и разнообразной по культурности ея членовъ комиссіи приходилось заняться весьма труднымъ дѣломъ—составленіемъ нового Уложения. Для руководства комиссией Екатерина II составила «Наказъ», который еще болѣе затруднилъ работу комиссіи. Содержаніе Наказа не оригинально, оно заимствовано изъ тогдашней европейской публицистики. Монтескье и Беккариа — вотъ главные источники Наказа. Наказъ касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ жизни, и комиссія, при составленіи уложения, должна была съ нимъ считаться. Даѣтъ комиссіи въ качествѣ руководства Наказъ, Екатерина II въ то же время требовала, чтобы новое Уложение соответствовало духу русского народа. Члены комиссіи не знали, что дѣлать: если заняться собираниемъ нашихъ законовъ, а затѣмъ приступить къ сведенію и разбору ихъ, то новые юридические нормы будутъ идти въ разрѣзъ съ требованиями Наказа. Если составить новое Уложение въ духѣ идей Наказа, то работа комиссіи будетъ бесплодна, такъ какъ въ ней были бы забыты наши законы. Екатерина II поставила комиссіи неисполнимую

задачу и темъ самыи сразу сдѣлали работу ея бесплодной. Если принять во внимание, что такое многочисленное и разнообразное по составу учрежденіе, какъ комиссіи 1767 г., конечно, не въ состояніи было интенсивно работать и что въ немъ большинство не годилось для роли изодификаторовъ, а также имѣть въ виду неумѣніе предсѣдателя вести засѣданія, то причины неудачи комиссіи 1767 г. станутъ ясными.

Такъ, всеѣ комиссіи XVIII вѣка, собираемыя для кодификаціи законовъ, расходились, не окончивъ дѣла. Но опытъ комиссій не прошелъ даромъ: онъ опредѣлилъ работу комиссій для XIX в.: приведеніе въ извѣстность всего нашего законодательства и выработку дѣйствующаго свода законовъ. Затѣмъ, для правительства не могло не стать очевиднымъ, что такую кропотливую работу можетъ сдѣлать не комиссія 1764, изъ которыхъ было не мало неграмотныхъ, а пебольшая группа подготовленныхъ лицъ, руководимая знающимъ и работоспособнымъ юристомъ.

Финансы въ XVIII вѣкѣ.

Другимъ болыпымъ мѣстомъ нашего правительства были финансы. Грандиозная вѣнчая политика въ теченіе всего вѣка, содержаніе постоянной арміи и новыхъ учрежденій, — все это требовало массы денежнаго. Отсюда — вѣчная погоня за новыми налогами. Тяжесть послѣднихъ увеличивалась еще вслѣдствіе роскоши двора, достигшей небывалыхъ размѣровъ, и господства всякаго рода фаворитовъ, получавшихъ немалыя награды изъ суммъ государственного казначейства. Въ концѣ XVII вѣка наши доходы равнялись — 1,220,367 руб., изъ которыхъ 700,000 руб. шло на армію, 224,366 руб. на дворцовое управление, 67,767 р. на казенные предприятия и около 120,000 руб. на остальныя потребности государства; при этомъ таможенные и кабацкіе сборы являлись главнымъ питательнымъ первомъ этого бюджета. Отсюда видно, что войско и дворецъ поглощали львиную часть дохода. На культурные нужды ничего не оставалось, да правительство обѣ этомъ и не заботилось.

Разсмотримъ теперь доходный бюджетъ 1724 года. Доходы государства исчислены въ суммѣ 8,526,560 руб.

Расходы по содержанію арміи и флота опять поглощали большую часть бюджета. Они равнялись 6,203,219 р. Въ доходномъ бюджетѣ 1724 года видное мѣсто занимаетъ новая подать — подушная. Она составляетъ 55,5% всего бюджета. Процентъ косвенныхъ налоговъ 24,9. Такимъ образомъ, 8½ милли. бюджета всей своей тяжестью падали на городскую и сельскую массу, такъ какъ послѣдняя, главнымъ образомъ, являлась платильщикомъ подушной подати. Въ царствованіе Ека-

терии II доходный бюджетъ растеть съ удивительной быстротой. Разсмотримъ расходные и доходные бюджеты по десятилѣтіямъ:

Годъ.	Доходъ.	Расходъ.
1763	18.550.000 р.	17.235.000 р.
1773	30.700.000 "	38.910.000 "
1783	42.700.000 "	48.190.000 "
1793	58.700.000 "	76.420.000 "
1796	73.110.000 "	78.160.000 "

Если размотрѣть, изъ какихъ поступлений составляется доходный бюджетъ, то увидимъ, что 33% поступлений давала подушная подать, 25%—составляли пшеничные сборы, 7 — 10%—давали соляной сборъ. Остальной бюджетъ составлялся на счетъ таможенныхъ и разныхъ другихъ доходовъ. Такимъ образомъ, въ бюджетъ Екатерининского царствованія косвенные налоги равнялись 67% всего бюджета, при чмъ пшеничные доходы изъ косвенныхъ палоговъ давали наибольшій процентъ. Доходный бюджетъ всей своей тяжестью падалъ на тяглое населеніе. Расходный бюджетъ, если исключить экстраординарные расходы па войну въ 1769 — 1773 гг., и 1787 — 1791 гг., а также платежи по займамъ, о чмъ будетъ сказано ниже, составлялся изъ слѣдующихъ статей, выраженныхъ въ процентахъ:

Годъ.	На дворъ.	На армію.	На флотъ.	На внутреннєе управлениe.
1763	9,5	45,9	7,1	37,5
1773	9,5	34,5	4	52
1783	11,5	26,3	8	54,2
1796	11,8	28,4	9	50,8

Такимъ образомъ, къ концу Екатерининского царствованія въ нормальномъ расходномъ бюджетѣ половину поглощали содержаніе двора, арміи и флота, половина шла на расходы по внутреннему управлению. Быстрый ростъ расходовъ на этотъ предметъ объясняется внутренними реформами Екатерины II, созданіемъ цѣлаго ряда новыхъ учрежденій. Что касается расходовъ на образование, дѣла благотворенія, почту, пути сообщенія, то они составляли слишкомъ незначительную долю расходного бюджета. Хотя бюджетъ въ XVIII вѣкѣ увеличился въ нѣсколько разъ по сравненію съ бюджетомъ XVII в., но характеръ его остался тотъ же: большую часть доходовъ поглощали дворъ и такъ-называемыя государственные потребности, понимаемыя иногда очень широко. На культурныя нужды народа государство попрежнему тратило копейки.

Послѣ общихъ наблюдений надъ нашимъ бюджетомъ надо разсмотреть характеръ финансовыхъ мѣропріятій правительства. Вмѣсть съ тѣмъ является вопросъ, какими мѣрами правительство старалось пополнить хронические дефициты, появившіеся въ нашемъ бюджетѣ съ 1772 г., когда началась первая турецкая война. Всѣ правительственные

шня финансовая мѣроційтія въ течениіе вѣка отличаются отсутствіемъ ясной системы. Правительству нужны деньги, вопросъ же, какъ удовлетворять эти новые потребности, и въ состояніи ли населеніе ихъ платить безъ ущерба для своего благосостоянія — этотъ вопросъ никогда не удостаивался благосклоннаго вниманія со стороны правительства. Петръ то и дѣло вводилъ новые налоги, создавалъ и эксплуатировалъ регалійныя права, старался монополизировать цѣлый рядъ предметовъ, наполѣвъ ходкіхъ на внутреннемъ и вѣнчанемъ рынкѣ, ограничивать въ значительной мѣрѣ права частной собственности, объявляя ихъ регаліей, такъ что домашнія бани и мельницы — и тѣ стали регаліей государства. Однако, все это было недостаточно, и въ 1724 году вводится новая подать — подушная: всякое лицо, записанное въ ревизскія сказки, подлежало платежу подати. Освобождались отъ нея служилые люди, духовенство, хотя дѣти постѣднихъ неоднократно попадали въ сказки и тѣмъ самыи превращались въ тяглыихъ. Размѣръ подушной подати былъ неодинаковъ. Крестьяне государственные и однодворцы, купцы и жители посадовъ платили по 1 р. 20 к. съ души. Крестьяне, находившіеся въ крѣпостной зависимости, платили только 74 коп. Въ 1796 году подать была повышена до 1 рубля. Что касается государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ, въ концѣ царствованія Екатерины II они платили 4 рубля подушной подати. Купцы же съ 1775 г. освобождаются отъ платежа и вместо нея вносятъ въ казну 1% съ объявленного капитала. По мѣрѣ роста территории государственная подушная подать вводилась и въ этихъ мѣстахъ. Для подсчета населенія производились ревизіи, но въ промежуткѣ между ревизіями населеніе, связанное круговой порукой, было обязано платить за умершее и ушедшее населеніе, отъ чего тяжесть новой подати только увеличивалась.

Таковъ былъ главный питательный нервъ нашего доходнаго бюджета. Другимъ первомъ являлись штейные сборы. Чистая прибыль отъ нихъ равнялась въ началѣ Екатерининскаго царствованія 437.600 р., а въ концѣ 15.000.000 р. Такъ доходы государства росли по мѣрѣ спаиванія народа. Остальные налоги и регаліи составляютъ второстепенное мѣсто въ бюджетѣ, и мы о нихъ говорить не будемъ, хотя повышеніе ихъ, особенно при Екатеринѣ II, нельзя упускать изъ виду. Несмотря на ростъ налоговой системы, правительство было не въ состояніи покрыть всѣ расходы ежегодными поступлениями. Образовавшійся и постепенно растущій дефицитъ требовалъ экстраординарныхъ мѣръ, а именно, выпуска ассигнацій и заключенія вѣнчаныхъ займовъ. Оба средства являлись только палліативами, временно закрывая дыры въ бюджетѣ, въ «расходѣ» котораго получается новая графа — платежъ процентовъ по займамъ. Правительство сначала выпустило

ассигнаціи на 1 миллионъ рублей для облегченія обращенія денегъ. Ассигнаціи, обезпеченные 500.000 р. звонкой монеты, шли довольно ходко; но когда начались войны, то правительство выпускомъ ассигнацій старалось пополнить дефицитъ. По мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, увеличивалось въ обращеніи количество ассигнацій, такъ что уже въ 1774 г. число ихъ равнялось 20 миллионамъ руб., а къ концу царствованія — 156,683 тыс. Выпускъ ассигнацій повлекъ за собой паденіе ихъ курса, что не могло гибельно не отразиться на хозяйственномъ положеніи страны. На ряду съ этимъ правительство впервые обращается къ вѣнчанымъ займамъ. Собственно, попытки были и раньше, но на Западѣ нашъ кредитъ не стоялъ высоко. Всего было реализовано виѣнскихъ займовъ на сумму 52.712.608 руб., изъ которыхъ около 17 милл. руб. было уплачено при Екатеринѣ II, а оставалось уплатить 35.401.956 руб. Таковы печальные итоги нашей финансовой политики въ XVIII в. Девятнадцатому вѣку въ качествѣ наслѣдія остался внутренній и виѣнній долги и необходимость ихъ погашенія тѣмъ или другимъ способомъ.

Церковь и школа въ XVIII вѣкѣ.

Теперь необходимо разсмотрѣть состояніе церкви и вѣры въ XVIII вѣкѣ. При изученіи этого вопроса бросаются въ глаза два явленія: 1) перемѣны въ устройствѣ господствующей церкви и 2) дальнѣйшее развитіе раскола, раздѣлившагося довольно скоро па два направлѣнія: поповщину и безпоповщину, — и появленіе сектанства. Въ XVII в. во главѣ церкви стоялъ патріархъ, Петръ въ 1721 г. замѣнилъ патріаршество духовной коллегіей — Синодомъ, изъ лицъ, назначенныхъ государемъ. Рядомъ съ этимъ въ качествѣ органа надзора за дѣятельностью Синода былъ поставленъ оберъ-прокуроръ, который довольно скоро занялъ первое мѣсто въ Синодѣ и сталъ фактическимъ главою Синода, игнорируя ієрархію, въ немъ засѣдавшихъ. Благодаря новому устройству церкви, послѣдняя всецѣло подчинилась государству; духовенство превратилось въ духовную бюрократію, отъ которой требовали подчиненія правительстvenнымъ соображеніямъ: напримѣръ, священники на исповѣди должны были спрашивать, не питасть ли тотъ или другой исповѣдникъ вражды къ правительству, и затѣмъ доносить по начальству. Само собой понятно, что бюрократическая церковь потеряла всякое значеніе въ обществѣ и не оказывала на него никакого вліянія. Да и народная масса, преданная расколу, была враждебна государствующей церкви. Но подчиненіе церкви государству началось задолго до Петра. Послѣдній только оформилъ законодательнымъ путемъ фактическія ихъ отношенія.

Правительство въ XVIII в. принимало рядъ мѣръ для сокращенія монашескаго сословія. Къ послѣднему Петръ относился особенно вра- ждебно. При немъ много монастырей было обращено въ страннопріим- ные дома, куда помѣщались раненые и увѣчные солдаты. Самое посту- пленіе въ монашество было очень стѣснено. Но преемники Петра иногда держались другого взгляда, и къ концу вѣка монашеская братія снова увеличилась въ числѣ. Наши монастыри еще съ XV в. вызываютъ не мало споровъ и нареканій. Въ нихъ царила поразительная нрав- ственная распутченность. Между мужскими и женскими монастырями тутъ не было никакой разницы. Нравственой ихъ порочь, несомнѣнно, содѣйствовало богатство монастырей, изъ которыхъ очень многіе были крупными землевладѣльцами и рабовладѣльцами. Попытки конфиска- ціи церковныхъ имуществъ до Петра кончались неудачей. Петръ также колебался. Екатерина II, наконецъ, рѣшилась отобрать церковныя иму- щества, опредѣлилъ жалованье на содержаніе архіерейскихъ каѳедръ и монастырей. Съ этого времени высшая іерархія и монастыри попали въ полную материальную зависимость отъ государства, что еще болѣе усиливало зависимыя отношенія церкви отъ государства.

Народная масса оставалась, по большей части, вѣрна расколу. Петръ сначала велъ съ нимъ борьбу, преслѣдовалъ раскольниковъ. Послѣ Петра правительство вполнѣ до Екатерины II держалось такой же политики. Въ то же время въ глубинѣ народа шла усиленная работа религіозной мысли. Замѣчался недостатокъ іерархіи. Являлся во- просъ, какъ быть, гдѣ ее раздобыть. На почвѣ этого вопроса расколъ раздѣлился на вышеуказанныя двѣ фракціи. Безпоповцы пришли къ полному отрицанію церковной іерархіи, постепенно превращались въ отдѣльныя самоуправляющіяся религіозныя общества. Поповцы созда- ли искусственную іерархію, выработали особый чинъ для принятія священниковъ, поступающихъ въ расколъ. Но едва ли они были до- вольны результатами. Часто приходящіе священники были не на высотѣ положенія, внося не мало соблазна своимъ поведеніемъ въ раскольни- ческія общества. У раскольниковъ является мысль создать свою соб- ственную іерархію, найти гдѣ-нибудь собственного епископа, но эти попытки въ XVIII в. кончались, большою частью, неудачей.

Въ XVIII в. довольно сильно распространилось также сектантство, вызванное педовольствиемъ господствующей церковью и неудовлетворен- ностью религіознаго влеченія. Это прежде всего «евангельское христіан- ство». Зародыши его были уже въ XVI в., но особенно сильно разви- лось оно въ XVIII в. Знакомство съ протестантами, жившими въ М- сквѣ, не мало содѣйствовало развитию отрицательного взгляда на гос- подствующую церковь. Параллельно ему распространяется и такъ на- зываемое «духовное христіанство».

Еще въ XVII в. появились народные пророки, которые рассказывали народной массѣ о своихъ видѣніяхъ и предсказывали будущее. Народная масса считала, что эти пророки говорятъ отъ «Святого Духа». Въ XVIII вѣкѣ убѣжденіе сектантовъ, что Богъ вселяется въ человѣка, пустило глубокіе корни въ народѣ. На почвѣ этого убѣжденія появляется не мало разнородныхъ по своему характеру сектъ, являвшихся отраженіемъ религіозныхъ исканій народа и его недовольства православной церковью. По хѣрѣ развитія духовнаго сектантства въ немъ рядомъ съ религіознымъ элементомъ появляются соціально-политические мотивы, ставившіе сектантовъ во враждебныя отношенія къ современному имъ государству.

Народное образованіе въ XVII в. находилось въ доволыю жалкомъ состояніи. Тогдашнее духовенство относилось враждебно къ знанію, и если кое-гдѣ открывались школы, то въ чисто-профессиональныхъ цѣляхъ, для подготовки священниковъ. Только во второй половинѣ вѣка, подъ влияніемъ отчасти Запада, отчасти юго-западныхъ монаховъ, нѣсколько расширяется понятіе обѣ образованій и начинается цѣнитьсь «свободное знаніе».

Конечно, это теченіе встрѣтило жестокую оппозицію со стороны старыхъ учителей, но мало-по-малу оно все-таки начинало прививаться къ русской жизни. Петръ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, понималъ необходиность образованія и притомъ широко поставленнаго; по условію его дѣятельности, необходимость имѣть подъ руками подготовленныхъ лицъ, заставили Петра забыть обѣ общеобразовательной школѣ и заняться насажденіемъ профессионального образованія. Побѣдки за границу, математическія и навигація школы должны были служить практическимъ потребностямъ государства; такимъ образомъ, по своимъ задачамъ свѣтскія школы мало чѣмъ отличались отъ духовныхъ школъ XVII вѣка. Затѣмъ въ провинціи были открыты цифирныя и архіерейскія школы. Эти школы давали предварительныя математическія и словесныя знанія, а затѣмъ лучшіе ученики должны были отсыпаться въ столицу для окончанія образования. Къ 1727 г. въ этихъ школахъ было около 2000 учениковъ, при чѣмъ около половины всѣхъ учениковъ принадлежало къ духовному званію. Общество относилось враждебно къ школѣ, и обязанность посылать дѣтей въ школы вызывала глубокое недовольство. Родители не пускали дѣтей въ школу, правительству приходилось силой приводить въ школу дѣтей непокорныхъ родителей.

Такое отношеніе къ школѣ объясняется суровостью Петровской педагогики и непониманіемъ задачъ и цѣлей Петра. Тѣмъ не менѣе, мысль о необходимости въ цѣляхъ образования именно свѣтской школы не умерла со смертью Петра и въ теченіе вѣка постепенно становится общепризнанной. Духовная школа также не находилась на высотѣ сво-

его положенія: хотя регламентъ и предписывалъ открытие школъ въ спархіяхъ, но дѣло это тормозилось то вслѣдствіе противодѣйствія спи-
сокоповъ, то вслѣдствіе недостатка средствъ и отсутствія соотвѣтствую-
щихъ учителей. Но все-таки спархіальныя школы были болѣе устой-
чивы: въ открытыхъ школахъ всегда имѣлся достаточный контингентъ
учащихся, поступавшихъ въ цѣляхъ принятія въ будущемъ духовнаго
сана. Въ скоромъ времени эти школы превратились въ семинаріи, а
для подготовки къ нимъ были открыты пізниціа духовныхъ училища.

Пасаждая професіональное образованіе, Петръ, однако, положилъ
начало и общеобразовательной школѣ. Онъ задумалъ учредить Ака-
демію, при ней университетъ, при послѣднемъ гимназію. Гимназіи долж-
ны были подготовить лицъ для поступленія въ университетъ, послѣд-
ній готовилъ научныхъ работниковъ, а академики должны были зани-
маться разработкой науки. Планъ былъ выработанъ при жизни Петра,
а открытие этихъ учрежденій послѣдовало послѣ его смерти. Въ Ака-
деміи засѣдали иѣмцы, не знающие русскаго языка; они же читали лек-
ціи, но, за отсутствіемъ слушателей, профессора ходили сами другъ къ
другу на лекціи. Болѣе удачно дѣйствовала гимназія, хотя большин-
ство учениковъ были иностранцы.

Затѣя Петра должна была кончиться неудачей. Нельзя было от-
крывать среднія и высшія учебныя учрежденія, когда народное обра-
зованіе находилось въ жалкому состояніи, и когда само общество не по-
нимало необходимости образования и не желало учиться. Но правитель-
ство не оставляло попытки двинуть впередъ общее образование. Въ 1755 году въ Москвѣ былъ открытъ университетъ, а для подготовки къ
нему двѣ гимназіи — одна для дворянъ, а другая — для разночинцевъ,
дабы «благородный» не соприкасался съ человѣкомъ изъ «подлаго зва-
нія». Этимъ предполагалось понудить дворянство къ приобрѣтенію об-
разованія. Дворянство довольно сочувственно отнеслось къ сословной
гимназіи: ученье зачитывалось въ военную службу; лица, получившія
среднее и высшее образование, быстрѣе производились въ чинъ, въ гим-
назіяхъ было обращено особенно вниманіе на иностранные языки и на
науки, «пристойныя шляхетству». Одикъ изъ мечтателей, Шуваловъ,
проектировалъ покрыть Россію цѣлою сѣтью школъ, низшихъ и сред-
нихъ, но изъ этого грандіознаго плана, конечно, ничего не вышло. Была
открыта Казанская гимназія, да и та находилась въ плачевномъ поло-
женіи. Однако, дворянство и разночины не особенно любили поступать
въ университетъ. Даже привилегіи не способствовали этому. Студенты
были, болѣею частью, изъ духовныхъ семинарій. Правительство также
уменьшало число студентовъ. Нуждалось въ чиновникахъ, оно призывало
на службу студентовъ задолго до окончанія курса ученія. Это было
тѣмъ болѣе возможно, что студенты получали казенный стипендії, за

которые должны были отслуживать. Такъ, одной рукой сбялось высшее образованіе, другой—упичтожалось.

Со вступлениемъ на престолъ Екатерини II, вопросъ объ общеобразовательной школѣ вступаетъ въ новую фазу своего развитія. Школы Екатерининской эпохи ставили иѣсколько иныхъ задачъ и цѣли. Раньше въ школѣ только учили, теперь должно было доминировать воспитаніе на гуманитарныхъ началахъ. Новая школа должна создать «новую породу людей», такъ какъ педагогическая литература того времени твердо вѣрила въ возможность посредствомъ воспитанія пересоздать человѣчество. Екатерина увлеклась педагогическими идеями вѣка и рубшила заняться организацией общеобразовательной школы. Всякая школа должна быть открыта на слѣдующихъ началахъ: ребенокъ съ 5-6-лѣтняго возраста помѣщается въ закрытое учебное заведеніе и, изолированный отъ вліяній окружающей жизни, предоставляемъ всесвѣль въ распоряженіе педагога. Общеніе съ родными въ періодъ школьнаго обучения ограничивается только крайними случаями, чтобы семья не могла оказать вреднаго вліянія на питомца школы. На такихъ началахъ Екатерина II начала реформировать мужскія учебныя заведенія. Занятая вопросами воспитанія, Екатерина обратила вниманіе и на дѣло женскаго образования. До того времени женщины не получали никакого образования. Семейная обстановка отличалась грубостью отношений и распущенностью нравовъ. Для созданія семьи на новыхъ началахъ необходимо было соответствующее воспитаніе будущей матери. Ради этой цѣли при Смольномъ монастырѣ открывается закрытое учебное заведеніе сначала только для дворянокъ, а потомъ и для мѣщанокъ, и этимъ кладется начало женскому образованію въ Россіи. Учебная программа не отличалась многопредметностью. Учебные предметы занимали въ школѣ второстепенное мѣсто. На первомъ плаунѣ были языки, музыка и танцы для приобрѣтенія «свѣтскости и развязности въ обращеніи».

Педагогические взгляды Екатерины не могли привиться къ русской школѣ. Для этого не было соответствующихъ условій. Отсутствие образованыхъ преподавателей, недостатокъ въ средствахъ не могли не тормозить развитія школьнаго дѣла. Большинство школъ оставалось только на бумагѣ, а въ реформированныхъ, где учились дворянскія дѣти, культивировались танцы, музыка, пѣніе, устраивались вечера и спектакли. Серьезное умственное развитіе стояло на заднемъ планѣ. Конечно, задачи Екатерининской школы — большой шагъ впередъ сравнительно со взглядомъ Петра на школу, но закрытые школы принесли немало вреда. Онѣ воспитывали молодежь, оторванную отъ жизни, незнакомую съ реальными житейскими условіями. Это особенно примѣнительно къ женской школѣ. Ея питомцы поражали всѣхъ скучностью своего образования, познаніемъ жизни и поразительной непракти-

тичностью. Такія лица не годились для борьбы съ жизнью и для воспитанія дѣтей на гуманныхъ началахъ, по, попадая изъ института въ глухую провинцію, они все-таки являлись лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ крѣпостной Россіи. Доволено скоро сама Екатерина разочарована, въ своихъ педагогическихъ идеалахъ. Ревизія школъ обнаружила стабую постановку преподаванія научныхъ предметовъ въ открытыхъ уже учебныхъ заведеніяхъ. Къ этому же времени и взглядъ на задачи школы тоже иѣсколько видоизмѣнился. Екатерина II опять вопросомъ обучения придастъ первенствующее значеніе. Но разочаровались въ своихъ прежнихъ педагогическихъ увлеченіяхъ, она, однако, сохранила въ цѣлости убѣжденіе, что школа должна имѣть въ виду не професіональныя, а педагогическая цѣли.

Задавшись цѣлью покрыть страну цѣлою сѣтью школъ, Екатерина II обратилась за помощью къ австрійскому императору Іосифу II, рекомендовавшему ей серба педагога Янковича. По пріѣздѣ въ Россію, Янковичъ занялся выработкой плана учебныхъ заведеній. Этотъ планъ, никогда не введенный въ жизнь, заслуживаетъ вниманія. Онъ предлагалъ учредить школы трехъ типовъ, находящіяся въ связи другъ съ другомъ. Ученики школы каждого типа могли продолжать свое образованіе въ школѣ высшаго типа, при чемъ низшій типъ школы давалъ законченное образованіе. Эта концентрическая система школъ прямотаки удивительна для того времени. Однако, этотъ теоретическій планъ не былъ введенъ въ жизнь. Отсутствие средствъ — главная причина, да и образованныхъ преподавателей попрежнему не было. Въ тѣхъ мѣстахъ, где школы были открыты, число учащихся было незначительно, да и то большинство училось въ низшихъ типахъ школъ, где знакомство съ грамотой и первоначальной ариѳметикой давало дѣтямъ купцовъ, мышканъ и солдатъ необходимый запасъ знаній для практической жизни. Городское населеніе, и безъ того обложеннное палогами, тяготилось содержать школы и старалось ихъ совсѣмъ закрыть. Приходится признать неудавшейся эту попытку насажденія общеобразовательной школы. Что касается собственно пародий школы, то ея почти не было. Да и зачѣмъ грамотность и обученіе крестьянину, когда онъ окончательно превратился въ раба, лишеннаго какихъ бы то ни было правъ.

Вѣшняя политика въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

Въ теченіе вѣка территорія русского государства значительно расширилась, въ особенности на югѣ, западѣ и сѣверо-западѣ. Ея расширение связано со стремленіемъ довести границы страны до ся естествен-

ныхъ продѣловъ и закончить процессъ объединенія всей русской народности. Превратившись въ европейское государство, Россія принуждена была участвовать въ цѣломъ рядѣ европейскихъ событий, и это участіе было весьма виднымъ факторомъ пашей вѣнцесей политики. Въ началѣ вѣка правительству приходилось считаться съ вопросами турецкимъ и балтійскимъ. Петръ съ жаромъ принялся за разрѣшеніе послѣдняго вопроса въ союзѣ съ Даніей и Польшей. Сначала война для союзниковъ не была удачной. Шведскій король Карлъ XII, разбивъ датскаго короля, наскѣc Петру рѣшительное пораженіе подъ Нарвой, а затѣмъ такая же судьба постигла и Польшу. Раздѣлавшись съ союзниками Россіи, Карлъ двинулся въ Малороссію въ надеждѣ на поддержку со стороны казаковъ. Ожиданія Карла не вполнѣ оправдались: на его сторону перешли лишь гетманъ Мазепа и часть старшинъ. Подъ Полтавой произошло рѣшительное сраженіе, кончившееся бѣгствомъ Карла и побѣдой Петра. Полтавскій бой заранѣе опредѣлилъ конечный исходъ войны.

Скоро затѣмъ Россіи пришлось воевать съ Турцией, которая подъ вліяніемъ Карла и Франціи объявила войну. Петръ быстро двинулся къ Пруту, въ надеждѣ на сочувствіе и поддержку балканскихъ славянъ. Ожиданія не оправдались, армія была поставлена въ очень затруднительное положеніе, и ей грозило полное пораженіе, если бы главнокомандующій турецкой арміей не польстился на русское золото. Миръ былъ заключенъ, но Россія потеряла Азовъ, завоеванный недавно съ такимъ трудомъ. Заключеніе мира развязало Петру руки на западѣ. Возобновившіяся военные дѣйствія привели, въ концѣ концовъ, къ Ништадскому миру 1721 г., по которому Россія получила Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Корелію и часть Финляндіи. Заключеніемъ мира 1721 г. былъ решенъ балтійский вопросъ, но на смѣну ему выступаетъ вопросъ финляндскій. Нѣсколько разъ возникали изъ-за Финляндіи столкновенія Россіи со Швеціей. Первая стремилась расширить свое вліяніе въ Финляндіи, вторая — совсѣмъ удалить изъ нея русскихъ. Эти столкновенія кончились для Швеціи плохо. Въ началѣ XIX в. вся Финляндія была въ рукахъ Россіи.

Послѣ Петра отношенія Россіи и Турціи не были дружелюбны. Стремленіе первой добраться до береговъ Чернаго моря, конечно, вызывало сопротивленіе второй, но до вступленія на престолъ Екатерины II столкновенія съ Турцией дали ничтожный результатъ. Въ 1768 году началась первая турецкая война, осложнившаяся потомъ польскими дѣлами. Война, стоявшая безумныхъ денегъ и потери большого количества солдатъ, кончилась расширениемъ территории на югѣ, хотя Крымъ остался за Турцией. Польская дѣла, затѣмъ крестьянская волненія отвлекли вниманіе Екатерины II отъ восточного вопроса. Турція

же внимательно следила за положениемъ дѣлъ въ Россіи и мечтала возвратить обратно всѣ пріобрѣтенія русскихъ. Скоро вспыхнула вторая турецкая война. Вслѣдъ она, благодаря Потемкину, плохо. Трудно сказать, чѣмъ она окончилась бы для Россіи, если бы не побѣды Суворова. Въ концѣ концовъ, Турція должна была заключить миръ. По Яссскому миру Россія пріобрѣла Крымъ и полосу земли у Днѣстра; она достигла, наконецъ, береговъ Чернаго моря.

Ростъ военпаго могущества Россіи совпалъ съ возвышеніемъ Пруссії. Ея усиленіе было не въ интересахъ сосѣдей: Россіи и Австріи. Общіе интересы заставили Россію и Австрію заключить союзъ. Австрія оказала незначительную поддержку Россіи въ турецкой войнѣ при Аннѣ Ioannovnѣ, а русскимъ войскамъ пришлось сражаться съ прусскими во время семилѣтней войны. Дѣйствія союзниковъ были очень удачны; положеніе Фридриха II, по его словамъ, было прямо-таки отчаянное. Вѣроятно, она кончилась бы полнымъ разгромомъ Пруссіи, но смерть Елизаветы Петровны сразу измѣнила положеніе дѣлъ и взаимное соотношеніе силъ. Ея преемникъ, поклонникъ Фридриха II, Петръ III немедленно заключилъ союзъ съ прусскимъ королемъ, и на сеймѣ русско-австрійскому союзу явилось прусско-русское соглашеніе. Подъ вліяніемъ Пруссіи Екатерина II согласилась на первый польскій раздѣлъ (1772 г.), хотя раздробленіе Польши, усиливавшее соѣдей, было не въ интересахъ Россіи. По первому раздѣлу Россіи досталась Вѣлоруссія, заселенная русской народностью. Когда началась вторая турецкая война, то въ Польшѣ была особенно сильна партія, желавшая видоизмѣненія государственного строя. Партия реформаторовъ желала отмѣны *liberum veto* (т. е. права свободного шляхтича, остановить какое бы то ни было рѣшеніе сейма, вслѣдствіе чего законодательная работа сейма сходилась на-гѣтъ), расширенія состава сейма допущеніемъ нешляхетского элемента и замѣны избирательного престола наслѣдственнымъ. Партия молодежи падѣлась па поддержку Пруссіи. Провозглашенная конституція 3-го мая 1791 г. была встрѣчена частью польского общества въ высшей степени враждебно. Начали образовываться партіи въ пользу возвращенія къ старому строю. Екатерина II до окончанія войны хранила полное молчаніе, хотя, надо замѣтить, въ надеждѣ на помощь прусского короля реформаторы держались очень заносчиво по отношенію къ ней, чѣмъ задѣли ея самолюбіе. Когда къ ней обратились за помощью противники конституціи 3-го мая, Екатерина II отправила въ Польшу войска. Король прусскій оказался истиннымъ предателемъ, перейдя на сторону Екатерины. Въ результатѣ получился второй раздѣлъ Польши, по которому Россія получила опять старинные русскія области: Україну, Волынь, Подолію и часть Польсія. Вскорѣ въ Польшѣ вспыхнуло восстание; повстанцы

были разбиты. Последовавший третий раздѣль прекратить существование Польши, какъ самостоятельного государства. Раздѣлами Польши заканчивался процессъ объединенія русской народности, начавшійся въ XIV в. Несмотря на видимое увеличеніе территории, раздѣлы Польши не соответствовали интересамъ русской политики. Вместо слабой Польши, Россія имѣла теперь подъ бокомъ сильную Пруссію, мало расположенную къ мирному культурному развитію. Польская нація, потерявшая самостоятельность, конечно, не могла забыть прошлаго. Отсюда рядъ столкновений и недоразумѣй съ Польшей.

Агрессивныя дѣйствія французской республики вызвали негодованіе Екатерины II, но, занятая польскими раздѣлами, она, конечно, не могла и думать о борьбѣ противъ молодой республики. Къ тому же, Россія была истощена и нуждалась въ спокойствіи. Ея преемникъ, въ опубликованномъ по вступленіи на престолъ манифестѣ, указалъ на необходимость вѣнчанаго мира для страны, но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ слова манифеста не оправдались. Французская революція и республика были такъ же ему ненавистны, какъ и Екатеринѣ. По мѣрѣ роста завоеваній Наполеона, Павель укрѣплялся въ мысли о необходимости остановить разрушительное движеніе консула. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что эта почетная миссія выпадаетъ именно на его долю. Когда австрійцы, чувствуя себя по въ силахъ бороться съ республиканскими войсками, обратились за поддержкой къ Россіи, Павель немедленно далъ согласіе, и походъ былъ рѣшеннъ. Войска подъ начальствомъ Суворова одержали рядъ побѣдъ, но затѣмъ внезапно были отозваны домой. Недовольный союзниками, Павель вступилъ въ мирные переговоры съ Наполеономъ. Подъ его влияніемъ Павель затѣвалъ уже новую войну въ союзѣ съ Франціей противъ Англіи, но убийство Павла остановило военные приготовленія. Впечатлительный и нервный Павель скорѣ поддавался дѣйствію чувства, а не разсудка. Этимъ только и можно объяснить его колебанія во вѣнчаной политикѣ.

Его преемникъ сначала тоже держался мирной политики. Молодой государь рѣшилъ твердо поддерживать со всѣми хорошія отношенія и оставить всякия воинныя затѣи. Той же системы рѣшено было держаться и по отношенію къ Наполеону, подчеркивая въ то же время, что русскіе всякую минуту могутъ оказать противодѣйствіе, если со стороны французского правительства послѣдуютъ агрессивныя дѣйствія. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ наша вѣнчаная политика приняла другой характеръ. Въ теченіе всего царствованія Александра I Россія вела немало войнъ, пришла участіе въ рѣшеніи самыхъ сложныхъ международныхъ вопросовъ. Наши войска искоlesили всю Европу,увѣнчали себя военными лаврами, но итоги всѣхъ этихъ шумныхъ войнъ были печальны. Страна была истощена и разорена: ея торговля, финанссы,

государственное хозяйство, промышленность, — все это было въ жалкомъ состояніи. Населеніе стонало отъ налоговъ и рекрутскихъ поборовъ, тѣмъ болѣе, что въ 1813 г. не брезгали и 15-лѣтними юношами. Наполеонъ сначала пытался поддерживать съ Александромъ I самыя хороія отношенія, указывая ему на выгоды отъ взаимнаго сближенія: между обѣими странами устанавливались мирные торговыя сношенія, основанныя на обоюдной пользѣ. Предполагалось, что порты Чернаго моря явятся центромъ торговыхъ операций. Но въ Петербургѣ была сильна англійская партия, настаивавшая на разрывѣ съ консуломъ. Правда, ея дѣйствія не всегда были безкорыстны, но съ ея вліяніемъ приходилось считаться. Она всячески настраивала Александра I противъ Наполеона, но вплоть до его коронаціи отношенія между ними были спокойны. Къ этому времени выяснилось, что Австріи необходимо вступить въ борьбу съ Наполеономъ, и русско-австрійскій союзъ былъ заключенъ. Но австрійцы не довѣряли русскимъ. Ихъ постоянно волновала мысль, какъ бы ослабленіе Австріи не содействовало укрѣпленію Россіи на Балканахъ. Планъ военныхъ дѣйствій не былъ выработанъ, русские и австрійскіе генералы другъ другу не довѣряли и дѣйствовали прозрѣ.

Присутствіе Александра I въ лагерѣ дѣлало Кутузова номинальнымъ главнокомандующимъ. Всѣмъ распоряжался Александръ I, а Кутузовъ являлся только посредникомъ между государемъ и арміей. Неудивительно, что столкновеніе съ Наполеономъ окончилось позорно. Союзники при Аустерлицѣ потерпѣли жестокое пораженіе. Австрійцы поспѣшили заключить сепаратный миръ съ Наполеономъ. Александръ I, самолюбіе и честолюбіе котораго было задѣто, убѣдилъ прусского короля вступить съ нимъ въ союзъ и начать новую войну. Незадолго передъ тѣмъ было заключено франко-пруссійское соглашеніе, но невыгоды его сказалась скоро: англичане начали захватывать прусскіе короліи и свели на-пѣтъ ся довольно значительную морскую торговлю. Въ виду полнаго разоренія, въ Пруссіи образовалась сильная военная партия, и подъ ея давленіемъ возникло русско-пруссійское соглашеніе. Быстро дѣйствія Наполеона разбили прусскую армію. Вся Пруссія была въ рукахъ Наполеона, а король уѣхалъ въ далекій Кенигсбергъ, умоляя Александра I помочь ему вернуть назадъ утраченное королевство. Началась борьба Наполеона и Александра I. Съ начала войны пришло часть войска отослать въ Бессарабію, вслѣдствіе наступательныхъ дѣйствій со стороны Турціи. Такое дробленіе силъ сильно ослабляло нашу армію. Да и дѣйствія главнокомандующаго сразу поставили русскихъ въ весьма невыгодное положеніе. Побѣда Наполеона подъ Фридландомъ заставила обѣ стороны вступить въ соглашеніе — тѣмъ болѣе, что финансы союзниковъ были въ печальномъ положеніи,

и для дальнѣйшаго веденія войны не было денегъ. Мирные переговоры сопровождались свиданіемъ на Штманѣ, а по заключеніи Тильзитскаго мира оба монарха, живя въ Тильзитѣ, казалось, питали другъ къ другу самыя сердечныя чувства.

Условія Тильзитскаго мира не были выгодны для Россіи. Заключенный по необходимости, этотъ миръ послужилъ главной причиной будущихъ враждебныхъ отношений Россіи къ Франціи. Правда, она получила Бѣлостокскую область и могла начать болѣе рѣшительная весенныя дѣйствія противъ Турціи, получивъ отъ Наполеона на это согласіе. Но на ряду съ этимъ, убаюкивая Александра I всячими увѣщающими обѣщаніями, искусно играя на его душѣ, Наполеонъ заставилъ Александра принять континентальную систему. Цѣлью ея было убить торговое значеніе Англіи. Въ этихъ видахъ Александръ I обязывался порвать всякия торговые союзенія съ Англіей, по послѣднєе для Россіи означало полное разореніе, такъ какъ наше сырье преимущественно вывозилось въ Англію, и отъ торгового баланса зависѣлъ нашъ курсъ. Въ Россіи не были довольны миромъ. Населеніе не понимало, какъ можно заключить союзъ съ Наполеономъ, котораго недавно объявили антихристомъ и проклинали въ церквяхъ.

Страна экономически разорялась. Торговля прекратилась, торговый балансъ былъ не въ нашу пользу, курсъ бумажныхъ денегъ падалъ, и всѣ попытки поднять его кончились неудачей. Начинался обходъ континентальной системы, вызывая тѣмъ самымъ раздраженіе и недовольство со стороны Наполеона. Отношенія постепенно ухудшались, и даже Эрфуртское свиданіе, отчасти оскорбительное для Александра I, не поправило ихъ. Недавніе союзники чувствовали себя врагами. На Эрфуртскомъ свиданіи была рѣшена война 1812 г., — и обѣ стороны начали дѣятельно къ ней готовиться. Война началась переходомъ Наполеона черезъ Нѣманъ. Быстрое наступленіе французскихъ войскъ заставило отказаться отъ мысли защищаться въ Западномъ краѣ, у укрѣпленныхъ лагерей. Пришлось отступать въ глубь Россіи, безъ всякаго плана и системы. Французская армія была въ пѣсколько разъ сильнѣе русской, но боевая ея годность была не высока. Большая часть ея была составлена изъ покоренныхъ союзниковъ, которые, выступая въ походъ, подчинялись только грубой силѣ. Конечно, на нихъ не приходилось особенно полагаться. Боевое ядро собственно французской арміи растворялось среди массы союзническихъ войскъ.

Русская армія была слабѣе Наполеоновской, но участіе въ коалиціяхъ, а также турецкая война отчасти закалили ее и дали ей возможность пріобрѣсти нѣкоторые боевые качества. Зато управление въ арміи являлось образцомъ беспорядка, въ то время, какъ въ арміи противниковъ все подчинялось желѣзной волѣ ся вождя.

Къ началу войны 1812 г. политический горизонтъ для Россіи нѣсколько прояснился. Война съ Турцией кончилась Бухарестскимъ міромъ. Явилась возможность пополнить главную армію босымъ отрядомъ съ опытными начальниками во главѣ.

Отступление русской арміи было гибелью для Наполеона. По мѣрѣ движенія внутрь страны количественный составъ его арміи уменьшался подъ влияніемъ дезорганизма, но все-таки она раза въ два была больше русской. Была настоящая нужда въ подкреплениі русской арміи новыми войсками. Дворянство согласилось пожертвовать ради общаго блага своими крѣпостными. Всюду составлялись ополченія, но существенной пользы они не принесли. Не только военная подготовка ихъ заставляла желать много лучшаго, но и правительства даже не хватало средствъ на ихъ содержаніе и обмунировку. Собранныя ополченія не оказали арміи существенной поддержки.

Присутствіе въ арміи Александра I влосило не мало беспорядка. Никто не зналъ, кому повиноваться и кто является отвѣтственнымъ за принятая рѣшенія. Создавшагося положеніе дѣлъ не замѣчалъ только Александръ I, оставившій, однако, армію по настоянію лицъ, имѣвшимъ смѣость заговорить съ нимъ объ этомъ. Съ отѣзdomъ государя положеніе дѣлъ мало измѣнилось къ лучшему. Главнокомандующій Барклай-д-Толли не пользовался популярностью, предпринятое имъ отступление велось безъ плана, и если въ это время Наполеону не удалось напасть па настъ, то это всецѣло надо приписать двумъ факторамъ: полному позицію мѣстности и климатическимъ условіямъ. Безпрерывные ливни сильно затрудняли движеніе арміи, а бездорожье дѣлало невозможнымъ развѣдоочную службу кавалеріи. Да и самостоятельныя дѣйствія французскихъ генераловъ не были доказательствомъ ихъ военного таланта. Двухдневный бой подъ Смоленскомъ далъ возможность главнымъ силамъ перейти на московскую дорогу, такъ какъ предполагалось около Москвы дать генеральное сраженіе. Въ это время Барклай былъ смѣненъ Кутузовымъ. Александръ I былъ противъ его назначенія: аустерлицкое пораженіе было главной причиной недовольства имъ со стороны государя. Новый начальникъ арміи не отличался военными талантами, но, несомнѣнно, имѣлъ въ некоторую боевую подготовку. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія въ арміи не прекратились и съ его прѣзидомъ. Необходимаго порядка, военного подчиненія въ ней не было.

Уступая настроенію арміи, Кутузовъ рѣшилъ дать генеральное сраженіе. Разыгрался 26 августа знаменитый Бородинскій бой, кончившійся, впрочемъ, весьма печально. Отъ полного разгрома арміи спасли только случайно неудавшіяся тактическія движенія Наполеона, но все русскія позиціи были въ рукахъ врага.

Послѣ Бородина значительно увеличился численный перевѣсъ

армії Наполеона, такъ какъ потери русскихъ были вдвое большие французскихъ.

При этихъ условіяхъ защищать Москву было немѣстомъ, и Кутузову пришлось отдать ее въ распоряженіе врага, а самому отступить за Москву. Наполеонъ занялъ ее, но, когда городъ начали поджигать со всѣхъ сторонъ — по приказанію Ростопчина, Наполеону оставалось одно: поскорѣе изъ нея убраться, тѣмъ болѣе, что на предложеніе мира не послѣдовало никакого отвѣта. Пробиться на югъ Наполеону не удалось и пришлось отступать по разоренной смоленской дорогѣ. Тяжелое положеніе арміи ухудшилось вслѣдствіе ранняго наступленія зимы. Попытка захватить Наполеона у Березины по безтолковости Чичагова кончилась неудачей. Съ 60-ю тысячами войска Наполеонъ вышелъ изъ Россіи. Да и русская армія была очень слаба: изъ 100 тысячъ въ ней осталось только 26. Съ уходомъ Наполеона страна была свободна отъ враговъ. Всѣ ожидали мира, этого требовали государственные интересы. Кутузовъ и выдающіеся государственные дѣятели настаивали на мирѣ, по иного мнѣнія держался Александръ I. Задѣтый и оскорблѣнnyй Наполеономъ, государь выступалъ теперь въ качествѣ личнаго мстителя и желалъ полшаго искорененія Наполеона. Къ этому присоединились просьбы потерявшихъ тронъ королей и князей, и новой войнѣ придали широкій освободительный характеръ. Для Россіи новая война была безуміемъ, по правительство, руководясь личными расчетами, не обращало на состояніе Россіи никакого вниманія. Странѣ пришлось испытать рядъ новыхъ тяжелыхъ наборовъ, пережить чуть ли не государственное банкротство во имя чуждыхъ ему интересовъ.

Походы 1813 — 1814 гг. велись также безъ плана. Союзники не довѣряли, мышали другъ другу. Наполеону удалось нанести рядъ существенныхъ пораженій союзникамъ. Все-таки численное превосходство было, въ концѣ концовъ, на сторонѣ союзниковъ. Предпринятый походъ на Парижъ рѣшилъ судьбу Наполеона. Онъ принужденъ былъ отказаться отъ престола и отправиться на островъ Эльбу. Побѣдоносной русской арміи жилось за границей плохо: императоръ относился свысока къ русскимъ, унижалъ ихъ передъ французами. Въ немъ проснулась отцовская страсть къ муштровкѣ. Армія, не отдохнувшая отъ похода, была замучена ученіями и нелѣпыми парадами. Вернувшись домой, Александръ I скоро отправился въ Вѣну на конгрессъ, гдѣ дипломаты занялись рѣшеніемъ судебъ Европы. Союзники, безпрекословно подчинявшіяся Александру I, пока Наполеонъ былъ опасенъ, теперь его игнорировали, входили въ тайны соглашенія, направленныя противъ Россіи. Засѣданія конгресса были прерваны появленіемъ Наполеона, но англичане его разбили до прибытія союзной арміи. Затѣмъ конгрессъ возобновился. Александръ I настоялъ на присоединеніи къ Россіи Вар-

иавы съ Цариницкимъ краемъ. Это была, въ сущности, ничтожная награда за нечестивые труды. Разгромомъ Наполеона и возстановление Людовика XVIII на французскомъ престолѣ и разновѣсія въ Европѣ кончился походъ 1813—1814 гг. Революція во Франціи, казалось, была уничтожена, и восторжествовать законный порядокъ. Мечту Екатерины II и Павла привезъ въ исполненіе Александръ I. Таковы итоги шумной вѣнчаной политики начала нового вѣка.

Время Павла I и Александра I.

Внутренняя политика Павла I.

Начало Павловскаго царствованія сопровождалось крестьянскими волненіями, охватившими почти всю Россію. Въ большинствѣ случаевъ эти волненія приходилось усмирять военной силой. Зачинщиковъ наказывали кнутомъ, ссылкой въ Сибирь. Характерно, что въ волненіяхъ принимало активное участіе сельское духовенство. Крестьянскія волненія конца XVIII в. по силѣ и продолжительности напоминали собой давно минувшій Пугачевский бунтъ. Несомнѣнно, главной причиной является ухудшеніе положенія крестьянской массы. Конецъ XVIII в. для крестьянства являлся временемъ быстрого роста оброка и усиленія барщины, не говоря уже о томъ, что послѣ Пугачевщины побѣдители—помѣщики давали себя чувствовать побѣждаемымъ крестьянамъ. Къ тому же, активная вѣнчаная политика, требовавшая массы денегъ, разоряла крестьянскую массу.

Крестьянскія восстанія всюду были прекращены, но правительству пришлось нѣсколько задуматься надъ упорствомъ крестьянъ, съ какимъ они оставали свои требования, и надъ непрерывностью волненій. Кромѣ того, даже павловскіе солдаты, подчиненные желѣзной дисциплинѣ, въ общемъ дѣйствовали вяло, а мѣстами даже не стрѣляли въ крестьянъ.

Слухи о жестокостяхъ помѣщиковъ обыкновенно при провѣрѣ подтверждались. Все это заставило издать рядъ мелкихъ законовъ въ интересахъ крѣпостного крестьянства. Наиболѣе важнымъ изъ нихъ является законъ о трехдневной барщинѣ. Къ сожалѣнію, на практикѣ законъ не имѣлъ никакого значенія: его никто не соблюдалъ, а правительство не сумѣло или, вѣрѣ, не пожелало организовать надлежащимъ образомъ надзоръ за исполненіемъ закона.

Въ результатѣ, вся эта законодательная работа не имѣла никакого значенія: положеніе крестьянской массы остается безъ перемѣнъ. Слѣ-

дуется замѣтить, что при Павлѣ иродолжалась раздача крестьянъ, а въ Новороссії они потеряли право перехода и, такимъ образомъ, являлись крѣпкими тому землевладѣльцу, гдѣ были записаны въ ревизскія сказки. Такъ одной рукой подписывались законы въ пользу крестьянъ, а другой — противоположнаго содержанія; во всякомъ случаѣ, нельзѧ говорить о времени Павла, какъ о моментѣ, когда правительство было серьезно занято крестьянскимъ вопросомъ и желало его разрѣшенія.

Больше существеннымъ для Павла вопросомъ быль вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ XVIII в., какъ извѣстно, не было на этотъ счетъ опредѣлѣшаго закона: судьба русскаго престола зависѣла отъ случая или воли царствующаго монарха. Отсутствіе такого закона причинило не мало огорченій Павлу, считавшемуся наслѣдникомъ престола. Будущій государь не любилъ своей матери, платившей ему тѣмъ же. Обострившіяся отношенія смѣнились взаимной испавистью, которой обѣ стороны не скрывали. Отчасти подъ ея вліяніемъ, отчасти, быть-можетъ, благодаря знанію характера своего сына, Екатерина задумала лишить его престола и назначить наслѣдникомъ любимаго внука — Александра. Отказъ послѣдняго поставилъ ее въ затруднительное положеніе, а постигшій ударъ лишилъ возможности назначить Александра наслѣдникомъ. Законъ о престолонаслѣдіи быль составленъ Павломъ еще въ бытность его наслѣдникомъ. Въ апрѣль 1797 г. онъ быль опубликованъ. На основаніи новаго закона уничтожалась всякая случайность въ дѣлѣ наслѣдованія престола: послѣднай переходилъ по прямой линіи — по праву первородства, и только за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ переходилъ въ боковыя линіи — по принципу старшинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ было издано «Учрежденіе объ Императорской Фамиліи», для содержанія которой отводились государственные земли и крестьяне, получившіе новое наименованіе «удѣльныхъ».

Вступивъ на престолъ, Павелъ немедленно открылъ походъ противъ памяти матери. Близкія къ ней лица были удалены въ отставку и отправлены въ свои деревни. Началась безсистемная отмѣта изданныхъ матерью законодательныхъ актовъ. Во внутренней дѣятельности Павла нельзѧ было уловить никакого плана; вмѣсто устроенія доставшагося ему наслѣдства, Павелъ еще больше его разстроилъ. Распоряженія государя вообще были случайны и часто издавались подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ, имъ овладѣвшихъ. Такая случайность была и въ основѣ его отношений къ людямъ. Падали одни, возвышались другіе. Приближенія къ государю боялись наравнѣ съ паденiemъ. Недовольство постепенно овладѣвало всѣми. Постоянныя вахты-парады, безсмысличная жестокость, съ которой водворялась въ полкахъ дисциплина, удаленіе въ отставку лучшихъ командировъ и замѣна ихъ грубыми «гатчинцами» вызывали раздраженіе въ восиной средѣ. Безсмыслич-

ные указы, изданные въ цѣляхъ предотвращенія революціонныхъ идей, защищали личность и усиливали недовольства. Неустойчивая впѣшняя политика, подная всякихъ случайностей и неожиданностей, переполнила чашу терпѣнія. Составился заговоръ, и въ ночь на 11 марта 1801 года Павла не стало. На престолѣ вступилъ его сынъ, Александръ.

Правительственный либерализмъ въ началѣ XIX вѣка.

Вступленіе внука Екатерины всѣхъ радовало. Люди встрѣчались на улицахъ и поздравляли другъ друга съ радостнымъ событиемъ. Либеральная мысль, загнанная Павломъ въ подполье, громко заявляетъ о своемъ существованіи. Правительство, видимо, ей сочувствуетъ.

Общественная мысль усиленно работаетъ, создавая неосуществвимыя пока планы и проекты. Всё вниманіе общества сосредоточивалось на молодомъ государѣ. Въ немъ видѣли залогъ дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія Россіи.

Екатерина очень любила своего старшаго внука. Разлучивъ его съ отцомъ и матерью, она взяла его подъ свой непосредственный падзоръ и внимательно следила за его духовнымъ и физическимъ развитіемъ. Ею же было составленъ наказъ, какъ руководство для воспитателей. Развитіе ума и сердца, благородство души — вотъ конечная цѣль воспитанія ея внука. Сначала выбрали воспитателемъ Салтыкова, великоклѣпнаго придворнаго, но никуда не годнаго воспитателя, а затѣмъ дѣло воспитанія взялъ въ свои руки Лагарпъ, образованный швейцарскій гражданинъ. Планъ обученія былъ представленъ Екатеринѣ и былъ ею одобренъ. Въ помѣрѣ мало отводилось мѣста принципіямъ тогдашней философской мысли. Знакомство съ нею для будущаго государя необходимо. Она должна выработать въ немъ положительныя идеалы. Другіе преподаватели, исключая и духовника Самборскаго, стояли на той же точкѣ зрѣнія. Хорошіе философы оказались на дѣлѣ плохими воспитателями. Философскія идеи разсматривались въ времени и пространства. Изученіе историческаго прошлаго и знакомство съ реальной дѣйствительностью почти не имѣло мѣста въ ихъ учебномъ планѣ. Они читали книги, вели бесѣды на самыя разнообразныя темы, но не пріучали своего питомца къ самодѣятельности и работѣ.

Александру I всегда все преподносили въ готовомъ видѣ. Черная, подготовительная работа была ему незнакома. Эта непривычка къ самостоятельной работе сказалась впослѣдствії, когда законодательная дѣятельность потребовала много предварительной работы. Разработка вопроса всегда была ему не по силамъ. Этимъ объясняется, почему Александръ I любилъ ставить вопросы и принимать горячее участіе

въ ихъ принципіальномъ обсужденіи, по уставалъ и зѣвалъ, когда приходилось отъ принципіовъ переходить къ детальной разработкѣ вопроса. Лица, знавшія Александра I, отзываются хорошо о его способностяхъ, по уже довольно рано отмѣчаютъ въ немъ большое сомибніе и прямо-таки болѣзньше самолюбіе. Въ разгарѣ ученія начались поиски невѣсты. Увлечение невѣстой, обручение, потомъ бракъ фактически прекратили учебныя занятія. Воспитательница-бабушка, оберегая нравственную чистоту внука, женила его въ тотъ моментъ, когда созрѣвшія духовныя силы требуютъ пищи. Этимъ объясняется та отсталость въ наукахъ, на которую жаловался государь: при Павлѣ военныя обязанности мѣшали его занятіямъ, а когда пришлось самому царствовать, то, конечно, было не до нихъ.

Началась лихорадочная, лишенная плача преобразовательная дѣятельность, и тутъ сказалось неумѣніе Александра работать, стройно логичоски мыслить. При жизни бабушки Александръ хотѣлъ отречься отъ престола, находя недѣлой систему наследственного престола; но политика Павла заставила его отказаться отъ этой мечты юности и убѣдила въ необходимости царствовать для насажденія въ государствѣ права и законности. Его другу Чарторыйскому даже поручено было составить проектъ манифеста о созывѣ учредительного собранія. Въ моментъ вступленія на престолъ Александра I въ столицѣ не было никого изъ друзей государя, за исключеніемъ Строганова. Немедленно были къ немъ посланы пригласительные письма, и въ скоромъ времени они съѣхались. Это были: князь Адамъ Чарторыйскій, Кочубей и Новосильцевъ. Всѣ они созывались въ столицу для законодательной работы. До приѣзда друзей государь часто велъ бесѣды со Строгановымъ. Въ бесѣдахъ рѣчь заходила о реформѣ, представлявшейся государю въ довольно туманномъ очертаніи. По мнѣнію Строганова, въ предстоящей реформѣ надо выдѣлить два момента — реформу правленія и потомъ выработку конституції. Александръ же думалъ, что главная задача реформы — это установлѣніе общезвестныхъ «правъ гражданина». Когда друзья съѣхались, то, по предложению Строганова, было образованъ особый неофиціальный комитетъ, въ которомъ должна была сосредоточиться вся законодательная работа. Авторъ проекта комитета велъ изо дня въ день замѣтки о ходѣ занятій, и, благодаря этому, является возможность восстановить картину законодательной работы первыхъ лѣтъ правленія Александра I. Сотрудники Александра указывали, что у него нѣтъ никакого опредѣленного плача, кроме однихъ прищницъ. Слѣдуетъ то же сказать и о нихъ самихъ. Это были молодые аристократы, знакомые съ той же философской литературой, — люди, почти не знающие той стропы, для которой они собирались законодательствовать. Полякъ Чарторыйскій мало интересовался Россіей

и пользовался своей дружбой съ государемъ въ цѣляхъ возстановленія Новосильці; Кочубей и Новосильцевъ были большими поклонниками аристократической Англіи, по еще болѣе улыбалась имъ мысль управлять страной сообща съ императоромъ. И у нихъ не было плана реформъ, ни политическихъ, ни соціальныхъ. Въ сторонѣ стоить Страгановъ — ученикъ якобинца Ромма. Несомнѣнно, онъ радикальнѣе своихъ друзей, но политическое его міровоззрѣніе такъ же неопределено, какъ и у нихъ. Въ общемъ, неофиціальный комитетъ — это собраліе чувствительныхъ душъ, либерально настроенныхъ, но не знающихъ, какъ взяться за работу. Съ государемъ ихъ сближала общность принциповъ и расплывчатость міровоззрѣнія. Они такъ же, какъ и онъ, любили ставить вопросы, но не заниматься детальной ихъ разработкой. Этимъ и объясняется бесплодность ихъ законодательной дѣятельности. При чтеніи отчетовъ о засѣданіяхъ приходится удивляться, съ какой легкостью и быстротой они переходили отъ одного вопроса къ другому, касаясь каждого изъ нихъ только въ общихъ чертахъ. На бесплодность законодательной работы комитета много также влияла борьба со старинными дѣльцами Екатерининского царствованія, не пытавшимися къ молодежи особеннаго сочувствія. Боязнь усиленія вліянія стариковъ заставляла напрягать всѣ силы, чтобы дискредитировать ихъ въ глазахъ государя. Для борьбы съ вліяніемъ стариковъ молодежь выработала определенную тактику: указывали государю на отсталость стариковъ и на ихъ несочувствіе тѣмъ принципамъ, которые объединяли комитетъ въ одно цѣлое.

Законодательная дѣятельность Александра выразилась прежде всего въ возстановленіи всего того, что было отмѣнено его отцомъ. Съ большой неохотой онъ возстановилъ «Жалованную Грамоту Дворянству», находя ея принципы противными идеѣ равенства, но слова Кочубея, что ничего не мѣшаетъ въ будущемъ распространить привилегіи Грамоты на всѣ сословія, убѣдили государя дать согласіе на ся возстановленіе. Новосильцевъ предлагалъ лишить права участія въ дворянскихъ съездахъ лицъ, неграмотныхъ и жестоко обращающихся съ крестьянами, но это пожеланіе не прошло. Тогда же разматривался проектъ «деклараціи правъ», даруемой въ день коронаціи русскому обществу. Декларація гарантировала неприкосновенность личности подобно английскому «Habeas Corpus». Новосильцевъ былъ противъ принциповъ Грамоты — подъ тѣмъ предлогомъ, что, «прежде, чѣмъ вводить подобные принципы въ жизнь, надо подумать, не придется ли самому правительству ихъ нарушить!» Эти слова поколебали Александра, и проектъ деклараціи былъ положенъ подъ сунко.

Немало интересовалъ комитетъ вопросъ объ отменѣ крѣпостного права. Государь предлагалъ немедленно освободить крестьянъ, но, какъ

это сдѣлать, въ какомъ видѣ пройдетъ реформа, — для самого инициатора было не известно. Другіе члены принципіально были согласны съ государемъ, но рекомендовали особенную осторожность, и постепенность. Для того времени либеральные дворяне предлагали ограничиться защитой личности крестьянъ отъ произвола помѣщика и подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію общихъ судовъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ роста числа дворовыхъ. Радикальные всѣхъ были Строгановъ. Отмѣна крѣпостного права должна быть немедленной и повсемѣстной. Иначе поднимутся всюду крестьянскія волненія. На дворянъ печати обращать вниманіе. Зависимые во всемъ отъ престола, они не осмѣяются поднять протестъ противъ распоряженій верховной власти. Предлагалось также разрѣшить другимъ сословіямъ покупать населенные земли, при чемъ крѣпостное населеніе, сидѣвшее на этой землѣ, немедленно становится свободнымъ. Результатомъ всѣхъ этихъ обсужденій былъ законъ 1801 года, по которому воспрещалась продажа крестьянъ безъ земли, и указъ 1803 г. «о свободныхъ хлѣбопашцахъ». Помѣщики могли отгускать крестьянъ съ землею, за опредѣленный выкупъ. Указъ обращался къ совѣсти дворянства, но пожелавшихъ имъ воспользоваться было очень мало. Дворянство предпочитало безземельную реформу, не имѣя желанія разставаться съ землей, цѣнность которой постепенно увеличивалась. Кромѣ того, процедура перехода въ разрядъ свободныхъ землепашцевъ была сложна и, конечно, тормозила дѣло.

Впослѣдствіи крестьяне получили свободу въ прибалтийскихъ губерніяхъ, но это только ухудшило ихъ положеніе, земля вся осталась за помѣщикомъ. Крестьяне превратились въ вольныхъ арендаторовъ и батраковъ, всецѣло зависимыхъ отъ усмотрѣнія помѣщика. Быть-можетъ, подъ влияніемъ этой реформы Александръ въ концѣ своего царствованія относился несочувственно къ проектамъ безземельной крестьянской реформы, предлагаемой ему нѣкоторыми богатыми помѣщиками.

Неофиціальный комитетъ очень интересовалась реформа центральнаго управления, въ цѣляхъ уничтоженія того хаоса, который всѣмъ бросался въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, центральныя учрежденія нуждались въ радикальной реформѣ. Съ введеніемъ Екатерининскихъ учрежденій большинство коллегій было закрыто. Государыня обыкновенно поручала отдѣльнымъ довѣреннымъ лицамъ веденіе того или другого дѣла. Павелъ восстановилъ часть коллегій, лишивъ ихъ коллегіальнаго духа. Во главѣ вновь открытыхъ коллегій были поставлены особые директоры съ личными докладами государю. Выдвигали принципъ единоличнаго управлениія. На томъ же принципѣ было основано министерство юстиціи и вѣдомство главнаго казначея. Наконецъ, въ распределеніи дѣлъ не было никакой системы; часто дѣла одного рода распредѣ-

лялись между различными учреждениями. Особенно была запутана система управления финансами. Организация Сената тоже оставляла желать много лучшего, и 5 июня 1801 года был опубликован указ Сенату, предлагающий его членам высказаться о его реформе. Любопытно, что в отвѣтахъ большинство членовъ предлагали обратить Сенатъ въ законодательную палату, опредѣляя его составъ различнымъ образомъ. 10-го февраля 1802 года Чарторыйскій предложилъ вниманию комитета свой проектъ учрежденія министерствъ. Во главѣ каждого министерства стоять министры, въ рукахъ которыхъ сосредоточиваются всѣ нити управления. Судебная власть по проекту ставится въ вѣдѣнія министровъ. Послѣдніе подчинены Сенату, который слѣдить за дѣятельностью высшей и низшей администраціи. Ему же министры ежегодно представляютъ отчеты. Къ этому проекту комитетъ въ общемъ отнесся сочувственно, и 11-го апрѣля Новосильцевъ прочелъ докладъ объ организаціи министерствъ. Докладъ признавалъ необходимость отвѣтственности передъ Сенатомъ, а всѣ дѣла управления возлагались на девять министерствъ. Еще раньше, по желанию Александра, было постановлено, что новая организація центрального управления не влечеть за собою уничтоженія старого. Старая коллегія только подчиняется министрамъ. Въ докладѣ Новосильцева затрагивается вопросъ, какъ быть съ дѣлами, выходящими за предѣлы власти одного министра. Такія дѣла предполагалось разсматривать въ комитетѣ, составленномъ изъ министровъ, и его решенія представлять на усмотрѣніе государя.

Предлагаемое учрежденіе министерствъ вызвало критический замѣчанія со стороны многихъ лицъ. Указывалось на мнимость отвѣтственности передъ Сенатомъ, зависимы отъ монарха, и на невозможность судебнаго преслѣдованія министровъ въ гражданскомъ порядкѣ.

8-го сентября 1802 года были опубликованы два акта: одинъ — объ учрежденіи министерствъ, и другой — о Сенатѣ. Всего учреждалось 8 министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военное, морское, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансъ, коммерціи и народного просвѣщенія. Къ нимъ надо прибавить министерство удѣловъ и вѣдомство главнаго казначея. Въ основу учрежденій были положены вышеизложенныя начала. Кроме того, министры становились членами раньше учрежденнаго Непремѣннаго совѣта. Сенатъ же получалъ охранительную власть и являлся высшей судебной инстанціей. Кроме того, Сенатъ получилъ право дѣлать представленіе государю, если найдеть какой-нибудь законъ несоответствующимъ пользамъ и выгодамъ государства и общества. На практикѣ этотъ указъ не имѣлъ никакого значенія: министры скоро перестали представлять отчеты; на запросы Сената они отвѣчали ссылками на высочайшія повелѣнія. Комитетъ министровъ вмѣшивался

постоянно въ распоряжениі и дѣйствія Сената. Право представленій скоро было сведено на-пѣть: Сенатъ могъ ходатайствовать лишь объ отмѣнѣ законовъ, изданныхъ въ предыдущія царствованія. Этимъ ограничились преобразовательская работа комитета. Его члены заняли высшія административныя должностіи, началась работа по усовершенствованію и бюрократизація учрежденій, министры, въ особенности внутреннихъ дѣлъ, смотрѣли широко на задачи своей дѣятельности, но на дѣлѣ результаты ея были пичтожны. Недостатокъ средствъ и неподготовленность администраціи, отчасти незнаніе Россіи тормозили работу. Въ общемъ, дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ свелась къ организації полиції, къ борьбѣ съ голодовками, покровительству мануфактуръ и организаціи въ широкомъ масштабѣ медицинской части. Министерство народнаго просвѣщенія задалось цѣлью покрыть всю Россію цѣлой сѣтью концентрическихъ школъ, но отсутствіе средствъ, научныхъ силъ, отношеніе общества — свели дѣятельность его на-нѣть.

Министерство фінансовъ не задавалось никакими широкими планами. Въ послѣдіе ему досталось печальное состояніе государственного хозяйства, внутренніе и вѣнчаніе долги, упавший до нельзѧ курсъ денегъ. Вся его дѣятельность лишена общихъ принциповъ и направлена на изысканіе средствъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ и, главнымъ образомъ, военныхъ потребностей.

Сперанскій.

Въ законодательной дѣятельности скоро наступаетъ перерывъ. Вѣнчанія политика сосредоточила на себѣ все вниманіе государя. Затѣмъ начинается охлажденіе къ друзьямъ; они отходятъ на задній планъ. На сцену выступаетъ новая личность — Сперанскій, сумѣвшій скоро стать необходимымъ государю. Воспитанникъ духовной школы, преподаватель математики и философіи, — онъ довольно скоро оставилъ духовно-учебную дѣятельность и поступилъ на гражданскую службу. Движеніе по лѣстницѣ чиновъ у него было довольно быстрое. Обладая способностью ясно и отчетливо излагать мысли, часто по однімъ только памокамъ, Сперанскій скоро сталъ необходимъ для канцелярій. Даже павловскія бури не задѣли его. Послѣ знакомства — Александръ съ Сперанскимъ скоро сблизились.

Духовная школа и канцелярія пріучили Сперанскаго къ систематической работе, а любовь къ художественной литературѣ способствовала выработкѣ того литературнаго языка, которымъ отличаются всѣ его работы. Подъ первомъ Сперанскаго неясная конституціонная мечтанія государя отливались въ стройную схему, становились отчетли-

выми. Общность идей и контрастъ характеровъ болѣе всего содѣйствовали этой оригинальной дружбѣ. Сперанскій вѣрилъ въ нее и въ прочность убѣжденийъ государя. И только дальниѣйшая его судьба, жестоко посмѣявшись надъ нимъ, разбила его мечты и иллюзіи.

Въ 1809 году былъ составленъ Сперанскимъ планъ государственного преобразованія, основные черты котораго были установлены имъ совмѣстно съ государемъ. «Сила всѣхъ предложенныхъ преобразованій, — писалъ позднѣе Сперанскій, — въ томъ состояла, чтобы постановить управление имперіи на непремѣнномъ законѣ и дать Россіи вѣтруннее политическое бытіе, а съ сей цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ закоповъ, т.-е. начертать планъ конституції». Эта задача вполнѣ соотвѣтствовала желанію государя реформировать «безобразное зданіе управлѣнія». Свой проектъ Сперанскій снабдилъ любопытнымъ предисловіемъ, въ основу котораго были положены слѣдующія разсужденія: 1) образъ правленія въ странѣ долженъ соотвѣтствовать культурному уровню населенія, 2) русскій народъ переросъ существующую форму правленія, 3) обновленіе государственного строя — явленіе, свойственное любой странѣ, 4) отъ несоотвѣтствія образа правленія культурѣ народа вспыхивали революціи, 5) попытки введенія конституціи были въ Россіи, но все они въ кончились неудачно вслѣдствіе ихъ преждевременносги, и 6) наше управление представляеть изъ себя такой хаосъ, что всякия частныя поправки безполезны. Сперанскій заканчиваетъ свое предисловіе твердой увѣренностью, что переходъ отъ стараго строя къ новому совершился въ Россіи мирнымъ путемъ.

Проектъ Сперанскаго замѣчательенъ для того времени: въ немъ можно подмѣтить вліяніе и западной политической мысли и французскихъ учрежденій, по не мало и самостоятельной творческой мысли.

Цѣльная система самоуправлениія въ его проектѣ — результатъ самостоятельной работы мысли. Для правильнаго функционированія законодательной палаты, нельзя ее загромождать такими вопросами, которые могутъ быть разрѣшены на мѣстѣ. Отсюда вытекаетъ необходимость самоуправлениія. По проекту Сперанскаго, все сословія свободны и призываютъ участіе въ законодательствѣ; конечно, временно устраивались всѣ крѣпостные. Лишались также избирательного права домашніе слуги, рабочіе, поденщики, какъ это было приято въ конституціяхъ 1791 — 1795 гг. Активное и пассивное избирательное право принадлежитъ только собственникамъ. Впрочемъ, размѣры ценза имъ не указаны. Сперанскій, какъ и авторы французскихъ конституцій, убѣжденъ, что только владѣющіе имущественнымъ цензомъ могутъ быть хорошими законодателями. Избирательную систему Сперанскаго, конечно, нельзя назвать демократической, по таковыми же были все европ-

нейской конституции того времени. Сперанский только повторял заблуждение тогдашней практической политической мысли. Система выборовъ также антидемократична: для государственныхъ крестьянъ приимъняется четырехстепенная подача голосовъ; для остальныхъ сословий — трехстепенная; и тутъ Сперанский следовалъ западно-европейскимъ образцамъ.

Проектъ строится на принципѣ раздѣленія властей: власть законодательная сосредоточивается въ Государственной Думѣ, судебная — въ Сенатѣ, управление находится въ рукахъ министерствъ. Надъ учрежденіями стоитъ державная власть государя, которая проявляется «свое дѣйствие въпорядкѣ законодательномъ, въ судномъ и исполнительномъ». Страна дѣлится на волости, округа и губерніи. Въ каждой административной единицѣ есть соответствующая законодательная, судебная и административная учрежденія: въ волости — волостная дума, волостное управление и волостной судъ. Такого же типа учрежденія находятся и въ высшихъ административныхъ единицахъ.

Волостная дума составляется изъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и крестьянъ — по одному на 500 человѣкъ. Она выбираетъ волостное управление, обязанное отчетомъ думѣ, и депутатовъ въ окружную думу. Послѣдняя, кроме выборовъ окружныхъ совѣта и суда, выбираетъ депутатовъ въ губернскую думу, которая, съ своей стороны, выбираетъ 5 членовъ губернского совѣта и губернского суда и, наконецъ, депутатовъ въ Государственную Думу — высшее законодательное учрежденіе. Она собирается ежегодно въ сентябрѣ; срокъ ея сессіи зависитъ отъ количества дѣлъ. Законодательной инициативы Дума не имѣть; проекты законовъ поступаютъ на рассмотрѣніе Думы по волѣ монарха, но ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы, пока не будетъ принятъ въ Думѣ. Власть державная находится въ рукахъ наследственного монарха, — оғь является начальникомъ арміи и флота, имѣть право объявлять войну и заключать миръ, назначаетъ министровъ, ствѣтственныхъ передъ Думой, пользуется правомъ законодательной инициативы, следить за дѣйствіями подчиненныхъ ему властей. Судебная власть, въ трехъ инстанціяхъ является выборной. Вводится выборный элементъ и въ Сенатъ. Часть его членовъ назначается державной властью изъ числа кандидатовъ, внесенныхъ по выборамъ губернскихъ думъ въ государственный избирательный списокъ.

При монархѣ находится Государственный Совѣтъ, какъ органъ совѣтательный. Составляется онъ изъ лицъ по назначенію государя и рассматриваетъ законопроекты предварительно до внесенія ихъ въ Думу.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ Сперанского. Предполагалось такъ же гарантировать народу неприкосновенность личности и имущества. Планъ былъ готовъ и сохранялся въ глубокой тайнѣ. Даже

наиболѣе близкія лица не знали ничего положительнаго о немъ. Въ обществѣ ходили самые разнообразные слухи. Волновались западники старинны и выступали противъ всякихъ попытокъ реформы. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ былъ историкъ Карамзинъ. Ему удалось представить записку «О древней и новой Россіи», въ которой, ссылаясь на прошлое государства, онъ указывалъ на необходимость самодержавія для Россіи. Что касается введенія проекта въ жизнь, то Сперанскій рекомендовалъ пачать реформу снизу и затѣмъ созвать Государственную Думу для составленія логаго уложения, какъ это сдѣлала Екатерина II, и, такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ проектъ окажется введеніемъ въ жизнь. Александръ держался противоположнаго мнѣнія: надо начинать реформу сверху,— заняться преобразованіемъ Государственного Совѣта и министерствъ, т.-е. какъ разъ тѣхъ учрежденій, которыхъ нисколько не ограничивали воли государя.

1 января 1810 г. было опубликовано новое положеніе объ образованіи Государственного Совѣта. Согласно новому положенію, Государственный Совѣтъ дѣлился на 4 департамента: 1) законовъ, 2) гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 3) государственной экономіи и 4) военныхъ дѣлъ. При Совѣтѣ были учреждены комиссіи: составленія законовъ и принятія прошеній и канцелярія во главѣ съ государственнымъ секретаремъ. Компетенція Совѣта такова: предварительное разсмотрѣніе законовъ, уставовъ, учрежденій, толкованіе истиннаго смысла законовъ, отчужденіе государственного имущества въ частное владѣніе, разсмотрѣніе государственной смыты, принятие экстренныхъ мѣръ, дополненіе и отмена старыхъ распоряженій, объявление войны и заключеніе мира. Члены Совѣта назначались государствомъ. Министерство Государственного Совѣта поступало на усмотрѣніе государя, который могъ съ нимъ согласиться или вѣтъ; новое учрежденіе Государственного Совѣта было совсѣмъ иного рода, въ сравненіи съ назначеніемъ Совѣта въ первоначальномъ планѣ. Совѣтъ изъ учрежденія при государѣ превратился въ высшее законосовѣщательное учрежденіе, коимъ неизмѣнно оставался вплоть до появленія у пась Государственной Думы съ законодательными правами.

Вскорѣ затѣмъ было опубликовано новое распределеніе дѣлъ между министерствами, а 25-го июня 1811 года вышло новое положеніе о министерствахъ, въ которомъ подробно говорилось объ управлениіи и составѣ каждого министерства, а также опредѣлялась степень власти министра и его отношеніе къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ. Предполагалось опубликовать положеніе о каждомъ министерствѣ въ отдѣльности, но это было исполнено только по отношенію къ министерству финансовъ и полиції.

По новому положенію о министерствахъ количество ихъ оставалось

иока прежнєе; министерство коммерції закрывалось и вмѣсто него учреждалось министерство полиції, для которого соотвѣтствующія дѣла были изъяты изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1819 году министерство полиції снова превратилось въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1817 году было учреждено новое министерство духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія, которое не отличалось долговѣчностью. Въ 1822 году было возстановлено министерство народнаго просвѣщенія, а для духовныхъ дѣлъ иностраннѣхъ вѣроисповѣданій былъ образованъ особый департаментъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Министерство дѣлилось по роду дѣлъ на департаменты, отдѣленія и столы. Министры назначаются и смѣняются волю монарха, неся передъ нимъ и отвѣтственность. Министры могутъ издавать административныя распоряженія; законодательные же акты поступаютъ на разсмотрѣніе Государственного Совѣта, членами которого министры состоятъ по должностямъ. Впрочемъ, по приказанію государя, министръ можетъ проектировать закона и не представлять на благоусмотрѣніе Совѣта. За превышеніе власти министръ подлежитъ судебнай отвѣтственности, но отъ послѣдней онъ освобождается, если превышеніе власти послѣдовало вслѣдствіе распоряженія государя. Новое учрежденіе министерствъ, въ сравненіи съ таковыи 1802 г., отличалось большими достоинствами, стройностью организаціи и правильностью распределенія дѣлъ между министерствами, но, поставленное въ связи съ Государственной Думой, оно давало министерствамъ неограниченныя полномочія, и ихъ отвѣтственность фактически дѣгалась мнимой. Современники довольно рано подмѣтили послѣднее и обратили вниманіе на безконтрольность дѣйствій министровъ.

Этимъ и закончились преобразовательная работа второго періода. Сперанскій скоро былъ принесенъ въ жертву реакціонерамъ, а надвигавшееся французское нашествіе остановило всякую законодательную работу. Въ результатѣ «безобразное зданіе» управлениія приняло болѣе приличный видъ, но мечта ввести законность и право въ русскую жизнь осталась мечтой. Послѣ войны 1812 года, конечно, было не до конституціонныхъ проектовъ. Национальный шовинизмъ не позволялъ думать объ этомъ. Только послѣ 1815 года, когда Польша получила полную автономію, русскія сердца забились надеждой. Но напрасно: рѣчь императора при открытии сейма, возводившая такія надежды, была только красивыми, эффектными фразами, а Александръ ихъ любилъ. На самомъ дѣлѣ вмѣсто конституціи русское общество получило жестокую реакцію съ Аракчеевымъ во главѣ. Больше 12 лѣтъ стоялъ послѣдний во главѣ правительственноаго механизма, заслонивъ собою другихъ представителей администраціи. Ставши докладчикомъ по дѣламъ Комитета министровъ, Аракчеевъ всецѣло подчинилъ себѣ волю госу-

даря, резолюції которого составлялись подъ непосредственнымъ его вліяніемъ. Двѣтєльное участіе Александра I въ дѣлахъ европейской политики заставляло государя жить больше въ Россіи, и, вслѣдствіе этого, значеніе Аракчеева еще болѣе увеличивалось. Грубый и необразованный солдатъ, врагъ либеральныхъ идей и сторонникъ «истинно-русскихъ началъ»—Аракчеевъ былъ злымъ геніемъ для русскаго общества и вѣрнымъ слугой европейской реакціи въ ея борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ.

Консерваторы и реакція при Александрѣ I.

Война 1812 года была толчкомъ для проявленія недовольства либеральными идеями. Русскіе патріоты превращаются во враговъ не только Франціи, но и идей, связанныхъ съ ими именемъ. Литература и журналистика со всѣмъ жаромъ и увлечениемъ набрасываются на «гнѣвой Западъ», противопоставляя ему исконныя русскія начала. Начинается идеализація нашего прошлаго, та идеализація, которая заставляла даже въ нашихъ недостаткахъ видѣть чуть ли не достоинства. Консерваторы 1812 года глубоко убѣждены, что прошлое Россіи, ея культура ничуть не хуже прошлаго европейскихъ народовъ. Защищая наше прошлое отъ нападковъ либераловъ, патріоты мало-по-малу переходятъ къ защите существующаго государственного и общественнаго строя, какъ выразителя національныхъ особенностей русскаго народа. Отсюда идетъ убѣжденіе въ необходимости сохраненія крѣпостного права, тѣмъ болѣе, что нашимъ крѣпостнымъ крестьянамъ живетъся, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ свободнымъ крестьянамъ па Западѣ. Правда, встречаются кое-гдѣ и жестокіе помѣщики, но, въ общемъ, патріархальныя отношенія помѣщика къ крестьянину дѣлаютъ жизнь послѣдняго болѣе, чѣмъ сносной, — хотя малороссійскому генеральному губернатору Репнину и пришло въ своей рѣчи констатировать случаи частаго злоупотребленія помѣщицѣей властью.

Наилучшимъ показателемъ настроенія тогдашняго общества является Карамзинъ.

Съ его пѣкоторыми мыслями необходимо познакомиться. Въ молодости поклонникъ либеральныхъ идей, Карамзинъ постепенно отказывался отъ нихъ, усваивая принципы противоположнаго содерянія. Отрицательное отношение къ французской революціи сопровождается убѣждениемъ, что всякия перемѣны въ жизни народа и государства — безусловно вредны. Это убѣжденіе и легло въ основу его политico-социальныхъ взглѣдовъ. Безусловный сторонникъ крѣпостного права, противникъ даже незначительныхъ законоположеній, такъ или иначе опредѣляющихъ отношенія крестьянина къ помѣщику, — Карамзинъ

явился и противникомъ предполагаемыхъ либеральныхъ реформъ Александра I. Записка «О старой и новой Россіи», написанная въ доводы по рѣзкомъ тонѣ, какъ разъ направлена противъ правительственного либерализма. Исходя въ запискѣ изъ общаго положенія, что «настоящее является слѣдствіемъ прошедшаго», Карамзинъ дѣлаетъ быстрый обзоръ русской истории въ цѣляхъ утвержденія мысли, что монархическій принципъ есть какъ разъ та сила, которой обуславливается величие и счастье Россіи. При всемъ некритическомъ и смиренномъ отнѣшніи къ прошлому Россіи Карамзину, однако, приходится указывать на факты, идущіе въ разрѣзъ съ его идеализацией самодержавной власти. Карамзинъ только утѣшается тѣмъ, что тирановъ въ Россіи было немногого. Въ другой части записки подвергается критикѣ законодательная работа правительства. Всѣ его акты вызываютъ недовольство историка: они нарушаютъ вѣковѣчные завѣты старины и приведутъ страну къ разрушению и паденію. Такъ думалъ идеологъ консервативной оппозиціи.

Послѣ войны 1812 года замѣчается также перемѣна въ міросозерцаніи общества. Вольнодумство и сплошной атеизмъ конца XVIII и начала XIX в. смѣняются вѣрой въ Божественное откровеніе, хотя къ старой религії общество перешло не сразу. Наступилъ періодъ увлечения мистическими ученіями, а на почвѣ интереса къ мистикѣ усилилось влечение свѣтской части общества къ католицизму. Само правительство ему покровительствовало. Іезуиты прочно устраиваютъ въ Россіи. Ими открываютъ папскіе школы, куда поступаетъ свѣтская молодежь обоего пола. Они же покрываютъ Литву цѣлою сѣтью школъ, совершиенно освободившись отъ вліянія и зависимости отъ попечителя Вильенского округа. Конечно, питомцы школъ вступали въ жизнь съ опредѣленными убѣжденіями. Не мало русскихъ аристократовъ стало дѣятелями, и притомъ видными, католической церкви, не мало русскихъ дѣлѣгъ, собравшихъ съ крестьянъ или полученныхъ за нихъ, наполнили бездонные карманы іезуитовъ. Впрочемъ, католицизмъ распространялся только среди петербургской аристократіи. Широкіе слои общества увлекались мистическими ученіями протестантскаго характера. Ихъ вліянію не остался чуждъ и самъ Александръ I. Въ Петербургѣ скоро возникъ рядъ отдельныхъ мистическихъ кружковъ, собиравшихъ не малое количество сочленовъ. Во время собранія велись бесѣды религіозно-нравственнаго характера, читались книги Св. писанія, затѣмъ происходили радѣнія, сопровождавшіяся размѣренными движениями. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ присутствующихъ, почувствовавъ въ себѣ присутствіе св. Духа, не начиналъ пророчествовать. Нѣкоторые изъ этихъ мистическихъ кружковъ носили прямотаки изувѣрскій характеръ, но на это никто не обращалъ вниманія.

Интересъ къ религії содѣствовалъ возрожденію массонства. Въ немъ искали удовлетворенія лица, не находившія успокоенія въ философії и старой религії. Но массонство первой четверти XIX в. существенно отличается отъ массонства Екатерининскихъ временъ. Подъемъ религіознаго сознанія у послѣднихъ сопровождался наклонностью къ просвѣщенію и благотворительности. Во имя новаго религіознаго сознанія массоны были врагами современшаго имъ политическаго и общественнаго строя. Въ составъ массонскихъ ложъ XIX в. вошло много видныхъ силъ тогдашней интеллигенціи. Устраивая свои, покрытые таинственностью, собранія, массоны новаго типа ограничивались рѣчами па религіозныя темы. Превысшеннія рѣчи кончались ужиномъ по подписанію. Никакой общественкой дѣятельности массоны не проявляли. Большинство изъ нихъ по своимъ политическимъ взглядамъ были консерваторы, отстаивавшіе современный имъ укладъ во имя христіанской свободы.

Подъ вліяніемъ реакціоннаго настроения общества было основано министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Во главѣ его сталъ А. Н. Голицынъ, никогда вольнодумецъ и либералъ, къ тому времени превратившійся въ реакціонера и мистика. Ставъ во главѣ министерства, Голицынъ во имя христіанства объявилъ войну просвѣщенію, прививающему молодежки вредныя идеи. Голицынъ убѣждень, что только то просвѣщеніе, та наука имѣютъ право на существованіе, которая будутъ воспитывать юношество въ религіозномъ духѣ, ведя въ то же время борьбу съ ядомъ искѣрія, разрушающимъ церковь и государство. Для своихъ цѣлей Голицынъ нашелъ подходящихъ исполнителей, среди которыхъ особенно выдавались по своей ретивости Магницкій и Руничъ.

Начался походъ противъ университетовъ. Магницкій дѣствовалъ въ Казани, Руничъ въ столицѣ. Въ началѣ вѣка правительство Александра I относилось сочувственно къ среднему и высшему образованію. Средняя школа была реформирована, расширены программы; университеты получили новый уставъ, дававшій имъ почти полную автономію. Среди профессоровъ было не мало серьезныхъ ученыхъ, раздѣлявшихъ тогдашняя политическія идеи и открыто проповѣдывавшихъ ихъ съ каѳедры. И въ этомъ никто не видѣлъ ничего предосудительнаго, вреднаго. Иначе посмотрѣли на университеты, когда начали увлекаться религіей, класть ее въ основу политики: Магницкій, попавъ въ Казань, пришелъ въ ужасъ отъ царившаго тамъ вольнодумства и безправственности. Въ своемъ отчетѣ онъ предлагалъ или временно закрыть университетъ, или его «публично разрушить». На оба эти предложения министерство не согласилось. Однако, Магницкій былъ назначенъ попечителемъ округа и снабженъ большими полномочіями.

Либеральныя профессора были удалены въ отставку, а для оставшихся была выработана инструкція. Согласно посльдней, преподаваніе такъ должно вестись, чтобы оно было основано на благочестії. Весь распорядокъ студенческой жизни долженъ напоминать о немъ. Въ студентахъ больше всего должны цѣниться христіанскія добродѣтели. Внутри университета «честные и доблѣзпенныя падзиратели» слѣдить за студентами, а въ его студенты находятся подъ надзоромъ полиціи. Не повинующіеся подвергаются наказанію, а въ случаѣ упорства — исключенію. Профессора должны читать лекціи по новому, «чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства не проникнуть въ университеты». Профессора политическихъ наукъ должны опираться на авторитетъ Моисея, Давида, Соломона, отпюдь не Гоббеса. Профессоръ философіи долженъ выяснить различіе между мудростью земной и небесной и убѣдить, что все несогласное съ Св. писаніемъ — заблужденіе и ложь. Профессоръ естествознанія долженъ указать на премудрость Творца и вообще отвлекать отъ материализма. Даже въ медицинѣ благочестіе — основное лѣкарство. Результатомъ дѣятельности Магницкаго былъ полный разгромъ университета. Меньшему разгрому подвергся Петербургскій университетъ, по цѣлый рядъ профессоровъ все-таки былъ удаленъ. Въ Харьковѣ былъ удаленъ профессоръ Шадъ, такъ какъ его сочиненія въ духѣ Шеллинга были признаны неблагонамѣренными. Гневъ реакціи испытала и литература и журналистика. Цензурный уставъ 1802 года, — несомнѣнно, либерального характера, — въ чистомъ видѣ не долго существовалъ. Постепенно его урѣзывали. Съ учрежденіемъ министерства полиціи цензура фактически сосредоточивается при немъ, хотя на самомъ дѣлѣ министръ былъ обязанъ смотрѣть лишь за тѣмъ, чтобы въ обществѣ не обращались сочиненія, не пропущенные цензурой. Въ дѣйствительности, новое министерство не только исполняло функции, принадлежащи сму по положению, но разсматривало содержаніе книгъ и по существу, тѣмъ самымъ оказывая косвенное давленіе на независимыхъ отъ него цензоровъ. Во время наполеоновскихъ войнъ цензура была особенно придирчива. Цѣлый рядъ вопросовъ былъ изъять изъ обсужденія въ по-вседневной печати. Послѣ Двѣнадцатаго года усиленіе цензуры идетъ ускореннымъ темпомъ. Правительственные инструкціи спабдили цензоровъ полномочіями. Въ результатѣ — безсмысленное гоненіе на печатное слово. Наибольшей строгостью прославился цензоръ Красовскій, который былъ готовъ даже въ отдельныхъ словахъ видѣть намеки на что-то опасное, вредное. Даже такія благонамѣренныя лица, какъ Карамзинъ и Жуковскій, и тѣ испытывали на себѣ вліяніе цензора и зависимость отъ него. Нѣкто Булгаринъ въ 1826 году написалъ любопытную записку «О цензурѣ въ Россіи». По его мнѣнію, въ Россіи

стало невозможнымъ развитіе печати: «почиталось оскорбительнымъ для вѣры: попечительное небо, небесный взглядъ, ангельская улыбка, рѣди Бога». И ничего нельзя печатать «безъ согласія начальствъ разныхъ областей правлениія, и отъ этого періодическія изданія потеряли свою занимательность». Опираясь на цензуру, правительство пыталось прервать развитіе свободной мысли. Послѣднее не удалось. Одновременно съ правительственною реакцией въ обществѣ развиваются оппозиціонное направление, вылившееся позднѣе въ движение декабристовъ.

Декабристы.

Либеральное настроеніе Александровскаго правительства содѣйствовало усиленному подъему общественной мысли. Общество начала XIX в. интересуется не только теоретическими принципами rationalистической философіи, но съ большимъ вниманіемъ слѣдить за тѣмъ, въ какую форму отливались на практикѣ эти принципы. Походы 1812—1815 гг., возбуждая глубокое патріотическое чувство во всемъ народѣ, заставили общественное мышліе глубже всмотрѣться въ нашу внутреннюю жизнь и отыскать тѣ неустройства, отъ которыхъ страдала Россия. Походы 1813—1815 гг., перекинувъ нашу армію на крайній Западъ, въ то же время дали ей возможность познакомиться съ условіями и фактами европейской жизни и, при свѣтѣ послѣдней, отнести критически къ родной странѣ. Записки современниковъ почти единогласно констатируютъ вліяніе заграницыихъ походовъ на ихъ мировоззрѣніе. Армія, совершившая походъ черезъ всю Европу, возвращалась домой, въ сознаніи своего величія и въ то же время горя желаніемъ приняться за преобразовательную работу. На самомъ дѣлѣ ей пришлось столкнуться съ реакціоннымъ направлениемъ правительства. Возвращеніе на родину еще болѣе оттѣнило условія русской жизни въ сравненіи съ западно-европейской. Сознаніе необходимости радикальныхъ и немедленныхъ преобразованій заставило дворянскую военную молодежь приняться за работу для пропаганда въ жизнь необходимыхъ реформъ. Условія тогдашней жизни не давали возможности открытої критики правительства и гласного обсужденія разныхъ преобразовательныхъ проектовъ. Оставалось одно: учредить тайное общество, где было бы возможно совмѣстно обсуждать текущіе вопросы и преобразовательные проекты. Въ 1816 году возникъ въ Петербургѣ «Союзъ Спасенія», куда вошло не мало будущихъ декабристовъ. Определенной программы у него не было, такъ и не была выработана его тактика. Говорилось въ довольно неопределенныхъ выраженіяхъ объ отменѣ крѣпостного права, необходимости политической свободы; часть членовъ предлагала обратиться къ государю съ соотвѣтствующей пе-

тиції, отдельные лица поднимали вопрос о цареубийстве. Туманность идеалов и неопределенность мечтаний «Союза Спасения» напоминает собою неофициальный Александровский комитетъ. Скоро «Союзъ» будетъ закрытъ: русскіе оказались плохими конспираторами. О «Союзѣ» все знали, о немъ много говорили, за нимъ слѣдили, да и члены далеко не все заслуживали довѣрія.

Однако, потребность въ обществѣ всѣми ощущалась, и въ 1818 г. возникъ «Союзъ Благоденствія». Онъ имѣть уставъ, составленный при содѣствіи Н. Тургенева. Въ основу его былъ положенъ уставъ прѣмѣцкаго *Tugendbund'a*. Главная его цѣль — споспѣшствовать видамъ правительства ради блага отечества. Поэтому члены должны стремиться поступать на службу, бороться со всякаго рода злоупотребленіями и доводить о нихъ до свѣдѣнія начальства. Члены «Союза», относясь отрицательно къ крѣпостному праву и сознавая неподготовленность общества для воспринятія этой идеи, должны были всѣми мѣрами содѣствовать распространѣю мысли объ отменѣ крѣпостного права и его смягченіи. Не мало мѣста отведено въ уставѣ вопросу о воспитаніи юношества. Воспитаніе должно быть национальное, то поставленное очень широко. Тогда молодежи не придетсяѣ ъздить за границу учиться. Говорилось также въ уставѣ въ доволѣ неопределенныхъ выраженияхъ о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Въ уставѣ нѣть упоминанія о введеніи конституції, по эта конечная цѣль разумѣлась сама собою. Въ новый союзъ вошло не мало членовъ. Засѣданія были часты и шумливы. Спорили много и по поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Скоро выяснилось, что въ «Союзѣ» возникли два теченія: либеральное и радикальное, конституціонно-монархическое и республиканско. Къ тому же и въ новый союзъ попадо не мало неблагонадежныхъ членовъ. Правительство начало слѣдить. Рѣшено было тогда его закрыть. На московскомъ съездѣ 1821 года закрытие стало фактомъ. Но сейчасъ же образовалось два новыхъ общества: Сѣверное и Южное. Въ составъ первого вошли либеральные элементы, членами второго были радикалы. Никита Муравьевъ, былъ лидеромъ умѣренныхъ конституціоналистовъ, Пестель сталъ во главѣ республиканцевъ. Правительство давно слѣдило за членами обоихъ обществъ. Пестель и члены Южнаго общества были схвачены раньше, чѣмъ они могли приступить къ какимъ бы то ни было рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Сѣверное общество, воспользовавшись междуцарствіемъ послѣ смерти Александра I, пыталось путемъ восстанія добиться реализаціи своихъ идей, но изъ этого ничего не вышло. Вышедши 14-го декабря на площадь войска подверглись разстрѣлу. Члены «Союза» были арестованы и отданы подъ судъ. Судебное разбирательство было сплошной комедіей. Фактически всѣмъ руководилъ Николай I. Имъ же былъ составленъ и приговоръ, не

въ мѣру суровый. Пятерыхъ изъ декабристовъ повѣсили, въ томъ чи-
слѣ Пестеля, Рылеева, Никиту Муравьеву, а остальные были сосланы
на каторгу, заточены въ казематы и разжалованы въ солдаты. Въ Си-
бири многими изъ нихъ были написаны мемуары, дающіе массу мате-
риала для освѣщенія дѣятельности декабристовъ. Кромѣ того, во время
съданія большинство изъ нихъ сообщило не мало фактическаго мате-
риала о своихъ задачахъ и цѣляхъ.

Отношеніе декабристовъ къ нашему государственному строю —
строго критическое. Они недовольны всѣмъ его механизмомъ. Въ основѣ
администраціи лежитъ произволъ и насилие. Политика правительства
ведетъ страну къ гибели. Отдѣлѣніе правительства отъ народа стало
фактомъ. Въ дворянствѣ царитъ лѣнность, нерадѣніе и беспечность, такъ
какъ, за предпочтеніемъ ему безъ разбора всякихъ иностранцевъ, оно
не знаетъ приложенія своимъ силамъ. Въ управлѣніи не существуетъ
никакой ответственности. Государственное хозяйство ведется безобразно.
Постоянныя дефициты, быстрый ростъ налоговъ, займы разоряютъ
страну и содѣйствуютъ ея обѣднѣнію. Армія находится также въ пло-
хомъ состояніи. Маршировки, жестокая дисциплина убиваютъ въ ней
военный духъ и дѣлаютъ ее совершенно негодной. Провинціальная адми-
нистрація невѣжественна, жалка и печастна. Сословный строй, оспо-
ванный на преобладаніи одного сословія надъ другимъ, является нелѣ-
постью и нуждается въ радикальномъ измѣненіи.

Таково отношеніе къ государственному строю. Рѣшеніе же кре-
стянского вопроса далеко не либерально. Большинство предпочитало
безземельное освобожденіе или, какъ Н. Тургеневъ, соглашалось надѣ-
лить крестьянъ падѣломъ въ размѣрѣ одной десятины въ цѣляхъ упро-
ченія ихъ осѣдлости. Крестьянская реформа необходима въ интересахъ
обогащенія Россіи; крѣпостное право тормозитъ ея экономическое раз-
витіе. Отношеніе большинства декабристовъ къ крѣпостному праву
опредѣлялось какъ практикой крѣпостного права, такъ и принципами
философской литературы, не допускавшими его существованія. Кромѣ
того, большинство декабристовъ были начитаны въ экономической лите-
ратурѣ, откуда вынесли убѣжденіе въ превосходствѣ свободнаго труда
надъ крѣпостнымъ. Да и веденіе собственного хозяйства производило ихъ
къ той же мысли. Въ сторонѣ отъ рядовыхъ декабристовъ въ крестьян-
скомъ вопросѣ стоять Пестель. Онъ также сторонникъ земельной кре-
стянской реформы, но проведение ея въ жизнь должно совершиться
несколько по-иному. Крестьяне, получая свободу, имѣютъ полное право
на пользованіе землей. Поэтому половина всѣхъ земель въ каждой во-
лости находится въ частномъ владѣніи, другая составляеть достояніе
всей общины. Изъ этого фонда крестьяне получаютъ въ пользованіе
участокъ такого размѣра, «чтобы необходимо для житія тутъ могъ

доставлять». По словамъ одного изъ декабристовъ, такой участокъ равняется пяти десятинамъ. Общественная земля, находящаяся въ крестьянскомъ пользованіи, состоить подъ контролемъ волости. Послѣдняя слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый внимательно и со стараниемъ занимался своимъ участкомъ. Въ противномъ случаѣ, держатель земли ея лишается. Не разобранные участки въ волости сдаются въ аренду. Земля конфискуется у собственниковъ безъ всякаго вознагражденія. Аграрный проектъ Пестеля наносилъ сильный ударъ крупному землевладѣнію, но зато укрѣплялъ среднее и мелкое. Во всякомъ случаѣ, ошибочно считать Пестеля сторонникомъ «национализации земли», какъ его прѣкоторые называютъ.

Декабристы были хорошо знакомы съ современными имъ европейскими конституціями. Знакомство съ ними можно подмѣтить при анализѣ ихъ конституціональныхъ проектовъ. Остановимся на двухъ главныхъ проектахъ: Муравьевъ и Пестеля. Первый заимствовалъ основные черты своего проекта изъ американской конституціи и французской 1791 г., на второмъ сильно отразилось явленіе концепта и централизма якобинцевъ. Не дѣлая подробнаго анализа обоихъ проектовъ, обратимъ вниманіе на организацію политического устройства страны и на опредѣленіе правъ и обязанностей гражданъ.

Первое представлялось Муравьеву въ слѣдующемъ видѣ: страна дѣлится на 13 державъ и 2 области; державы и области дѣлятся на уѣзды и волости. Въ судебномъ отношеніи Россія дѣлится на округа, равные нынѣшнимъ губерніямъ. Каждая держава и область имѣть свою столицу и собственные представительныя учрежденія, пользующіеся широкой автономіей во внутреннихъ дѣлахъ. Система выборовъ, какъ и въ проектѣ Сперанского, охватываетъ всю жизнь страны сверху до низу, но ей также чужда идея демократизма. Пользованіе активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ требуетъ настолько высокаго имущественного ценза, что вся палата депутатовъ состояла бы изъ представителей одного крупнаго капитала и землевладѣнія. Управленіе, какъ было сказано выше, построено на принципѣ широкой автономіи, осуществленной въ каждой державѣ при содѣйствіи Правительственнаго Собрания, состоящаго изъ двухъ палатъ: Палаты Выборныхъ и Державной Думы. Давая каждой державѣ автономію, Муравьевъ представлялъ себѣ политическое устройство Россіи наподобіе американскихъ штатовъ. Центральное представительство, называемое Народнымъ Вѣчемъ, состоить изъ двухъ палатъ — Верховной Думы и Палаты Народныхъ Представителей. Народному Вѣчу принадлежитъ вся полнота верховной власти. Палата народныхъ представителей составляется изъ избранниковъ народа на три года. По разсчету Муравьева на 50.000 населенія приходится одинъ депутатъ; послѣдній избирается непо-

средствено гражданами каждой державы. Члены Верховной Думы выбираются въ общемъ засѣданіи обѣихъ державныхъ палатъ. Численность верхней палаты — невелика: по два депутата отъ каждой державы и области. Членъ верхней палаты долженъ обладать цензомъ въ размѣрѣ 30.000 руб. недвижимой и 60.000 руб. движимой собственности, быть не менѣе 30 лѣтъ отъ рода и имѣть жительство во время избрания въ избирающей державѣ. Народные представители получаютъ сutoчное содержаніе, прогоны, но не могутъ занимать никакой служебной должности.

Обѣ палаты обладаютъ полной самостоятельностью. Вопросъ, принятый въ одной палатѣ, поступаетъ на разсмотрѣніе другой. Принятое обѣими палатами поступаетъ на утвержденіе исполнительной власти. Новые налоги и определеніе контингента рекрутовъ предварительно разматриваются въ палатѣ представителей. Послѣдняя предаетъ суду различныхъ сановниковъ имперіи, а Верховной Думѣ принадлежитъ право суда надъ ними. Народное Вѣче имѣетъ право: 1) издавать новые уложения; 2) объявлять волости на военномъ положеніи; 3) объявлять всеобщую амнистію; 4) распускать собранія державъ; 5) объявлять войны; 6) устанавливать содержаніе войскъ и завѣдываніе ихъ организацией; 7) утверждать бюджетъ; 8) приимать мѣры для поднятія промышленности и торговли; 9) устанавливать регентство. Народное вѣче спредѣляеть только общепріемпсрскіе налоги. Частныя налоги устанавливаются распоряженіемъ каждой державы. Для перемѣны конституції созывается Державный Соборъ, но организація его не совсѣмъ ясна. Исполнительная власть принадлежитъ наследственному монарху. Онъ обладаетъ относительнымъ *veto*, командуетъ морскими и сухопутными силами, ведеть переговоры съ державами и заключаетъ съ ними мирные договоры, при чемъ па отчужденіе части территории требуется согласіе Народнаго Вѣча. Ему принадлежитъ право назначенія пословъ, консуловъ и министровъ. Вступая на престолъ, онъ приносить присягу въ вѣрности конституції. На содержаніе оѣ получаетъ определенную сумму. Монархъ не отвѣтственъ: отвѣтственность падаетъ на министровъ.

Что касается гражданскихъ правъ, то конституціей устанавливаются: свобода совѣсти, слова и печати, право собраній, союзовъ и птицій, неприкосновенность личности, жилища и корреспонденціи. Гражданиномъ считается всякое лицо 21 года, имѣющее постоянное жительство, не опороченное передъ закономъ, исправно платящее налоги и повинности, лично независимое.

Съ политическими взглядами Нестеля можно познакомиться по написанной имъ «Русской правдѣ», правда, не вполнѣ законченной и отдѣленной. Политическое устройство Россіи, по Нестелю, построено

на принципѣ централизації. Федеративное устройство къ Россіи не-примѣнно. Всѣдѣствіе разнородности ея составныхъ частей подобное устройство грозитъ Россіи распаденіемъ и разложеніемъ. Поэтому его идеалъ — единое, тѣсно сплоченное государство. Пестель также относился враждебно къ высокому цензу, какъ условію пользованія активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Для большей сплоченности государства Пестель считалъ необходимымъ национальное объединеніе всѣхъ входящихъ въ его составъ племенъ и народностей. Только обруссѣвшія народности имѣютъ право на участіе въ политической жизни страны. Въ силу невозможности обрушенія Польши, Пестель предлагаетъ возстановить ея независимость.

Всѣ граждане равны передъ закономъ и имѣютъ одинъ и тѣ же права. Привилегіи уничтожаются. Граждане пользуются правомъ личной свободы, свободны въroiсповѣданія и книгопечатанія, промышленности, но не имѣютъ права союзовъ. Тайные союзы вредны, а открытыe излишни, такъ какъ верховная власть заботится о благѣ и преуспѣятъ подданныхъ. Централизація власти не исключаетъ пѣкотораго самоуправления провинціи. Низшей провинціальной единицей является волость. Всѣ жители волости составляютъ земское пародное собраніе и его функции сводятся къ выбору мѣстныхъ исполнительныхъ и политическихъ органовъ: членовъ помѣстныхъ волостныхъ собраній, помѣстныхъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній. Выборы прямые, по тайные или открытые — не извѣстно. Компетенція волостного и уѣздного помѣстныхъ собраній заключается въ провѣркѣ дѣйствій администраціи, разсмотрѣніи жалобъ, избраниіи новыхъ должностныхъ лицъ и присяжныхъ людей, а также разрѣшеніи различныхъ вопросовъ, для общественной пользы и выгоды. Губернское помѣстное собраніе выбираетъ представителей въ Народное Вѣче. Полнота верховной власти принадлежитъ ему, исполнительная власть вѣврятся Державной Думѣ изъ пяти лицъ, выбираемыхъ народомъ на пять лѣтъ. Ей подчинена вся администрація. Накопецъ, есть еще третье учрежденіе, называемое Верховнымъ Соборомъ изъ 120 бояръ. Выбираются они Народнымъ Вѣчемъ изъ кандидатовъ губерній. Званіе ихъ пожизненное. Верховный Соборъ слѣдить за дѣйствиемъ администраціи и имѣть право отвергать законы, если они противорѣчатъ конституції. Такимъ образомъ, задача Верховнаго Собора удерживать законодательную и исполнительную власть въ предѣлахъ законности. Таковы конституціонные проекты двухъ главныхъ разработлений среди декабристовъ. Оппозиціонно-настроенные члены тайныхъ обществъ не знали, какимъ образомъ осуществить на практикѣ свои политическія мечтанія. Предлагалось не мало средствъ, но все они признавались недостигающими цѣли. Тайные общества фактически находились въ полномъ бездѣйствіи. Неожиданная

смерть Александра I открывала имъ новые перспективы, рисуя близкое прекрасное будущее. Надо только действовать. Со смертью Александра I поднимался вопросъ о престолонаследіи. Законнымъ наследникомъ являлся великий князь Константинъ. Только немногія знали объ отреченіи послѣдняго отъ престола и о машифсствѣ покойного государя, хранившемся въ архивѣ Государственного Совѣта, Сенатѣ и Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Согласно волѣ государя, престолъ переходить къ младшему брату Николаю. Официально объ этомъ не было объявлено, а великий князь Николай былъ всего лишь гвардейскимъ генераломъ, очень полюбимымъ за грубое и жестокое обращеніе съ подчиненными. Когда, послѣ получения извѣстія о смерти государя, собрался Государственный Совѣтъ, то было предложено прочесть манифестъ Александра I и узнатъ его волю относительно престола. Но большинство членовъ стъ этимъ не согласилось. Завѣщаніе покойного государя не имѣть никакого значенія, разъ въ Россіи существуетъ законъ о престолонаследіи. На этой точкѣ зреѣнія стоялъ и генераль-губернаторъ Милорадовичъ, къ тому же не ручавшійся за спокойствіе въ столицѣ, если престолъ перейдетъ къ Николаю. Засѣданіе Совѣта рѣшило судьбу Николая. Ему пришлось подчиниться его волѣ и присягнуть Константину. Послѣдній, въ свою очередь, присягнулъ Николаю, приведя къ присягѣ и войска, бывшія подъ его командой. Затѣмъ начался обмѣнъ мнѣній между Николаемъ и братомъ. Константинъ письменно подтверждалъ отречение отъ престола, отказываясь заявить объ этомъ посредствомъ манифеста. Тогда Николай рѣшилъ действовать. День присяги былъ назначенъ 14 декабря. Создавшимся положеніемъ дѣль рѣшили воспользоваться члены Сѣверного тайного общества.

Имъ удалось развить большую пропаганду въ войскахъ и убѣдить ихъ не присягать Николаю, а затѣмъ потребовать введенія конституціи. Рѣшено было явиться съ войсками на Сенатскую площадь и тамъ действовать сообразно положенію дѣль. Кн. Трубецкой былъ избранъ диктаторомъ.

О готовившихся событіяхъ Николаю стало извѣстно черезъ доносъ. Ростовцевъ, хорошо знакомый съ планами декабристовъ, явился ночью во дворецъ и рассказалъ все Николаю. Послѣдній приготовился дать декабристамъ генеральное сраженіе. Наканунѣ 14 декабря во дворецъ были приглашены командиры гвардейскихъ полковъ. Любезностью и угрозами Николаю удалось заставить ихъ присягнуть себѣ. Когда на другой день началась присяга войска, то гвардейские полки присягнули почти безъ колебанія. Отказавшихся было немногого. Декабристамъ стала ясна потеря всего дѣла. Неприсягнувшія войска собрались на площади и стояли въ спокойномъ ожиданіи. Событія надвигались быстро. Диктаторъ Трубецкой не явился. Никто не зналъ, какъ действовать и кому

начальствовать. Приблизившись къ войскамъ Милорадовичъ бысть убитъ. Тогда Николай отдалъ приказъ стрѣлять картечью.

Нѣсколько залповъ разогнало солдатъ. На площади лежали трупы убитыхъ солдатъ и слутайныхъ зрителей. Остальные разбрѣжались. Николай послѣ этого выслушалъ благодарственный молебенъ. Почью тѣла убитыхъ и раненыхъ были убраны и брошены въ Неву, окровавленный спѣгъ замѣненъ новымъ. Утромъ Сенатская площадь имѣла обыкновенный видъ. Революція кончилась побѣдою правительства и реакціи. Скоро декабристы были всѣ перехвачаны. Еще раньше 14 дек. по доносу были арестованы члены Южнаго тайного общества. Начался судъ, пристрастный и несправедливый, кончившійся смертью для однихъ и Сибирью для остальныхъ.

Время Николая I.

Крестьянский вопросъ при Николаѣ I.

Разстрѣянные декабристы унесли съ собой въ могилу и Сибирь мечту о политической свободѣ. Николай I, вступивъ на престолъ, явилъся защитникомъ старого порядка. Россія обладаетъ идеальнымъ государственнымъ строемъ и ни въ какихъ реформахъ не нуждается—таково убѣждѣніе правительства, и этому взгляду слѣдовалъ Николай I въ теченіе всего царствованія. Отноясь несочувственно ко всякаго рода преобразованіямъ, ведя борьбу съ либеральными идеями, Николай I, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ обратить вниманіе на крѣпостное право, существованіе котораго давало себѣ чувствовать чуть не ежеминутно. Положеніе крѣпостныхъ въ Николаевское царствованіе стало гораздо хуже. Оброчные платежи стали значительно выше, барщинный трудъ эксплуатировался до послѣдней возможности. Жестокое обращеніе съ крестьянами было довольно обыкновеннымъ явлениемъ. Правительство мало обращало вниманія на практику крѣпостного права, а когда крестьяне, выведенныя изъ себя жестокимъ управлѣніемъ, посыпали ходоковъ съ жалобой въ столицу, то съ послѣдними расправлялись очень сурово.

Все это давало поводъ къ волненіямъ, возстаніямъ противъ законной власти. Въ періодъ 1828 — 1854 гг. было 547 случаевъ пеповиновенія, при чёмъ часто приходилось усмирять бунтующихъ военными командами. Волновались одинаково и казенные и помѣщичьи крестьяне. Казенные крестьяне только при одномъ слухѣ, что ихъ хотятъ отдать помѣщикамъ, подымали волненія. Крестьянскія волненія сопровождались первѣдко убийствомъ помѣщиковъ и управляющихъ.

Не лучше было положеніе и поссесіонныхъ крестьянъ. Причи-

санные къ фабрикамъ и заводамъ, они были въ полномъ безконтрольномъ распоряжениі у фабрикантовъ. Впрочемъ, число поссессионныхъ крестьянъ стало постепенно уменьшаться. Фабриканты получили право отпускать ихъ на волю, а съ 1811 г. вообще была запрещена покупка крестьянъ для фабрикъ и заводовъ. Боязнь возстаній и заставила Николая I подумывать объ отмѣнѣ крѣпостного права, и его желаніе раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но Николай I также прекрасно понималъ, что отмѣна крѣпостного права — одного изъ устоевъ старого порядка — повлечетъ за собой реформу того строя, о совершенствѣ котораго правительствомъ было торжественно заявлено. Это сознаніе и удерживало Николая I на мѣстѣ и заставляло принимать рѣшительныя мѣры для защиты крѣпостного права и для борьбы съ эманципаціонными идеями. Нежеланіе ссориться съ помѣстнымъ дворянствомъ, боявшимся лишиться дарового труда и привыкшимъ къ плантаторскимъ формамъ хозяйства, также настраивало Николая I въ сторону необходимости укрѣпленія крѣпостного права. Въ Николаевское царствованіе неоднократно собирались секретные комитеты, дѣлавшіе тѣ или другія постановленія, которыхъ, впрочемъ, такъ и оставались въ нѣдрахъ канцелярій. Отмѣтили главныя постановленія комитетовъ. Въ 1827 г. былъ изданъ законъ, по которому крестьяне, имѣвшіе надѣль менѣе $4\frac{1}{2}$ д. на душу, освобождаются изъ крѣпостной зависимости и могутъ записываться въ свободныя городскія состоянія. Законъ 1841 г. воспретилъ снова продажу въ розницу, а въ 1842 г. было издано положеніе о такъ называемыхъ обязаннѣхъ крестьянахъ. Законъ установилъ личную свободу и пользованіе помѣщичьей землей на извѣстныхъ условіяхъ. Наконецъ, законъ 1848 г. представилъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность, а также разрѣшилъ выкупаться на волю крестьянамъ тѣхъ имѣній, которыхъ продавались съ аукціона. Практическое значеніе этихъ мѣръ было не велико. Угодливая бюрократія обыкновенно прятала эти законы подъ сукно вскорѣ послѣ ихъ изданія и тѣмъ самымъ успокаивала взволнованные умы дворянства. При разсмотрѣніи крестьянского вопроса въ секретныхъ комитетахъ попутно было обращено вниманіе на положеніе государственныхъ крестьянъ, находившихся далеко не въ блестящемъ положеніи.

Еще въ началѣ XIX в. въ комитетѣ министровъ указывалось какъ на малоземелье крестьянъ, такъ и на неравномѣрность распределенія надѣловъ при одинаковыхъ подушныхъ платежахъ. Въ Николаевское царствованіе оба эти явленія особенно бросались въ глаза. Вмѣстѣ съ этимъ указывалось на сильную зависимость крестьянъ отъ мѣстнаго начальства, которое, занятое сборомъ податей, мало обращало вниманія на ихъ хозяйство и быть. Постепенное объединеніе государственныхъ

крестьянъ сказалось въ быстромъ ростѣ недоимокъ. По мысли Киселева было учреждено особое министерство государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго былъ поставленъ инициаторъ его. Киселевъ энергичнѣе принялъ за улучшеніе быта крестьянъ, принять рядъ мѣръ для расширенія площасти землепользованія, а также для поднятія доходности сельскаго хозяйства. Во время его министерства самоуправляющіеся крестьянскіе міры пользовались большой долей самостоятельности и независимости отъ органовъ правительства надзора. При преемникахъ Киселева положеніе крестьянъ спускается вслѣдствіе повышенія налоговъ и всякаго рода платежей. Крестьянское самоуправленіе почти потеряло всякое значеніе. Міръ находился въ полномъ распоряженіи окружного начальника.

Правительство и общество въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Декабристское движение 1825 г. произвело на Николая I сильное впечатлѣніе. Тѣни декабристовъ постоянно витали передъ его глазами. Все свое царствованіе Николай посвятилъ борьбѣ съ либеральными идеями и, надо сказать, что для достиженія своихъ цѣлей не брезгаль никакими средствами. Жестокій цензурный уставъ 1828 и 1848 гг. сильно тормозилъ развитіе журналистики и литературы, запрещая касаться всего того, что имѣть отношеніе къ текущей жизни государства и общества. Правительство сумѣло пойти и соответствующихъ исполнителей-цензоровъ, умудрявшихся въ невинныхъ словахъ находить вредный якобинизмъ.

Высшая и средняя школа были стѣснены всякаго рода циркулярами, посягавшими на свободное и научное преподаваніе. Въ тѣхъ же прѣляхъ въ университетахъ закрывались одинъ каѳедры и видоизмѣнялись другія. По видѣнности могло казаться, что въ Россіи нѣтъ ни науки, ни литературы, ни общественнаго мнѣнія. По крайней мѣрѣ, всѣмъ бросалась въ глаза неутомимая полицейская дѣятельность III Отдѣленія. Николаевская политика заставила многихъ — искренно или нѣтъ — отречься отъ идеаловъ молодости. Старые конституціоналисты, какъ Сперанскій, спѣшать заявить о своей полной солидарности съ дѣйствіями и взглядами правительства, доказывая превосходство неограниченной монархіи надъ другими формами правленія. По той же дорогѣ пошелъ и адмиралъ Мордвиновъ.

Но, несмотря на всѣ стѣсненія, общественная мысль не была убита. Подъемъ ея на Западѣ вызвалъ соответствующее настроеніе у нась. Люди начали всматриваться въ явленія обыденной жизни, сравнивая ихъ съ состояніемъ Европы, глубже анализировали наше настоящее и

думали о будущемъ. Общественная мысль вѣчно вертѣлась вокругъ непривычныхъ Николаю I вопросовъ, касаясь наиболѣе жгучихъ томъ своего времени. Пріютившись въ аристократическихъ салонахъ, разбившись по кружкамъ, она была вѣдь предѣловъ досягаемости. Среди различныхъ течений русской мысли, пессимистично, наибольшее вліяніе имѣли западничество и славянофильство.

Первое направление, отпосясь критически къ русской дѣятельности, искало идеаловъ на Западѣ, вѣря въ общія основы человѣческаго развитія. По мнѣнію представителей этого направления, для Россіи единственное спасеніе — немедленная радикальная реформа нашего общественнаго и государственнаго быта. Отмѣна крѣпостного права, реформа суда, свобода печати, неприкосновенность личности,— вотъ тѣ основныя реформы, въ которыхъ такъ нуждается страна. Онь же приготовлять Россію къ переходу отъ самодержавія къ народному представительству. Мысль славянофиловъ работала иначе. Правда, они сходились въ оцѣнкѣ нашего строя, но расходились въ пріемахъ и средствахъ его врачеванія. Они не думали о конституції, считали самодержавіе формой правленія, внутренне связанный съ самимъ духомъ русской національности, но признавали необходимымъ постоянное участіе въ правительственной дѣятельности земскихъ соборовъ, какъ выразителей мнѣнія страны. Обѣ партии много спорили, отстаивая свои теоретическія положенія, и въ то же время будили дремавшую общественную мысль, заставляя ее всматриваться глубже въ условія нашей жизни и выносить сї тотъ или другой приговоръ. Правительство преслѣдовало представителей обоихъ направлений, и славянофиламъ, этимъ идейнымъ защитникамъ самодержавія, пришлось не мало испытать гоненій со стороны тогдашняго правительственнаго режима.

И славянофильство и западничество можно считать либеральными направлениями. Къ той же эпохѣ можно отнести генезисъ соціалистической мысли нашей интеллигенціи. Бурныя европейскія события, распространеніе учений вождей утопического соціализма заставляли отдельныхъ лицъ особенно интересоваться соціальными проблемами. Молодой Герценъ и его кружокъ изучали постановку соціального вопроса на Западѣ; но наиболѣе сильно проявилась соціалистическая мысль въ кружкѣ Петрашевскаго. Онь возникъ въ 1848 году; туда входили молодые литераторы, учителя и офицеры. Они мало обращали вниманія на вопросы конституціоннаго права, но внимательно изучали и дебатировали сочиненія тогдашнихъ корифеевъ европейской соціалистической мысли. Попутно они составляли планъ освобожденія крестьянъ и введенія въ Россіи фаланстеровъ въ духѣ Фурье. Кружокъ скоро былъ открытъ тайной полиціей, и, подъ вліяніемъ вспыхнувшей февральской революціи, правительство показало очень строгого его участниковъ, въ

сущности только за «научные бесѣды» о соціалистической литературѣ Запада.

Таковы итоги работы общественной мысли. Стѣсненная полицейской опекой, загнанная въ салоны и подполье, она тѣмъ по меньшему охватывала широкія интеллигентскія круги, развивая въ нихъ самосознаніе и пробуждая критическое отношение къ русской дѣйствительности.

Просвѣщеніе и церковь.

Политическая система Николая I довольно скоро отразилась на школѣ. Относясь вообще враждебно къ идеѣ образованія, Николай I, тѣмъ не менѣе, изъ-за нужды въ чиновникахъ, по необходимости долженъ былъ культивировать его. Но при этомъ замѣчается стремление уменьшить пріемъ учащихся въ школы, сдѣлать школы доступными только наиболѣе состоятельнымъ элементамъ, которые не поддадутся вліянію и дѣйствию разрушительныхъ тенденцій и идей. Съ другой стороны, школа должна была находиться подъ постояннымъ контролемъ администраціи, тщательно слѣдящей, чтобы не происходило развращенія молодыхъ умовъ. Правительственный взглядъ на образование прежде всего сказался въ уставѣ гимназій 1828 г. По этому уставу гимназіи имѣли двоякую цѣль: готовить къ университету и давать приличное сообразно состоянию воспитанія. Точка зреія довольно узкая. Ради тѣхъ же цѣлей были уничтожены многие общеобразовательные предметы, какъ право, политическая экономія, зато усилены древніе языки и математика. Развитіе патріотического духа въ смыслѣ усвоенія политической программы правительства клалось въ основу воспитанія. Правительство старалось привлечь въ гимназіи дворянство, которое предпочитало обучаться «свѣтскости» манеръ въ частныхъ пансионахъ. Въ этихъ цѣляхъ послѣдніе были поставлены въ весьма стѣснительныя условія, а при гимназіяхъ были открыты благородные пансионы. Большею частью пансионеры изъ дворянъ проходили въ гимназіи сокращенный курсъ. Однако, эти мѣры не достигали своихъ цѣлей. Иностранные пансионы численно быстро увеличивались, въ гимназіяхъ «благородное дворянство» растворялось среди разочинцевъ.

Въ чистомъ видѣ новый уставъ гимназій сохранился не долго. Правительство, слыша отдаленные раскаты революціонного грома, нашло вреднымъ систему классическаго образованія, какъ развивающую вольнодумство и республиканскія идеи. Мало-по-малу классическая система рушилась, ибо несоответствовала взглядамъ правительства. Вместо древнихъ языковъ было усилено преподаваніе «законовъ дѣнія», которое должно было укрѣпить соответствующія чувства въ молодежи.

Ту же неустойчивую политику можно подмѣтить и на отношеніи правительства къ университетамъ. По новому уставу 1835 г. университетъ былъ поставленъ подъ надзоръ попечителя округа. Ректоръ и деканы сначала были выборными, по впослѣдствіи назначались министерствомъ. Для надзора за поведеніемъ студентовъ учреждалась особая должность инспектора студентовъ. Студенческое носило форму, его поведеніе въ университѣтѣ и виѣ его было регламентировано строгими правилами, за нарушение которыхъ слѣдовало дисциплинарное изъясненіе вплоть до сдачи въ солдаты. Вмѣсть съ этимъ измѣнился и кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ университѣтѣ: каѳедры философіи, психологіи, права, какъ вредныхъ, были закрыты; впрочемъ, кое-гдѣ психологія и логика поручались духовнымъ лицамъ. Но даже такая система университетскаго образованія не уменьшила прилива студентовъ. Правительство не сочувствовало этому, и подъ вліяніемъ революціоннаго движения въ Европѣ было рѣшено сократить число студентовъ въ университѣтѣ; рядомъ съ этимъ преподавательская дѣятельность была поставлена въ самыя невозможныя условія, что грозило полной смертью русской наукѣ. Профессорамъ рекомендовалось преподавать реформацію съ католической, а революцію съ роялистической точекъ зрѣнія, запрещалось говорить на лекціяхъ о Вѣчѣ, Земскихъ Соборахъ, крѣпостномъ правѣ. Публичныя лекціи не разрѣшались, и почти прекратилась идеяная связь университета съ обществомъ. До 1848 г. въ московскомъ университѣтѣ появилось-было не мало выдающихся молодыхъ силъ, вернувшихся изъ заграничной командировки. Знакомые съ постановкой исторического преподаванія на Западѣ и усвоившіе тогдашнее научно-философское мировоззрѣніе, они внесли въ университетъ новые методы преподаванія и новыя точки зрѣнія на задачи и цѣли научнаго образованія. Они будили молодую научную мысль и въ то же время пытались путемъ лекцій сдѣлать свои идеи доступными широкой публикѣ. Послѣ 1848 г. новая наука находится въ загонѣ, такъ какъ она не соответствуетъ правительственныймъ взглядамъ. Профессора были взяты подъ надзоръ полиціи, писательская дѣятельность была поставлена въ такія условія, что писать было совершенно невозможно. Душевное состояніе этихъ научныхъ силъ, произвольно оторванныхъ отъ науки и университета, лучше всего характеризуется словами Грановского: «благо Бѣлинскому, умершему во время». Въ цѣляхъ русификаціи польской национальности было открыть Кіевскій университетъ взамѣнъ Віленскаго. Оставался петронутымъ Дерптскій университетъ, но зато его свободный уставъ былъ сильно сокращенъ, и онъ скоро почувствовалъ на себѣ могучую руку попечителя.

Что касается измѣнѣнійъ школьнѣхъ школъ, то ихъ программы также подверглись сокращенію и ограничивались только изученіемъ Закона Божьяго,

элементарной грамотности и первоначальныхъ съѣдѣний изъ археметаики. Въ общемъ, правительство могло гордиться итогами своей просвѣтительской дѣятельности: комплексы студентовъ были небольшой, вредныя науки были изъяты, неблагонадежные профессора или удачны совѣтъ или поставлены въ такія условія, что были не въ состояніи заражать молодые умы ядомъ невѣрія и либерализма. Студенчество безпрекословно повиновалось и съ большими рвениемъ обучалось маршировкѣ и воспоминаніямъ, напоминая скорѣе собою военную команду, а отнюдь не лицъ, причастныхъ къ университету и наукѣ. Въ такомъ же жалкомъ положеніи находились и средняя и низшая школы. Такъ во имя политики жертвовали народнымъ просвѣщениемъ и погружали страну въ невѣжество.

Духомъ нетерпимости и преслѣдованія характеризуется и церковная политика Николаевскаго правительства. Религіозная свобода не укладывалась въ рамки правительственной программы, формулированной Уваровымъ. Всякаго рода въроисповѣдныя ученія — а ихъ было не мало — преслѣдовались административнымъ путемъ. Закрывались раскольническіе скиты и церкви, стѣснялось отправленіе обрядовъ. Однако, правительственная политика потерпѣла полное крушеніе: сектанты и раскольники тайно совершили богослуженіе, число отпавшихъ отъ православія постоянно увеличивалось, а подкупная администрація за большие куши не обращала вниманія на развитіе сектанства и раскола. Правительству Николая I не удалось убить въ человѣкѣ религіозного духа, выражавшагося въ недовольствѣ господствующей церковью и во всякомъ рода религіозныхъ скитаніяхъ и исканіяхъ.

Господствующая церковь тоже не пользовалась довѣріемъ со стороны Николая I. Святѣйшій Синодъ, какъ органъ управления, сталъ игрушкой въ рукахъ оберъ-прокурора, ставшаго фактическимъ главою церкви. Вся церковная іерархія была послушнымъ орудиемъ въ рукахъ всемогущаго оберъ-прокурора, а низшее духовенство было отдано въ жертву провинциальному епископамъ. Реакціонное направление правительства особенно сильно сказалось какъ на духовномъ цезауріонѣ уставѣ, такъ и на судьбѣ духовныхъ учебныхъ заведеній. Уставъ отличался большой строгостью; фактически стало невозможнымъ развитіе богословско-исторической науки. Даже переводъ студентами біблії на русскій языкъ былъ признанъ вреднымъ, и литографированные листки были отобраны и уничтожены. Постановка учебнаго дѣла носила узко-спеціальный характеръ; а старые методы воспитанія и обученія дѣлали отвратительнымъ пребываніе въ духовной школѣ, которая, по отзывамъ яи пітомцевъ, не воспитывала, а портила... Не мудрено, что наше низшее и высшее духовенство не отличалось ни образованностью, ни высоцою нравственныхъ идеаловъ. Само собою понятно, что его вліяніе на

общество было ничтожно. Народъ — уходилъ въ расколъ, въ сектанство; интеллигентія скоро отклонилась отъ церкви: формально православнаѧ, на дѣлѣ она была виѣ какой бы то ни было официальной церкви. Свободный духъ ся искалъ иныхъ формъ религіозной жизни.

Внѣшняя политика во второй четверти XIX вѣка.

Священный Союзъ сохранялъ свою силу и при Николаѣ I, принявшемъ на себя всеѣ его обязательства. Либеральная Европа встрѣтила въ лицѣ русскаго правительства непримиримаго врага, вѣчно бряцавшаго оружіемъ и готоваго исмѣдленно отправить русскія войска въ революціонныѧ мѣстности, хотя послѣднее по многимъ обстоятельствамъ не всегда удавалось. Когда въ 1830 году революція во Франціи вызвала отпаденіе Голландіи отъ Бельгіи, Николай I отдалъ приказъ русскимъ войскамъ ити въ Европу и возстановить нарушенное политическое равновѣсіе. Войска уже были готовы къ походу, но вспыхнувшее польское восстание заставило Николая I заняться усмиреніемъ поляковъ, что дало возможность Луи-Филиппу укрѣпиться во Франціи и закрѣпить отдѣленіе Голландіи отъ Бельгіи. Польское восстание было подавлено со свойственной Николаю I жестокостью, тѣмъ болѣе, что не оправдались надежды поляковъ на поддержку Европы. Результаты восстанія для поляковъ были печальны. Конституція Александра I была отнята и замѣнена такъ называемымъ Органическимъ Статутомъ, который лишалъ Польшу всякаго самоуправленія и обращалъ ее въ группу губерній. Февральская революція 1848 г. вызвала соответствующія броженія во всей Европѣ. Особенно сильны были движенія въ Австріи и Пруссіи. Австрія была тогда конгломератомъ народностей, стоявшихъ подъ австрійскимъ гнетомъ. Къ требованіямъ конституціонныхъ правъ въ Австріи присоединились и национальныя движения среди ея народностей. Наиболѣе сильное движение вспыхнуло въ Венгріи и грозило полнымъ отдѣленіемъ ея отъ Австріи. Въ эту тяжелую минуту Николай I по просьбѣ австрійскаго государя двинулъ войска въ Венгрію и довольно скоро усмирилъ возставшихъ венгерцевъ. Защищая отъ разложењія Австрію, Николай I втайпѣ желалъ возстановить порядокъ и въ Пруссіи, но послѣдняя отказалась отъ услугъ нашеаго правительства.

Агрессивныѧ дѣйствія Николая I и грозный его манифестъ, въ которомъ было не мало рѣзкихъ словъ по адресу европейскихъ правительствъ, возбудили всюду неудовольствие въ Европѣ. Попытка командовать Европой для Россіи кончилась вскорѣ очень печально.

Обязательство держаться принциповъ Священнаго Союза однако часто шло въ разрѣзъ съ историческими традиціями и политическими

положениемъ Россіи. Съ этимъ считался даже Николай I, чѣмъ и объясняются его поступки, идущіе въ разрѣзъ съ идеями Священнаго Союза. Николай I при вступлениіи на престолъ засталъ уже вспыхнувшимъ греческое возстаніе, которое сначала русское правительство отнюдь не было расположено поддерживать. Но ходъ войны измѣнилъ настроеніе Николая I. Сочувствіе къ грекамъ со стороны Англіи ослабляло авторитетъ Россіи. Наконецъ, усмиреніе грековъ значительно усилило бы Турцію и ухудшило бы положеніе балканскихъ славянъ, которыхъ Россія покровительствовала еще съ XVIII вѣка. Идти подъ боемъ сильнаго сосѣда было не въ интересахъ Николая I. Послѣдній считалъ нужнымъ вмѣшаться въ греческое возстаніе. Отношенія Россіи и Турціи сильно обострились. Между ними скоро вспыхнула война, которая кончилась Адріанопольскимъ миромъ. По этому миру Россія получила восточный берегъ Чернаго моря и устье Дуная, а вмѣстѣ съ этимъ значительно измѣнилось положеніе балканскихъ славянъ, особенно сербовъ.

Вмѣшательство въ греческое возстаніе было сдва ли не единственнымъ либеральнымъ шагомъ Николая I. Спустя три года болезнь распространенія либеральныхъ идей заставила правительство Николая I послать наши войска для защиты Турціи отъ египетскаго хедива. Николай I считалъ нужнымъ поддержать своего врага и дружными усилиями разбить опаснаго для обоихъ пашу.

Правда, по договору 1833 г. Россія получила право пользованія проливами, но подобное привилегированное положеніе грозило непріятными внѣшними осложненіями. Фактически договоръ скоро оказался отмѣненнымъ. Политика Николая I, рѣзко охранительная, вызывала недовольство во всей Европѣ, сопровождавшееся желаніемъ унизить Россію, — этого колосса на глиняныхъ ногахъ. Рѣзкія и не вполнѣ обдуманные дѣйствія Николая I скоро ухудшили отношенія съ Турцией. Европейское общественное мнѣніе толкало ее на путь войны съ Россіей, указывая на нашу отсталость въ военной техникѣ. Усиление влиянія нашего на Востокѣ вызывало недовольство Англіи и Франціи, и когда эти двѣ державы заключили союзъ съ Турцией и объявили войну Россіи, это было встрѣчено всей Европой съ болѣшимъ воодушевленіемъ и восторгомъ.

Крымская война обнаружила боевую годность нашего солдата, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительную отсталость въ военной техникѣ. Солдаты, вооруженные плохими ружьями, подъ начальствомъ не всегда знающихъ и мало опытныхъ командировъ, терпѣли не разъ пораженія со стороны союзниковъ. Скоро началась геройская защита Севастополя, которая кончилась взятиемъ Малахова кургана, и Севастополь превратился въ груду развалинъ, которыя не имѣло смысла защищать. Войска

отступили. Больше удачных действий были въ Закавказье. Война 1855 г. была изнурительна и для союзниковъ. Всѣ желали мира — тѣмъ больше, что действия англичанъ на Балтийскомъ морѣ, на Тихомъ океанѣ были неудачны. Не мало разногласій вызвали условія мира. Англія не хотѣла большаго ограниченія правъ Россіи и ся униженія. Паконецъ, переговоры кончились удачно, и въ Парижѣ въ 1855 г. былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ основаніяхъ: Россія потеряла право имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ и лишилась южной части Бессарабіи. Утѣшительно было то, что и Турція тоже обязывалась не держать военныхъ кораблей на этомъ морѣ. Такимъ унизительнымъ миромъ окончилась крымская война. Это было расплатой за постоянное и дерзкое вмѣшательство нашего правительства въ европейскія дѣла.

Время Александра II и Александра III.

Паденіе крѣпостного права.

Крымская война панесла сильный ударъ нашему национальному самолюбію, обнаруживъ въ то же время всю нашу некультурность и отсталость во всемъ, даже въ военной техникѣ. Для всѣхъ было ясно, что для оздоровленія и возрожденія Россіи необходимы немедленныя и радикальныя реформы, въ частности отмена крѣпостного права. Этой отменѣ требовали самыя разнообразныя пужды и потребности государства и общества — экономическая и политическая условія времени.

Причины экономическая и политическая заставляли разматривать вопросъ съ материальной точки зренія и съ точки зренія государственной необходимости. Онъ заставляли часть общества держаться эмансипационной политики, а также настраивали правительство въ освободительномъ духѣ — въ виду политическихъ соображеній и мотивовъ финансового характера. Не слѣдуетъ игнорировать и влияніе художественной литературы на распространеніе въ обществѣ тѣхъ же идей.

Вторая половина XIX в. составляетъ эпоху въ исторіи экономического развития дoreформенной Россіи. Это моментъ быстрого перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, развитія мѣстныхъ рынковъ и увеличенія торговыхъ оборотовъ на вѣнчанихъ рынкахъ. Переходъ въ развитіи хозяйственныхъ отношеній объясняется торжествомъ капиталистического производства на Западѣ и лихорадочнымъ ростомъ фабрично-заводской промышленности, особенно въ Англіи и Франціи.

По мѣрѣ ея роста растетъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Увеличивается нужда въ привозномъ хлѣбѣ. Этотъ процессъ отразился на интенсификаціи земледѣлія въ тѣхъ странахъ, которыя, по преимуществу, спабжали Европу хлѣбомъ. Россія, уже давно вступившая на путь

международного торгового обмена, должна была увеличить количество вывозимого хлеба, и неизбежным следствием этого было изменение экономических и юридических отношений землевладельцев къ населению ихъ земель, такъ какъ эти отношения были приспособлены къ старымъ хозяйственнымъ формамъ.

Спрось на русскій хлѣбъ, притомъ лучшаго качества, требовалъ помѣщиковъ въ необходимости перейти къ болѣе интенсивнымъ способамъ веденія сельского хозяйства. Подъ влияніемъ этого, во многихъ мѣстахъ черноземного пространства совершился переходъ отъ трехполья къ многополью, въ иныхъ мѣстахъ перешли отъ перелога къ трехполью. Запасались сельскохозяйственными орудіями, удабривали землю, засѣвали поля улучшающими почву кормовыми травами.

Новые способы веденія сельского хозяйства требовали огромнаго напряженія физическихъ силъ рабочаго человѣка. Трудъ крѣпостной, даровой — для этого быть непригоденъ. Крестьянинъ не могъ хорошо отбывать барщину, самъ не извлекая изъ нея никакихъ доходовъ. Отсюда пужда въ наемномъ, свободномъ труде. Это же заставляло помѣщика думать объ измѣненіи отношений между нимъ и крестьяниномъ. Кроме того, интенсификація сельского хозяйства сокращала количество рабочихъ рукъ. Являлся вопросъ, куда же дѣвать осталую крѣпостную массу. Въ виду невозможности раздѣлаться съ крѣпостнымъ трудомъ въ первой половинѣ вѣка помѣщикамъ оставалось одно: поставить крестьянина въ такія условія, при которыхъ изъ него было возможно извлечь наибольшую пользу.

Дѣление Россіи въ почвенномъ отношеніи на двѣ полосы еще въ XVIII вѣкѣ способствовало нѣкоторому преобладанію оброчного хозяйства въ губерніяхъ нечерноземныхъ и барщинного на черноземѣ. Подъ влияніемъ перемѣнъ въ хозяйствѣ бросается въ глаза рѣзкое измѣненіе отношений крестьянина къ помѣщику. На черноземѣ баршина убивала оброкъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ оброкъ убиль баршину.

Недостатокъ рабочихъ рукъ на югѣ вызвалъ усиленіе баршины, — обилие крѣпостного крестьянства и сравнительная малоцѣнность земли въ промышленныхъ губерніяхъ содѣйствовали росту оброка. Вотъ данные по нѣкоторымъ губерніямъ.

Губерніи:		XVIII в.	XIX в.
Московская	оброкъ	36%	67,9%
	баршина	64%	32,1%
Владимирская	оброкъ	50%	70%
	баршина	50%	30%
Ярославская	оброкъ	78%	87,4%
	баршина	22%	12,6%

Отчасти замѣчаемъ то же явленіе въ черноземныхъ губерніяхъ Великороссіи. Вотъ примѣры:

Губернія:		XVIII в.	XIX в.
Курская	оброкъ	8%	24%
	барщина	92%	76%
Тульская	оброкъ	8%	23,4%
	барщина	92%	66,6%

Другое явленіе видимъ въ половинѣ XIX в. въ Малороссіи и Новороссіи.

Въ губерніи Полтавской	оброши.	0,7%	барщ.	99,3%
„ Черниговской	„	0,2%	„	99,8%
„ Екатериносл.	„	0,2%	„	99,8%

Такъ измѣнялось отношеніе между барщиной и оброкомъ. Вмѣстѣ съ этимъ замѣчается и абсолютный ростъ оброка и усиленіе барщины. Оброчныя могли идти на заработки, заниматься кустарными промыслами, продавать свою рабочую силу. Нужда въ капиталѣ заставила повысить платежи. Размѣръ оброка колебался отъ 20 до 50 руб., мѣстами бывшъ выше. Интенсификація сельского хозяйства вызвала усиленіе барщины на югѣ. Законъ Павла I не имѣлъ никакого значенія, сплошь и рядомъ работали на помѣщика всю недѣлю. Развитіе хозяйства вызвало расширение барской запашки и сокращеніе нормъ крестьянскихъ надѣловъ. Въ XVIII в. въ черноземной полосѣ нормальный надѣль равнялся 7 десятинамъ. Въ XIX в. онъ уменьшился до 2½ десятинъ. Это былъ тотъ минимумъ, которымъ располагалъ крестьянинъ для про-дленія физического существованія своего и своей семьи. Въ нечернозем-ныхъ губерніяхъ не замѣтно рѣзкаго уменьшепія земельного падѣла. Словомъ, чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ у крестьянъ земли меныше.

Вотъ нѣсколько данныхъ.

Общей земельной площади числилось:

Въ центральномъ промышленномъ районѣ:

За помѣщикомъ	48,1%.
„ крестьяниномъ	51,9%.

Въ среднемъ Поволжье:

За помѣщикомъ	61,7%.
„ крестьянами	38,3%.

Въ черноземномъ югѣ:

За помѣщикомъ	72,3%.
„ крестьянами	27,7%.

Наконецъ, замѣчается перемѣны въ положеніи помѣщичьей дворши. Благодаря новымъ условіямъ хозяйства, она являлась лишней — тѣмъ

болѣе, что содержаніе ея стоило дорого. Тѣмъ не менѣе процентъ дворовыхъ растетъ и наканунѣ реформы достигаетъ 6,79 %.

Ростъ дворовыхъ былъ особенно быстръ на югѣ, гдѣ помѣщики, главнымъ образомъ мелкопомѣстныи, лишали падѣловъ крестьянъ и давали имъ мѣсячину, превращая ихъ въ постоянныхъ крѣпостныхъ земледѣльческихъ батраковъ. Наканунѣ реформы закономъ 2-го марта 1858 г. былъ прекращенъ ростъ домашнаго пролетариата.

Таковы перемѣны въ положеніи крестьянства подъ влияниемъ эволюціи хозяйственныхъ отношеній. Если помѣщики піщерпоземныхъ губерній предпочитали оброчную систему, а черноземныхъ губерній противоположную, — это объясняется слѣдующими условіями. Крѣпостное крестьянство разселилось по Россіи неравномѣрно: его процентъ уменьшился по мѣрѣ движенія къ востоку и югу параллельно росту территоріи государства. Вслѣдствіе этого получилось слѣдующее: на суглинкѣ было обиліе рабочихъ, на югѣ недостатокъ. Невозможность широкаго развитія сельско-хозяйственнаго отхода и заставляла даже крупныхъ помѣщиковъ работать при помощи крѣпостного труда. За недостаткомъ рабочихъ рукъ много земельной площади лежало впустѣ, безъ приложенія рабочей силы. То же отсутствіе рабочихъ рукъ заставляло югъ быть сторонниками крѣпостного хозяйства.

Но все же перемѣны въ хозяйствѣ мало-по-малу выдвигали идею свободнаго труда. За нее особенно ухватились помѣщики съверной, съверо-западной и отчасти центральной полосы Россіи. На отмѣну крѣпостного права много вліяло развитіе фабрично-заводской промышленности и торжество вольно-наемнаго труда въ обрабатывающей промышленности.

Количество фабрикъ въ XIX вѣкѣ продолжало увеличиваться, но качественно они оставались въ прежнемъ положеніи. Только область суконнаго производства находилась въ довольно хорошемъ состояніи, чому немало содѣствовали обязательные казенные заказы. Если осталънія отрасли фабрично-заводской промышленности находили предпринимателей и имѣли сбыть, то всецѣло благодаря протекціонистской тарифной политикѣ. Впрочемъ, несмотря на оживленіе внутренней торговли, послѣдняя сильно тормозилась крѣпостнымъ правомъ. Между городомъ и деревней не существовало правильнаго товарообмѣна, крѣпостная деревня самостоительно удовлетворяла всѣ свои нужды. Этимъ и объясняется незначительная емкость внутреннаго рынка и слабое развитіе торговой дѣятельности городскаго населенія. Фабрика XVIII вѣка работала, опираясь на крѣпостной трудъ. Если встрѣчался на фабрикѣ XVIII вѣка свободный трудъ, то въ весьма незначительномъ количествѣ. Въ XIX в. купеческая фабрика окончательно переходитъ къ свободному труду. Конкуренція дворянской фабрики послѣ

1785 г. и запрещение покупать крестьянъ къ фабрикамъ заставили фабрикантовъ думать объ улучшении и удешевлении производства и о замѣнѣ крѣпостного труда свободнымъ. Въ 1825 г. уже 54% всѣхъ рабочихъ работали по вольному найму, а когда въ 1840 г. фабриканты получили право отпускать на волю своихъ крестьянъ даромъ или за деньги, то немедленно 103 фабрики перешли къ вольнонаемному труду. Итакъ, развитіе промышленности требовало свободнаго труда, большей покупчной способности населения. При существованіи крѣпостного права расширѣє сїкости внутреннаго рынка было невозможно. Такъ, фабрика, развитіе которой было въ интересахъ государства, укрѣпляла мысль о необходимости отмѣны крѣпостного права. О томъ же постоянно говорило государственное хозяйство и состояніе финансъ страны.

Въ теченіе всей половины вѣка правительство жило не по средствамъ. Доходнаго бюджета не хватало на покрытие расходовъ. Получался дефицитъ, постепенно увеличивающійся, и къ 1855 году онъ равнялся 262 милл. рублей. За это время только 15 годовъ было благополучныхъ, т.-е. была сведена роспись доходовъ и расходовъ. Внѣшняя политика была главной причиной дефицита, а существованіе крѣпостного права, тормозя развитіе производительныхъ силъ страны, въ то же время отнимало у государства значительную часть его доходовъ, шедшихъ на удовлетвореніе потребностей помѣщика. Повышеніемъ налоговъ нельзя было покрыть дефицита. Оставалось два старыхъ испытанныхъ средства: внѣшній заемъ и выпускъ ассигнацій. Послѣднихъ было такое множество, что онъ сильно падал въ цѣнѣ. Правда, Канкрию удалось восстановить металлическую валюту, изъять изъ обращенія ассигнаціи и замѣнить ихъ кредитными рублемъ. Къ 1839 году курсъ серебрянаго рубля равнялся 3 руб. 50 коп. ассигнациями. Этотъ курсъ былъ объявленъ постояннымъ, и ассигнаціи были замѣнены, по объявленному курсу, кредитными знаками съ безостановочнымъ размѣномъ на полноцѣнную монету. Однако, дефицитъ потребовалъ опять выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ. Послѣдніе падали въ цѣнѣ, и вместо металлической валюты у насъ устанавливилась бумажная денежная система.

Такъ, и финансы государства требовали отмѣны крѣпостного права. Наконецъ, поразительная задолженность дворянства, тратившаго банковскую ссуду на личныя нужды, заставила правительство думать о реформѣ, чтобы вмѣстѣ съ ней вернуть отданныя банковыя субсидіи. О крестьянскихъ волненіяхъ говорилось выше. Во всякомъ случаѣ, и съ ними приходилось считаться, и правительство, но желавшее реформы снизу, должно было подумать о таковой сверху.

Таковы условія, вліявшія на отмѣну крѣпостного права. Его от-

мѣна — актъ не гуманности, а жестокой необходимости, особенно обострившись послѣ Крымской войны. Съ вступлениемъ на престолъ Александра II крестьянскій вопросъ оставался безъ движенія. Засѣдавшій секретный комитетъ только остановилъ дальнѣйшій ростъ дворовыхъ. Крѣпостники опять вздохнули свободно, но не надолго. Во время коронаціи государь произнесъ рѣчь, въ которой прямо сказалъ о необходимости отмены крѣпостного права: «вы сами знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизменнымъ. Лучше отменить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться времени, когда оно само собой начнетъ отменяться снизу. Прошу васъ, господа, подумать, какъ бы привести это въ исполненіе».

Къ московской рѣчи государя дворянство въ общемъ отнеслось враждебно. Большинство и це думало объ отменѣ крѣпостного права. Брать на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ Александръ II не хотѣлъ по многимъ соображеніямъ. Въ обществѣ уже циркулировало не мало проектовъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Большинство изъ нихъ пытало на освобожденіи съ землей. Въ ноябрѣ 1857 года приѣхалъ Назимовъ, литовскій генераль-губернаторъ. Отъ имени дворянства вѣренныхъ ему губерній заявилъ онъ государю о желаніи литовскаго дворянства освободить крестьянъ безъ земли. Въ отвѣтъ на это 20-го ноября 1857 года былъ опубликованъ реескрипты на имя Назимова, согласно которому дворянству предоставлялось право приступить къ составленію проекта освобожденія крестьянъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) право собственности на землю сохраняется за помѣщикомъ; усадьба крестьянами выкупается, а для обеспеченія ихъ быта они получаютъ извѣстное количество земли, за которую платятъ оброки или работаютъ па помѣщика; 2) вотчинная полиція предоставляется помѣщикамъ; 3) новое устройство крестьянъ должно обеспечить исправное поступление податей и сборовъ. Вмѣстѣ съ этимъ былъ организованъ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, заступившій мѣсто секретаря. Первоначальная программа правительства не отличалась широкой и решительной постановкой вопроса, но даже такая постановка, какъ первый шагъ къ отменѣ крѣпостного права, была встрѣчена обществомъ восторженно. Что касается заинтересованнаго дворянства, то къ реескрипту 20-го ноября оно отнеслось различно. Дворянство нечерноземныхъ губерній считало постановку вопроса узкой и устами Унковскаго требовало единовременнаго и повсемѣстнаго освобожденія крестьянъ съ землей и съ выкупомъ за пе. Помѣщики центральнаго чернозема были недовольны обязательнымъ отводомъ земли въ пользованіе крестьянамъ; дворянство степныхъ губерній боялось, что рѣзкое нарушение существующихъ отношений дурно повлияетъ на хозяйство. Было не мало противниковъ какихъ бы то ни было измѣненій въ положеніи

крестьянъ. Нѣсколько въ сторонѣ находилось петербургское дворянство, стоявшее за надѣление крестьянъ землѣй на началахъ неотчуждаемости и вѣчнаго пользованія, за опредѣленныя повинности, по съ сохраненіемъ вотчинной власти во всей полнотѣ. Правительство съ нетерпѣніемъ ждало обращенія къ государю дворянства другихъ губерній, по послѣднее молчало. Наконецъ, подъ давленіемъ губернатора, нижегородское дворянство въ адресѣ отъ 17-го декабря заявило о своей готовности приступить къ устройству крестьянъ на началахъ, опубликованныхъ правительствомъ. Государь отвѣчалъ рескриптомъ. Затѣмъ начали поступать адресы и отъ другихъ губерній. Всюду были открыты губернскіе комитеты. Правительство составило въ руководство комитетамъ программу, вызвавшую протестъ со стороны комитетовъ. Въ общемъ, программа соответствовала началамъ, положеннымъ въ основу рескриптовъ, по въ то же время давало возможность надѣяться, что, спустя нѣкоторое время, земля, отданная во временное пользованіе, станетъ достояніемъ помѣщика. Комитеты нечерноземныхъ губерній забили тревогу. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса для нихъ — полное освобожденіе съ усадьбой и землѣй, необходимой для обеспеченія быта крестьянъ, за выкупъ, произведенный при помощи гарантированной правительствомъ финансовой операции. Правительство въ этомъ вопросѣ сдѣлало уступку и разрѣшило комитетамъ составить выкупные проекты. Сдѣлать это успѣли немногіе. Въ губернскихъ комитетахъ сосредоточилась борьба вокругъ вопросовъ: о выкупѣ личности и оцѣнкѣ усадьбы, размѣрѣ надѣловъ, правовомъ положеніи крестьянъ, определеніе повинностей.

Во время работы комитетовъ выяснилась противоположность интересовъ и стремлений дворянства черноземной и піечерноземной половы. Для послѣднихъ полное раскрытие не необходимо и для блага Россіи, и для ихъ собственного. Отстаивая гражданское равенство крестьянъ, лишая помѣщиковъ вотчинной власти, комитеты въ то же время очень высоко оцѣнивали усадьбу и надѣлы, включая сюда и выкупъ за свободу личности, чего рескрипты не допускали. Проекты губернскихъ комитетовъ поступали въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Для разбора и редактированія ихъ была учреждена редакционная комиссія. Составъ ся былъ въ общемъ прогрессивный. Члены редакционной комиссіи сосредоточили свои работы вокругъ четырехъ пунктовъ: 1) вопроса о правѣ собственности, 2) о выкупѣ надѣла, 3) о его размѣрѣ и 4) о вотчинной юстиціи помѣщика. Вопросъ о собственности не могъ быть разрѣщенъ на основаніи существующихъ законовъ. Опираясь на это, нѣкоторые члены и выдававшие депутаты отъ комитетовъ пастаивали на безземельномъ освобожденіи. Обыкновенно, въ отвѣтъ на ихъ рѣчи указывалось, что противного требуютъ интересы

государства, — и таково желание государя. Безземельная реформа будет способствовать развитию сельского пролетариата и еще более обострить отношения крестьян к помещикам. Подъ собственностью крестьян комиссии понимали: усадьбу и определенное количество надельной земли, необходимое для удовлетворения домашних потребностей и для исправного несения государственных повинностей. Вопрос о праве собственности тесно связан с вопросом о выкупе земель. Были сторонники добровольного и обязательного выкупа. Противники обязательного выкупа доказывали, что онъ не можетъ быть обоснованъ действующими законами. Сторонники настаивали на томъ, что интересы государства требуютъ этой финансовой операции.

Публицистика и литература того времени разъяснили съ достаточной очевидностью, что подобная операция возможна и не вызоветъ падения курса бумагъ. Сторонники обязательного выкупа указывали и на то, что благодаря ему установятся болѣе мирные отношения крестьян къ помещикамъ; а выкупная операция дастъ помещику средства, необходимыя для оборудования хозяйства на новыхъ началахъ. Въ общемъ, сторонниками принудительного выкупа являлись представители отъ промышленныхъ губерній. Редакціонная комиссія въ принципѣ согласилась со сторонниками обязательного выкупа, но, припомнивъ внимание соображений и противниковъ, постановила, что 1) усадьба выкупается обязательно, 2) выкупъ надѣловъ — добровольный; для устраненія спекуляціи были приняты мѣры.

Съ вопросомъ о выкупѣ связалъ вопросъ о размѣрѣ надѣловъ и починствъ крестьянъ. Въ интересахъ помещиковъ было отстаивать высокія цѣны на землю и незначительность надѣльного участка. Послѣднее имѣло существенное значеніе для черноземныхъ губерній. Вокругъ этого вопроса, затрагивавшаго насущеннѣе интересы помещиковъ, завязалась долгая и упорная борьба. Въ ней принимали участіе и крестьяне и сторонники освобожденія съ землей. На защиту мякиши было потрачено не мало усилий и дилетанти. Редакціонной комиссіи пришлось уступить дружному напору помещиковъ, боровшихся за свое материальное благоденствіе. Сначала предполагалось сохранить за крестьянами существующіе надѣлы: это облегчало установление по земельныхъ отношений крестьян къ помещику. Однако, указывалось на несправедливость подобного решенія, такъ какъ особенно пострадаютъ тѣ помещики, которые, хорошо относясь къ крестьянамъ, надѣлили ихъ большими земельными участками.

Съ другой стороны, несомнѣнно огромное количество крестьянъ имѣло слишкомъ микроскопическіе надѣлы, и было бы немыслимо оставить ихъ въ такомъ положеніи.

Уступая крестьянамъ, редакціонная комиссія отказалась отъ

мысли предоставить въ распоряжение крестьянамъ участки земли, находившися въ ихъ пользованіи. Затѣмъ комиссіи пришлось заняться установлениемъ нормы надѣла для каждой мѣстности, при чёмъ устанавливался *minimim* и *maximim* надѣловъ. Первый былъ равенъ одной трети второго.

При надѣлѣніи крестьянъ максимальными надѣлами, оставшаяся земля прибрѣзывалась къ землѣ помѣщика; *minimim* надѣла обыкновенно примѣнялся тамъ, где крестьянская масса была или безземельна, или владѣла исключительнымъ количествомъ земли. Въ этомъ случаѣ площадь крестьянского землевладѣнія нѣсколько увеличивалась. За пользованіе надѣльной землей крестьянинъ несъ опредѣленныя повинности. При опредѣленіи размѣра повинностей редакціонная комиссія считалась съ существующимъ положеніемъ дѣла. Въ пачерноземныхъ губерніяхъ былъ принятъ нормальный годовой оброкъ 9 рублей, а въ промышленныхъ 10 рублей за высшій надѣль; въ другихъ мѣстностяхъ оброкъ всюду былъ назначенъ 8 руб. Для распределенія оброка по десятинамъ редакціонная комиссія приняла систему градации: за первую десятину надѣла платилось больше, чѣмъ за остальную. Въ этой платѣ за землю была скрыта плата за личность крестьянина. Для примѣра возьмемъ высшій надѣль въ 3½ д. при девятирублевомъ оброка. Система градации будетъ такая: первая десятина — 4 руб., вторая — 2 руб. 50 коп., остальная — по 1 руб. 66 коп.

Въ барщинныхъ имѣніяхъ предполагалось за высшій надѣль издѣльная повинность въ размѣрѣ 40 дней мужскихъ и 30 женскихъ. Впослѣдствіи, когда нормы надѣловъ были понижены, система повинностей осталась безъ измѣненія, отчего тяжесть ихъ только увеличивалась.

Въ вопросѣ обѣ административномъ устройствѣ крестьянъ, редакціонные комиссіи обнаружили большую стойкость, сравнительно съ ею поведеніемъ при обсужденіи нормы надѣла и размѣра повинностей.

Редакціонные комиссіи отстояли независимость крестьянства отъ помѣщика, отнявъ у него полицейскую и судебную власть. Предполагалось дать крестьянскимъ обществамъ самоуправление въ ихъ сельскомъ быту, поставивъ его подъ контроль администраціи, но эта подчиненность въ общемъ свела въ будущемъ крестьянское самоуправление на нѣть; низшей ячейкой крестьянского самоуправленія является сельское общество изъ лицъ, связанныхъ другъ съ другомъ общими земельными отношеніями. Нѣсколько сельскихъ обществъ образуютъ волость: сельские и волостные сходы являются распорядительными органами, а выборные сельские старости и волостные старшины исполнителями решений схода. Помимо чисто крестьянскихъ дѣлъ, па волостного старшину и правление была возложена масса полицейскихъ обязанностей, не имѣющихъ никакого отношения къ нуждамъ крестьянъ.

Изъ редакционныхъ комиссій проекты поступали въ главный комитетъ, где завязалась борьба по вопросу о нормѣ надѣловъ и повинностяхъ. Съ болѣшимъ трудомъ предсѣдателю комитета Великому Князю Константишу Николаевичу удалось успоконить разбушевавшіеся страсти. Это было достигнуто цѣною уменьшенія принятой нормы падѣловъ. Затѣмъ проектъ поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Совѣтъ принялъ составленные проекты, но внесъ въ нихъ существенное измѣненіе. Быть принялъ такъ называемый «нищенскій надѣль» (въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ вышшаго), уступаемый крестьянину бесплатно. Вмѣстѣ съ этимъ предоставлялось право помѣщику добровольнымъ соглашеніемъ окопчить обязательныя отношенія съ крестьянами.

Нищенскій, или «гагаринскій», надѣль преслѣдовалъ скрытую цѣль: сохраненіе за помѣщикомъ возможно большаго количества земли. На эту надѣль сразу набросились крестьяне, желавши поскорѣе порвать всякія отношенія съ помѣщиками. Всѣдѣствіе этого съ первыхъ дней свободы не малая часть крестьянъ была обречена на пролетарское существованіе. Проекты, разсмотрѣнныя въ совѣтѣ, были подписаны 19-го февраля 1861 года, и тѣмъ самыемъ была уничтожена юридическая крѣпостная зависимость. По положенію 19-го февраля 1861 года, въ которое вошли проекты редакціонной комиссіи, крестьянская масса освобождалась съ землей и усадьбой, за которыя она несла вплоть до выкупа опредѣленныя повинности. Такіе крестьяне стали называть ся «временно-обязанными». Для огражденія крестьянской массы отъ произвола помѣщиковъ учреждалась особая должность мировыхъ посредниковъ, назначаемыхъ губернаторомъ по соглашенію съ предводителями дворянства. На ихъ обязанности лежало введеніе въ жизнь началь Положенія 19-го февраля 1861 года.

Положеніе 19-го фѣвраля — огромный шагъ впередъ въ правовомъ отношеніи: пало крѣпостное право надѣль личностью крестьянина, наносился непоправимый ударъ старому сословному строю, медленно завоевывала право на существованіе идея всесословного общества. Рядомъ съ новыми началами въ Положеніи найдется много старого: это выдѣленіе крестьянъ въ особое сословіе и цѣлый рядъ ограниченій, идущихъ въ разрѣзъ съ идеей равноправія крестьянъ съ остальными сословіями. Осуществить эту идею придется только въ наше время. Въ материальномъ отношеніи реформа оставляетъ желать многаго. Крестьянская масса стала свободной, но обремененной болѣшими повинностями съ малымъ надѣломъ. Если къ этому прибавить финансовую политику правительства, всею своей тяжестью падавшую на крестьянскую массу, то получится полная картина тяжелаго материальнаго положенія крестьянинца. Для помѣщика отмѣна крѣпостного права — выгодная коммерческая сдѣлка. Ясно, почему они стояли за высокіе плат-

жи и малые надѣлы. Положеніе 19-го февраля увеличило норму надѣловъ сравнительно съ пожеланіями губернскихъ комитетовъ и уменьшило размѣры предположенныхъ выкупныхъ платежей, но въ общемъ послѣдніе были выше рыночной стоимости земли и выкупныхъ платежей государственныхъ крестьянъ, подчищенныхъ принципамъ Положенія въ 1866 году. Тѣ же принципы были распространены въ 1863 году на удѣльныхъ, государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Однако, по отношенію къ крестьянамъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ пришлося сколько измѣнить принципы Положенія. Желая удержать крестьянскую массу отъ восстанія, правительство предоставило ей всю землю, находившуюся дѣйствительно въ ся распоряженіи. Вводился обязательный выкупъ надѣловъ, и размѣры платежей были понижены, такъ что въ общемъ выкупъ надѣльной земли вполнѣ равнялся тогдашней рыночной стоимости. Только подъ влияниемъ политическихъ соображеній здѣсь не было заплачено ни одной копейки за личность крестьянина. Съ послѣдствіями реформы для экономического положенія крестьянской массы встрѣтимся ниже.

Къ Положенію 19-го февраля общественные круги отнеслись различно: реакціонные помѣщики негодовали на правительство за нарушение принципа неприкословенности частной собственности, радикальные элементы считали реформу отнятіемъ земли у крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и такъ или иначе выражали свое негодованіе. Либеральные элементы, признавая недостатки реформы, тѣмъ не менѣе считали ее огромнымъ шагомъ впередъ, безъ котораго немыслимо дальнѣйшее культурное развитіе народа.

Судебная реформа.

Крестьянская реформа, какъ это указывалось прѣкоторыми члена-ми губернскихъ комитетовъ, должна была повлечь за собою цѣлый рядъ другихъ реформъ. На первомъ планѣ стояла судебная реформа. Съ отмѣной крѣпостного права теряли всякое значеніе старые сословные суды. Судъ долженъ быть равенъ и одинаковъ для всѣхъ. Только тогда освобожденная крестьянская масса можетъ питать довѣріе къ авторитету суда и видѣть въ немъ защитника права, а не сословныхъ интересовъ. Къ тому же старые суды отличались архаизмомъ дѣлопроизводства и явно не соответствовали духу времени и взгляду науки. Вотъ тѣ мотивы, по которымъ правительство принимается за судебную реформу.

Въ 1862 году была составлена особая комиссія для реформы нашихъ судебныхъ уставовъ. Въ ея составъ вошли лучшія юристы того времени. Работа двигалась быстро. 20-го ноября 1864 г. Судебные Уста-

вы, разсмотрѣнныя въ Государственномъ Совѣтѣ, были утверждены Александромъ II. Согласно новымъ уставамъ, учреждался вполгѣ независимый отъ администраціи судъ; суды могли быть смигаемы только по суду. Отсутствие боязни быть удаленнымъ не по суду было гарантіей правильности и объективности приговора. Низшей инстанціей для разбора значительныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ стали окружные суды, открытые въ губерніяхъ. Судебные палаты становились во главѣ судебнаго округа изъ нѣсколькихъ губерній. По отношенію къ окружнымъ судамъ они были апелляціонной и кассаціонной инстанціей. Верховныи кассаціонныи судомъ стала Сенатъ. Засѣданія стали открытыми для публики, а появившіеся въ печати отчеты о судебныхъ процессіяхъ, знакомя широкіе слои общества съ повсюднити судами, въ то же время содѣйствовали привлечению къ нимъ общественныхъ симпатій.

Уголовныи дѣла разбираются при участіи присяжныхъ засѣдателей; ими могли быть лица не моложе 25 лѣтъ, обладающія опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, не состоящія подъ судомъ и грамотныя. Присяжные решали вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго, а коронныи суды выносили соответствующій приговоръ. Дѣлопроизводство было устное, что значительно ускоряло ходъ процесса. Для того, чтобы подсудимый могъ лучше ориентироваться въ своемъ процессѣ и выставить тѣ или другіе доводы для ослабленія обвиненія или полного оправданія, учреждался институтъ присяжныхъ повѣреныхъ. Представителемъ государства и обвинителемъ отъ его имени являлись прокуроръ и его товарищи.

Мелкія уголовныи и гражданскія дѣла разбирались выборными судьями, смигаемыми только по суду. Близость суда къ населенію, доступность и демевизна содѣйствовали развитию популярности мировыхъ судей. Высшей инстанціей для мирового суда была съѣздъ мировыхъ судей, а кассаціонной — Сенатъ. Главныи недостаткомъ мирового суда была неподсудность ему освобожденныхъ крестьянъ. Его мѣсто у нихъ занялъ волостной судъ, руководившійся обычаями, а не закономъ.

Несмотря на свои достоинства и полное сочувствіе къ пимъ населенія, судебные уставы въ первоначальномъ видѣ существовали не долго. Правительство, скоро ставшее на наклонную плоскость реакціи, стремится ослабить независимость суда и поставить его подъ контроль администраціи. Начиная съ 1866 года, издается рядъ новелль, значительно видоизмѣняющихъ физіономію уставовъ 20-го ноября 1864 года. По нѣкоторымъ дѣламъ сокращается количество инстанцій; по требованію министра юстиціи, многіе изъ судебныхъ процессовъ происходить при закрытыхъ дверяхъ, компетенція суда присяжныхъ была со-

крапцена. Політическія дѣла стали подсудны особому коронному составу суда. Наконецъ, при Александрѣ III недовѣріе къ уставамъ 1864 года усилилось еще болѣе. Въ результатѣ, цѣлый рядъ новелль, лишившихъ суды независимости и несмѣшненности. Мировые суды были почти всюду уничтожены: въ городахъ появляются назначенные городскіе суды, а въ деревняхъ — земскіе начальники.

Земская реформа.

Одновременно съ судебнай комиссией засѣдала комиссія по составленію Земскаго положенія, по которому хозяйственныя дѣла ввѣрялись мѣстному обществу. Необходимость этого ясно сознавалась передовыми людьми того времени. Земскія учрежденія должны были освободить провинцію отъ бюрократической опеки и тѣмъ самымъ содѣствовать ея возрожденію. Бѣдность и отсталость нашей провинції являлись лучшими показателями неудовлетворительного хозяйственачальства администраціи. Многіе изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, говоря о необходимости реформы провинціального управлениія, требовали, чтобы всесословность была основой реформы. Только при этомъ условіи всѣ сословія могутъ сойтись вмѣстѣ и работать для общаго дѣла. Самой маленькой административной единицей должна быть всесословная волость, средней единицей — уѣздъ, высшей — губернія. Полная самостоятельность въ веденіи хозяйства и лишеніе губернатора права въ него вмѣшиваться должны были содѣствовать упроченію предполагаемой реформы. Губернатору предоставлялся только падзоръ за законностью дѣйствій вновь открываемыхъ учрежденій. Къ сожалѣнію, эти начала въ чистомъ видѣ не вошли въ проектъ Земскаго положенія. Наступившая довольно скоро реакція была главной причиной этого. Засѣдавшіе въ комиссіи дворянскіе и бюрократическіе элементы боялись потери своего вліянія въ провинціи. Признавая указанные принципы въ видѣ фундамента реформы, они въ то же время старались успѣхъ старые сословные и административные элементы. Земское положеніе 1864 года, несомнѣнно, носить всесословный характеръ, но послѣдній растворяется среди дворянъ, которымъ отведенено первое мѣсто. Самостоятельность общества была признана Положеніемъ, но контроль администраціи былъ поставленъ въ условія, дававшія возможность ей оказывать вліяніе на дѣятельность мѣстныхъ учрежденій. Мелкая земская единица — волость — была въ принципѣ отвергнута, какъ несвоевременное предложеніе, не соотвѣтствовавшее культурному развитию парода.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ Земское положеніе 1864 года — несомнѣнно важный фактъ въ нашей исторіи. Призывая къ участію въ

новыхъ учрежденіяхъ всѣ общественныя силы, правительство признало жизненной «всесословность» нового общества, хотя, предоставляемъ дворянству больше вліянія и значенія, въ то же время и пыталось парализовать значеніе этого принципа. Эту борьбу старыхъ и новыхъ началъ можно подмѣтить и при изученіи другихъ реформъ этой эпохи. По Положенію 1864 года земскія учрежденія дѣлятся на уѣздныя и губернскія. Лица, удовлетворяющія извѣстному цензу, выбираются гласныхъ, составляющихъ уѣздное собраніе. Послѣднее избираетъ предсѣдателя и членовъ уѣздной управы. Губернское собраніе составляется изъ депутатовъ, выбранныхъ уѣздными собраніями. Исполнительнымъ органомъ является губернская управа въ составѣ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Избиратели гласныхъ дѣлились на три куріи: къ первой принадлежали владѣльцы недвижимыхъ имуществъ; ко второй — городскія общества, къ третьей — сельскія. Участіе въ первой куріи обусловливалось цензомъ въ размѣрѣ не ниже 15.000 рублей или 6.000 годового оборота, хотя это далеко не одинаковая капитальная цѣнность. Допускался также коллегіальный цензъ. Владѣльцы не менѣе $\frac{1}{20}$ части этой суммы, составивъ въ совокупности нормальный цензъ, выбирали уполномоченныхъ. Женщины лишались непосредственного участія въ выборахъ. Правомъ голоса во второй куріи пользовались: а) имѣющія купеческія свидѣтельства, б) владѣльцы промышленныхъ заведеній съ годовымъ оборотомъ въ 6000 рублей, в) лица, владѣющія недвижимостью, цѣною отъ 600 рублей въ городахъ, имѣющихъ менѣе 2000 жителей, до 3600 руб. въ городахъ съ населеніемъ болѣе 10 тысячъ человѣкъ. Въ зависимости отъ уменьшенія количества населенія понижался и цензъ. Для участія въ третьей куріи не требовалось никакого имущественного ценза. Волостные сходы выбирали избирателей, а послѣдніе — гласныхъ.

Гласными отъ крестьянъ могли быть и не крестьяне, что на практикѣ было довольно часто. Кроме ценза, гласный долженъ удовлетворять еще некоторымъ отрицательнымъ условіямъ, какъ-то: 1) не состоять подъ судомъ и слѣдствіемъ, 2) не быть подъ надзоромъ полиціи и такъ далѣе.

Земскіе гласные, какъ и члены управъ, выбираются на три года. Ежегодно происходятъ обыкновенные сессіи собраній. Съ разрѣшенія администраціи можетъ быть созвано и неочередное земское собраніе. Присутствіе гласныхъ обязательно. Не явившіеся могутъ подвергнуться штрафу. Предсѣдательствуетъ на собраніяхъ предводитель дворянства. Для законности собранія требуется присутствіе определенного числа лицъ. Открывается и закрывается собраніе губернаторъ. Органомъ надзора за дѣйствіями земства является онъ же. Впрочемъ, губернаторъ только ограничивается наблюдениемъ за законностью земскихъ поста-

пояснений. Недоразумѣнія рѣшаются обыкновенно сенатомъ. Для протеста губернатора опредѣленъ семидневный срокъ.

Въ завѣданіи земскихъ учрежденій находится: 1) земскія по-винности денежныя и натуральныя, 2) земскія имущества, 3) дороги, больницы, дорожный сооруженія, 4) земская почта, 5) лѣчебныя и благотворительныя заведенія, 6) народное продовольствіе, 7) взаимное земское страхованіе.

Кромѣ того, земство должно заботиться объ охраненіи народнаго здравія, предупрежденіи скотскихъ падежей, о развитіи средствъ народного образованія, содѣйствіи земледѣлію, промышленности и торговлѣ. Земство также принимаетъ мѣры для тушенія пожаровъ. Земскія учрежденія пользуются правомъ ходатайства передъ правительст-вомъ о мѣстныхъ нуждахъ и пользованіи.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, новыя учрежденія сразу заняли видное мѣсто въ нашей жизни. Общественная дѣятельность заинтересовала мѣстное общество, охотно отдававшее свое время и силы для земской службы. Земству удалось привлечь на свою службу не мало идеи-ческого элемента, безкорыстно отдававшагося земской работѣ.

Несмотря на полезную работу земства, правительство довольно скоро заподозрило земства въ политической неблагонадежности. Доказательствомъ этого были: широко-поставленная культурная дѣятельность иѣкоторыхъ земствъ, а затѣмъ рядъ заявлений конституціоннаго характера. Правительство, убѣдившись въ вредномъ направлении земскихъ учрежденій, всѣми мѣрами тормозило земскую работу, ставя сий или другія преграды. Въ концѣ царствованія Александра II шла уже рѣчь о необходимости реформы земскихъ учрежденій, но послѣдовавшія события на время задержали ея исполненіе. Уже при Александрѣ III Положеніе 1864 года было замѣнено Положеніемъ 12-го июля 1890 года. Въ сравненіи со старымъ Положеніемъ реформа 1890 года — шагъ назадъ въ сторону сословности и зависимости отъ администраціи. Внѣшняя структура земства осталась та же, но составъ его значительно видоизмѣнился.

Общее количество гласныхъ было уменьшено. Увеличеніе имущественного ценза лишило земства многихъ полезныхъ работниковъ, отдавалъ его въ руки лишь, далеко не всегда интересовавшихся земскимъ хозяйствомъ. По Положенію 1890 года дворян-землевладѣльцы были выдѣлены въ особую группу, выбиравшую наибольшее число гласныхъ; владѣльцы не дворянне соединились въ одну группу съ городскими собственниками. Наконецъ, крестьяне на своихъ волостныхъ сходахъ выбирали кандидатовъ въ гласные, а послѣдніе уже назначались губернаторомъ. Кромѣ того, въ земскія собранія вошли по должностямъ всѣ предводители дворянства, что еще болѣе усиливало дворянскій эле-

ментъ. Зависимость земства отъ администрації стала чувствительна. Губернаторъ слѣдилъ не только за законностью постановлений собраний, но получалъ право приостанавливать исполненіе постановлений собрания, если оно противорѣчило государственнымъ и мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ. Обыкновенно, на практикѣ послѣднее администрація понимала очень широко, и это ей давало возможность задерживать культурную работу земства. Свой протестъ на постановленіе собрания губернаторъ сообщасть для обсужденія въ губернскомъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствію. На рѣшеннѣе послѣдняго земство могло жаловаться въ Сенатъ, если постановленіе отмѣнено вслѣдствіе незаконности; если послѣднее случилось вслѣдствіе нецѣлесообразности и несоответствія государственнымъ и мѣстнымъ интересамъ, то окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало министру внутреннихъ дѣлъ и Государственному Совѣту.

Въ пыткѣшнее царствованіе въ министерство Плеве была задумана новая реформа въ смыслѣ полного уничтоженія самодѣятельности земства, но за смертью императора пока была положена подъ сукно. Современное общественное движение ставить на очередь опять вопросъ о реформѣ земства, по уже въ смыслѣ его демократизаціи, расширепія его правъ, независимости отъ администраціи.

Городская реформа.

За реформой земской и судебной послѣдовала реформа въ управлѣніи городами. Въ 1870 году было опубликовано новое Городовое положеніе, въ которомъ правительство отказалось отъ начала сословности, сохрапившейся въ нашихъ городахъ вплоть до 1870 года. Но этотъ принципъ всесословности растворился среди представителей торгово-промышленаго міра, такъ что Городовое положеніе 1870 года — все-сословное по принципу — на дѣлѣ оказалось сословнымъ. Всѣ избиратели гласныхъ раздѣляются на три куріи по различию платимыхъ въ пользу города прямыхъ налоговъ, такъ, чтобы каждая курія уплачивала въ общей сложности $\frac{1}{3}$ городскихъ сборовъ. Конечно, число избирателей въ каждой куріи было неодинаково, но зато каждая выбирала одинаковое число гласныхъ. Такимъ образомъ, крупный капиталъ занималъ доминирующее положеніе. Такая трехклассная система выборовъ вызвала не мало споровъ въ комиссіи по введенію реформы, но всѣ попытки расширить систему выборовъ, привлечь къ участію въ городскомъ самоуправлѣніи квартирнанимателей и обладающихъ образовательнымъ цензомъ — кончились ничѣмъ. По Положенію 1870 года права избирателей получили: а) собственники недвижимыхъ имуществъ; б) содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведений; в)

обладателіи купеческихъ промысловъ и приказчичьихъ свидѣтельствъ.

Городскія учрежденія слагаются изъ городской думы — представительного собарнія — и городской управы — исполнительнаго органа. Городская управа состоитъ изъ городского головы, иногда его товарища и несколькихъ членовъ. Выбираются они на 4 года изъ общаго состава гласныхъ. Городскія думы ведутъ городское хозяйство, призываютъ мѣры для поднятія культурнаго уровня города. Пародное образованіе, больницы, призрѣніе бѣдныхъ находятся на попеченіи города.

Засѣданія думы назначаются по мѣрѣ надобности, и для дѣйствительности ихъ нужно присутствіе половины или трети общаго числа гласныхъ, смотря по ихъ количеству. Губернаторъ по отношенію къ городскому самоуправлению является органомъ надзора за его законностью. Послѣ введенія Положенія 1870 года довольно скоро измѣнилась физіономія нашихъ большихъ городовъ. Пародное образованіе быстро двигалось впередъ: открывались больницы, улучшались санитарныя условія городской жизни. Но характеръ избирательнаго ценза, отдавая городское самоуправленіе въ руки большого капитала, несомнѣнно задерживалъ культурную работу: капиталъ довольно часто игнорировалъ общественныя нужды и пользы, относясь къ дѣлу съ чисто-формальной стороны.

Кромѣ того, городъ несъ рядъ обязательныхъ повинностей на полицію, содержаніе войска, тюрьмы. Отнимая большую часть городскаго бюджета, онъ лишали городъ средствъ для удовлетворенія культурныхъ его нуждъ. Въ царствованіе Александра III въ 1892 году Положеніе 1870 года было замѣнено новымъ. Оно преслѣдовало тѣ же цѣли, что и Земскос положеніе 1890 г.: уменьшеніе круга избирателей, повышеніе избирательнаго ценза и усиленіе зависимости города отъ администраціи. По Положенію 1892 года губернаторъ сталъ по отношенію къ городу въ такое же отноженіе, какъ и къ земству.

Всебощая воинская повинность.

Появленіе новаго всесословнаго общества должно было измѣнить характеръ отбыванія воинской повинности. Изъ повинности, обязательной для податныхъ классовъ, она должна стать обязательной для всего общества. Да и сроки службы требовали некотораго измѣненія. Севастопольская война также настоятельно указывала на необходимость реформъ въ нашей арміи. По новому закону 1871 года военная повинность стала обязательной для всѣхъ, не исключая и дворянства. Давались льготы по образованію и семейному положенію. Срокъ военной службы въ общей сложности понижался до 15 лѣтъ. Для поднятія образовательнаго уровня офицерскаго корпуса — учреждались военные

гимназії. Съ солдатами стали обращаться гумашіїс, и рядъ упизительныхъ для человѣческой личности наказаний быть отмѣнены. Въ общемъ, новый законъ, конечно, большой шагъ впередъ, но существенныя льготы по образованію фактически освобождали пскостынскую массу отъ повинности. Главное ядро попрежнему составлялось изъ крестьянъ, ремесленникомъ и мышанства. Съ введеніемъ нового устава о воинской повинности падалъ само собой законъ о вольности дворянства 18-го февраля 1762 года, вошедшій потомъ въ Жалованную Грамоту Дворянству 1785 г.

Цензурные уставы.

Оживленіе общественной жизни и рядъ реформъ, предпринятыхъ попрежнему, въ зависимость отъ администраціи. Эта зависимость становилась на необходимость льготъ для печати, такъ какъ при существованіи николаевскихъ уставовъ невозможно было развитіе печатного слова, значеніе котораго уже всѣми сознавалось. Само собою понятно, о свободѣ печати не могло быть и рѣчи.

Новый уставъ давалъ лѣкоторыя льготы, но ставилъ всю печать, попрежнему, въ зависимость отъ администраціи. Эта зависимость стала особенно сильной при Александрѣ III, когда правительство драконовскими мѣрами старалось задушить оппозиціонный духъ нѣкоторыхъ газетъ. Газета не только не имѣла права высказывать идеи, враждебныхъ правительству, но послѣднее рядомъ циркуляровъ запрещало казаться въ печати тѣхъ или другихъ вопросовъ. Для курьеза укажемъ на запрещенія: писать о лѣченіи докт. Лейденомъ Александра III, сообщать о выходѣ въ отставку министра финансовъ Абазы и дѣлать характеристику его управления и т. д. Современное движеніе добилось нѣкотораго облегченія для печати, но широкое право администраціи налагать штрафы за распространеніе невѣрныхъ фактовъ и вредныхъ идей даетъ полную возможность задерживать развитіе печати. Кое-гдѣ фактически существуетъ предварительная цензура, отмѣненная манифестомъ 17-го октября.

Народное образование.

Время Александра II—моментъ особеннаго интереса къ народному образованію. Поголовная безграмотность народной массы, жалкое состояніе средней и высшей школы, низкий культурный уровень народа вообще—все это факты, бьющіе въ глаза. Севастопольская война довольно паглядно показала, что главной причиной пораженія было нежужество русскихъ.

Педагогическіе приемы воспитанія—съ палкой въ основѣ — или

въ разрѣзъ съ тогдашними теченими педагогической мысли и требовали измѣненія. Этими условіями и объясняется особенный интерес со стороны общества къ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ воспитанія. Въ 1859 году были открыты въ Петербургѣ воскресныя школы. Числьть учащихся было очень большой. Интеллигенція и учащаяся молодежь были главными дѣятелями. Провинція не отставала отъ столицы. Однако, школамъ довольно скоро пришлось прекратить свою дѣятельность. Правительство, находя, что въ воскресныхъ школахъ занимаются пропагандой антиправительственныхъ взглядовъ, закрыло ихъ. Такъ реакція погубила весенніе побѣги на нивѣ народного образования.

Съ учрежденіемъ земства начали открываться народныя школы. Нѣкоторые изъ земствъ съ большимъ рвениемъ отнеслись къ дѣлу народного образования, но широкая инициатива земства скоро столкнулась съ министерствомъ народного просвѣщенія, которое пыталось всѣми мѣрами тормозить дѣятельность земствъ. И тутъ реакція была причиной. Съ введеніемъ въ жизнь Городового положенія 1870 г. городскія думы обратили серьезное вниманіе на образованіе городского населенія. Всюду открываются городскія училища, съ 4-мя классами, дававшія законченное элементарное образованіе, но бывшія въ всякой связи съ системой средней и высшей школы.

Количество среднихъ школъ было у насъ не велико. Стремленіе общества получить университетское образованіе переполняло классы. Это заставило увеличить число гимназій. Средняя школа была двухъ типовъ: съ классическими языками и безъ нихъ; абитуріенты обоихъ типовъ пользовались правомъ поступленія въ университеты: знающіе древніе языки на всеѣ факультеты, а не знающіе — на физико-математический. Въ концѣ 60-хъ годовъ подымается вопросъ о реформѣ въ школахъ. Цѣль ея была политическая: правительство было взволновано развитіемъ вольнодумства и революціонности среди молодежи. Въ этихъ цѣляхъ въ гимназіяхъ древніе языки были поставлены въ основу преподаванія и только кончившіе гимназіи получили право поступленія въ университеты. Гимназіи безъ языковъ стали называться реальными училищами. Ради языковъ уничтожалось естествознаніе, уменьшалось количество уроковъ исторіи; расширялась программа древней русской литературы и сокращалась новая. При изученіи языковъ — грамматика, переводы стали предметомъ особаго вниманія со стороны пѣмцевъ и чеховъ, выписанныхъ изъ-за границы. Ученики, не изучившіе грамматику, безжалостно выбрасывались за бортъ школы. Нѣмецкая суность и черствость, жестокость и свирѣпость преподавателей только возбуждали ненависть къ классицизму, система которого только способствовала отступлению молодежи.

Лучшія сили не выносили «тупости» классицизма и, оставляя школьную скамью, часто набрасывались на революционную работу.

Университетская волненія 1861 г., слабая постановка научной дѣятельности университета заставили правительство ввести новый уставъ, признававшій самостоятельность профессорской корпорації и предоставившій университетамъ иѣкоторую автономію; совѣты университетовъ выбирали администрацію, вели всю учебную часть университета. Но къ студентамъ новый уставъ относится неблагосклонно: студентъ считался единичнымъ посѣтителемъ университета, всякія организаціи были запрещены. Уставъ 1863 г. содѣйствовалъ обновленію университета и процвѣтанію русской науки. На каѳедрахъ появилось не мало выдающихся лицъ, сумѣвшихъ захватить и увлечь молодую аудиторію. Старикамъ пришлось стушеваться или просто выйти въ отставку. По мѣрѣ усиленія реакціи въ концѣ 60-хъ годовъ правительство накладывало руку на автономію, но встрѣчало должный отпоръ со стороны университетскихъ совѣтовъ. Усиление реакціи при Александрѣ III заставило правительство составить новый уставъ въ цѣляхъ полнаго подчиненія университета администраціи. Уставъ 1884 г. отмѣнялъ автономію. Вся администрація назначалась. Пустыя каѳедры заполнялись путемъ назначенія. Университетъ былъ поставленъ подъ контроль попечителя округа. Либеральные профессора были удалены въ отставку и часто замѣнялись тутицами и бездарностями. Кругъ преподаванія ограничивался опредѣленными программами, количество каѳедръ было уменьшено. Свободного слова почти не было слышно въ университетѣ. Учреждалась должности инспектора студентовъ и его помощниковъ, не подчиненныхъ университетской администраціи. Цѣль ихъ — надзоръ за студентами. Всякія студенческія сходки и собранія запрещались, а виновные удалялись изъ университета. Скоро университеты значительно упали: въ нихъ прекратилась серьезная научная работа, а студенчество, кончая классическую гимназію, поступая въ университеты и встрѣчая иенаучную обстановку, мало интересовалось научной работой. Оно ограничивалось сдаваниемъ экзаменовъ и мечтало о получении диплома. Въ 90-хъ годахъ постоянная университетская волненія, сопровождавшіяся избиениемъ нагайками, высылкой, отдачей въ солдаты, фактически прекратили функционированіе университета. И только въ наше время временными правилами университеты получили автономію. Закипѣла въ нихъ научная работа, изгнанники-профессора появились снова передъ молодой аудиторіей, введена система предметного преподаванія, были открыты новые каѳедры. Совѣты допустили и студенческія организаціи, старость, но послѣдніе не признаются нашей высшей администрацией. Сейчасть замѣтно стремленіе опять сократить автономію. Къ чѣму это поведѣть, покажетъ будущее.

Реакція временія Александра III особенно сказалась на отношеніи правительства къ народному образованію. Усиливается контроль инспектора народныхъ училищъ. Правительство покровительствуетъ церковно-приходскимъ школамъ, где учили читать и писать по-славянски, по мало знакомили съ грамотой и первоначальной ариѳметикой. Въ школьная просвѣтительная дѣятельность была поставлена въ такія стѣснительныя условія, что фактически она совершилъ прекратилась. Въ библиотекахъ допускались книги лишь религіознаго характера. Проповѣдія ляг҃щной словесности были изъяты изъ обращенія. Въ общемъ, правительство сокращало образованіе и достигло своей цѣли: грамотные по аттестату новобранцы часто оказывались забывшими чтеніе и письмо. Впрочемъ, программы среднихъ школъ нѣсколько измѣнились въ смыслѣ сокращенія древніхъ языковъ и расширенія курса исторіи, литературы и введенія психологіи и законовѣданія.

Промышленное развитіе Россіи вызвало появленіе школъ съ специальными образованіемъ: особенно много открылось коммерческихъ училищъ. Поставивъ преподавателя въ относительную хорошія материальныя условія и предоставивъ ему некоторую самостоятельность въ дѣлѣ воспитанія и обученія, коммерческимъ школамъ удалось собрать не мало видныхъ педагогическихъ силъ и тѣмъ привлечь къ себѣ симпатіи общества.

Два слова о женскомъ образованіи. До 60-хъ годовъ у насъ были сословныя женскія учебныя заведенія. Женщины не дворянки почти не имѣли доступа къ образованію, да и общество само не особенно стремилось къ нему. Общественные настроенія 60-хъ годовъ ставятъ на очередь вопросъ о женскомъ образованіи. Къ нему стремится сама женщина, его требуетъ и мужчина. Подымается вопросъ не только о среднемъ, но и о высшемъ женскомъ образованіи. Открытіе женскихъ гимназій удовлетворяло потребности въ среднемъ образованіи. Мечта о высшемъ медленно превращалась въ конкретныя факты. Уставъ 1863 г. не пустилъ женщину въ университетъ. Тогда начали открывать специально женскія высшія учебныя заведенія; впрочемъ, при Александрѣ III почти все они были закрыты.

Только въ концѣ XIX в. замѣчается опять поворотъ въ сторону высшаго женскаго образованія, необходимость которого признана правительствомъ и обществомъ.

Но существующія высшія учебныя заведенія не могутъ удовлетворить всѣхъ желающихъ. Какъ въ 60-е годы, такъ и теперь не мало русскихъ женщинъ получаютъ образованіе въ заграниценныхъ университетахъ. Приходитсяѣздить преимущественно еврейкамъ, такъ какъ рядъ безсмысlenныхъ стѣсненій лишаетъ ихъ возможности учиться на родинѣ.

Правительство и общество во второй половинѣ XIX в.

Севастопольская война содѣйствовала необыкновенному пробуждѣнію общественной мысли. Для интеллигентнаго общества было ясно, что въ пораженіи, понесенномъ русскими, виноватъ опредѣленный политический укладъ, который долженъ подвергнуться радикальной ломкѣ. Крестьянская реформа считалась началомъ этой ломки. Во время работъ губернскихъ комитетовъ неоднократно высказывались мысли о необходимости измѣненія государственного строя. Почти все дворянство было настроено оппозиціонно. Консерваторы въ дѣлѣ реформъ крестьянского вопроса требовали себѣ предоставлѣнія политическихъ правъ, какъ награды за отмѣну крѣпостного права. Дворянское представительство должно поднять авторитетъ дворянства. Либеральные элементы желали болѣе демократического народнаго представительства. Въ общемъ правительство и широкіе слои общества относились несочувственно къ дворянскимъ конституціоннымъ стремленіямъ. Боялись реакціонной узкосословной политики. Однако оппозиція дворянства была кратковременна. Открытие земскихъ учрежденій, гдѣ преобладало дворянство, и развитіе революціоннаго демократическаго движенія заставили дворянство отказаться отъ мысли о конституціи и подумать о поддержкѣ правительства въ борбѣ съ революціонными элементами. Да и польское восстание 1863 г. не мало содѣйствовало этому.

Въ 70-хъ годахъ на смѣну дворянскаго либерализма идетъ земскій. Земство не довольно ни политикой правительства, ни дѣйствіями революціонныхъ партій. Первое своимъ преслѣдованіями развиваетъ оппозиціонный духъ; второе—террористическими актами задерживаетъ мирную эволюцію государственного строя. Единственное средство успокоить страну—это введеніе народнаго представительства, расширение гражданскихъ правъ населенія. Эта мысль была высказана мѣгими земствами въ адресахъ Государю. Правительство молчало и не высказывало никакого желанія ити на уступки общественному мнѣнію. Даже проекты совѣщательныхъ учрежденій, и тѣ вызывали недовольство со стороны правительства. Пока оно стояло за старыя отжившія формы и вело борьбу съ интеллигентціей путемъ систематическихъ преслѣдованій, революціонное броженіе въ странѣ усиливалось все болѣе и болѣе. Началось оно сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ; студенческие беспорядки 1861 года были его предлюдіемъ. Возникаютъ въ столицахъ тайныя общества. Среди нихъ выдвигается «Земля и Воля» и «Молодая Россія». Членами была демократическая разночинная молодежь. Организація широкаго демократическаго представительства— вотъ ихъ программа. Тактика ихъ была неопределенней. Затѣмъ среди

демократической интелигенциі возникаетъ расколъ. Усиливаются сторонники якобинизма, предлагающие захватить власть въ свои руки и ввести обновленный государственный и общественный строй.

Рядомъ съ этимъ появляется теченіе, не считавшее необходимымъ введеніе конституції. Для сторонниковъ его соціальный вопросъ имѣетъ большое значеніе. Уничтоженіе неравенства на землѣ возможно только при радикальномъ измѣненіи соціального строя. Организація нового строя па началахъ ассоціації — вотъ конечный идеалъ. Немедленная реализація этого строя невозможна. Необходима предварительная упорная работа, такъ какъ пародиальная масса еще не подготовлена къ воспріятію этихъ идей. Бакунинъ думалъ иначе: пародиальная масса вполнѣ подготовлена, надо только поднять се. Отсюда идетъ грандіозное движение «въ народъ». Длилось оно съ 1873 по 1875 годъ. Учащаяся молодежь оставляла школу и шла въ народъ съ проповѣдью новаго ученія. Сначала это движение носило мирный характеръ: ходившіе въ народъ теоретически излагали свои взгляды и занимались соціалистической пропагандой. Правительство сразу отнеслось подозрительно къ этой волнѣ общественного движения. Начались преслѣдованія, аресты и процессы. Въ отвѣтъ на репрессіи начали примѣнять терроръ по отношению къ лицамъ, ведшимъ борьбу съ крамолой.

Интеллигенція ходила въ пародъ, имѣя своимъ девизомъ «Землю и Волю». Первая должна принадлежать безусловно только трудящимся, а воля должна быть дана всѣмъ, какъ общее право всѣхъ людей распоряжаться своими дѣлами. Въ программу этой группы не входила борьба съ государственнымъ строемъ, такъ какъ она отводила первенствующее значение соціальному строю. Дальг҃йшая борьба съ правительствомъ убѣдила партію «Земли и Воли», что безъ реформы политического строя невозможно измѣненіе и соціального строя. Поднимался вопросъ объ измѣненіи программы и о выработкѣ тактики для достиженія намѣченной цѣли. Въ 1879 году въ Липецкѣ былъ съѣздъ наиболѣе видныхъ представителей партіи. Съѣздъ сразу раскололся на двѣ фракціи: одна требовала борьбы за политическую свободу, безъ которой не возможна реформа соціального строя; другая фракція, попрежнему, была враждебна идѣи конституції, указывая, что самое демократическое народное представительство фактически пароду пичего не дасть. Точки зрѣнія были противоположны, и примиреніе стало невозможно. Образовалось двѣ партіи: Народная Воля и Черный Передѣлъ. Соціальная программа обѣихъ была совершенно одинакова, но пути были различны. Первая шла къ новому строю черезъ конституцію, вторая — минуя ее. Тактическимъ пріемомъ въ партіи «Народной Воли» являлся систематический терроръ. Было решено не останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы заставить правительство пойти на уступки и создать

демократическое народное представительство. Въ отвѣтъ на терроръ, правительство прибѣгло къ репрессіямъ. Послѣднія не достигали намѣченной цѣли. Революціонное движеніе не затихало. Вмѣшательство либеральныхъ элементовъ тоже ни къ чему не привело. Предложеніе Валуева о предоставлениі обществу опредѣленнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ было правительствомъ отвергнуто. Затѣмъ фактическимъ распорядителемъ судебъ Россіи явился Лорисъ-Меликовъ. Не допуская мысли о введеніи въ Россіи конституціи, онъ въ то же время находилъ возможнымъ привлеченіе мѣстныхъ представителей къ разсмотрѣнію законопроектовъ, на что Александръ II далъ свое согласіе. Преемникъ Александра II сначала отнесся сочувственно къ прослѣту Лорисъ-Меликова, но затѣмъ онъ былъ отвергнутъ. Сторонникамъ обновленія государственного строя пришло подать въ отставку. Общественное движение 70-хъ годовъ не измѣнило нашего государственного строя. При Александрѣ III, конечно, и рѣчи объ этомъ быть не могло.

Экономический строй Россіи въ концѣ XIX в.

Крестьянская реформа вызвала оживленіе промышленности и торговли. Дешевизна рабочихъ рукъ, отсутствіе фабричаго законодательства, высота тарифовъ, исключавшихъ возможность конкуренціи съ заграничными фабрикантами, — все это дѣлало выгоднымъ вложеніе капитала въ торгово-промышленныя предприятия. Да и правительство казенными заказами старалось ихъ поддерживать. Однако, этотъ быстрый ростъ нашей промышленности былъ искусственнымъ.

Низкая заработная плата и длинный рабочій день — явленія характерныя для положенія русскаго рабочаго. Долгое время у насъ не было никакого фабричнаго законодательства; на фабрикахъ жестоко эксплуатировали женскій и дѣтскій трудъ. Правда, для улучшенія своего положенія рабочіе прибѣгали къ стачкамъ, но правительство обыкновенно становилось на сторону фабриканта и дѣйствіемъ оружія пыталось успокоить возмущенныхъ рабочихъ. Однако, стачки все-таки прошли не безрезультатно. Подъ ихъ вліяніемъ издаются законы о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ, о сверхурочныхъ и ночныхъ работахъ. Происходитъ нормировка рабочаго дня, учреждаются должности фабричныхъ инспекторовъ для надзора за исполненіемъ фабричнаго законодательства; отчеты фабричныхъ инспекторовъ знакомили широкую публику съ положеніемъ рабочаго класса. Впрочемъ, правительство скоро пошло на уступки фабрикантамъ; инспекторамъ запрещалось опубликовывать свои отчеты широкое распространеніе сверхурочныхъ работъ фактически удлинило рабочій день. Покровительствуя фабрикантамъ въ ихъ борьбѣ съ рабочими, правительство строго пре-

затѣдною всѣ попытки объединенія рабочихъ на почвѣ профессиональ-
ныхъ интересовъ и взаимопомощи. Отсутствіе такихъ организаций и
средствъ — главная причина неудачи стачекъ. Рабочая масса, за от-
сутствіемъ материальныхъ средствъ, не могла долго сопротивляться на-
тижку капитала и уступала. Рабочія движенія сначала носили чисто-
экономический характеръ, но съ конца 70-хъ годовъ въ прокламаціяхъ
встрѣчаются чисто-политическая требования — конституціи, гражда-
нскихъ правъ. Въ девяностыхъ годахъ среди рабочихъ возникаютъ со-
циаль-демократическая организации; научный соціализмъ, объединяя
рабочихъ на почвѣ классовыхъ интересовъ, помогая рабочему вести
борьбу съ капиталомъ, развивалъ его самосознаніе, воспитывая въ немъ
видную политическую силу, значеніе которой особенно сказалось въ
октябрьскіе дни 1905 года.

Если по видимости въ концѣ XIX в. положеніе нашей промышлен-
ности было блестящимъ, то нельзя того же сказать относительно состоя-
нія земледѣлія. Въ концѣ вѣка и правительствомъ и обществомъ былъ
признанъ полный упадокъ земледѣлія. Дѣйствительно, средняя уро-
жайность стала ниже, уменьшается площадь культуры хлѣбовъ и уве-
личивается площадь культуры картофеля. Количество крупного и мел-
каго скота уменьшилось на 20% — 40% въ сравненіи съ серединой
вѣка. Отсюда идетъ плохое удобреніе и, слѣдовательно, слабая урожай-
ность. Дороговизна желѣза, чугуна, машинъ дѣлаетъ невозможнымъ
широкое распространеніе ихъ среди населенія — этимъ объясняется
низкая сельско-хозяйственная техника въ Россіи. Правительство, давая
огромныя субсидіи фабрикамъ, почти не приходило на помощь сель-
скому хозяйству въ то время, когда оно нуждалось въ средствахъ для
мелiorации хозяйства.

Финансовая политика правительства, построенная вся на косвен-
ныхъ налогахъ, падала всю тяжестью на крестьянскую массу и лишила
ее свободныхъ средствъ. Къ этому надо прибавить еще выкупные пла-
тежи, съ 1883 года ставшіе обязательными. Отсутствіе средствъ у па-
селенія отредѣлило незначительную емкость нашего внутренняго ры-
ка, тѣмъ самымъ препятствуя прогрессивному росту промышленности.

Тяжелое положеніе сельского хозяйства не могло не обратить на
себя вниманія правительства и общества: хронические неурожаи, увеличе-
ніе процента смертности, широкое распространеніе заразныхъ болѣзней
— результатъ упадка сельского хозяйства: народная масса не добѣдастъ.

Правда, для улучшенія хозяйственности крестьянска были почи-
жены выкупные платежи, отмѣнены подушная подать и круговая по-
рука, но все это имѣло слабое вліяніе, такъ какъ параллельно этому
увеличивались другие налоги. Правительству уже на пашихъ глазахъ
пришлося совсѣмъ отмѣнить выкупные платежи.

Крестьянская реформа очень печально отразилась на помѣщичьемъ землевладѣніи и хозяйствѣ. Работая при помощи крѣпостного труда, помѣщики не имѣли своего инвентаря, и когда они остались безъ крестьянъ, то инвентаря у нихъ не было. Выкупные платежи пошли на уплату правительственныхъ долговъ, а остатки—на личныя нужды. Оставшемуся безъ рукъ, инвентаря и денегъ дворянству оставалось одно: продавать земли. Въ настоящее время дворянскія земли съ удивительной постепенностью переходятъ въ руки другихъ сословій. При Александрѣ III старались поднять упавшій авторитетъ дворянства и улучшить его экономическое положеніе. Учреждался особый Дворянскій банкъ, дававшій возможность кредитоваться на очень льготныхъ условіяхъ. Но и это не спасло дворянского землевладѣнія. Въ послѣднее время дворянство въ губерніи открыло кассы взаимопомощи съ правительственнымъ фондомъ для получения мелкаго кредита, но и это не можетъ задержать падающаго значенія дворянства. Несомнѣнно, должностъ земскаго начальника съ широкой судебнью и административной властью по отношенію къ крестьянскому населенію должна была поднять авторитетъ дворянства. Такъ, правительство Александра III держалось строгого сословной политики, возвращалось къ началамъ, отчасти уничтоженнымъ реформами Александра II.

Положеніе девятиадцатаго февраля 1861 года является основой современного экономического положенія крестьянина. Оно явило крестьянъ довольно большого количества земли, связало его высокими выкупными платежами, надѣлило нищенскими надѣлами. Уже сей-часъ же послѣ реформы указывалось на ея неудовлетворительное решеніе и на тяжелое положеніе крестьянина. Послѣднее съ течениемъ времени стало хуже, уже вслѣдствіе естественного роста населения. Малоземелье крестьянъ заставляло ихъ пабрасываться на аренду помѣщичьей земли. Отсюда ростъ арендныхъ цѣнъ. Кроме того черезполосица, образовавшаяся вслѣдствіе отрѣзокъ у крестьянъ надѣльной земли, согласно Положенію 19-го февраля 1861 года, также содѣйствовала вздорожанію арендныхъ цѣнъ.

Малоземелье крестьянъ довольно скоро отразилось на финансахъ государства: прогрессивный ростъ недоимокъ сталъ явленіемъ обыкновеннымъ. Это заставило правительство обратить свое вниманіе на положеніе крестьянства. Правительственная комиссія, учрежденная въ концѣ царствованія Александра II, копстериоровала малоземелье, но не указала средствъ для его уничтоженія. Правда, она считала своимъ расширение гражданскихъ правъ крестьянъ. При Александрѣ III эта мысль была заброшена; наоборотъ, правительство всеми мѣрами пыталось поддержать сословную обособленность крестьянства.

Для расширенія крестьянского землевладѣнія открыли Крестьян-

скій банкъ. Условія кредитования были менѣе выгодны, чѣмъ для дво-
рянъ. Правда, при помощи банка увеличилось крестьянское землевла-
дѣніе, по ссудой могли воспользоваться скорѣе имущіе, чѣмъ неиму-
щіе. Другимъ средствомъ уменьшепія крестьянского малоземелья бы-
ли переселенія на свободныя земли въ Сибирь, что отчасти надо поста-
вить въ связь съ проведешемъ Сибирской дороги. Но переселенія очень
мало вліяли на сокращеніе малоземелья. Послѣднее стало типичнымъ
для положенія русского крестьянства и угрожающимъ для процвѣта-
нія государства. Не даромъ всѣ прогрессивные элементы принудитель-
ное отчужденіе земель считаютъ единственнымъ средствомъ улучшенія
положенія крестьянина и возрожденія благоденствія страны. Конечно,
экономическая политика должна принять совершенно иной характеръ.

Внѣшняя политика во второй половинѣ XIX вѣка.

Въ царствование Александра II не прекращается борьба за грани-
цахъ Азіи. Русские пытались разъ павсегда укрѣпиться на Кавказѣ и
его замирить. Завоеваніе Кавказа было необходимо для развитія торгов-
ли съ Азіей. Кавказъ былъ замиренъ, а затѣмъ начинается поступатель-
ное движение въ глубь Азіи и заканчивается присоединеніемъ къ Рос-
сіи теперешнихъ ея средне-азіатскихъ владѣній. Во время борьбы на
Кавказѣ и въ Азіи вспыхнуло польское восстание 1863 г. Поляки на-
дѣялись на поддержку Европы и думали добиться возстановленія Поль-
ши. Суровое управление генерала Паскевича являлось элементомъ,
возбуждавшимъ патріотическія чувства. Когда начались столкновенія
съ поляками, правительство пошло на уступки. Быть составленъ про-
ектъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ. Однако, это не помогло. Образо-
валось временное правительство, которое стало руководить борьбой. Сла-
чала восстание было удачно для поляковъ, но скопленіе въ Польшѣ рус-
скихъ военныхъ силъ довольно скоро рѣшило судьбу восстания. Кроме
того выяснилось, что ни одна держава, несмотря на полнос сочувствіе
полякамъ, не рѣшится поддержать ихъ требованія военной силой. Воз-
станіе къ началу 1864 г. уже было подавлено. О реформахъ уже и не
думали. Польша, попрежнему, напоминала собою военный лагерь. При
Александре III правительство было занято руссификаторской полити-
кой. Правда, она не достигла цѣлей, но зато содѣйствовала развитію
ненависти къ Россіи и русскихъ. Послѣднее время польскій вопросъ
опять ставится на очередь. Имъ заняты всѣ прогрессивныя партіи.
Вражда между поляками и русскими ослабляетъ Россію и усиливаетъ
Германію — необходимо примиреніе для борьбы съ германізмомъ. На-
до сразу отказаться отъ всякой руссификаторской политики, признать
за поляками право на самоопределѣніе и дать Польшѣ широкое само-

управлініє. Тогда между Россіей и Польшой прекратится вѣковая вражда. Во время франко-прусскої войны Россія держалась строгаго нейтралитета, но зато добилась отмѣны статьи Парижскаго міра, за-прещавшей держать флотъ на Черномъ морѣ.

Въ концѣ царствованія Александра II правительство сосредоточило свое вниманіе на восточномъ вопросѣ, тѣсно связаннымъ съ положеніемъ балканскихъ славянъ. Часть изъ нихъ довольно давно добилась извѣстной доли самостоятельности, по болгары, босияки и герцеговинцы по-старому состояли подданными Турциі. Звѣрское обращеніе турокъ заставило подняться Боснию и Герцеговину, и оно нессли рядъ пораженій туркамъ. Тогда тѣ начали метить болгарамъ, вырѣзывая цѣлые деревни. Угнетенное положеніе славянства не могло не задѣвать Россію. Правительство обратилось къ султану съ требованіемъ реформъ, и когда въ отвѣтъ на это усилились репрессіи по отношенію къ болгарамъ, Александръ II объявилъ войну. Сначала она была для Россіи неудачна, но затѣмъ увеличеніе комплекта войскъ, появленіе ряда выдающихся лицъ дали перевѣсъ русскимъ, и паша войска быстро двигались къ Константинополю. Султанъ попросилъ мира. По предварительному Сан-Стефанскому договору Россія получила рядъ пріобрѣтений въ Азіи и контрибуцію въ размѣрѣ 1 миллиарда 400 миллионовъ рублей. Славянскія народности стали или совсѣмъ независимы, или пріобрѣли значительную долю автономіи. Этотъ договоръ возмутилъ Англію. Грозя войной, она настояла на его пересмотрѣ. Состоялся Берлинскій конгрессъ: Россія должна была отказаться отъ Баязета, а со-кращеніе границъ славянскихъ государствъ усилило Турцию. Благодаря этому конгрессу, Россія лишилась почти всѣхъ результатовъ своихъ побѣдъ, но начинать войну съ Европой было невозможно. Оставалось одно — покориться. Изолированное положеніе Россіи заставляло ее подумать о союзникахъ въ цѣляхъ поддержанія международного міра. Происходитъ сближеніе съ Франціей, завершившееся заключеніемъ франко-руssкаго договора, значительно укрѣпившаго наше международное положеніе. Къ началу XX столѣтія Россія была въ удовлетворительныхъ отношеніяхъ со всѣми ипостранными державами.

Постройка Сибирской дороги приблизила насъ къ берегамъ Великаго океана, создавъ въ то же время серьезная международная осложненія. Агрессивная политика нашего правительства на Дальнемъ Востокѣ, захватъ части китайской территории и укрѣпленіе Портъ-Артура, отданного китайцами въ аренду на 10 лѣтъ, вызвали большое недовольство Японіи. Помня, что вмѣшательство Россіи въ китайско-японскія отношения помышляло заключенію желательнаго для Японіи мира, она дѣятельно готовилась къ войнѣ. Наше правительство, хотя и знало о военныхъ приготовленіяхъ, по было мало о нихъ осведомлено.

Увѣренное въ превосходствѣ своихъ военныхъ силъ, правительство держалось вызывающаго тона въ переговорахъ съ японцами, задѣвая ихъ национальныя чувства. Излишнѣй населенія въ Японіи, развитіе въ ней торговли и промышленности также требовали войны съ Россіей. Начало войны было встрѣчено во всей странѣ восторженно. Для русского же общества война была полной неожиданностью. Печать, подѣ давлениемъ цензуры, не могла проявить себѣ на наши дальневосточные отношенія и указать на опасность авантюры на востокѣ. Къ войнѣ съ Японіей общество отнеслось равнодушно. Мобилизацией арміи была враждебно встрѣчена населеніемъ. Начало военныхъ дѣйствій сразу обнаружило неподготовленность Россіи. Намѣстникъ Алексѣевъ не сумѣлъ сохранить флотъ стѣ неожиданного нападенія японцевъ, послѣ чего наша эскадра перестала имѣть серьезное боевое значеніе. Портъ-Артуръ, на который тратились миллионы народныхъ денегъ, оказался недостаточно укрепленнымъ. Армія была плохо вооружена и снабжена хуже японской. События развивались быстро. Армія наша терпѣла пораженіе за пораженіемъ.

Отдаленность театра военныхъ дѣйствій, неприспособленность и плохое оборудование Сибирской дороги, незнакомство съ реальными силами врага, плохое вооруженіе и покультурность арміи, бездарные начальники, выдвинутые не по боевымъ заслугамъ, — вотъ главныя причины нашего пораженія. Наши солдаты, какъ и во время крымской кампаниіи, проявляли не мало храбрости и самоотверженности, но по вышеуказаннымъ причинамъ не могли сдерживать натиска культурнаго и организованнаго народа.

Послѣ почти двухлѣтий военныхъ дѣйствій, кончившихся полнымъ разгромомъ арміи при Тюренчепѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ и гибелью флота при Цусимѣ, правительству пришлося поспѣшно заключить постыдный Портсмутский договоръ. Россія потеряла южную часть Сахалина и обязалась заплатить за содержаніе нашихъ пленныхъ въ Японіи. Размѣры послѣдняго нельзя не познать высокими. Это была въ скрытомъ видѣ военная контрибуція. Русско-японская война, хотя кончившаяся неудачно, оставила огромный следъ въ нашихъ политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ. Фактически ею опредѣляется современное политическое состояніе Россіи. Она обнаружила недостатки современнаго самодержавно-бюрократического строя и въ то же время пробудила самосознаніе въ народѣ, пастроивъ его оппозиціонно по отношению къ правительству, виловому въ столь постыдной войнѣ. Отсюда идетъ убѣжденіе, пустившее глубокіе корни въ обществѣ, что только кардинальная реформа нашего государственного строя можетъ спасти страну отъ гибели и содѣйствовать ея возрожденію.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Природа восточно европейской равнины и ее влияние на историю	5
Древнейшая история Восточной Европы	9
Восточные славяне	12
Начало русского государства	23
Киевская Русь	28
Экономический строй (28). Общественный строй (33). Политический строй (34). Духовная культура (40). Упадок Киевской Руси	46
Ростово-Суздальский край	49
Образование великорусского племени (49). Главные черты экономического и общественного строя въ сѣв.-вост. Руси (50). Политический строй Владимира-Суздальского княжества (52)	
Нашествие татаръ и начало монгольского ига на русскую жизнь	54
Причины и ходъ возникновения Московского княжества	57
Новгородская область	64
Территория (64). Хозяйственная жизнь Новгорода (64). Классы Новгородского общества (66). Политический строй Новгорода (67). Падение Новгорода (69).	
Юго-Западная Русь и ее отношения къ Литве и Польше	70
Московское княжество въ XV—XVI вв.	72
Усиление власти Московского князя (72). Политическое противоречие въ Московскомъ государствѣ и опричина (77). Социальный строй Московского государства (80)	
Смутное время	85
Борис Годуновъ (85). Первый Сомовланецъ (87). Василий Шуйский и движение противъ его среднихъ и высшихъ классовъ (90) Междунарствіе и попытки восстановить порядокъ (93). Причины и следствія смуты (95). Освобождение государства отъ враговъ (97).	
Московское государство въ XVII вѣкѣ	98
Экономическое положеніе Московского государства и финансы (98). Социальный строй Московского государства въ XVII вѣкѣ (108). Политический строй (114). Состояніе просвещенія (123). Западное влияние (128). Положеніе церкви и начало раскола (132). Задачи внешней политики (138).	

Экономическое развитие России в XVIII векѣ	140
Сословный строй в XVII векѣ	143
Положение дворянства (143). Положение городского сословия (148). Крестьянство и крестьянский вопрос в XVIII векѣ (152).	
Государственный строй в XVIII векѣ	157
Верховная власть и общество в XVIII в. (157). Верховная администрация (160). Управление в XVIII в. (164).	
Законодательство в XVIII векѣ	168
Финансы в XVIII векѣ	170
Церковь и школа в XVIII векѣ	173
Внѣшняя политика в XVIII и первой четверти XIX в	178
Время Павла I и Александра I	186
Внутренняя политика Павла I (186). Правительственный либерализм начала XIX в. (188). Сперанский (193). Консерваторы и реакция при Александре I (198). Декабристы (202).	
Время Николая I	209
Крестьянский вопрос при Николаѣ I (209). Правительство и общество въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (211). Проевѣщеніе и церковь (218). Внѣшняя политика во второй четверти XIX в. (216).	
Время Александра II и Александра III	217
Паденіе крѣпостного права (217). Судебная реформа (228). Земская реформа (230). Городская реформа (233). Всеобщая воинская повинность (234). Цензурные уставы (235). Народное образование (235). Правительство и общество во второй половинѣ XIX в. (239). Экономический строй России въ концѣ XIX в. (241). Внѣшняя политика во второй половинѣ XIX вѣка (244).	
